

ISSN 1609-624X

ВЕСТНИК

ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

TOMSK STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

6 '2024

Выпуск 6 (236)

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)

ВЕСТНИК

ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

(Tomsk State Pedagogical University Bulletin)

Научный журнал
Издается с 1997 года

ВЫПУСК 6 (236) 2024

ТОМСК
2024

Главный редактор:

В. В. Обухов, доктор физико-математических наук, профессор (Томск, Россия)

Редакционная коллегия:

А. Н. Макаренко, доктор физико-математических наук, доцент (зам. главного редактора) (Томск, Россия);

С. Б. Куликов, доктор философских наук, доцент (зам. главного редактора) (Томск, Россия);

Н. Ф. Алефиренко, доктор филологических наук, профессор (Белгород, Россия);

В. И. Богословский, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);

*Н. С. Болотнова, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник
высшей школы РФ (Томск, Россия);*

А. А. Веряев, доктор педагогических наук, профессор (Барнаул, Россия);

М. П. Войтеховская, доктор исторических наук, профессор (Томск, Россия);

Л. Р. Дускаева, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);

Ю. В. Кобенко, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);

А. Д. Копытов, доктор педагогических наук, профессор, член-кор. РАО (Москва, Россия);

А. В. Курьянович, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербург, Россия);

А. А. Никитин, доктор физико-математических наук, профессор, академик РАО (Новосибирск, Россия);

С. И. Поздеева, доктор педагогических наук, профессор (Томск, Россия);

Н. В. Полякова, кандидат филологических наук, доцент (Томск, Россия);

Г. Г. Слышкин, доктор филологических наук, профессор (Москва, Россия);

В. А. Стародубцев, доктор педагогических наук, профессор (Томск, Россия);

А. Б. Туманова, доктор филологических наук, профессор (Алматы, Казахстан);

S. Capozziello, профессор (Неаполь, Италия);

E. Elizalde, профессор (Барселона, Испания);

S. Koryčánková, доктор философии, доцент (Брно, Чехия);

R. Leikin, профессор (Хайфа, Израиль);

M. Sasaki, профессор (Киото, Япония).

Научные редакторы выпуска:

А. В. Курьянович, Н. С. Болотнова, Н. В. Полякова, Е. А. Полева

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Издание включено в подписной каталог «Пресса России». Индекс 54235.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 28.12.2018).

Журнал включен:

- в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ);
- европейскую базу данных European reference index for the humanities and the social sciences (ERIH Plus);
- базу данных периодических и продолжающихся изданий Ulrich's Periodicals Directory.

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел./факс 8 (3822) 31-14-64

Адрес редакции, издателя:

пр. Комсомольский, 75, оф. 319, Томск, Россия, 634041.

Тел. 8 (3822) 31-13-25. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Отпечатано в типографии ИП Копыльцов П. И.

ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56, Воронеж, Россия, 394052.

Тел. 8-950-765-69-59. E-mail: Kopyltsov_Pavel@mail.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-51990 от 07.12.2012

Подписано в печать: 28.10.2024. Дата выхода в свет: 15.11.2024. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.

Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 21. Уч.-изд. л. 21,7. Тираж: 1000 экз. Цена свободная. Заказ: 1292/н

Выпускающий редактор: Ю. Ю. Афанасьева. Технический редактор: С. Е. Турчинович. Корректор: Н. В. Богданова

© ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», 2024. Все права защищены

MINISTRY OF EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

TOMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

Published since 1997

ISSUE 6 (236) 2024

**TOMSK
2024**

Editor-in-Chief

V. V. Obukhov, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Tomsk, Russian Federation)

Editorial Board:

A. N. Makarenko, Doctor of Physics and Mathematics, associate professor (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);

S. B. Kulikov, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);

N. F. Alefirenko, Doctor of Philology, Professor (Belgorod, Russian Federation);

V. I. Bogoslovskiy, Doctor of Pedagogy, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);

N. S. Bolotnova, Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation (Tomsk, Russian Federation);

A. A. Veryayev, Doctor of Pedagogy, Professor (Barnaul, Russian Federation);

M. P. Voytekhevskaya, Doctor of History, Professor (Tomsk, Russian Federation);

L. R. Duskaeva, Doctor of Philology, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);

Yu. V. Kobenko, Doctor of Philology, Professor (Tomsk, Russian Federation);

A. D. Kopytov, Doctor of Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Moscow, Russian Federation);

A. V. Kurjanovich, Doctor of Philology, Professor (Tomsk, Russian Federation);

V. V. Laptev, Doctor of Pedagogy, Professor, Member of Russian Academy of Education, Honoured Scientist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation);

A. A. Nikitin, Doctor of physics and mathematics, professor (Novosibirsk, Russian Federation);

S. D. Odintsov, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Tomsk, Russian Federation; Barcelona, Spain);

S. I. Pozdeyeva, Doctor of Pedagogy, Professor (Tomsk, Russian Federation);

N. V. Polyakova, Candidate of Philological Sciences, associate professor (Tomsk, Russian Federation);

G. G. Slyshkin, Doctor of physics and mathematics, professor (Moscow, Russian Federation);

V. A. Starodubtsev, Doctor of Pedagogy, Professor (Tomsk, Russian Federation);

A. B. Tumanova, Doctor of Philology, Professor (Almaty, Kazakhstan);

S. Capozziello, Professor (Naples, Italy);

E. Elizalde, Professor (Barcelona, Spain);

S. Koryčánková, Ph.D (Brno, Czech Republic);

R. Leikin, Professor (Haifa, Israel);

M. Sasaki, Professor (Kyoto, Japan).

Scientific Editor of the Issue:

A. V. Kur'yanovich, N. S. Bolotnova, N. V. Polyakova, E. A. Poleva

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

The journal is included in the "Russian Press" subscription catalog. Index 54235.

The journal is included in the list of the leading reviewed academic journals and publications, publishing main results of doctoral and postdoctoral theses that are approved by the Highest Attestation Board of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (revision of 28.12.2018).

The journal is included:

- in the system of the Russian Science Citation Index;
- in the database of "European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH Plus)";
- in the database of periodicals "Ulrich's Periodical Directory".

Address:

ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel./fax +7 (3822) 31-14-64

Publisher and editorial address:

pr. Komsomol'skiy, 75, of. 319, Tomsk, Russia, 634041.

Tel. +7 (3822) 31-13-25. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Printed in the printing house of IP Kopyltsov P. I.

Marshal Nedelin str., 27, sq. 56, Voronezh, Russia, 394052.

Tel.: +7-950-765-69-59. E-mail: Kopyltsov_Pavel@mail.ru

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

PI No. FS77-51990, issued on 07.12.2012.

Approved for printing: 28.10.2024. Publication date: 15.11.2024. Format: 60×90/8. Paper: offset.

Printing: 21 screen. Publishing Sheet 21.7. Circulation: 1000 copies. Price: not settled. Order: 1292/N

Production editor: Yu. Yu. Afanas'yeva. Text designer: S. E. Turchinovich. Proofreading: N. V. Bogdanova

© Tomsk State Pedagogical University, 2024. All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Халатян А. А., Курьянович А. В. Эпистолярный В. Маяковского как дискурсивное пространство авторской самопрезентации	7
Камизи Э. С. Х., Юрина Е. А. Метафорические образы пищи в поликодовых текстах современного русскоязычного интернет-пространства	17
Токарев Г. В. Отражение процесса самоидентификации личности эталонами русской лингвокультуры	26
Фархади Е. А. Применение теории поля для описания водно-ландшафтной лексики хакасского языка	36
Чукавина А. Г. Метафоры «одиночество – смерть» и «одиночество – пустыня» и способы их передачи на русский язык в переводе романа Г. Г. Маркеса «Сто лет одиночества»	46

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

Сергеева Е. В. Особенности репрезентации художественной концептосферы Ф. И. Тютчева	56
Ружа О. А. Репрезентация концепта ДОМ (по материалам литературы для детей)	65
Коконова А. Б. Концепты ЧЕСТЬ и ЗАКОН в названиях незаконнорожденного ребенка и его матери (на материале архангельских говоров)	75

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Захарова Е. О., Астхана Ш. Лексико-семантические особенности многокомпонентных терминов физики (на материале англоязычных научных публикаций, посвященных вопросам темной материи)	83
--	----

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

Дрейфельд О. В. Календарь как способ создания искусственной языковой среды в обучении иностранному языку	93
Грекова О. К. Подготовка ментальных действий иностранных аспирантов в курсе языка специальности	104
Иванова И. Г., Егошина Р. А. Обучение нормативному французскому произношению как важной составляющей овладения навыками устной речи	112

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА

Баль В. Ю. Повесть Н. В. Гоголя «Шинель» в рецептивном сознании эпохи рубежа XX–XXI веков. Статья 2	123
Полева Е. А. (Нео)мифологизация образа дома-гостиницы в романе Лены Элтанг «Каменные клены»	133
Косарева А. А. Арлекинадный гротеск в англосаксонской прозе о пикарах	143
Калашикова А. Л., Ларионова Е. Е., Поселенова Е. Ю. Сюжетообразующий мотив вины как основа кодирования «Анны Карениной» Л. Н. Толстого в романе О. Памука «Музей невинности»	152

ЮБИЛЕИ

Бурмистрова С. В., Афанасьева Ю. Ю. К юбилею профессора О. Б. Кафановой	163
---	-----

CONTENTS

THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

<i>Khalatyan A. A., Kuryanovich A. V.</i> Epistolary of V. Mayakovsky as a discursive space of the author's self-presentation	7
<i>Kamizi E., Yurina E. A.</i> Metaphorical images of food in polycode texts of the modern Russian-language internet space	17
<i>Tokarev G. V.</i> Reflection of personality self-identification process by the standards of Russian linguoculture	26
<i>Farkhadi E. A.</i> The application of field theory to describe water-landscape vocabulary in the Khakas language	36

RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

<i>Sergeeva E. V.</i> Features of the artistic conceptsphere representation	56
<i>Ruzha O. A.</i> Representation of the HOME concept (based on literature for children)	65
<i>Kokonova A. B.</i> Concepts of HONOR and LAW in the names of an illegitimate child and his mother (based on Arkhangelsk dialects)	75

GERMANIC LANGUAGES

<i>Zakharova E. O., Asthana Sh.</i> Lexical and semantic features of multicomponent terms in physics (on the basis of English-language scientific publications devoted to dark matter)	83
--	----

METHODOLOGICAL ASPECTS OF MODERN PHILOLOGY

<i>Dreyfeld O. V.</i> Calendar as a way to create an artificial language environment in teaching a foreign language	93
<i>Grekova O. K.</i> Foreign postgraduates' mental actions' training in Russian for special purposes course	104
<i>Ivanova I. G., Egoshina R. A.</i> Teaching normative French pronunciation as an important component of mastering oral speech skills	112

RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

<i>Bal V. Yu. N.</i> Gogol's story "The Overcoat" in the receptive consciousness of the turn of the XX–XXI centuries. Article 2	123
<i>Poleva E. A.</i> (Neo)mythologization of the image of the house-hotel in Lena Eltang's novel "Stone Maples"	133
<i>Kosareva A. A.</i> Harlequinade grotesque in Anglo-Saxon prose about the picares	143
<i>Kalashnikova A. L., Larionova E. E., Poselenova E. Yu.</i> The plot-forming motive of fault as the basis for the "Anna Karenina's" code in O. Pamuk's novel "Museum of Innocence"	152

ANNIVERSARIES

<i>Burmistrova S. V., Afanasyeva Yu. Yu.</i> To the anniversary of Professor Olga B. Kafanova	163
---	-----

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81-13

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-7-16>

Эпистолярный В. Маяковского как дискурсивное пространство авторской самопрезентации

Алиса Арменовна Халатян¹, Анна Владимировна Курьянович²

^{1,2} *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

¹ *alisahalatyan@ro.ru*

² *kurjanovich.anna@rambler.ru*

Аннотация

Современная когнитивная и дискурсивная лингвистика представляет собой направление в языкознании, акцентирующее внимание на изучении механизмов языковой репрезентации личности. В рамках антропоцентрической парадигмы лингвистическое исследование приобретает новое измерение, сосредотачиваясь на изучении различных аспектов человеческой деятельности и восприятия мира через языковую призму, а также способы взаимодействия индивида с социокультурной средой через язык. Основной предмет анализа в рамках данной темы – изучение средств и способов репрезентации индивидуальных особенностей личности автора в языке и результатов влияния самого языка на формирование и выражение этих особенностей. Дискурс, в свою очередь, представляет собой конкретное языковое произведение (текст), в котором реализуются и взаимодействуют различные языковые средства, отражая тем самым идентичность автора и его взаимоотношения с социальной средой. Анализ дискурса позволяет выявить, как именно языковая личность проявляется в различных типах текстов, будь то публичная речь, литературное произведение, научный текст или письма. Эпистолярный Владимир Маяковский является одним из наиболее значимых источников для исследования не только литературного наследия автора, но и механизмов его самопрезентации в контексте культурной жизни начала XX в. Письмо как жанр, традиционно признаваемый вторичным по отношению к основным литературным произведениям, в контексте творчества Маяковского выступает как плодотворное дискурсивное пространство, где раскрываются как интеллектуальные, так и эмоциональные аспекты его творческой личности через самопрезентацию автора. В ходе анализа многоаспектных факторов самопрезентации В. В. Маяковского определяется комплекс инструментов, применяемых автором для структурирования взаимодействия с адресатами его текстов и для представления своей идентичности в рамках эпистолярного дискурса. Акцентируется внимание на исследовании приемов репрезентации личности в определенном дискурсе. Дискурсивный анализ эпистолярного наследия В. В. Маяковского позволяет выявить специфику авторской самопрезентации, которая обуславливается не только личными амбициями и жизненным опытом поэта, но и широким контекстом социокультурных изменений эпохи.

Ключевые слова: *эпистолярный дискурс, эпистолярный жанр, частная переписка, коммуникативная стратегия, самопрезентация, Владимир Владимирович Маяковский*

Для цитирования: Халатян А. А., Курьянович А. В. Эпистолярный В. Маяковского как дискурсивное пространство авторской самопрезентации // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 6 (236). С. 7–16. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-7-16>

THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

Epistolary of V. Mayakovsky as a discursive space of the author's self-presentation

Alisa A. Khalatyan¹, Anna V. Kuryanovich²

^{1,2} Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

¹ alisahalatyan@ro.ru

² kurjanovich.anna@rambler.ru

Abstract

Modern cognitive and discursive linguistics are a direction in linguistics that focuses on the study of the mechanisms of linguistic representation of personality. Within the anthropocentric paradigm, linguistic research takes on a new dimension, focusing on the study of various aspects of human activity and perception of the world through a linguistic prism, as well as the ways an individual interacts with the sociocultural environment through language. The main subject of analysis within this topic is the study of how individual personality traits are manifested in language and how language influences the formation and expression of these characteristics. Discourse, in turn, is a specific linguistic work (text), in which various linguistic means are implemented and interact, thereby reflecting the identity of the author and his relationship with the social environment. Discourse analysis allows us to identify exactly how linguistic personality is manifested in various types of texts, be it public speech, literary work, scientific text or letters. The epistolary of Vladimir Mayakovsky is one of the most significant sources for studying not only the literary heritage of the author, but also the mechanisms of his self-presentation in the context of cultural life of the early 20th century. Writing as a genre, traditionally recognized as secondary in relation to the main literary works, in the context of Mayakovsky's work acts as a fruitful discursive space where both intellectual and emotional aspects of his creative personality are revealed through the author's self-presentation. In the course of analyzing the multidimensional factors of V. V. Mayakovsky's self-presentation, a set of tools used by the author to structure interaction with the recipients of his texts and to present his identity within the framework of epistolary discourse is determined. Attention is focused on the study of techniques for representing personality in a certain discourse. A discursive analysis of the epistolary heritage of V. V. Mayakovsky allows us to identify the specifics of the author's self-presentation, which was determined not only by the personal ambitions and life experience of the poet, but also by the broad context of the sociocultural changes of the era.

Keywords: epistolary discourse, epistolary genre, private correspondence, communicative strategy, self-presentation, Vladimir Vladimirovich Mayakovsky

For citation: Khalatyan A. A., Kuryanovich A. V. Epistolary of V. Mayakovskogo kak diskursivnoye prostranstvo avtorskoy samoprezentatsii [Epistolary of V. Mayakovsky as a discursive space of the author's self-presentation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 6 (236), pp. 7–16 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-7-16>

Введение

В современных исследованиях в области когнитивной лингвистики (Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубряковой, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, Ю. С. Степанова и др.) [1–5] особое внимание фокусируется на изучении взаимосвязей между языковой системой и когнитивными процессами в контексте понимания сущности человека и его способов самопрезентации (И. Джонс, О. О. Иссерс, Е. А. Ковригина, А. А. Пушкин, Ю. В. Сорокина, Е. В. Кулинич, Н. В. Соловьева) [6–10]. Одной из ключевых проблем является выявление механизмов, посредством которых языковая система отражает и конструирует когнитивные структуры, оказывая воздействие на процесс перцепции реальности и самоидентификации личности.

Эпистолярный жанр играет значимую роль в самопрезентации писателя, предоставляя уникальные возможности для выражения индивидуальности и взглядов автора в менее формализованной и более личной манере, по сравнению с другими литературными формами. В основе эпистолярного жанра лежит диалогическое начало, способствующее установлению связи между автором и адресатом, что, в свою очередь, создает пространство для более глубокой и персонализированной самопрезентации автора.

Самопрезентация является ключевым понятием не только в психологии и социологии, но и находит свое значимое применение в современной лингвистике, где изучается в контексте межличностного общения, преимущественно через анализ вербальных и невербальных средств ком-

муникации. В лингвистическом аспекте самопрезентация может рассматриваться как процесс, в ходе которого индивид стремится контролировать и управлять восприятием себя другими участниками коммуникативного акта, используя для этого определенный набор лингвистических средств и стратегий. Самопрезентация в лингвистике нераздельно связана с понятием дискурса, которое обозначает специфический способ репрезентации реальности в тексте. О. М. Елькина считает, что особенностью самопрезентации является создание образа говорящего. «Самопрезентация, или самоподача говорящего в теории общения, определяется как реализованная в процессе межличностного общения способность коммуникантов повлиять на то, какими их увидят партнеры, способность „вмешательства“ в процесс формирования своего образа у собеседника на формально-языковом и на содержательном уровнях» [11, с. 91]. «Самопрезентация предполагает представление человеком себя в наилучшем свете. Человек, презентующий себя, стремится произвести благоприятное впечатление на адресата» [11, с. 7].

Эпистолярный жанр, исторически занимая заметное место в литературном пространстве, представляет собой живое свидетельство эволюции человеческих отношений, культурных норм и методов самопрезентации личности. В контексте творчества отдельного писателя письма становятся не только средством общения, но и уникальным инструментом самовыражения, позволяющим автору проявить себя в неформальной, но в то же время продуманной манере.

Эпистолярный дискурс как зеркало национальной или индивидуально-авторской картины мира неоднократно становился источником филологических исследований (работы И. С. Алексеевой, И. А. Герасименко, А. В. Курьянович, Т. В. Кыштымовой, Т. С. Каирова, О. М. Седова, Н. Л. Степанов, О. Р. Лихолетовой, И. И. Матвеевой, О. В. Протопопова) [12–17]. Эпистолярное творчество открывает перед исследователями неисчерпаемый лабиринт личных мотиваций, интеллектуальных поисков и творческих экспериментов писателя. В письмах, адресованных близким, писатель может раскрывать свои идеи, представления и чувства более открыто и непосредственно, нежели в литературных произведениях, предназначенных для широкой публики. В структуре эпистолярной коммуникации ключевую роль играют особенности выбора языковых средств, которые определяются намерениями и индивидуальностью автора. Анализ различных писем позволяет утверждать, что в ходе эпистолярной деятельности происходит селекция

лексических и стилистических элементов, не столько нацеленная на адаптацию к потенциальному широкому кругу читателей, сколько на выражение собственной индивидуальности. Применение автором уникальных языковых средств в письмах носит не случайный характер, а обусловлено стремлением к самовыражению и самоидентификации. Можно сказать, что, выбирая определенные слова, фразы, стилистические приемы и конструкции, автор не только формирует текст, но и проецирует в него собственное «Я», свои мысли, чувства и переживания. В этом контексте язык не просто является инструментом передачи информации, он становится способом создания уникального авторского пространства, в котором возможно глубокое и неповторимое взаимодействие с адресатом.

Данная особенность эпистолярного жанра свидетельствует о том, что в процессе подбора языковых средств лежат сложные когнитивные процессы, включая отбор, комбинирование и использование лингвистических элементов в соответствии с индивидуальным восприятием мира автором. Эта специфика эпистолярной практики подчеркивает значение письма как жанра, представляющего собой не просто средство коммуникации, но и мощный инструмент самовыражения, позволяющий автору сохранять свою уникальность и неповторимость даже в рамках стандартизированных структур языка. В этом контексте эпистолярные тексты могут быть определены как универсальная жанровая форма, находящая свое представление в разнообразных типах дискурсов. В функциональной стилистике эпистолярным можно назвать «стиль или подязык корреспонденции, когда рассматривается любое речевое произведение в виде письма... Эпистолярная речь понимается как письменная речь носителей языка посредством переписки» [18, с. 2]; «Письмо есть единица эпистолярного жанра, представленного в разных функциональных стилях» [19, с. 5]. В системном виде теория эпистолярного представлена в частности [20].

Эпистолярный дискурс В. В. Маяковского вызывает со стороны исследователей значительный интерес не только в контексте изучения литературного наследия писателя-классика, но и с точки зрения анализа механизмов самопрезентации автора в эпоху раннего советского периода.

Материал и методы

Источником исследования являются тексты эпистолярного дискурса В. В. Маяковского, на основе которых происходит выявление способов самопрезентации автора. В процессе формирования эмпирической базы настоящего исследова-

ния был применен метод сплошной выборки. В качестве преобладающих методологических подходов в данной работе были выбраны лингвистический анализ текстов, дискурс-анализ, а также анализ речевых актов и дискурсивных маркеров в текстах В. В. Маяковского. Рассматриваются разнообразные языковые и стилистические приемы, позволяющие автору выстроить взаимоотношения с читателем, а также способствовать формированию определенного восприятия его личности и творчества.

Результаты исследования

Творчество В. В. Маяковского обширно и многогранно, он известен своими поэтическими экспериментами, революционной риторикой и непримиримой критикой социальных порядков. Однако в его творческом наследии особое место занимают письма, которые открывают новые грани самопрезентации языковой личности автора. В контексте творческой парадигмы, сформированной автором, эпистолярный жанр не составляет такого большого количества произведений по сравнению с поэтическим жанром. Сохранились письма, адресованные родственникам, Л. Брик, Д. Бурлюку и небольшое количество писем, направленных различным учреждениям и организациям.

Феномен самопрезентации В. Маяковского в эпистолярном дискурсе можно рассматривать как важнейший компонент его литературной идентичности и творческой практики. В одном из писем В. В. Маяковский пишет о себе: «*Я маленький, слабый, человек*», «*Я ничего не пишу оттого, что у меня характер гнусный*»; «*До сего времени здоров, молод, красив и весел*» [21, с. 188]. Для самопрезентации автор использует простые нераспространенные эпитеты. Самоидентификация В. В. Маяковского как личности и поэта в письмах была тесно связана с его социальными ролями, так как большое количество писем автора было направлено его родным: «*Я ваш сын, брат и проч. и проч.*» [21, с. 188].

Творчество поэта и жизненная позиция нашли отклик среди массовой аудитории. Анализируя роль Маяковского как публичного оратора и писателя, важно обратить внимание на совокупность факторов, определяющих его влияние на социальный контекст того времени. В первую очередь В. В. Маяковский являлся ярким представителем авангардистских тенденций в искусстве, что находило отражение как в форме, так и в содержании его произведений. Его поэзия отличалась экспериментальностью, нестандартным синтаксисом и графической организацией текста, что делало его стиль узнаваемым и новаторским.

Эти признаки не только выделяли В. Маяковского на фоне других писателей и поэтов его времени, но и способствовали формированию его имиджа как деятеля, глубоко связанного с идеями прогресса и обновления: «*Я развыступался. И освистали Хенкина с его анекдотами, а меня слушали, и как!*» [21, с. 190]. В. В. Маяковский обращался к актуальным социальным проблемам, выступал как голос широких масс, используя свое искусство как инструмент социального и политического воздействия. В контексте общественного восприятия В. Маяковский как бы стирает границы между личностным и общественным, превращая свой жизненный и творческий опыт в универсальное послание к массам, это все находит отражение в письмах автора.

В строчках В. Маяковского «*Я не проситель в русской литературе, а скорее ее благотворитель*» [21, с. 190] проявляется специфический механизм самопрезентации автора, отражающий его уникальное видение роли личности в литературном процессе начала XX в. Эта самопрезентация основывается на декларативном отказе от традиционных пассивных ролей поэта, вместо чего В. В. Маяковский позиционирует себя как активного, даже революционного писателя. Прежде всего использование слова «*не проситель*» отражает отречение Маяковского от позиции зависимости или подчиненности. В этом контексте подразумевается, что Маяковский воспринимает свою роль как генератора новых смыслов и ценностей, способных самостоятельно вносить вклад в развитие и обогащение литературного процесса. Слово «*благотворитель*» указывает на автономию Маяковского от преобладающих литературных традиций и его уверенность в способности не только обновить русскую литературу, но и обогатить ее, привнеся новые идеи, формы и содержание. С такой позиции Маяковский не просто отрицает старые каноны, но и предлагает что-то взамен, видя себя не только как критика старого, но и как создателя нового, чем и обуславливается его самопрезентация как благотворителя.

Маяковский – автор, чей образ в культуре часто ассоциируется со сложным сочетанием эмоциональной притягательности и интеллектуального влияния, описывает себя как личность, пользовавшуюся как женской любовью, так и мужским уважением: «*Все женщины меня любят. Все мужчины меня уважают*» [21, с. 193]. Эпистолярный жанр позволяет рассмотреть способы репрезентации отношений В. В. Маяковского с женщинами. Один из наиболее значимых и изучаемых аспектов в отношениях Маяковского с женщинами – это его длительный и сложный

роман с Лилией Брик. Этот роман не только оказал мощное влияние на его творческий путь, но и во многом определил его публичный имидж. Л. Брик не просто стала музой поэта, вдохновив его на создание многих произведений, она также активно участвовала в создании его публичного образа, продвигая Маяковского как лидера новой поэтической волны и революционного голоса эпохи.

Маяковский – поэт-новатор, активный участник и один из ярких представителей русского авангардистского движения, проявил оригинальность не только в своем творчестве, но и в личных отношениях. Одним из проявлений этой оригинальности является способ, которым он подписывал свои письма Лилии Брик: «Твой, мотающийся, как собака, Щенок», «Целую, твой до хвостика» [21, с. 194]. Этот выбор слова «щенок» для самоидентификации в письмах к Лиле не случаен и носит в себе глубинное содержание и многогранность. С одной стороны, это может символизировать непосредственность, искренность и некоторую игривость в их отношениях. С другой стороны, такое обращение может указывать на неравноправное положение Маяковского в отношениях, его чувство уязвимости и зависимости от Лили, которую он ставил на пьедестал: «Завтра забудешь, / что тебя короновал» [21, с. 45]. Это обращение может также отражать стремление Маяковского выразить свою безграничную привязанность, верность и готовность быть рядом в любых обстоятельствах.

Особенностями самопрезентации Маяковского в письмах к Л. Брик являются его искренность и откровенность. Поэт не стесняется показать свою уязвимость, что контрастирует с образом публичного оратора, агитатора и борца за идеалы коммунизма. В ходе анализа переписки становится очевидной трансформация имиджа Владимира Маяковского, противопоставляющая его традиционно приписываемой роли представителя футуризма в «желтой кофте» и выстроенным имиджем непокорного бунтаря и циника, не упускавшего возможности шокировать общественность. Этот образ, который автор транслирует в поэтическом дискурсе и публичных выступлениях, в значительной мере реформируется посредством его личных писем, в которых он выступает в роли лирика, обладающего ярко выраженной эмоциональной открытостью, чуткостью и глубокой проникновенностью, что контрастирует с общепринятой интерпретацией его персоны до момента знакомства с Лилией Брик. В данном контексте Маяковский раскрывается как фигура, воплощающая собой неожиданное сочетание нежности, что дополняет его портрет

новыми фактами, расширяя границы понимания его как личности и художника.

Самопрезентация как страдальца в его письмах к Л. Брик несет в себе и определенную стратегическую составляющую. Маяковский стремился не просто поделиться своим внутренним миром с близким ему человеком, но и создать определенный образ в ее сознании, образ страдающего гения, чье сердце изрыто несчастной любовью и социальной несправедливостью. Эта самопрезентация позволяла Маяковскому устанавливать особую, более глубокую эмоциональную связь с получателем своих писем, делая его образ более запоминающимся и многогранным. В письмах автор пишет: «тоскую без тебя ужасно, ужасно», «я ужасно грущу по тебе», «соскучился по тебе», «люблю и тоскую», «без тебя ... я прекращаюсь», «я люблю, люблю, несмотря ни на что и благодаря всему» [21, с. 196]. В данных строчках из писем к Л. Брик Владимира Маяковского выявляется особенность использования глагольных форм при описании душевных страданий. Этот лингвистический прием автором осуществляется с целью достижения большей выразительности и непосредственности в передаче эмоционального состояния. Глаголы, обладающие динамичностью и активностью, способствуют созданию ощущения непрерывного действия, что усиливает восприятие напряженности и глубины переживаний.

Кроме того, анализ семантического поля глаголов позволяет обнаружить в его письмах тенденцию к использованию слов, выражающих перспективу будущего и неограниченные возможности. Глаголы, такие как «создать», «заменить», «обновить», употребляются Маяковским для того, чтобы вдохновить читателя на создание нового мира, не уклоняясь от вызовов современности.

Одной из характерных особенностей самопрезентации В. Маяковского является использование глаголов-неологизмов. Эти неологизмы автор создавал для выражения новых идей и эмоций, связанных с техническим прогрессом, социальными изменениями и революционным обновлением общества. С помощью глаголов-неологизмов В. Маяковский стремится преодолеть ограничения традиционного языка, максимально выразительно передать эмоциональное состояние: «разъездываю», «подаписывал», «развыступался».

Самопрезентация Маяковского как агитатора тесно переплетается с его поэтическим и художественным творчеством, выступая важным элементом его общественного идеологического вклада. В письмах автор сам относит себя к агитаторской деятельности: «Работать почти не

приходится: *грызня, агитация и т. п. выжирают из меня все вместе с печенками*» [21, с. 175]. В. Маяковский активно пропагандировал социалистические идеалы через свое творчество, что позволяет классифицировать его как агитатора.

Его творчество тесно связано с футуризмом – литературным и художественным направлением, которое стремилось к радикальному обновлению искусства, акцентируя внимание на могуществе техники, энергии и скорости современной жизни. Маяковский не только адаптировал принципы футуризма к своему поэтическому языку и мировоззрению, но и активно способствовал развитию этого направления в России, делая его одной из ведущих культурных сил своего времени: *«Нам некогда было заниматься теорией поэзии, мы давали ее практику»* [21, с. 175]. Футуризм в его творчестве проявился не только в стремлении отказаться от устаревших форм и содержания в пользу новаторских методов выражения, но и в попытке предвидеть и формировать будущее через искусство.

Важную роль в самопрезентации В. В. Маяковского играют подписи, которые он оставляет в конце писем. Во многих случаях автор сокращает и трансформирует свое имя до символического *«Вол»*, *«Волосит»*, тем самым автор не только проявлял индивидуализм, но и выступал новатором в создании неологизмов, которые в его письмах и произведениях выступают как яркий признак модернизации языка, стремления к экспериментам и выходу за рамки традиционных выразительных средств. Маяковский активно использовал языковые инновации для лучшей передачи своих идеологических установок, чувственных переживаний и социально-политических взглядов. Автор не просто играет со словами, создавая новые или модифицируя старые, он переосмысливает свою идентичность, превращая свое имя из простого обозначения личности в насыщенный смыслами символ. Взятие подписи *«Вол»* в письме не является исключением. Этот выбор отражает личную сущность поэта – его силу и неукротимую волю к жизни и творчеству. В этом смысле используемый В. В. Маяковским неологизм является не просто экспериментом с языком, но и глубокой авторской самоидентификацией. Привнесение в тексты новообразованных слов позволяло Маяковскому нарушать привычные семантические поля и стандарты восприятия, тем самым активизируя воображение читателя и расширяя границы интерпретации. Неологизмы в его творчестве – это не только инструмент для описания новизны, но и способ воздействия на эмоциональный и интеллектуальный опыт адресата.

В научном дискурсе анализ творчества и личностных качеств выдающихся деятелей культуры всегда представляет особый интерес ввиду того, что их произведения и личное общение отражают не только временную эпоху, но и глубинные психологические процессы. Особенно когда это касается любви – одного из самых мощных и универсальных человеческих чувств. Когда автор посвящает свои работы теме любви, в его способности точно и искренне передать все грани этого чувства заключается ключ к идентификации личности. В контексте анализа его отношений с Лилией Брик аспект самопрезентации заслуживает особого внимания. Письма к Л. Брик, где он подписывается как *«твой щенок»*, раскрывают не только глубину чувств В. Маяковского к своей музе, но и позволяют предположить, каким образом он стремился представить себя в глазах возлюбленной.

Подписи *«твой щенок»*, *«твой щен»* несут в себе значительную семантическую нагрузку. Во-первых, она указывает на искреннее чувство привязанности и верности, которое ассоциируется с образом щенка. Это откровение позволяет предположить, что В. Маяковский, несмотря на свою публичную репутацию революционера и бунтаря, в личных отношениях стремился показать себя совершенно иначе – как преданное и любящее существо, готовое на все ради возлюбленной. Во-вторых, выбор такого образа для самопрезентации в письмах к Лилии Брик может быть трактован как стремление В. Маяковского подчеркнуть его готовность находиться в зависимости от своей возлюбленной. Это, возможно, отражает его желание выразить безоговорочную поддержку и одновременно желание быть принятым и любимым таким, какой он есть, со всей своей уязвимостью.

Проанализировав письменное наследие В. Маяковского, можно обнаружить, что автор неоднократно использовал формулы, подчеркивающие его непоколебимую привязанность и верность идеям, убеждениям и, в частности, к людям, стоящим близко к его сердцу. Фразы вроде *«Твой верный»*, *«Весь твой»*, *«Ждущий»*, которыми автор подписывал письма к Л. Брик, не просто слова; они выступают маркерами глубокой эмоциональной и интеллектуальной приверженности Маяковского, его готовности разделять идеалы и жизненные испытания с единомышленниками и близкими людьми.

В анализе писем В. Маяковского, где присутствует подпись *«Твой бесь»* вместо ожидаемого *«Твой весь»*, обнаруживается умышленное использование неологизма. Изучение этого выбора слова позволяет углубить понимание стиливых особенностей поэта, стремление к инновациям и

экспериментам в языке. «Бесь» в данном контексте может рассматриваться как игра слов, направленная на создание новых ассоциативных рядов и эмоциональных оттенков, отход от традиционных форм выражения, что подчеркивает неповторимость авторского стиля репрезентации языковой личности В. Маяковского. Этот пример подтверждает его известную тенденцию к разрушению языковых норм и поиску новых средств выражения, что является одной из ключевых характеристик его творчества.

Обращение к Лилии Брик *«Твой верный»*, полное нежности и преданности, демонстрирует сложность и многогранность отношений, которые связывали их. Маяковский не просто выражает любовь или восхищение; он подтверждает свою роль не только как любовника, но и как товарища, единомышленника, готового стоять рядом независимо от жизненных обстоятельств. В этом контексте самопрезентация Маяковского как «верного» становится не просто личностной характеристикой, а манифестацией отношения к жизни, в которой личное и общественное, частное и публичное, эмоциональное и идеологическое переплетаются в единое целое.

Таким образом, подытоживая письма к Лилии Брик словами верности, Маяковский не только подчеркивал глубину своих чувств, но и раскрывал ключевые аспекты своей личности и мировоззрения, где верность и преданность становятся фундаментальными ценностями, определяющими многие сферы жизнедеятельности.

Заключение

Эпистолярный дискурс В. В. Маяковского занимает ключевое место в изучении его личности и творчества, выступая механизмом самопрезентации автора. В письмах Маяковского встречается широкий спектр эпитетов, глагольных форм и неологизмов, которые он использует для самопрезентации и создания уникального образа «поэта будущего». Эти языковые средства помогают автору эффективно передавать эмоции, идеи и взгляды, а также создают особое стилистическое

оформление текста. Применение нестандартных глаголов и инновационных словообразований позволяет поэту манипулировать пространством письма, делая его динамичным и выразительным. Эти особенности языка не только подчеркивают индивидуальность Маяковского как автора, но и отражают общие тенденции в развитии русского литературного языка в период авангарда.

Владимир Маяковский использовал самописание в своих письмах в качестве инструмента самопрезентации и формирования собственного образа как литературного гения и социально активного индивида. Маяковский использовал письма не только как средство общения, но и как платформу для самовыражения и саморекламы. Его самоописания в письмах нередко содержали завуалированные и явные аллюзии на его личные достижения, интеллектуальную и творческую уникальность.

Маяковский в своем творчестве активно использовал неологизмы, что свидетельствует о глубоком процессе самоидентификации и стремлении к выражению индивидуальности. Эти новообразования позволили поэту создать уникальный языковой мир, отразив в нем свою личностную уникальность и видение мира. Создание неологизмов служило не только лингвистической инновацией, но и способом самовыражения, через который Маяковский подчеркивал свою непохожесть на других, свою особую роль в литературном процессе того времени. Особенно ярко это прослеживается в том, как автор подписывает свои письма. Динамичность и разнообразие подписей поэта не только отображают его творческую индивидуальность, но и служат инструментом литературной стратегии. Различные способы подписи Маяковским своих писем позволяют глубже понять его самоидентификацию, а также оценить механизмы взаимодействия с адресатом и широкой аудиторией. Эти языковые эксперименты могут быть интерпретированы как знак глубокой интроспекции и поиска своего «я» в контексте социальных и культурных изменений начала XX в.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 382 с.
2. Кубрякова Е. С. О понятии дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров. М.: Ин-т науч. информации по общественным наукам (РАН), 2000. С. 7–21.
3. Попов А. Ю. Основные отличия текста от дискурса // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. ст. СПб.: СПб. гос. ун-т экономики и финансов, 2001. С. 38–46.
4. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. ст. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. С. 58–65.

5. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX в.: сб. ст. М.: Изд-во РГГУ, 1995. С. 38–39.
6. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: КомКнига, 2006. 288 с.
7. Ковригина Е. А. Коммуникативная стратегия самопрезентации в дискурсе интернет-интервью: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2010. 24 с.
8. Пушкин А. А. Способ организации дискурса и типология языковых личностей // Язык, дискурс и личность: межвуз. сб. науч. тр. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1990. С. 50–60.
9. Кулинич Е. В. Специфика самопрезентации как коммуникативного явления // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 299. С. 7–10.
10. Соловьева Н. В. Стратегии презентации коммуникантов в текстах научных дискуссий // Российская и зарубежная филология. 2009. № 1. С. 29–37.
11. Елькина О. М. Самопрезентация автора текста в компьютерно-опосредованной коммуникации // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2011. № 2. С. 88–93.
12. Герасименко И. А. Когнитивный контекст эпистолярного дискурса А. Чехова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2016. Т. 2 (68). № 4. С. 104–108.
13. Курьянович А. В. Когнитивная сущность речевого жанра *самопрезентация* в эпистолярном дискурсе М. И. Цветаевой // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2006. Вып. 5. С. 144–150.
14. Каирова Т. С. Особенности коммуникативной направленности эпистолярного текста // Ученые записки Московского педагогического института иностранных языков. 1986. Вып. 269. С. 87–103.
15. Седова О. Н. Эпистолярный стиль в системе функциональных стилей русского языка: научные доклады высшей школы // Филологические науки. 1985. № 6. С. 57–62.
16. Степанов Н. Л. Дружеское письмо начала XIX века // Русская проза: сборник / под ред. Б. Н. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова. Л.: Academia, 1926. С. 74–101.
17. Протопопова О. В. Эпистолярный жанр // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 628–632.
18. Григорьева А. С. Статичная структура русского эпистолярного текста (Лексика частных писем): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981. 19 с.
19. Нижникова Н. В. Письмо как тип текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1991. 17 с.
20. Курьянович А. В. Теоретические вопросы изучения эпистолярия в современной лингвистике. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2013. 220 с.
21. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Худож. лит., 1961. Т. 13. 658 с.

References

1. Arutyunova N. D. *Predlozheniye i ego smysl. Logiko-semanticheskiye problemy* [The sentence and its meaning. Logical-semantic problems]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 382 p. (in Russian).
2. Kubryakova E. S. O ponyatii diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoy lingvistike [On the concept of discourse and discourse analysis in modern linguistics]. *Diskurs, rech, rechevaya deyatel'nost': funktsional'nye i strukturnye aspekty: sbornik obzorov* [Discourse, speech, speech activity: functional and structural aspects: collection of reviews]. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences (RAN) Publ., 2000. Pp. 7–21 (in Russian).
3. Popov A. Yu. Osnovnye otlichiya teksta ot diskursa [The main differences between text and discourse]. *Tekst i diskurs. Problemy ekonomicheskogo diskursa: sbornik nauchnykh statey* [Text and discourse. Problems of economic discourse: collection of scientific articles]. Saint Petersburg, St. Petersburg State University of Economics and Finance Publ., 2001. Pp. 38–46 (in Russian).
4. Sternin I. A. Metodika issledovaniya struktury kontsepta [Methodology for studying the structure of a concept]. *Metodologicheskiye problemy kognitivnoy lingvistiki: sbornik statey* [Methodological problems of cognitive linguistics: Digest of articles]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2001. Pp. 58–65 (in Russian).
5. Stepanov Yu. S. Al'ternativnyy mir. Diskurs, Fakt i printsip Prichinnosti [Alternative world. Discourse, Fact and Principle, Causality]. *Yazyk i nauka kontsa XX v.: sbornik statey* [Language and science of the late 20th century: Digest of articles]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1995. Pp. 38–39 (in Russian).

6. Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 288 p. (in Russian).
7. Kovrigina E. A. *Kommunikativnaya strategiya samoprezentatsii v diskurse internet-interv'yuu. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Communicative strategy of self-presentation in online interview discourse. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Kemerovo, 2010. 24 p. (in Russian).
8. Pushkin A. A. *Sposob organizatsii diskursa i tipologiya yazykovykh lichnostey* [Method of organizing discourse and typology of linguistic personalities]. *Yazyk, diskurs i lichnost': mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Language, discourse and personality: interuniversity collection of scientific articles]. Tver, Tver State University Publ., 1990. Pp. 50–60 (in Russian).
9. Kulinich E. V. *Spetsifika samoprezentatsii kak kommunikativnogo yavleniya* [Specifics of self-presentation as a communicative phenomenon]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2007, no. 299, pp. 7–10 (in Russian).
10. Solov'eva N. V. *Strategii prezentatsii kommunikantov v tekstakh nauchnykh diskussiy* [Strategies for presenting communicants in scientific discussion texts]. *Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Russian and foreign philology*, 2009, no. 1, pp. 29–37 (in Russian).
11. El'kina O. M. *Samoprezentatsiya avtora teksta v komp'yuterno-oposredovannoy kommunikatsii* [Self-presentation of the author of the text in computer-mediated communication]. *Vestnik Maykovskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta – Bulletin of Maykop State Technological University*, 2011, no. 2, pp. 88–93 (in Russian).
12. Gerasimenko I. A. *Kognitivnyy kontekst epistolyarnogo diskursa A. Chekhova* [Cognitive context of A. Chekhov's epistolary discourse]. *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskiye nauki – Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philological sciences*, 2016, vol. 2 (68), no. 4, Pp. 104–108 (in Russian).
13. Kuryanovich A. V. *Kognitivnaya sushchnost' rechevogo zhanra samoprezentatsiya v epistolyarnom diskurse M. I. Tsvetaevoy* [The cognitive essence of the speech genre of self-presentation in the epistolary discourse of M. I. Tsvetaeva]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2006, no. 5, pp. 144–150 (in Russian).
14. Kairova T. S. *Osobennosti kommunikativnoy napravlenosti epistolyarnogo teksta* [Features of the communicative orientation of an epistolary text]. *Uchenyye zapiski Moskovskogo pedagogicheskogo instituta inostrannykh yazykov – Scientific notes Moscow. ped. institute of foreign language*, 1986, vol. 269, pp. 87–103 (in Russian).
15. Sedova O. N. *Epistolyarnyy stil' v sisteme funktsional'nykh stiley russkogo yazyka: nauchnye doklady vysshey shkoly* [Epistolary style in the system of functional styles of the Russian language: scientific reports of higher education]. *Filologicheskiye nauki – Philological sciences*, 1985, no. 6. Pp. 57–62 (in Russian).
16. Stepanov N. L. *Druzheskoye pis'mo nachala XIX veka* [Friendly letter of the early 19th century]. In: Eikhenbaum B. N., Tynyanov Yu. N. (eds.) *Russkaya proza: sbornik* [Russian prose: collection]. Leningrad, Academia Publ., 1926. Pp. 74–101 (in Russian).
17. Protopopova O. V. *Epistolyarnyy zhanr* [Epistolary genre]. In: Kozhina M. N. (ed.) *Stilisticheskii entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2003. 156 p. (in Russian).
18. Grigor'eva A. S. *Statichnaya struktura russkogo epistolyarnogo teksta (Leksika chastnykh pisem). Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Static structure of Russian epistolary text. (Vocabulary of private letters). Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Leningrad, 1981. 230 p. (in Russian).
19. Nizhnikova N. V. *Pis'mo kak tip teksta. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Letter as a type of text. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Odessa, 1991. 85 p. (in Russian).
20. Kuryanovich A. V. *Teoreticheskiye voprosy izucheniya epistolyariya v sovremennoy lingvistike* [Theoretical issues in the study of epistolary in modern linguistics]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Publ., 2013. 220 p. (in Russian).
21. Mayakovsky V. V. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 13 tomakh* [Complete works: in 13 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1961. Vol. 13. 658 p. (in Russian).

Информация об авторах

Халатян А. А., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: alisahalatyan@ro.ru

Курьянович А. В., доктор филологических наук, зав. кафедрой теории языка и методики обучения русскому языку, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).
E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

Information about the author

Khalatyan A. A., graduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: alisahalatyan@ro.ru

Kuryanovich A. V., Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Language Theory and Methods of Teaching the Russian Language, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru.

Статья поступила в редакцию 22.04.2024; принята к публикации 01.10.2024

The article was submitted 22.04.2024; accepted for publication 01.10.2024

УДК 81'37

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-17-25>

Метафорические образы пищи в поликодовых текстах современного русскоязычного интернет-пространства

Элхамсадат Сейед Хосейн Камизи¹, Елена Андреевна Юрина²

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, Россия

¹ elham.kamizi64@yahoo.com

² yourina2007@yandex.ru

Аннотация

Рассматривается функционирование визуальных метафорических образов пищи в поликодовых текстах современного русскоязычного интернет-пространства. Широкое распространение поликодовых текстов в цифровой среде, их превращение в активный воздействующий инструмент массовой коммуникации обуславливают актуальность изучения различных механизмов взаимодействия визуальных образов и вербальных текстовых средств в информационном пространстве современного человека. Цель работы состоит в исследовании визуальных метафорических образов пищи в текстах различной дискурсивной природы и жанрово-стилистической принадлежности, выявлении функций, прагматического потенциала, сфер денотативного приложения визуальных метафор с гастрономической семантикой, описании типовых ситуаций их использования в интернет-коммуникации. Методология работы базируется на когнитивном, дискурсивном, лингво-культурологическом и системно-структурном подходах к изучению образности языка и речи, применяемых в области семантики языковых единиц, стилистики текста, семиотики образов, дискурсивно-прагматического анализа интернет-коммуникации. При анализе визуальных компонентов поликодового текста учитывается опыт предшественников в области анализа состава и типологии визуальных образов, формирующих иконический элемент его комплексной структуры. При сборе материала применялись приемы выборки из открытых русскоязычных интернет-источников, систематизации и классификации вербально-иконических комплексов. Визуальная метафора исследовалась с опорой на теории образного строя языка и когнитивную теорию метафоры. Материал исследования представлен поликодовыми текстами, иконический компонент которых включает изображения еды – продуктов, блюд, ситуаций поглощения и приготовления пищи. Всего проанализировано 230 текстов, включающих или сопровождающих визуализацию гастрономического образа в виде фотографии объекта, фотоколлажа или рисунка. Исследование продемонстрировало, что в современном открытом русскоязычном интернет-пространстве на сайтах СМИ, торговых, финансовых, общественных и частных организациях одним из эффективных воздействующих средств выступают включенные в поликодовые тексты визуальные гастрономические образы. В совокупности с вербальными элементами (надписями на изображениях, заголовками и текстовыми фрагментами публикаций) они транслируют смыслы иносказательного характера, которые, как правило, основываются на образной семантике языковых выражений (*рубить капусту* ‘зарабатывать деньги’), символике прецедентных текстов (*каша из топора*) и феноменов (*государственные флаги, денежные банкноты, лидеры государств*). Функционирование визуальной пищевой метафоры сопряжено с проявлением лингвокреативности и языковой игры, созданием комического эффекта для привлечения внимания адресной аудитории – потенциальных читателей и клиентов. В результате были выявлены частотные визуальные кулинарные образы (капуста, пироги, каша, зерно, горох, гриб, банка, кастрюля, нож, повар), ассоциативно связанные с ними явления, создающие метафорический и экспрессивно-образный эффект (деньги, финансы, животные, предметы быта, атрибуты профессий), устойчивые метафорические модели (капуста – деньги, пирог – финансовая и политическая ценность, кухня – политика, готовить еду – осуществлять социальную деятельность), охарактеризованы коммуникативные сферы применения визуальных пищевых образов в поликодовых текстах (экономика, коммерция, реклама, политика, развлечения). Пищевые метафорические образы носят устойчивый характер и являются частью языка как культурно обусловленной семиотической системы. Они закреплены в языковых единицах и устойчиво воспроизводятся в коммуникации, в том числе при помощи различных способов визуализации посредством иконических элементов поликодовых текстов.

Ключевые слова: *пищевая метафора, гастрономические образы, поликодовый текст, коммуникация, интернет-пространство*

Для цитирования: Камизи Э. С. Х., Юрина Е. А. Метафорические образы пищи в поликодовых текстах современного русскоязычного интернет-пространства // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 6 (236). С. 17–25. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-17-25>

© Э. С. Х. Камизи, Е. А. Юрина, 2024

Metaphorical images of food in polycode texts of the modern Russian-language internet space

Elhamsadat Kamizi¹, Elena A. Yurina²

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

¹ elham.kamizi64@yahoo.com

² yourina2007@yandex.ru

Abstract

The article examines the functioning of visual metaphorical images of food in polycode texts of the modern Russian-language Internet space. The wide distribution of polycode texts in the digital environment, their transformation into an active influencing tool of mass communication determines the relevance of studying various mechanisms of interaction between visual images and verbal textual means in the information space of modern man. *The purpose* of the work is to study visual metaphorical images of food in texts of various discursive nature and genre and stylistic affiliation; in identifying the functions, pragmatic potential, areas of denotative application of visual metaphors with gastronomic semantics; in the description of typical situations of their use in Internet communications. *Methodology and methods.* The methodology of the work is based on cognitive, discursive, linguoculturological and system-structural approaches to the study of imagery of language and speech, used in the field of semantics of language units, text stylistics, semiotics of images, discursive-pragmatic analysis of Internet communication. When analyzing the visual components of a polycode text, the experience of predecessors in the field of analysis of the composition and typology of visual images that form the iconic element of its complex structure is taken into account. When collecting material, methods of sampling from open Russian-language Internet sources, methods of systematization and classification of verbal-iconic complexes were used. Visual metaphor was studied based on theories of figurative structure of language and cognitive theory of metaphor. The research material is presented in polycode texts, the iconic component of which includes images of food – products, dishes, situations of absorption and cooking. A total of 230 texts were analyzed that included or accompanied the visualization of a gastronomic image in the form of a photograph of an object, a photo collage or a drawing. The study demonstrated that in the modern open Russian-language Internet space on the websites of the media, trade, financial, public and private organizations, one of the effective influencing tools is visual gastronomic images included in polycode texts. Together with verbal elements (inscriptions on images, titles and text fragments of publications), they convey meanings of an allegorical nature, which, as a rule, are based on the figurative semantics of linguistic expressions (*chop cabbage* ‘make money’), the symbolism of precedent texts (“porridge from an ax” – the name of a Russian fairy tale) and phenomena (state flags, banknotes, leaders of states). The functioning of a visual food metaphor is associated with the manifestation of linguistic creativity and language play, creating a comic effect to attract the attention of the target audience – potential readers and clients. As a result, frequent visual culinary images were identified (cabbage, pies, porridge, grain, peas, mushroom, jar, pan, knife, cook), associative phenomena associated with them, creating a metaphorical and expressive-figurative effect (money, finances, animals, household items, attributes of professions), stable metaphorical models (cabbage – money, pie – financial and political value, kitchen – politics, cooking – carrying out social activities); The communicative areas of application of visual food images in polycode texts (economics, commerce, advertising, politics, entertainment) are characterized. Food metaphorical images are stable and are part of language as a culturally conditioned semiotic system. They are fixed in linguistic units and are consistently reproduced in communication, including using various methods of visualization through iconic elements of polycode texts.

Keywords: food metaphor, gastronomic images, polycode text, communication, Internet space

For citation: Kamizi E., Yurina E. A. Metaforicheskiye obrazy pishchi v polikodovykh tekstakh sovremennogo Russko-yazychnogo internet-prostranstva [Metaphorical images of food in polycode texts of the modern Russian-language internet space]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 6 (236), pp. 17–25 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-17-25>

Введение

Широкое распространение поликодовых текстов в цифровой среде, их превращение в активный воздействующий инструмент массовой коммуникации обуславливают актуальность изучения различных механизмов взаимодействия визуальных образов и вербальных текстовых средств в информационном пространстве современного человека. В современной российской и зарубежной лингвистике активно исследуется феномен визуальной метафоры, ее структура и

функции в поликодовых текстах. Это обусловлено «визуальным поворотом» европейской гуманитарной науки [1] и важной ролью визуальных средств в современной коммуникации.

Интернет-пространство во всем многообразии разновидностей (официальные сайты, мессенджеры, блоги, форумы и пр.) составляет огромную коммуникативную площадку, значение и роль которой в жизни современного человека становятся настолько важными, что традиционные формы контактов постепенно начинают вы-

тесняться. Исследователи отмечают возрастающую роль символических и иконических знаков в информационном поле современного человека, чему способствовало развитие технических средств и интернет-технологий, позволяющих легко создавать поликодовые тексты [2–5].

Широкое использование метафор в поликодовых текстах связано с их смысловыми свойствами: наглядностью и эмоциональной насыщенностью, легкостью запоминания, созданием соответствующих ассоциативных рядов, образными и оценочными возможностями [6–8]. Многие исследователи подчеркивают, что в современных интернет-публикациях «метафоры являются быстрым и мощным средством передачи идей» [3, с. 63]. Среди различных кодов образного выражения представлений о мире важное место занимает пищевой или гастрономический культурный код, который выдвигает в качестве источника метафорических проекций сферу еды и кухни. Результаты комплексного лингвокультурологического и лексикографического исследования русской пищевой метафоры представлены в серии статей и словарей [9–15], однако изучение визуальной пищевой метафоры только начинает рассматриваться авторами [16, 17].

Цель данной статьи состоит в исследовании визуальных метафорических образов пищи в текстах различной дискурсивной природы и жанрово-стилистической принадлежности, выявлении функций, прагматического потенциала, сфер денотативного приложения визуальных метафор с гастрономической семантикой, описании типовых ситуации их использования в интернет-коммуникации.

Многие аспекты социальной и культурной жизни выражаются, интерпретируются и переживаются через призму пищевого кода культуры, под которым понимается система символического означивания, базирующаяся на укорененных в культуре представлений о еде, способах ее приготовления и поглощения [13]. Система питания и пищевых привычек образует концептуальную основу для метафорического отображения представлений о мире, которое реализуется в образных средствах языка и речи, формирует систему устойчивых ассоциаций и аналогий в мышлении представителей определенной лингвокультуры. Пищевая метафора в когнитивном аспекте понимается как «способ осмысления явлений окружающего мира и внутреннего мира человека в терминах еды/пищи, а результаты этой ментальной процедуры закрепляются в языковых формах и значениях в виде вторичных образных номинаций с мотивирующей гастрономической семантикой» [14, с. 13]. Как показывают материалы

«Словаря русской пищевой метафоры», лексические и фразеологические единицы данного типа отражают метафорические проекции образов кулинарных изделий, блюд, их качеств и свойств, процессов их приготовления и поглощения на различные явления действительности [12].

Новизна представленного исследования связана с тем, что впервые на материале репрезентативной выборки из открытых русскоязычных интернет-источников проводится анализ средств и способов визуализации пищевой метафоры в поликодовых текстах, выявляются наиболее частотные и типичные кулинарные образы, метафорические модели, а также аспекты их функционирования, рассматриваются структурные модели совмещения иконической и вербальной информации в поликодовом тексте, транслирующем визуальную пищевую метафору.

Материал и методы

Методология работы базируется на когнитивном, дискурсивном, лингвокультурологическом и системно-структурном подходах к изучению образности языка и речи, применяемых в области семантики языковых единиц, стилистики текста, семиотики образов, дискурсивно-прагматического анализа интернет-коммуникации. При анализе визуальных компонентов поликодового текста учитывается опыт предшественников в области анализа состава и типологии визуальных образов, формирующих иконический элемент его комплексной структуры. При сборе материала применялись приемы выборки из открытых русскоязычных интернет-источников, приемы систематизации и классификации вербально-иконических комплексов. Визуальная метафора исследовалась с опорой на теории образного строя языка [13] и когнитивную теорию метафоры [18, 19].

Материал исследования представлен поликодовыми текстами, иконический компонент которых включает изображения еды – продуктов, блюд, ситуаций поглощения и приготовления пищи. Всего проанализировано 230 текстов, включающих или сопровождающих визуализацию гастрономического образа в виде фотографии (рис. 1), фотоколлажа (рис. 2) или рисунка (рис. 3). Данная выборка считается репрезентативной, поскольку дальнейший сбор эмпирического материала не приводил к обнаружению принципиально новых визуально-вербальных комплексов в структуре поликодового текста, а лишь подтверждал ранее обнаруженный набор изображений, включенных в структуру текста или сопровождаемых вербальными компонентами. Также повторялась жанрово-стилистическая

специфика поликодовых текстов и коммуникативные сферы их функционирования.

Результаты исследования

Исследование продемонстрировало, что в современном открытом русскоязычном интернет-пространстве, на сайтах СМИ, торговых, финансовых, общественных и частных организаций одним из эффективных воздействующих средств выступают включенные в поликодовые тексты визуальные гастрономические образы. В совокупности с вербальными элементами (надписями на изображениях, заголовками и текстовыми фрагментами публикаций) они транслируют смыслы иносказательного характера, которые, как правило, основываются на образной семантике языковых выражений (например, *рубить капусту* 'зарабатывать деньги', *делить пирог* 'распределять имущество, доходы', *урвать лучший кусок* 'получить что-л. наиболее ценное', *политическая кухня* 'скрытая сторона политических процессов' и т. п.), символические прецедентных текстов (например, сказки «Каша из топора», «Волшебный горшок», басня И. А. Крылова «Щука и кот» и др.) и прецедентных феноменов (государственные флаги, денежные банкноты, лидеры государств).

Визуальный элемент может быть представлен в интернет-публикациях в трех разновидностях. Во-первых, в виде фотографии предмета, который представляет собой некий объект, визуальный облик которого либо включает образ продукта питания, либо ассоциируется с ситуацией приготовления или поглощения пищи. При этом данное изображение несет образно-символический смысл и интерпретируется метафорически за счет наличия иных визуальных или вербальных элементов, указывающих на денотативную сферу приложения исходного метафорического образа (рис. 1).

Рис. 1. Фотография, визуализирующая пищевую метафору

Так, на представленном изображении в трехлитровую банку закупорены денежные банкноты

зеленого цвета – рубли, евро, доллары, которые ассоциируются с консервированными овощами (огурцами, капустой). Эти ассоциации поддерживаются в сознании носителей русского языка устойчивыми метафорами *зелень/капуста* 'деньги', идиомой *рубить капусту* 'зарабатывать'. Образная ассоциация стеклянной банки для консервирования продуктов с банком как финансовой организацией связана с идеей длительного хранения и поддерживается тождественным звуковым составом корневых морфем соответствующих лексем. Этикетка на банке выполнена в цветах российского флага и содержит надписи на каждой полосе триколора: 1) «РосСберБанка» – вербально поддерживается целевая денотативная сфера финансов; 2) «Хранить в темном удобном месте, срок годности не ограничен. Вскрывать при острой необходимости. Беречь от детей»; 3) «Дата заготовки» – вербально поддерживается исходная пищевая сфера как источник метафорического означивания.

Подобные фотографии в большом количестве (38 фото из всей выборки) представлены на развлекательных и рекламных сайтах, предлагающих остроумные подарки, а также на сайтах интернет-магазинов. Например, изображение банки с деньгами, на этикетке которой размещалась надпись «Капуста изобилия в собственном соку», сопровождалось на сайте следующим рекламным текстом: «Как подарить деньги с приколом: на день рождения, на юбилей, на свадьбу? Можно упаковать деньги в любую подходящую емкость – баночку для кофе, термос, книгу с секретным тайником. Денежные подарки в стиле handmade».

Во-вторых, наиболее частотным является визуализация гастрономического образа в виде фотоколлажа, на котором размещаются визуальные элементы, отсылающие как к сфере источнику: например, пирог, разделенный на куски, так и к сфере-мишени: например, стодолларовые купюры (рис. 2). Наличие вербальных элементов на таких изображениях факультативно.

Рис. 2. Фотоколлаж, визуализирующий пищевую метафору

На представленном рисунке визуализируется метафора пирога как финансовой или материальной ценности, а также метафора деления пирога на части как распределения прибылей и доходов. Данное изображение функционирует в качестве иллюстрации к публикации в жанре информационно-аналитической статьи на сайте dzen.ru, посвященной тематике финансовых инвестиций на бирже, под заголовком «*Несъеденный пирог и недополученная прибыль. Почему осторожность может разорить трейдера?*». Визуальная метафора поддерживает реализованную в тексте заголовка вербальную аналогию: «пирог – прибыль», «поглощение пищи – получение доходов». Название статьи и изображение коррелируют с заключительной частью статьи, в которой формулируется главная мысль автора: «*Сконцентрировавшись на минимизации убытков, подстегиваемый страхом денежных потерь, трейдер боится упустить уже заработанное и забирает прибыль до того, как она достигнет рекомендуемого стратегией уровня*». В финале появляется еще одна пищевая метафора, но с другим исходным образом: «*Получается, как в анекдоте, где герои утром сажают картошку, а вечером выкапывают – потому что „очень кушать хочется“*».

Образы пирога (18 изображений) и пирожков (21 изображение) весьма частотны в русскоязычном Интернете. Прежде всего они связаны с идеей денег. В изображениях пирожков с начинкой из капусты в виде денежных купюр совмещаются обе аналогии «капуста – деньги» и «пирог – материальные ценности».

В-третьих, визуальная пищевая метафора может быть представлена в виде рисунка (рис. 3).

Рис. 3. Рисунок, визуализирующий пищевую метафору

Визуализация пищевой метафоры на приведенном в качестве примера рисунке основана на нескольких устойчивых образных выражениях: *политическая кухня* – данное выражение представлено в виде вербального элемента на изоб-

ражении; *вариться в одном котле* – находиться в одинаковых социальных условиях, будучи подверженным влиянию внешних обстоятельств, где глагольная метафора *вариться* связана с идеей трансформации под внешним воздействием подобно тому, как варка в кипящей жидкости изменяет структуру продуктов, а образ *котла/кастрюли* (контейнерная метафора по Лакоффу и Джонсону) символизирует общество, государство, организацию, в которой осуществляются социальные процессы. Кроме того, на рисунке присутствует образ солонки или перечницы, из которой сыплется содержимое в кастрюлю с готовящимся блюдом. Здесь наблюдается аналогия с выражениями *насолить* ‘доставить неприятности’, *добавить перцу* ‘обострить ситуацию’. Все эти образы отсылают к гастрономической сфере-источнику. А вот содержимое кастрюли представлено эмблемами и логотипами российских политических партий, что отсылает к сфере-мишени, связанной с идеей многопартийной политической системы. Данное содержание выражено в названии публикации «*Партийная система России – прогресс или топтание на месте?*», размещенной на сайте politrussia.com. Как и в предыдущем примере, в данной аналитической статье заголовок и изображение соотносятся с финальной частью текста, представляющей главную мысль и вывод автора: «*Таким образом, российская партийно-политическая система, сложившись относительно недавно, уже сейчас несет следы заострения и желания партийных элит сохранить статус-кво и не допустить новые лица в парламенты регионов и тем более – в Госдуму. Это опасная ситуация прежде всего для социально-политической стабильности, так как отсутствие представительства разных групп населения создает напряжение в общественном сознании, которым могут воспользоваться деструктивные силы*».

Как показывает материал, функционирование визуальной пищевой метафоры сопряжено с проявлением лингвокреативности и языковой игры, созданием комического эффекта для привлечения внимания адресной аудитории – потенциальных читателей и клиентов. Для этого используются различные языковые механизмы и визуальные средства. Например, в рекламе СКБ-банка обыгрывается омонимия слов *бабки* (жарг. ‘деньги’) и *бабки* (разг. ‘пожилые женщины’). Визуальный компонент изображения представлен фигурами двух забавных старушек, у которых под мышками зажаты кочаны капусты, а в руках они держат авоськи, также наполненные капустой (метафорическая модель «капуста – деньги»). Вербальный компонент изображения содержит

рекламный слоган: «*Наши вклады: запасы бабок по максимуму!*».

В результате анализа были выявлены частотные визуальные кулинарные образы, которые регулярно воспроизводятся в креолизованных текстах Интернета в качестве исходного образа (сфера-источник): капуста (48) – изображения кочанов капусты; денег, сложенных в виде кочанов капусты, нарезанной измельченной капусты, капусты в стеклянных банках с этикетками; банка (38) – банки разного объема, наполненные деньгами; пирожки (21) – с капустой в виде денег, котятками; пироги (18) – с начинкой из денег, разделенные на части, с изображением на верхней части банкнот или флагов разных государств, а также в качестве иллюстрации к крылатому выражению *пирог должен печь пирожник, а сапоги тачать – сапожник*; каша (15) – различные изображения тарелок, горшков, котелков, кастрюль с кашей, разорванных ботинок, иллюстрирующие выражения *сварить кашу из топора*, *кашу маслом не испортишь*, *полезла каша из волшебного горшка*, *каша в голове*, *просить каши* (об обуви); гриб (11) – изображения ядерного взрыва, человека в виде гриба как визуализация выражения *назвался груздем – полезай в кузов*; нож (9) – в сочетании с нарезанной капустой и разрезанным на части пирогом; топор (8) – в качестве иллюстрации выражений *рубить капусту* ‘зарабатывать деньги’ и *сварить кашу из топора*; повар (7) – в политической карикатуре изображаются политики в костюме повара за приготовлением еды или угощением; кастрюля (6) – для визуализации пространства общественной жизни, изображения головы человека, наполненной различным содержанием, в сочетании с образами каши и топора; горох (6) – для иллюстрации образа *принцесса на горошине*, выражений *как об стенку горох* и *при царе Горохе*; зерно (4) – иллюстрирует очень маленький размер и выражение *вера с горчичное зерно*.

Также определены ассоциативно связанные с исходными образами явления, относящиеся к денотативной области приложения метафорического образа (сфера-мишень), создающие метафорический и экспрессивно-образный эффект: деньги, финансы, животные, предметы быта, атрибуты и представители профессий, возрастных групп. Например, образ капусты, помимо денег, ассоциируется с младенцами и маленькими детьми (*найти в капусте*), козлом, которого *пустили в огород капусту охранять*, многослойной одеждой (*одеться как капуста*). Образ пирога и пирожков соотносится с котятками (*вот такие пироги с котятками*), сапогами и сапожником.

Образ каши соотносится с обувью (*просить каши*), маслом (*кашу маслом не испортишь*), причем комический эффект достигается за счет включения в изображение бутылей с машинным маслом для автомобильных двигателей.

К числу воспроизводимых и устойчивых относятся метафорические модели «капуста – деньги», «пирог – финансовая и политическая ценность», «кухня – политика», «готовить еду – осуществлять социальную деятельность».

Рассмотренные визуальные образы активно функционируют в таких коммуникативных сферах, как экономика, коммерция, реклама, политика, развлечения, и встречаются в поликодовых текстах разных жанров: реклама товара и услуги, информационная и аналитическая статья, анекдот, стихотворение, астрологический прогноз и др.

Заключение

Пищевые метафорические образы носят устойчивый характер и являются частью языка как культурно обусловленной семиотической системы. Они закреплены в языковых единицах и устойчиво воспроизводятся в коммуникации, в том числе при помощи различных способов визуализации посредством иконических элементов поликодовых текстов.

Визуальная метафора, несущая образы продуктов питания и блюд, выступает эффективным средством коммуникативного воздействия и широко используется в рекламном, политическом, медийном, развлекательно-бытовом типах дискурса для привлечения и удержания внимания получателей информации. Тематика интернет-публикаций в форме креолизованных текстов и изображений, включающих вербально-визуальные комплексы, относится к сферам экономики (богатство, финансовый рост, финансовые сделки), политики (борьба за власть и политическое влияние, управление внутри- и внешнеполитическими процессами), рекламы (популярные товары и услуги), развлечения (самостоятельное литературное творчество, мистика и магия, этикетные жанры поздравления и дарения подарков).

Проведенный анализ свидетельствует о продуктивности метафорических образов пищи в поликодовых текстах современного русскоязычного интернета-пространства. Работа вносит вклад в изучение когнитивной и визуальной метафоры, поликодовых текстов и мультимодальных средств речевого воздействия. Результаты могут использоваться в лингвосомиотике, стилистике, теории и практике рекламы, при составлении словарей.

Список источников

1. Forceville C. Pictorial Metaphor in Advertisements // *Metaphor and Symbolic Activity*. 1994. № 9 (1). P. 1–29.
2. Сергеева Ю. М., Уварова Е. А. Поликодовый текст: особенности построения восприятия // *Наука и школа*. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polikodovyy-tekst-osobennosti-postroeniya-i-vospriyatiya> (дата обращения: 06.03.2024).
3. Терских М. В. Взаимодействие вербального и визуального компонентов в метафоризированных текстах социальной рекламы // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2017. № 3 (16). С. 61–74.
4. Уварова Е. А. Иконический компонент поликодового медиатекста и его стилистический потенциал // *Преподаватель XXI век*. 2020. № 2-2. С. 380–392.
5. Чернявская В. Е., Горшкова Н. Э. Визуальная метафора в персуазивной коммуникации // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2021. № 202. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnaya-metaphora-v-persuazivnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 06.03.2024).
6. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студентов фак. иностр. языков вузов. М.: ТЕЗАРУС, 2013. 128 с.
7. Ивинских Н. П., Плетнева Ю. В. Визуальная метафора в логотипах // *Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков*. 2015. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnaya-metaphora-v-logotipah> (дата обращения: 06.03.2024).
8. Лебедев Н. А. Логотип как визуальная метафора // *Вестник КГУ*. 2013. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/logotip-kak-vizualnaya-metaphora> (дата обращения: 06.03.2024).
9. Бойчук А. С. Гастрономическая метафора: структурный, семантический и стилистический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 28 с.
10. Боровкова А. В. Пищевая метафора как средство выражения оценки и ценностей (на материале образной лексики и фразеологии русского языка) // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 396. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pischevaya-metaphora-kak-sredstvo-vyrzheniya-otsenki-i-tsennostey-na-materiale-obraznoy-leksiki-i-frazeologii-russkogo-yazyka> (дата обращения: 06.03.2024).
11. Кирсанова Е. М. Прагматика единиц семантического поля «Пища»: системный и функциональный аспекты: на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 294 с.
12. Словарь русской пищевой метафоры. Т. 1: Блюда и продукты питания / сост. А. В. Боровкова, М. В. Грекова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина; под ред. Е. А. Юриной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. 428 с.
13. Юрина Е. А. Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов. Кокшетау, 2013. 238 с.
14. Юрина Е. А. Пищевая метафора в лингвокультурологическом словаре: опыт системного, идеографического и контрастивного описания // *Русский язык за рубежом*. 2021. № 5 (288). С. 13–20.
15. Юрина Е. А., Живаго Н. А. Метафоризация поглощения пищи в образном строе русского языка // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2015. № 3 (35). С. 107–121.
16. Камизи Э. Способы визуализации метафорических образов в поликодовых текстах // *Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом*. 2023. № 4. С. 66–71.
17. Камизи Э. Реализация визуальной пищевой метафоры «кусоч пирога» в текстах новостных публикаций // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. 2024. № 3. С. 142–146.
18. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
19. Теория метафоры: сборник: пер. с англ., фр., нем., йен., польск. яз. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой, общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с.

References

1. Forceville C. Pictorial Metaphor in Advertisements. *Metaphor and Symbolic Activity*, 1994, no. 9 (1), pp. 1–29.
2. Sergeeva Yu. M., Uvarova E. A. Polikodovyy tekst: osobennosti postroyeniya i vospriyatiya [Polycode Text: features of construction and perception]. *Nauka i shkola – Science and school*, 2014, no. 4 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polikodovyy-tekst-osobennosti-postroeniya-i-vospriyatiya> (accessed 03 June 2024).

3. Terskikh M. V. Vzaimodeystviye verbal'nogo i vizual'nogo komponentov v metaforizirovannykh tekstakh sotsial'noy reklamy [Interaction of verbal and visual components in metaphorized texts of social advertising]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya – Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanities studies*, 2017, no. 3 (16), pp. 61–74 (in Russian).
4. Uvarova E. A. Ikonicheskiy komponent polikodovogo mediateksta i yego stilisticheskiy potentsial [The iconic component of a polycode media text and its stylistic potential]. *Prepodavatel' XXI vek – Teacher of the XXI century*, 2020, no. 2-2, pp. 380–392 (in Russian).
5. Chernyavskaya V. E., Gorshkova N. E. Vizual'naya metafora v persuazivnoy kommunikatsii [Visual metaphor in persuasive communication]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena – News of the Russian State Pedagogical University named after. A. I. Herzen*, 2021, no. 202 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnaya-metafora-v-persuazivnoy-kommunikatsii> (accessed 03 June 2024).
6. Anisimova E. E. *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov): uchebnoye posobiye dlya studentov fakul'tetov inostrannykh yazykov* [Text linguistics and intercultural communication (based on creolized texts): textbook manual for students of the Faculty. Foreign languages of universities]. Moscow, TEZARUS Publ., 2013. 128 p. (in Russian).
7. Ivinskikh N. P., Pletneva Yu. V. Vizual'naya metafora v logotipakh [Visual metaphor in logos]. *Problemy romano-germanskoy filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov – Problems of Romano-Germanic philology, pedagogy and methods of teaching foreign languages*, 2015, no. 11 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnaya-metafora-v-logotipakh> (accessed 03 June 2024).
8. Lebedev N. A. Logotip kak vizual'naya metafora [Logo as a visual metaphor]. *Vestnik KGU – Bulletin of KSU*, 2013, no. 4 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/logotip-kak-vizualnaya-metafora> (access date 03 June 2024).
9. Boychuk A. S. *Gastronomicheskaya metafora: strukturnyy, semanticheskiy i stilisticheskiy aspekty. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Gastronomic metaphor: structural, semantic and stylistic aspects. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Volgograd, 2012. 28 p. (in Russian).
10. Borovkova A. V. Pishchevaya metafora kak sredstvo vyrazheniya otsenki i tsennostey (na materiale obraznoy leksiki i frazeologii russkogo yazyka) [Food metaphor as a means of expressing assessment and values (based on figurative vocabulary and phraseology of the Russian language)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2015, no. 396 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pishchevaya-metafora-kak-sredstvo-vyrazheniya-otsenki-i-tsenkostey-na-materiale-obraznoy-leksiki-i-frazeologii-russkogo-yazyka> (accessed 06 March 2024).
11. Kirsanova E. M. *Pragmatika yedinit's semanticheskogo polya "Pishcha": sistemnyy i funktsional'nyy aspekty: na materiale russkogo i angliyskogo yazykov. Dis. kand. filol. nauk* [Pragmatics of units of the semantic field "Food": systemic and functional aspects: on the material of the Russian and English languages. Dis. cand. philol. sci.]. Moscow, 2009. 294 p. (in Russian).
12. *Slovar' russkoy pishchevoy metafory. T. 1: Blyuda i produkty pitaniya* [Dictionary of Russian food metaphor. T. 1: Dishes and food products]. Comp. A. V. Borovkova, M. V. Grekova, N. A. Zhivago, E. A. Yurina; edited by E. A. Yurina. Tomsk, Tomsk University Publ., 2015. 428 p. (in Russian).
13. Yurina E. A. *Vkusnyye metafory: pishchevaya traditsiya v zerkale yazykovykh obrazov* [Delicious metaphors: food tradition in the mirror of linguistic images]. Kokshetau, 2013. 238 p. (in Russian).
14. Yurina E. A. Pishchevaya metafora v lingvokul'turologicheskom slovare: opyt sistemnogo, ideograficheskogo i kontrastivnogo opisaniya [Food metaphor in the linguistic and cultural dictionary: experience of systemic, ideographic and contrastive description]. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian language abroad*, 2021, no. 5 (288), pp. 13–20 (in Russian).
15. Yurina E. A., Zhivago N. A. Metaforizatsiya pogloshcheniya pishchi v obraznom stroye russkogo yazyka [Metaphorization of food absorption in the figurative structure of the Russian language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2015, no. 3 (35), pp. 107–121 (in Russian).
16. Kamizi E. Sposoby vizualizatsii metaforicheskikh obrazov v polikodovykh tekstakh [Methods of visualizing metaphorical images in polycode texts]. *Mezhdunarodnyy aspirantskiy vestnik. Russkiy yazyk za rubezhom – International Post-graduate Student Bulletin. Russian language abroad*, 2023, no. 4, pp. 66–71 (in Russian).
17. Kamizi E. Realizatsiya visual'noy pishchevoy metafory "kusok piroga" v tekstakh novostnykh publikatsiy [Implementation of the visual food metaphor "piece of pie" in the texts of news publications]. *Sovremennaya nuka: aktual'nye problemy teorii i praktiki – Modern science: actual problems of theory and science*, 2024, no. 3, pp. 142–146 (in Russian).
18. Lakoff J., Johnson M. *Metafora, kotorymi my zhivem: perevod s angliyskogo* [Metaphors we live by: translated from English]. Ed. and preface A. N. Baranov. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p. (in Russian).

19. *Teoriya metafory: sbornik: perevod s angliyskogo, nemetskogo, frantsuzskogo, pol'skogo yazykov* [Theory of metaphor: collection: Trans. from English, French, German, Yen, Polish]. Intro. Art. and comp. Arutyunova N. D., General. ed. N. D. Arutyunova and M. A. Zhurinskaya. Moscow, Progress Publ., 1990. 512 p. (in Russian).

Информация об авторах

Элхамсадат Сейед Хосейн Камизи, аспирант, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (ул. Академика Волгина, 6, Москва, Россия, 117485).

E-mail: elham.kamizi64@yahoo.com

Юрина Елена Андреевна, профессор кафедры общего и русского языкознания, директор департамента научной деятельности, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (ул. Академика Волгина, 6, Москва, Россия, 117485).

E-mail: yourina2007@yandex.ru

Information about the authors

Kamizi E., graduate student, Pushkin State Russian Language Institute (ul. Akademika Volgina, 6, Moscow, Russian Federation, 117485). E-mail: elham.kamizi64@yahoo.com

Yurina E. A., Professor of the Department, Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Director of the Department of Scientific Activities, Pushkin State Russian Language Institute Moscow (ul. Akademika Volgina, 6, Moscow, Russian Federation, 117485). E-mail: yourina2007@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 22.04.2024; принята к публикации 01.10.2024

The article was submitted 22.04.2024; accepted for publication 01.10.2024

УДК 811.161

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-26-35>

Отражение процесса самоидентификации личности эталонами русской лингвокультуры

Григорий Валериевич Токарев

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия,
grig72@mail.ru*

Аннотация

Исследуется определение особенностей самоидентификации, то есть самопонимания, эталонами русской лингвокультуры. Для достижения поставленной цели использован ономазиологический, компонентный, концептуальный анализ, приемы лингвокультурологической интерпретации. Эталон – знак культуры, выражающий в вербальной форме стереотипные представления о стандартах свойств и качеств человека. Доказано, что эталоны являются основным средством самоидентификации субъекта культуры. Они объективируют разные аспекты внутреннего мира человека, его внешности, социального взаимодействия. Установлено, что эталон является элементом идентичности народа, результатом процесса идентификации, который сопровождается характеристикой субъекта культуры. Данные процессы воплощаются во внутренней форме эталона, которая рассмотрена как вербальный стереотип, отражающий прототипическое представление обозначаемого явления. Выявлено, что все основные коды культуры участвуют в формировании эталонов. В ходе исследования определены продуктивные культурные коды, которые используются в процессе идентификации. К их числу относятся антропоморфный, биоморфный, акциональный. Эталоны представлены единицами, идентифицирующими человека как вид и по отдельным аспектам его жизнедеятельности. Формирование эталонов осуществляется с опорой на лингвокультурные типы, архетипические представления или практические наблюдения человека за явлениями действительности. Один вербальный стереотип может быть положен в основу разных эталонов. Эталон может фиксировать отступление от нормы, указывая на стандарты хорошего или плохого. Большинство эталонов характеризуется пейоративной оценочностью. В ходе исследования выяснено, что эталоны антропоморфного кода культуры служат объективации представлений о типах людей, ориентированных на внутренний мир или материальные ценности. Антропоморфные стереотипы, указывающие на социальные признаки, идентифицируют особенности личности в контексте общественных отношений. Биоморфные стереотипы основаны на архетипических знаниях или практических наблюдениях. Большинство единиц этой группы фиксирует отступление от нормы или стандарта и включает в свое значение негативную оценку, что объясняется интерпретацией животного как эрзаца человека. Среди эталонов с образом «Птица» доминируют единицы с положительной оценочностью. Вербальные стереотипы растений малопродуктивны и используются преимущественно для объективации негативных аспектов. В фетишных эталонах значимыми становятся ценностные, функциональные характеристики предмета, а также ощущения от контакта с ним. Эталоны человека, образованные на основе акциональных признаков, воплощают представления о стандартах поведения, принятых в русской культуре. Эталоны анимического кода отражают погружение человека в контекст природы, ощущение ее частью.

Ключевые слова: язык, культура, идентификация, эталон, стереотип, внутренняя форма

Для цитирования: Токарев Г. В. Отражение процесса самоидентификации личности эталонами русской лингвокультуры // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 6 (236). С. 26–35. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-26-35>

Reflection of personality self-identification process by the standards of Russian linguoculture

Grigory V. Tokarev

Tula State Pedagogical Leo Tolstoy University, Tula, Russian Federation, grig72@mail.ru

Abstract

The article is devoted to determining the peculiarities of self-identification, i.e. self-understanding, by the standards of the Russian linguoculture. To achieve the goal, the author uses onomasiological, component, conceptual analysis, linguocultural interpretation techniques. A standard is a sign of culture, expressing in verbal form stereotypical ideas about the typical features and qualities of a person. Standards have been proved to be the main means for self-identification of the subject of culture. They objectify various aspects of a person's inner world, his/her appearance, social interaction. The article establishes that a standard is an element of people's identity, the result of the identifica-

tion process, which is accompanied by the characterization of the subject of culture. These processes are embodied in the internal form of the standard, which is considered as a verbal stereotype reflecting the prototypical representation of the denoted phenomenon. The article reveals that all major cultural codes are involved in the formation of standards. The study identifies productive cultural codes that are used in the identification process. They include anthropomorphic, biomorphic, actional. The standards are represented by the units identifying a person as a kind and on certain aspects of his/her life activity. The formation of standards is carried out on the basis of linguocultural types, archetypal representations or practical human observations of reality phenomena. One verbal stereotype can be the basis of different standards. A standard can fix a deviation from the norm, indicating the norm for good or bad. The majority of standards are characterized by pejorative evaluativeness. The research discovers that the standards of anthropomorphic code of culture serve to objectify ideas about types of people oriented towards the inner world or material values. Anthropomorphic stereotypes pointing to social attributes identify features of a person in the context of social relations. Biomorphic stereotypes are based on archetypal knowledge or practical observations. The majority of units of this group record a deviation from the norm or pattern and include a negative evaluation in their meaning, which is explained by the interpretation of the animal as an ersatz human being. Units with positive evaluation dominate among the standards with the image "Bird". Verbal stereotypes of plants are unproductive and are used mainly to objectify negative aspects. In fetish standards, value and functional characteristics of the object, as well as feelings from contact with it, become significant. Human standards formed on the basis of actional attributes embody ideas about the behavioural norms accepted in the Russian culture. The standards of the animic code reflect the immersion of a person in the context of nature, the feeling of being a part of it.

Keywords: language, culture, identification, standard, stereotype, internal form

For citation: Tokarev G. V. Otrazheniye protsesssa samoidentifikatsii lichnosti etalonami russkoy lingvokultury [Reflection of personality self-identification process by the standards of Russian linguoculture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 6 (236), pp. 26–35 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-26-35>

Введение

Одной из актуальных проблем современных гуманитарных наук является изучение феномена национальной идентичности, а также способов и средств ее выражения, механизмов, обеспечивающих ее существование. В данном исследовании мы придерживаемся точки зрения, предложенной В. Н. Телия, о существовании особого, промежуточного лингвокультурного уровня, который является результатом взаимодействия систем языка и культуры [1]. Язык выступает своеобразным контейнером для объективации культурно маркированных знаний. Данный уровень представлен лингвокультурными единицами, среди которых можно выделить эталоны – знаки культуры, выражающие стереотипные представления о стандартах свойств и качеств человека [2]. В. Н. Телия предложила термин «квазиэталон», понимая под ним «характерологически образную подмену свойств человека или предмета какой-либо реалией» [1, с. 242]. Приставкой квази- исследователь хотел подчеркнуть особую, вербальную природу данных знаков. Эталоны являются основным средством самоидентификации субъекта культуры. Они охватывают разные аспекты внутреннего мира человека, его внешности, социального взаимодействия. Эталон является элементом идентичности народа [3, 4], результатом процесса идентификации, сущность которого заключается в категоризации, сортировке [5] знаний с опорой на когнитивные фильтры «свой vs. чужой», «понятный vs. непонятный», «соот-

ветствующий норме vs. не соответствующий норме». Заметим, что, принимая во внимание эталоны, процесс идентификации осуществляется параллельно с характеристикой субъекта культуры [6]. Этот факт объясняет признаковую семантику эталонов, наличие в их семемах оценочных сем. Процесс идентификации отражается во внутренней форме данного лингвокультурного знака, которая, вслед за В. Н. Телия [7], определяется нами как вербальный стереотип, отражающий прототипическое представление обозначаемого явления. А. А. Потебня указывал, что «...в образе отпечатывается то, что человеку кажется непосредственно истинным и действительным» [8, с. 127].

Перевод данных знаний в вербальную форму осуществляется с опорой на симболярный [9] культурного кода, под которым мы понимаем «принцип образования, использования и интерпретации знаков культуры» [4, с. 58]. В лингвокультурологии принято определять культурный код с опорой на базовый образ единиц. Путем обобщения внутренних форм можно выделить базовые образы, категоризирующие культурный код.

Целью данной статьи является определение особенностей самоидентификации человека эталонами русской лингвокультуры, восходящими к разным кодам культуры.

Материал и методы

Для достижения поставленной цели были использованы следующие методы исследования:

ономазиологический, компонентный, концептуальный анализ, приемы лингвокультурологической интерпретации. Материалом исследования стали эталоны русского языка, включенные в «Краткий словарь русских лингвокультурных единиц» [10], материалы толковых словарей русского языка и национального корпуса русского языка.

Результаты исследования

Наиболее продуктивный способ идентификации осуществляется с опорой на антропоморфный код культуры. Д. Б. Гудков и М. Л. Ковшова отмечают, что в антропоморфном коде тело знака «...отсылает не просто к предмету, а в конечном счете – к маркированной им телесно-двигательной возможности человека» [11, с. 74]. Человек пытается осмыслить себя через внешнее, плотское и внутреннее, духовное. Ключевыми образами-стереотипами здесь выступают *душа* и *утроба*. Эталон *утроба* репрезентирует представления о материальных потребностях человека, который не может остановиться на пути обогащения: *ненасытная утроба*, культурный знак *душа* используется при характеристике его внутренних качеств.

В процессе категоризации знаний о самом себе русский человек обращается к своему образу, акцентируя внимание на «верхнем этаже», голове. Для выражения автостереотипов используются образы головы, глаз, ушей, лица, лба, рта, языка, бороды и др. Вербализованные стереотипы *голова* и *рот* продолжают объективацию указанной когнитивной стратегии, связанной с выделением внутренних и внешних признаков человека. Русский идентифицирует себя с опорой на образ головы. В наивном понимании ум, способность мыслить, принимать решения как выделяет человека из контекста природы, так и отличает от себе подобных: *светлая, здоровая голова, пустая, дубовая голова, золотая голова, голова с мозгами*. Данный культурный знак может использоваться в качестве базовой единицы идентификации.

Наивная анатомия учитывается при идентификации качеств и свойств людей: *око* – бдительного, *борода* – опытного, *глотка* – пьющего или громогласного, *длинный язык* – болтливое, *скелет* – худого и т. д. Идентификация человека в аспекте выполняемой деятельности осуществляется с опорой на лингвокультурный знак *рука*: *счастливая рука, недобрые руки, золотые руки, длинные руки, правая рука, легкая рука, твердая рука, сильная рука* и др. Эта же стратегия используется при выборе вербальных стереотипов, указывающих на физиологические свойства организма человека: *сопля* – эталон ничтожности, *лимфа* – вялости и др.

Физиологические признаки учитываются при объективации отступления от нормы: *недоносок* ‘об умственно недоразвитом, отсталом человеке’, *калека* ‘о человеке с поврежденной психикой, изуродованном в нравственном отношении’, *младенец* ‘о неопытном, наивном или беспомощном человеке’, *ходячие мощи* ‘об очень худом, истощенном человеке’, *ходячий мертвец, труп* ‘о человеке духовно, нравственно мертвом’, *лилипут, карлик* ‘о человеке малозначительном, ничтожном в каком-либо отношении’, *гигант* ‘о великом человеке, великом деятеле, таланте’. При этом внешние особенности человека используются для объективации автостереотипов внутренних признаков.

Для идентификации человека в социальном аспекте избирается признак цвета кожи. Белый цвет соответствует норме, поэтому положительно интерпретируется – *белый человек*; черный служит выражению представлений отступления от нормы: *негр* ‘о человеке, занятом чрезмерной и тяжелой работой’, *пигмей* ‘о ничтожном человеке’, *черный народ* ‘крестьяне и ремесленники’. При объективации представлений о значимости человека, его роли в обществе используются вербальные стереотипы, называющие степени родства: *отец, мать, брат, сестра*. Эталоны *маменькин сыночек, чадо, дитя* отражают представления о несамостоятельных, несостоятельных, инфантильных людях. Идентификация людей по признаку образа жизни осуществляется с опорой на лингвокультурные типажи [12]: *мещанин* эталонизирует человека с меркантильными интересами, *барин* – ведущего праздный образ жизни, *барышня* – не приспособленную к труду женщину.

Итак, вербализованные стереотипы антропоморфного кода культуры служат объективации представлений о типах людей, ориентированных на внутренний мир или материальные ценности. Представления об органах человека кладутся в основу автостереотипов его особенностей. Вербализованные стереотипы, указывающие на социальные признаки, идентифицируют особенности личности в контексте общественных отношений. По справедливому замечанию С. А. Кошарной: «Человек не только творит „субъективную“ реальность по своему образцу и подобию, но и сам оказывается втянутым в процесс идентификаций» [13, с. 116].

Еще одной многочисленной группой являются эталоны, в основе которых лежит вербальный стереотип «Животное». Н. Б. Мечковская пишет: «Этимологическая значимость мифа уступала место более простому и реальному знанию повадок зверей, за которыми, однако, со временем все более стали просвечивать типы человеческих ха-

ракторов...» [14, с. 364]. Наблюдения над животными, взаимодействие с ними положены в основу культурного опыта народа. Эталоны этой группы также отличаются многочисленностью. Всматриваясь в своих меньших братьев, человек находил сходство внешности, поведения, характера. Ведущей когнитивной стратегией в процессе идентификации является интерпретация животного как низшего существа, которому не свойственны нравственные нормы. Языковое сознание использует культурные знаки животного, зверя, скота и др.: *Муж участвовал в немецких акциях, наши его судили и повесили. И правильно сделали – это был зверь. Самое лучшее для Голубинской было бы уехать куда-нибудь: свидетели ее хороших дел погибли, остались свидетели злодеяний ее мужа, понимаете, как к ней относились люди* (А. Рыбаков). *Ты сам, сам во всем виноват, скотина ты пьяная* (О. Павлов). *Это поколение молодых хищников, идущих по головам, считающих, что цель оправдывает любые средства* (Н. Елизарова). Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

Представления о собаке характеризуются амбивалентностью. С одной стороны, собаке приписываются положительные функции, с другой – она предстает как демоническое животное, связанное с враждебными человеку силами. Данные смыслы объективируются приметами: *«Собака воеет к низу (к земле) – к покойнику, вверх – к пожару. Собака землю роет – к покойнику. Не пинай собаку: судороги потянут. Собака валяется – к ненастью. Кто от собаки (после собаки) ест, у того горло распухнет»* и др. [15, т. 4, с. 250–251]. А. Н. Афанасьев записал следующее: *«На Руси рассказывается легенда, что собака создана была голой и что шерсть ей дана дьяволом»* [16, т. 1, с. 697].

С опорой на образ собаки идентифицируются следующие типы людей:

1) злые, ничтожные: *барбос, пес, собака. Николай кинулся в Екатерининский дворец, пес, бросив платок, ударился следом...* (Ю. Давыдов). *Даже под пыткой барбудос не назовут адреса и явки. – Мне все известно, барбосы! И так жильцы жалуются!* (Г. Башкуев);

2) распутные. Для объективации этих знаний используются вербальные стереотипы: *кобель, сука: И ведь нужно же было, при такой-то жизни, какому-то, прости господи, кобелю заговорить о возрождении!* (Салтыков-Щедрин);

3) ревностно служащие: *...Жандармский ротмистр, служилый пес, докладывал своему хозяину* (Фурманов);

4) ловкие, знающие толк в чем-либо: *Пьет, мошенник, шибко, зато собака писать* (Солодуб);

5) физически истощенные, голодные: *устал как собака, голодный как собака*;

6) не пользующиеся сами и не позволяющие пользоваться другим: *собака на сене*.

Свинья выступает в качестве эталона, идентифицирующего грязного, нечестного, неблагодарного человека. *Ты, грязная свинья! – крикнул он, но не особенно зло* (Ю. О. Домбровский).

Когнитивную основу идентификации сформировали наблюдения за этим животным, репрезентированные паремиями: *не до белья, коли свинья щелок пролила; наряди свинью в серьги, а она в навоз; свинья найдет грязь*, а также архетипические представления. А. Н. Афанасьев записал предание: *«...свинья прежде была создана не такой, что она имела щетины золотые и серебряные, но как-то упала в грязь и с той поры утратила блеск своих щетин...»* [16, т. 1, с. 736]. Данный вербальный стереотип используется и при идентификации пьяного человека: *в людях Илья, а дома свинья; пьяная баба свиньям прибавя*.

Внешние атрибуты животного субъект культуры учитывает при идентификации крупного мужчины: *боров, кабан: Чему, думал я, засмеялся этот толстый кабан?* (Тургенев). *Он понять не мог, о чем она могла вести такую одушевленную беседу с этим жирным боровом* (Писемский). Эти же знания могут быть объективированы эталоном медведь. Кроме того, данный вербальный стереотип используется при идентификации физически сильных, неуклюжих, неповоротливых, невоспитанных людей: *силен медведь, да в болоте лежит; не дал Бог медведю волчьей смелости, а волку медвежьей силы, Куда нам, провинциальным медведям* (Герцен), *Эти косолапые медведи стучат сапогами* (Гоголь). Идентификация человека осуществляется на основе вербального стереотипа лисы: *лиса все хвостом прикроет, лиса хвостом замывает, лисичка всегда сытей волка бывает, лиса семерых волков проведет, у лисицы Патрикеевны ушки на макушке, лисица своего хвоста не замазает*.

Представления о злом, нелюдом человеке объективированы вербальным стереотипом волка: *глядеть бирюком, волком; старый, травленный волк; не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел; несподручно волку с лисой промышлять* и др. Когнитивную базу данного стереотипа составили наблюдения за животным и архетипические знания. По записям А. Н. Афанасьева, волк был связан с представлениями «о грабеже, насилии, резне» [16, т. 1, с. 705].

Наблюдения за домашним скотом положены в основу выбора вербальных стереотипов при идентификации физических качеств человека: эталонами мужчины выступают *жеребец, бык, вол*: *Колькие годы теперь жеребец этакой в Питере живет; баловства, может, нивесть сколько за собой имеет* (Писемский); *здоров как бык: беспокоится о своем здоровье, когда сам здоров как бык* (С. Аксаков); крупной, неповоротливой женщины – *корова, кобыла*: *Корова, сущая королева: ее хоть ударь, хоть обними – все ухмыляется* (Гончаров), *Катя, подай огурцов! Кобыла, сходи к Сидорову, возьми квасу* (Чехов). Названные единицы оценочно маркированы, что отражает нарушение нормы. Быть неповоротливым и неуклюжим, плохо. Ср.: *коза* – ‘резвая, бойкая девушка’. Стандарты физической силы, отраженные в значении единиц *жеребец, бык, вол*, получают негативную окраску под влиянием фоновых знаний, актуализированных вербальным стереотипом: животные использовались для выполнения тяжелых физических работ.

Образы *осла, ишака, барана* выступают средством идентификации глупого, упрямого человека: *Посрамление математика Алеша приурочивал к экзаменам... Вот тогда я и докажу ему, кто из нас осел* (Пермитин). *Я ему, что ни день, твержу – съезжай, съезжай! А он мне – куда я, на зиму глядя, с детишками съеду? Сущий ишак, уперся, как баран, смотрит как баран на воду* (Федин). Выбор стереотипов обусловлен наблюдениями за животными.

Ощущения от контакта с животным отражены в семантике эталона *крыса*, объективирующего представления о неприятном, вредном человеке: *...в самом деле, права эта старая, выжившая из ума крыса...* (Чехов).

Представления о животных используются наивным сознанием для идентификации типов людей, не отвечающих сложившимся в культуре нормам и стандартам: *церковная мышь/крыса* – бедный; *овца/овечка* – робкий, безответный; *обезьяна* – подражающий другим; *лев* – храбрый; *черепаха* – медлительный. Продуктивность данной стратегии подчеркивается, с одной стороны, тем, что одни и те же смыслы объективируются с опорой на разные вербальные стереотипы: *медведь, бегемот, слон*, с другой – образ может становиться инструментом для выражения разных идентичностей: *лев – храбрый / пользующийся популярностью в обществе человек*.

Вербальный стереотип насекомого преимущественно используется в процессах идентификации для фиксации отступлений от нормы. Поскольку большинство насекомых оценивается как вредители, эта оценка учитывается при иден-

тификации человека. *Хамелеон* эталонизирует приспособленца, *паук* – живущего чужим трудом, *сморчок* – старого, маленького, непривлекательного, *скорпион* – злого и др. Представления о насекомых, приносящих человеку пользу, кладутся в основу эталонов трудолюбивого человека – *пчела, муравей*: *работающая как пчела: и на себя, и на людей, и на бога трудится*.

Незначительный размер насекомого принимается во внимание при идентификации детей: *клоп* ‘о маленьком ребенке’, *стрекоза* ‘о живой подвижной девочке’, *таракашек* ‘о ребенке’.

Обращение к вербальному стереотипу птицы обусловлено верой русского человека, что душа после его смерти переселяется в птицу, а также обыденными наблюдениями за ней. Птица выступает эталоном человека, выдающегося чем-либо: *важная птица, мелкая птица, невелика птица; обстрелянная птица* ‘о человеке бывалом, выдавшем виды’, *вольная птица* ‘о человеке, живущем свободно, независимо’. *Он птица вольная, он Рим покинет, когда захочет, – путь его везде, где ветер дует* (Полонский). Для идентификации человека в гендерном аспекте используются эталоны *курица/петух*: *не петть курице петухом, не быть бабе мужиком; курица гогочет, а петух молчит*.

Незначительный размер, беззащитность птиц становятся идентифицирующим признаком при объективации эталона ребенка, подростка, женщины. Для выражения данных представлений избираются эталоны *птаха, птенец, пугалица*: *Парнишка взглянет на меня из-под длинных своих загнутых ресниц, вздохнет. Такая мелкая птаха, а уж научился вздыхать* (Шолохов). *В один месяц возмужали и совершенно переродились только что оперившиеся птенцы и стали мужами* (Гоголь). *Пугалица – маленький, безобидный, слабый человек. Под фортепьяно заставили обеих пугалиц перед князем плясать казачка* (Достоевский).

Прежде всего языковое сознание обращается к типичным представителям этой части фауны. *Ворон/ворона* объективирует представления о следующих типах людей:

1) приносящих беду: *Что это ты ко мне таким злоеющим вороном приехал накаркивать какие вести* (Писемский). *У ворот покойницы уже стояла полиция и расхаживали купцы, как вороны, почуя мертвое тело* (Пушкин). Процесс идентификации основывается здесь на представлениях русского народа о том, что ворон предвещает беду, чует мертвое тело: *«...старый ворон мимо не каркнет; ...как ворон крови ждет; ...ворон каркает на церкви, к покойнику на селе, если каркает на избе, к покойнику во дворе; через*

который двор ворон перелетел, каркая, там будет покойник...» [15, с. 244];

2) алчных, приносящих беду: *стервятник; воронье. Тоже воронье – как прослышат покойника, особливо достаточного, стаями налетят* (Печерский);

3) нерасторопных, неловких: *Ворона! – перебил он вдруг себя. – Пропустил почтовый ящик* (Куприн);

4) обычных, заурядных: *наряд соколий, а походка воронья; бей сороку и ворону, добьешься и до белого лебедя; ворона за море летала да вороной и вернулась; где вороне не летать, а все навоз клевать;*

5) трусливых: *сердце соколье, а смелость воронья; пугана ворона и куста боится.*

Вербализованные стереотипы птиц избираются для идентификации человека в аспекте выполняемой деятельности:

- *ранняя птишка* – о том, кто рано встает, рано приступает к работе: *Пора, дитя мое, вставай: Да ты, красавица, готова! О птишка ранняя моя* (Пушкин);

- *сорока* – болтливый, шумный человек: *всякая сорока от своего язычка погибает; сорока на хвосту весть принесла; знать сороку по язычку и др.;*

- *стреляный воробей* – опытный: *старого воробья на мякине не проведешь, старому воробью по колено река;*

- *попугай* – не имеющий собственного мнения, повторяющий за кем-либо. *Один Катенин знает свое дело. Прочие – попугаи или сороки Инзовские* (Пушкин);

- *глухарь* – избегающий общества: *Десять лет прожив глухарем, я, конечно, привык к уединению* (Достоевский);

- *жаворонок/сова* – рано/поздно встающий или рано/поздно принимающийся за работу;

- *сыч* – мрачный, угрюмый, нелюдимый;

- *индюк* – глупый, заносчивый, надменный: *Только мне удивительно, как это вы курс кончили, образование получили, а вместо того, чтобы этого индюка наставлять, руку его держите* (Чехов), *надулся, как индюк;*

- *петух* – задорный, заносчивый человек, забияка: *Мужчины все петухи: вот бы и дрались* (Достоевский);

- *гусь* – плут, злой человек: *что с гуся вода, гусь лапчатый, ровно у гусака: сердце маленькое, а печенка большая. Я был щенком, когда родился, гусем лапчатым, когда вступил в жизнь* (Чехов).

Менее продуктивны тактики идентификации, в которых актуализируются признаки и свойства животного: *слепая курица* – эталон близорукого, плохо видящего человека: *Слепой курице все пшеница. Мокрая курица* – эталон неуверенного

трусливого человека. *Тетерев* – глупого, плохо слышащего, пассивного: *молодец, что орел, а ума, что у тетерева; видом орел, а умом тетерев, глухая тетеря*. Данные представления объективируются паремиями: *топчется на одном месте, как тетерев на току; тетереvu вся зима одна ночь. Цапля – высокого, длинноногого: Проклятая цапля! Он, верно, завидует, что я сижу в директорском кабинете и очиниваю перья для его превосходительства»* (Гоголь). *Орел* – храброго, сильного, мужественного: *С такими орлами и я орел!* (Бек). Это значение объективируется паремиями: *он орлом глядит, орлом летает; орел мух не ловит.*

Таким образом, эталоны человека, в основе которых лежат вербальные стереотипы животного, основаны на архетипических знаниях или практических наблюдениях. Большинство единиц этой группы фиксирует отступление от нормы или стандарта и включает в свое значение негативную оценку, что объясняется интерпретацией животного как эрзаца человека.

Менее продуктивен в процессе идентификации человека вербальный стереотип растения. Общие названия растений и их частей используются для идентификации человека: *Был у нас в газете некий фрукт, вел он городскую хронику и писал воскресный фельетон* (Куприн). Для презентации представлений учитывается жизненный цикл растения: *поросль, старый хрен. Не беречь поросли, не видать и дерева; лес по дереву не плачет, а по поросли сохнет. Эта дворянская поросль представляет собою яркую иллюстрацию бесповоротного вырождения* (Мамин-Сибиряк). *Став начальником училища, он призван был теперь выращивать эту поросль, которая являлась надеждой рода* (Лидин). *Смотри, Фома, сказал Остап, – если старый хрен не пойдет танцевать* (Гоголь). *Мы-то с Евдокимом Егорычем уже скоро грибы будем. Старый-то на молодой женится, думает, что сам помолодеет, а заместо того, еще скорее рушится, в затхлость обращается* (А. Островский). Языковое сознание учитывает свойства и качества растений для объективации сходных характеристик человека. Так, акустические свойства дерева кладутся в основу категоризации грубого, глупого и невосприимчивого человека: *он дерево деревом. Я стала ему говорить, он только шутит да смеется в глаза. Дерево они у нас, дерево, дуб, осина* (А. Островский). Не плодоносящее растение – пустоцвет – идентифицирует бесполезного или не оправдавшего надежд: *Речь идет не о тех людях-пустоцветах, которые ... быстро во всем разочаровываются, срываются и исчезают, не оставляя после себя следов* (Чаковский). Особен-

ности произрастания: *вьюн, перекасти-поле* становятся презентантом ловкого, проворного, расторопного человека: *Да и к этому вьюну не придерешься* (А. К. Толстой). *Не далее как аришин от меня лежал скиталец; за стенами в номерах и во дворе ... не одна сотня таких же скитальцев ожидала утра, а ... какое множество таких же перекасти-поле, ища, где лучше, шагало теперь по большим и проселочным дорогам* (Чехов). Ценность растения соотносится с значимостью для других: *паразит* – о человеке, который живет чужим трудом. Сроки созревания плода учитываются при характеристике человека, который быстро включается в какую-либо деятельность: *Пушкин отнюдь не думал выказываться и важничать, как это часто бывает в те годы со скороспелками, которые по каким-либо обстоятельствам и раньше, и легче находят случай чему-нибудь выучиться* (Пушин).

Учитывается воздействие растений на человека, их восприятие, вкусовые качества. Значимыми становятся приятный вид и запах растения: *Вы еще дитя, вы бутон, который еще будет распускаться...* (Л. Толстой), *Надеюсь, милая, и после свадьбы вы останетесь все таким же розаном* (Чехов). *Я был ребенком кротким и добронравным, и только когда тревожили меня во время занятий, становился недотрогой (мимо-зою), что отчасти сохранилось и донныне* (Глинка). В приведенных примерах эталон объективирует знания о свежем, приятном человеке, роза – привлекательном, мимоза – капризном. В спектре вкусов языковое сознание останавливается на неприятных, что используется при объективации представлений о неприятных, вредных, язвительных людях: *Видите, какой она перец. Живем в одном доме, нельзя же не встречаться и не разговаривать ... с ней пошутили, а она огрызается* (А. Островский). *Эх, эта мне Анисья – полынь горькая* (Л. Толстой). В качестве идентификаторов здесь выступают эталоны *перец, полынь, редиска*. Таким образом, для категоризации представлений о внешности человека используются внешние признаки растения, внутренних характеристик – вкусовые свойства. Итак, при идентификации представлений о человеке вербальные стереотипы растений малопродуктивны и используются преимущественно для объективации негативных аспектов.

Идентификация человека с опорой на название действия характеризуется продуктивностью. Данный вербальный стереотип способен в сжатой форме репрезентировать модель поведения, свойственную тому или иному человеку. Очевидно, что выбор признака связан

с потребностью языковой личности представить человека через вид приписываемой ему деятельности.

Для идентификации качеств человека во внимание принимаются профессиональные типажи человека: *адъютант, акробат, актер, арлекин, артист, дипломат, кустарь, летописец, министр, нянька, петрушка, полотор, поэт, приказчик, прозаик, сапожник, фабрикант, химик, художник* и др.

Вербальной стереотипизации подлежат и представления о социальной деятельности человека:

- социальное положение, отношение к свободе: *король, холоп, невольник, пленник*;
- отношение к религии: *нехристь, патриарх* и др.;
- образ жизни: *отшельник, изгой* и др.;
- отношение к культурным ценностям: *варвар, дикарь* и др.;
- отношение к закону: *маньяк, мародер, преступник* и др.

Актуализируются роли, свойственные героям фантастического мира: *волшебник, маг, фея* и др. Идентификация осуществляется по характеру действия, которое выполняет человек: *подпевала, прилипала, ищейка, двигатель, кусака, летун, лизун* и др. Особую группу составляют эталоны, вербальные стереотипы которых указывают на способ зарабатывания денег: *поденщик, контрабандист, спекулянт* и др. Таким образом, эталоны человека, образованные на основе акциональных признаков, отражают представления о стандартах поведения, принятых в русской культуре.

Продуктивность фетишного культурного кода обусловлена большим количеством предметов, которые окружают человека и через которые он пытается осмыслить себя. Прежде всего языковая личность обращает внимание на ценность вещи, посредством которой он осознает собственную значимость. Представления о ненужных людях кладутся в основу эталонов посредственных, бесполезных людей: *пятое колесо в телеге, мебель, мелкая сошка, мелочь, огрызок*. Напротив, эталоны значимых людей репрезентируются с опорой на представления о ценных в материальном отношении вещах: *картина, клад, золото, сливки, золотой мешок*.

В процессе самоидентификации актуализируются функциональные признаки вещи. Так, вращение лопастей ветряной мельницы рефлексировано в представлениях о человеке, который говорит много и не по существу: *мельница. В минуты откровенных излияний он хвастался тем, что был другом Баркова... Жена называла мужа*

«ветряною мельницей» и «бесструнную балалайкой»... (Салтыков-Щедрин).

Актуализируются внешние признаки предмета, которые экстраполируются на качества человека. Привлекательные женщины идентифицируются эталонами *конфетка*, *куколка*. Для характеристики внешности человека используются вербальные стереотипы: *кубышка*, *кувалда*, *спичка*, *сухарь*, *каланча*. Подлежать эталонизации могут и ощущения, которые вызывает тот или иной предмет: *сухарь*, *кислятина*, *кипяток*, *гранит*. *Катя лежала в постели, осунувшаяся и бледная... Ах ты, кислятина...* (А. Толстой). *Ну, ух девка! ...Кипяток! ...Бедовая!* (Печерский). Таким образом, в процессах идентификации человека с опорой на вербальный стереотип предмета значимыми становятся его ценностные, функциональные характеристики, а также ощущения от контакта с ним. Самоидентификация человека с опорой на вербальные стереотипы анимического кода культуры малопродуктивна. Образы природы, к которым обращается языковое сознание, имеют архетипическую основу. Так, страстный, пылкий, энергичный человек идентифицируется с опорой на вербализованный стереотип огня: *Это огонь, не человек. Дело в руках горит*. Огонь является одной из стихий, символизирует творческое начало [17, с. 54]. А. Н. Афанасьев отмечает: «С возжжением огня издревле соединялась мысль о возрождающейся жизни, а с его погашением – мысль о смерти» [15, т. 2, с. 19]. Считалось хорошей приметой увидеть случайно огонь [15, т. 2, с. 20]. А. А. Потебня указывает: «Как душа и жизнь, так и частные проявления жизни: голод, жажда, желание, любовь, печаль, радость, гнев – представлялись народу и изображались в языке огнем» [18, с. 9].

Очевидная для наивной картины причинно-следственная связь огня и света актуализирует в языковом сознании эти феномены, их образная презентация используется в процессах идентификации. Свет дает возможность видеть, делает что-либо заметным, поэтому эталоны известных, компетентных людей объективируются с опорой на данный признак: *светило*, *светоч*. А. А. Потебня отмечает: «Нет ничего обыкновеннее в народных песнях, как сравнение людей и известных душевных состояний с солнцем, месяцем, звездой; но взгляд на светила как на антропоморфические божества затемнился так давно, что ни одно из них не служит символом одного пола» [18, с. 24]. А. Н. Афанасьев пишет: «Яркое сияние солнца и пламя грозы старинный метафорический язык уподоблял блеску золота, серебра

и самоцветов» [15, т. 2, с. 361]. Таким образом, когнитивную основу идентификации с использованием данного образа составили архетипические представления о ценности, свойствах природных стихий. С опорой на вербализованный стереотип ветра формируются представления о легкомысленном человеке: *Я-то забыла, понадеялась на нее, а она у меня ветер* (Гончаров). Болото в наивной картине мира осмысливается как нечистое место: *в тихом болоте черти водятся; не ходи при болоте, черт уши обколочит; было бы болото, а черти будут*. Данные представления сформировали когнитивную основу идентификации нерешительных, пассивных людей с опорой на данный образ.

Результат восприятия горы положен в основу характеристики крупного человека: *Домна Платоновна, как говорят, в поперек себя шире, и чем вверх не доросла, тем вишь берет, и на вид она гора горою ходит* (Лесков). Вербализованный стереотип *скала* стал средством идентификации холодного и неприступного человека: *Человеческая личность должна быть крепка, как скала, ибо на ней все строится* (Тургенев). Эталоны анимического кода объективируют идентификацию человека как части макрокосма природы.

Заключение

Таким образом, многообразие эталонов русского языка свидетельствует об активности процессов самоидентификации русского человека, его креативности. Как справедливо отмечают Е. Г. Тарева, Е. В. Тройникова данный процесс связан «...с устойчивым включением личности в смысловые поля культуры с их языковыми формами, ценностями, традициями, ориентирами поведения» [19, с. 48]. Языковая личность демонстрирует самокритичность, внимание в себе и своей деятельности. Живой образ, отражающий стереотип, стандарт чего-либо воплощает когнитивную тактику самопонимания и самохарактеризации. В окружающих предметах человек пытался увидеть частицу себя. Об этом точно сказала Н. Д. Арутюнова: «Благодаря существованию Другого человек способен вынести суждение о себе самом как об объекте» [20, с. 647]. Вербализованный стереотип детерминирован архетипическими знаниями и обыденными наблюдениями за элементами макрокосма человека. Пейоративный характер семантики эталонов свидетельствует о критическом настрое субъекта культуры. Эталоны подтверждают, что естественный язык является основным средством идентификации человека.

Список источников

1. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 287 с.
2. Токарев Г. В. Человек: стереотипы русской лингвокультуры. Тула: С-Принт, 2013. 92 с.
3. Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры. М.: Гнозис, 2016. 496 с.
4. Токарев Г. В. Проблемы изучения символярия региональной идентичности. Тула: ТППО, 2023. 168 с.
5. Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Моск. гос ун-та, 1996. 245 с.
6. Лаппо М. А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. Новосибирск: Изд-во НГПУ. 2013. 180 с.
7. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 141 с.
8. Потебня А. А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 199 с.
9. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. С. 13–24.
10. Токарев Г. В. Краткий словарь русских лингвокультурных единиц. Тула: ТППО, 2020. 273 с.
11. Гудков Д., Ковшова М. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.
12. Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5–25.
13. Кошарная С. А. Миф и язык. Белгород: Из-во БГУ, 2002. 287 с.
14. Мечковская Н. Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура. М.: Академия, 2004. 432 с.
15. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Терра, 1995.
16. Афанасьев А. А. Мифы, поверья и суеверия славян. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М.: Эксмо, 2002. 768 с.
17. Шейнина Е. Я. Энциклопедия символов. М.: АСТ; Харьков: Торсинг, 2006. 592 с.
18. Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000. 184 с.
19. Тарева Е. Г., Тройникова Е. В. Культурная идентичность субъекта: векторы информационной трансформации // Язык и культура. 2023. № 64. С. 45–64.
20. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 896 с.
21. Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Донина О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания. 2024. Т. 2. С. 7–34.

References

1. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya: semantiko-pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian phraseology: semantic-pragmatic and linguistic-cultural aspects]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoy kul'tury" Publ., 1996. 287 p. (in Russian).
2. Tokarev G. V. *Chelovek: stereotipy russkoy lingvokul'tury* [Man: stereotypes of Russian linguistic culture]. Tula, S-Print Publ., 2013. 92 p. (in Russian).
3. Krasnych V. V. *Slovar' i grammatika lingvokul'tury* [Dictionary and grammar of linguoculture]. Moscow, Gnozis Publ., 2016. 496 p. (in Russian).
4. Tokarev G. V. *Problemy izucheniya simbolariya regional'noy identichnosti* [Problems of studying the symbolary of regional identity]. Tula, TPPO Publ., 2023. 168 p. (in Russian).
5. Kubryakova E. S. et al. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A concise dictionary of cognitive terms]. Moscow, Moscow state university Publ., 1996. 245 p. (in Russian).
6. Lappo M. A. *Samoidentifikatsiya: semantika, pragmatika, yazykovye resursy* [Self-identification: semantics, pragmatics, language resources]. Novosibirsk, NGPU Publ., 2013. 180 p. (in Russian).
7. Teliya V. N. *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinit* [The connotative aspect of the semantics of nominative units]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 141 p. (in Russian).
8. Potebnya A. A. *Mysl' i yazyk* [Thought and language]. Moscow, Labirint Publ., 1999. 199 p. (in Russian).
9. Teliya V. N. *Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kultury* [The primary tasks and methodological problems of the study of the phraseological composition of language in context of culture].

- the context of culture]. *Frazeologiya v kontekste kul'tury* [Phraseology in the context of culture]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoy kul'tury" Publ., 1999. Pp. 13–24 (in Russian).
10. Tokarev G. V. *Kratkiy slovar' russkikh lingvokul'turnykh edinit* [A short dictionary of Russian linguistic and cultural units]. Tula, TPPO Publ., 2020. 273 p. (in Russian).
 11. Gudkov D., Kovshova M. *Telesnyy kod russkoy kul'tury: materialy k slovaryu* [The body code of Russian culture: materials for the dictionary]. Moscow, Gnozis Publ., 2007. 288 p. (in Russian).
 12. Karasik V. I., Dmitrieva O. A. *Lingvokul'turnyy tipazh: k opredeleniyu ponyatiya* [Linguistic and cultural type: towards the definition of the concept]. *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi* [Axiological linguistics: linguacultural types]. Volgograd, Paradigma Publ., 2005. Pp. 5–25 (in Russian).
 13. Kosharnaya S. A. *Mif i yazyk* [Myth and language]. Belgorod, BGU Publ., 2002. 287 p. (in Russian).
 14. Mechkovskaya N. B. *Semiotika. Yazyk. Priroda. Kul'tura* [Semiotics. Language. Nature. Culture]. Moscow, Akademiya Publ., 2004. 432 p. (in Russian).
 15. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 tomakh* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: 4 volumes]. Moscow, Terra Publ., 1995 (in Russian).
 16. Afanas'ev A. A. *Mify, pover'ya i sueveriya slavyan. Poeticheskiye vozzreniya slavyan na prirodu: v 3 tomakh* [Myths, beliefs and superstitions of the Slavs. The poetic views of the Slavs on nature: 3 volumes]. Moscow, EKSMO Publ., 2002. 768 p. (in Russian).
 17. Sheynina E. Ya. *Entsiklopediya simvolov* [Encyclopedia of Symbols]. Moscow, AST Publ.; Khar'kov, Torsing Publ., 2006. 592 p. (in Russian).
 18. Potebnya A. A. *Simvol i mif v narodnoy kul'ture* [Symbol and myth in popular culture]. Moscow, Labirint Publ., 2000. 184 p. (in Russian).
 19. Tareva E. G., Troynikova E. V. *Kul'turnaya identichnost sub'ekta: vektory informatsionnoy transformatsii* [Cultural identity of the subject: vectors of information transformation]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2023, no. 64, pp. 45–64 (in Russian).
 20. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoy kul'tury", 1999. 896 p. (in Russian).
 21. Savchuk S. O., Arkhangel'skiy T. A., Bonch-Osmolovskaya A. A., Donina O. V., Kuznetsova Yu. N., Lyashevskaya O. N., Orekhov B. V., Podryadchikova M. V. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka 2.0: novye vozmozhnosti i perspektivy razvitiya* [National Corpus of the Russian Language 2.0: new opportunities and development prospects]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the study of language*, 2024, no. 2, pp. 7–34 (in Russian).

Информация об авторе

Токарев Г. В., доктор филологических наук, профессор, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого (пр. Ленина, 125, Тула, Россия, 300026).
E-mail: grig72@mail.ru

Information about the author

Tokarev G. V., Doctor of Philological Sciences, Professor, Tula State Pedagogical Tolstoy University (pr. Lenina, 125, Tula, Russian Federation, 300026).
E-mail: grig72@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.05.2024.; принята к публикации 01.10.2024

The article was submitted 20.05.2024.; accepted for publication 01.10.2024

УДК 81'373, 811.512.153

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-36-45>

Применение теории поля для описания водно-ландшафтной лексики хакасского языка

Екатерина Асимовна Фархади

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
kate.galp@mail.ru*

Аннотация

Природа и особенно водные ресурсы играют огромную роль в жизни коренных народов, добывающих свое пропитание и проживающих в естественных условиях. Вода является неотъемлемой частью культуры и традиций хакасского народа, и наименования разных видов гидроландшафта хозяйственного и культового значения передаются из поколения в поколение. Рассматривается использование теории полевой структуры для анализа водно-ландшафтной лексики в хакасском языке. Обсуждаются основные принципы теорий о полевой структуре, такие как положения о ядре и периферии поля. Также изучается опыт использования теории грамматических и лексических полей в работах Е. В. Гулыга, А. В. Бондарко и лексической типологии В. Ю. Апресян и Е. В. Рахилиной. Основной акцент делается на анализ гидроландшафтной лексики, которая относится к важному слою лексики любого языка. Исследование проводится на материале хакасского языка и включает в себя анализ лексем, обозначающих водные объекты, встречающиеся в четырех электронных и печатных словарях и в «Указателе типических мест героического эпоса народов Сибири». Кроме того, исследуется происхождение и использование различных лексем для обозначения рек (например *суз*, *ус/ўус*, *талай*) в хакасском языке. Анализ языкового материала позволил построить лексико-семантическое поле гидроландшафтной лексики хакасского языка. В ядре – архилексема *суз* со значением ‘вода, река’. Околядерная зона состоит из простых слов, обозначающих постоянные типичные водные объекты (*талай* ‘большая река’, *көл* ‘озеро’ и др.). К ближней периферии относятся сложные и составные лексические единицы, которые выражают значение «постоянные водные объекты» (*ылбаң сас* ‘трясина’, *ылбаң чир* ‘топкое место, трясина, болото’ и др.). Дальнюю периферию составляют лексемы – временные водные объекты, в том числе созданные человеком (*салбых* ‘лужа, лужица’, *аргацах* ‘канавка, небольшая протока’ и др.). Результаты исследования позволяют лучше понять структуру и взаимосвязи между лексическими единицами водно-ландшафтной тематики и применить полученные знания для дальнейших лексикологических исследований.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, ядро, околядерная зона, ближняя и дальняя периферия, хакасский язык, водно-ландшафтная лексика

Для цитирования: Фархади Е. А. Применение теории поля для описания водно-ландшафтной лексики хакасского языка // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 6 (236). С. 36–45. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-36-45>

The application of field theory to describe water-landscape vocabulary in the Khakas language

Ekaterina A. Farkhadi

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, kate.galp@mail.ru

Abstract

Nature, and especially water resources, play a huge role in the lives of indigenous peoples who rely on natural environments for their sustenance. Water is an integral part of the culture and traditions of the Khakas people, and the names of various types of water, defining their purpose, are passed down from generation to generation. This article explores the use of field structure theory to analyze the lexical group of water-landscape terms in the Khakas language. The main principles of field structure theories are discussed, such as the core and periphery positions in the field. The article also examines the experience of using the theory of grammatical and lexical fields in the works of E.V. Gulyga, A.V. Bondarko, lexical typology of V.Yu. Apresyan and E.V. Rakhilina. The main focus is on the analysis of hydro-landscape vocabulary, which belongs to an important layer of vocabulary in any language. The study is conducted on the material of the Khakass language and includes an analysis of lexemes denoting water

bodies found in electronic and printed dictionaries and in Khakass heroic epics “Ay-khuuchin” and “Altyn Aryg”. The study also examines the origin and use of various lexemes to denote rivers (such as sug, us / uus, talay) in the Khakass language. The analysis of linguistic material allowed to construct the lexical-semantic field of hydro-landscape vocabulary of the Khakass language. At the core is the archilexeme sug meaning ‘water, river’. The near-core zone consists of simple words denoting constant typical water bodies (talay ‘large river’, köl ‘lake’, etc.). The near periphery includes complex and compound lexical units expressing the meaning of “permanent water bodies” (ylbañ sas ‘swamp’, ylbañ chir ‘marshy place, swamp’, etc.). The far periphery is composed of lexemes denoting temporary water bodies, including those created by humans (salbykh ‘puddle’, argāžakh ‘ditch, small channel’, etc.). The results of the study help to better understand the structure and relationships between lexical units of water-landscape theme and apply the acquired knowledge for further lexicological research.

Keywords: lexical-semantic field, core, near-core zone, near and distant periphery, Khakas language, water-landscape vocabulary

For citation: Farkhadi E. A. Primeneniye teorii polya dlya opisaniya vodno-landshaftnoy leksiki khakasskogo yazyka [The application of field theory to describe water-landscape vocabulary in the Khakas language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 6 (236), pp. 36–45 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-36-45>

Введение

Принятие теории полевой структуры для описания лексики, грамматических категорий, лексико-грамматических категорий, семантических категорий позволяет решать проблемы внешних и внутренних границ для членов одного класса и принимать во внимание взаимоотношения и взаимодействие между членами разных классов. Использование положений теории поля позволяет рассматривать совокупность слов или любых других элементов как структуру с ядром и периферией и допускает плавный переход слов или элементов от ядра к ближней периферии, от ближней периферии к дальней периферии, от периферии одного поля к периферии другого поля. Прежде чем перейти к описанию лексического поля водно-ландшафтной лексики, следует обратиться к исследованиям уже существующих теоретических положений на материале различных категорий и языков.

В статье обсуждается опыт использования теорий о грамматико-лексических полях Е. В. Гулыга, функционально-семантических полях А. В. Бондарко и изысканий по относительно новой дисциплине, которая сейчас бурно развивается, по лексической типологии В. Ю. Апресян и Е. В. Рахилиной.

Материал и методы

Теорию грамматических полей в 60-е гг. XX в. разрабатывали ученые-германисты Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс. В своей книге исследователи рассматривают разноуровневые средства (грамматические, лексико-грамматические и лексические) в их функционировании.

Авторы убеждены, что вопросы изучения теории языка, касающиеся грамматики, не могут быть объективно исследованы без привлечения данных по лексикологии и семантики. При функционировании языка важно как грамматиче-

ское, так и лексическое значение единиц. Лексические средства призваны выполнять назывную функцию слов и, в отличие от грамматической функции, называют явления действительности, конкретизируя ее в той или иной мере. Очень часто лексические средства конкретизируют значения грамматических форм.

«Разнообразные средства грамматического и лексического уровня, призванные выражать и называть общие значения, связаны между собой не случайными отношениями, а отношениями, позволяющими установить определенные закономерности. Совокупность взаимодействующих средств образует систему – Грамматическое ПОЛЕ» [1, с. 8–9].

Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс показывают шесть лексико-грамматических полей, таких как Поле Множественности, Времени, Модальности, Компаративности, Одушевленности/Неодушевленности и Указательное Поле, исследование которых проводилось на материале произведений художественной литературы XX в.

Поле в представлении данной теории может быть представлено в горизонтальном или вертикальном сечении, его структура неоднородна: значения образуют микрополя, внутри микрополя значения могут быть противоположными или полярными, по горизонтали располагаются семантические участки, по вертикали – конституенты микрополей (они составляют макрополе), которые являются набором инвентаря средств разных уровней [1, с. 9–10].

В разрабатываемой А. В. Бондарко модели грамматики предметом анализа являются функционально-семантические поля (ФСП). При построении ФСП важнейшее значение имеет принцип онтологизма, так как основа для исследования – семантические категории, которые являются базовыми понятиями, отражающими объективную действительность в сознании лю-

дей. Это, например, аспектуальность, темпоральность, временная локализованность, модальность, бытийность, локативность и т. д. Семантические категории в каждом конкретном языке всегда находят свои способы выражения: это лексико-грамматические разряды слов, различные типы синтаксических конструкций, лексические средства, сложные комбинации средств разных типов. Таким образом, в концепции А. В. Бондарко «семантические категории с системой разноуровневых средств, служащих для выражения разновидностей и вариантов данной категории в данном языке, – это и есть функционально-семантические поля» [2, с. 31–33].

Понятие ФСП в концепции А. В. Бондарко связано с представлением о пространстве, в котором условно устанавливаются конфигурации центральных и периферийных компонентов поля, где, в свою очередь, выделяются зоны пересечения с другими полями. По структуре ядра ФСП подразделяются на моноцентрические и полицентрические. ФСП моноцентрического типа характеризуются наличием одного целостного или гетерогенного ядра, в то время как ФСП полицентрического типа отличаются разбиением на несколько сфер, каждая из которых имеет свой центр и периферийные компоненты. В своих более поздних работах ученый выделяет ядро ФСП по принципу: если средства выражения данной семантической категории являются прототипическими, то они относятся к центру; если – непрототипическими, то они располагаются на периферии [3, с. 97, 101; 4, с. 11, 34–35, 52, 155; 5, с. 18–22].

Таким образом, основными критериями при построении ФСП в концепции А. В. Бондарко являются семантическое значение, соотносимое с объективной действительностью, и языковые формы, служащие для его выражения.

Несмотря на то, что принято брать за основу грамматическое исследование при изучении языковых значений, в последнее время все больше развивается тенденция разработки лексических систем. Хотя в лексике достаточно сложно прийти к такой же четкой структуре, как в грамматике, однако это возможно благодаря плотному взаимодействию лексики с разными грамматическими структурами и достижениями в области изучения семантических значений.

Первые работы, попытки описания лексики с помощью теории поля встречаются во второй половине XX в. Так, в своей работе Н. М. Минина пытается представить лексику, используя лексико-семантические парадигмы, которые описываются как семантические, семантико-синтаксические, лексико-семантические поля, в качестве матери-

ала рассматриваются глаголы немецкого языка [6, с. 29–34].

Успехов в области лексической типологии в XXI в. добилась Московская лексико-типологическая группа, научный коллектив ученых и студентов НИУ «Высшая школа экономики». Ученые, работающие в области лексической типологии, могут опереться на опыт исследователей семантической теории (Ю. Д. Апресян, Е. В. Падучева, Ч. Филлмор, А. Вежбицкая, Б. Левин, Дж. Тейлор и др.) типологов-грамматистов и на существующие в наше время электронные корпуса текстов по различным языкам (НКРЯ, BNC, COCA и др.) [7]. Кроме того, в том числе и в России, существует давняя традиция контрастивной лексикологии, результаты исследования которой можно найти в работах В. Г. Гака, Е. А. Кибрика, Е. В. Рахилиной. За последние 15–20 лет вышли исследования в русле лексической типологии по описанию глаголов движения в воде [8], глаголов падения, глаголов вращения, опирающихся на материалы не менее 30 языков.

В качестве методологической базы для настоящего исследования принимается во внимание использование теории поля для классификации водно-ландшафтной лексики, а именно идея о том, что у поля может быть выделено ядро и зона ближней и дальней периферии. Теория поля также позволяет рассматривать лексические группы с точки зрения полисегментности, то есть наличия микрополей, которые позволяют наиболее объективно отразить взаимоотношения единиц на лексическом уровне языка.

Источниками для материалов исследования являются тексты из «Указателя типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов)» [9] и четыре словаря: «Хакасский словарь онлайн» [10], «Русско-хакасский школьный словарь» [11], «Хакасско-русский словарь» [12], «Толковый словарь хакасского языка в двух томах» [13, 14].

Таким образом, в настоящее время, когда существует приемлемое описание грамматики не только для больших, но и для малых языков, а также разработаны методы описания лексики языка, как, например, лексическая типология, о которой было написано выше, есть возможность сравнивать разноструктурные языки. А современные технологии позволяют вывести результаты лексикологических исследований на новый уровень, а именно использовать параметры определенных групп лексики для расширения поисковых возможностей корпус-менеджеров при выборе семантических признаков в корпусах текстов.

Результаты исследования

В данной статье рассматривается водно-ландшафтная лексика, которая относится к большому пласту словарного состава языка, а именно к ландшафтной лексике. Она, в свою очередь, принадлежит к одному из важнейших лексических слоев любого языка, так как является частью такой категории, как пространство.

Термин «ландшафтная лексика» может трактоваться как предназначенная «для номинации как природных географических объектов, так и антропогенных, возникших в результате человеческой деятельности» [8, с. 251–261].

В свою очередь ландшафтную лексику можно подразделить на два компонента. В настоящее время общепринятой можно считать категоризацию такой лексики по принципу деления ее на две большие группы: лексика суши и гидро-ландшафтная лексика, которые А. Н. Ракин рассматривает как две самостоятельные макросистемы [4, с. 107; 8, с. 252] или в другой работе Area of Land и Area of Water – две наиболее общие категории [15, с. 6].

Предметом изучения в данном исследовании является водно-ландшафтная лексика, термин «гидроландшафтная лексика» будет использован как синоним. Под водно-ландшафтной лексикой понимается словарный слой языка, который включает в себя наименования водных объектов и прилежащих к ним территорий и относящиеся к водным пространствам как естественным, так и антропогенным. Топонимическая лексика, то есть имена собственные водных объектов, не относится к ландшафтной лексике, однако интерес представляют те гидронимы, в образовании которых участвуют в качестве одного из компонентов водные ландшафтные обозначения.

В хакасском фольклоре, а также в диалектах хакасского языка зафиксировано несколько лексем, которые обозначают реку. В фольклоре слово *талай* обозначает большую реку [8], а в повседневной жизни море [14, с. 182], самое частотное *суз* ‘вода, река’ [14, с. 109], качинское устаревшее слово *ус* ‘река’ [13, с. 362] и вышедшее из употребления кызыльское *йүс* ‘река, вода’ [13, с. 405].

Можно провести сравнение хакасского *йүс* и древнетюркского **ögüz* (I ‘вол, бык’; II ‘река’) [16, с. 119]. Оно встречается в хакасском языке в обозначении р. Чулым *Йүс* ‘Чулым’ [17, с. 152], хотя хакасы Томской области, живущие ниже с. Тегульдет, называют ее *Чойим* [17, с. 205].

Наименование *Йүс* для обозначения р. Чулым встречается в родственном хакасскому среднечулымском диалекте чулымского языка. Так, название Томской региональной общественной

организации чулымских тюрков – Июс кижилер (*йүс кижилер*: Чулым человек-PL), буквально – ‘люди Чулыма’.

Кроме того, в некоторых говорах, родственных хакасскому языку, встречается вариант *ös* ‘река’ (р. Чулым – *ös* в тутальском, *iis/ös* в мелетском говорах чулымского языка), случаи употребления *ös* в данном значении встречаются и в современных турецких диалектах [18].

В исследуемых текстах лексема *ус/йүс* ‘река’ не встретила, наиболее частотная единица для обозначения данного объекта водного ландшафта *суз* (1)–(7).

(1) *Ноо сузга сабылганнар.*

Ноо **суз-а** сабыл-ган-нар.
какой **река-DAT** передвигаться-?PST-PL
some **river-DAT** move-?PST-PL

‘Подъехали к какой-то реке’ [12, с. 810–811].

Часто лексема ‘река’ употребляется с другими лексемами и создает новые выражения, включая водные (2) и околотовные пространства (3):

(2) *Түүлген суз*
түүлген **суз**
спокойная **вода**
calm **water**
‘стоячая вода; пруд’ [12].

(3) *Суз ойымы*
река долина/пойма
river valley
‘долина **реки**; пойма **реки**’ [10].

Употребление *суз* в значении ‘река’ является вторым значением, первое значение *суз* – ‘вода’ как природного происхождения (4), так и переработанная (5).

(4) *Наңмыр суу агызарга*
наңмыр **суз** ағызарға
дождь **вода** пускать по течению реки
rain **water** sail the river down
‘набирать дождевой **воды**’ [12].

(5) *Краннаң суз агызарга*
кран-наң **суз** ағызарға
кран-ABL **вода** пускать по течению реки
tap-ABL **water** sail the river down
‘наливать **воду** из-под крана’ [12].

Примечательно, что употребление лексемы *суз* в первом значении ‘вода’ и во втором значении ‘река’ сопровождается глаголами, подчеркивающими их близость, что свидетельствует о том, что многозначные слова представляют собой некий континуум, а не дискретную структуру: глагол *ағызарға* ‘пускать по течению реки’ указывает на текучесть, таким образом, значения ‘вода’ и ‘река’ перекликаются.

Кроме того, компонент *суз* является элементом лексемы *чир-суз* ‘земля, родина’. Как словообразовательный элемент *суз* выступает в ряде

лексем с этим значением: *сузлыг* 'имеющий родину' и др. [11, с. 217].

Лексема *суз* часто используется для образования имен собственных, а именно топонимов: *Ким суз* 'р. Енисей' [16; 19], *Азбан суз* 'р. Абакан' [16; 19], *Том суз* (из др.-тюрк. 'холодная река') 'р. Томь' [16, с. 134; 20].

Талай используется, как правило, в фольклорных текстах и обозначает 'величественную, большую реку' (6) и (7).

- (6) *Талайга читкен чирінде*
талай-га читкен чирі-н-де
 большая.река-DAT где уж земля-EP-LOC
 big.river-DAT where's earth-EP-LOC
 'Там, где он подступает к великой реке' [8].

- (7) Ханым *талайдың хастада.*
 Ханым талай-ды-ң хас-та-да
 Ханым *река-POSS.3.SG-POSS.3*
 берег-LOC-LOC
 Khanym *river-POSS.3.SG-POSS.3*
 bank-LOC-LOC

'На берегу [великой реки] Ханым-*талай*' [14, с. 804–805].

Это значение (6), (7) обозначено в «Хакасско-русском словаре» [12] под вторым номером, а в «Толковом словаре хакасского языка» [13] под номером три. В обоих словарях первым значением *талай* является 'море/морской' (8) – (11).

- (8) *Алтынзархы соох талайлар*
 алтынзархы соох *талай-лар*
 северный холод/холодный *море-Pl*
 northern cold *sea-Pl*
 'северные холодные моря' [12, с. 579].

- (9) *Ах талай*
 Ах талай
 белый *море*
 white sea
 'Белое море' [12, с. 579].

- (10) *Ыраххы талай*
 ыраххы *талай*
 далекий *море*
 far sea
 'Далекое море' [12, с. 579].

- (11) *Талайча парарга*
талай -ча парарга
море -м идти/передвигаться
sea going PRS
 'плыть по *морю*' [12, с. 579].

Таким образом, *талай* используется для обозначения крупных водных объектов, начиная от большой реки, моря и заканчивая океаном (12).

- (12) Пустыг *тиңіс талай*
 покрытый.льдом *океан океан*
 icy *осеан осеан*
 'Северный Ледовитый *океан*' [10].

Кроме того, в хакасском языке для понятия 'океан' используется лексема *тиңіс* при образовании топонимов как отдельным словом (13), (14), так и в сочетании с *талай* (12).

- (13) *Алтынзархы пустыг тиңіс*
 северный покрытый.льдом *океан*
 northern icy *осеан*
 'Северный Ледовитый *океан*' [10].

- (14) *Амыр тиңіс*
 тихий *океан*
 pacific *осеан*
 'Тихий *океан*' [11].

Несмотря на то, что в основном для обозначения водных объектов используются лексемы *талай* и *тиңіс*, топоним 'Черное море' образован с помощью *суз*: Хара *суз* [10].

То, что в хакасском языке нет устойчивого выражения для обозначения океанов, а Северный Ледовитый океан в одном и том же «Хакасском словаре онлайн» обозначен двумя разными лексемами (12) и (13), говорит о том, что данный водный объект не является ядерным в хакасской культуре, что соответствует географическому положению – месту проживания данного народа. Хакасия расположена на Саяно-Алтайском нагорье и Хакасско-Минусинской котловине, для которых характерны такие водные объекты, как реки и озера.

В словарях также встречается лексема *агын* со значением 'река' [12, с. 26].

У слова *агын* первое значение 'течение' (15), второе – 'поток' (16) и только третье – 'река'. В исследуемом материале (словарях, героических эпосах и электронном корпусе) данное слово не встретилось в значении 'река', часто данная лексема представлена также в значении 'быстрый' (17).

- (15) *Агыны табырах суз*
агын -ы табырах суғ
stream-POSS quick river
течение-POSS быстрый река
 'река с быстрым *течением*'

- (16) *Агынга кір парды*
агын-ға кір пар-ды
flow-DAT dirt to be/exist-PRF
поток-DAT грязь
 есть/имеется/существует-PRF
 'он попал в поток'

- (17) *сузның чалбағы агын сузлар...*
суғ-ның чалбак-ы агын суғ-лар
*water-ABL *width-3Sg quick river-PL*
*вода-ABL *ширина-3Sg быстрый река-PL*
 'полноводные *быстрые* реки...'

Лексема *агын* частотно используется для описания водного ландшафта, например, встречается атрибутивное словосочетание *чылыг агын* 'теп-

лое течение' [10], где она употребляется в качестве вершинного элемента. В качестве зависимого элемента в атрибутивных словосочетаниях, как в примере (17), *агын* применяется в значении 'текущий, проточный': *агын суз* – 'проточная вода' [10]. Данное словосочетание используется также для обозначения водного объекта реки *агын суз* 'река' [12, с. 29].

От основы *агын* образовано прилагательное с продуктивным суффиксом *-нынз*, который придает образованной лексеме значение «имеющий что-либо»: *агыннынз* 'с быстрым течением, стремительный' (о реке), как в примере (18) [12, с. 29]:

- (18) *тайга суу агыннынз*
тайга суз **агын-нынз**
тайга река **течение-ATTR**
taiga river **flow-ATTR**
'таежная река стремительна' [12, с. 29].

Кроме реки характерным водным объектом для хакасского населения являются озера. Согласно «Хакасско-русскому словарю», первым значением лексемы *кӧл* является 'озеро, озерный' (19) [12, с. 197].

- (19) *Ойым кӧл*
Ойым **кӧл**
впадина **озеро**
valley **lake**

'Озеро, образовавшееся на месте впадины' [12, с. 197].

В отличие от нескольких наименований реки (в работе их описано четыре) для озера существует только одна лексема в хакасском языке, а характеристики данного водного объекта описываются атрибутивными конструкциями как в (20) [21], что для реки может выражаться выбором определенной лексемы *суз* 'река' (1) vs. *талай* 'большая река' (6).

- (20) *Тирец кӧл*
тирец **кӧл**
глубокий **озеро**
deer **lake**

'Глубокое озеро' [12, с. 197].

Как упоминалось выше о словарной статье *кӧл* из «Хакасско-русского словаря», данная лексема в препозиции к другому существительному может выступать в качестве атрибута (21) и (22).

- (21) *Кӧл палии*
кӧл пали-и (<*палыҥ-ы)
озеро рыба-3Sg
lake fish-3Sg
'Озерная рыба' [12, с. 197].

- (22) *Кӧл суу*
кӧл суз
озеро вода
lake water

'Озерная вода' [12, с. 197].

В «Хакасско-русском словаре» был обнаружен интересный пример (23), в котором *кӧл* выступает в качестве препозитивного атрибута к существительному *суз* 'река' наряду с другой лексемой *талай* 'большая река' [17, 20, 22].

- (23) *Кӧл талай суз*
кӧл талай суз
озеро большая река вода
lake big river water
'большая река' [12, с. 580].

Возможно, набор таких атрибутов служит для того, чтобы охарактеризовать реку величественной и широкой как озеро.

Следующий элемент водного ландшафта – болото. В «Толковом словаре хакасского языка» [13, с. 52] и в «Хакасско-русском словаре» первое значение лексемы *сас* 'болото' (24) и (25).

- (24) *Тылолыг сас*
Тылолыҥ **сас**
tussock **swamp**
'Кочковатое болото' [12, с. 452].
(25) *Иртчее чох сас*
иртчее чох **сас**
переходить отр.част.не **болото**
going not **swamp**

'Непроходимое болото' [12, с. 452].

В позиции атрибута *сас*, так же как и *кӧл*, выступает в роли определителя и на русский язык переводится прилагательным 'болотистый' (26) [22].

- (26) *Сас чир*
сас чир
болото земля/место
swamp land
'Болотистое место'

Для обозначения болота или болотистой, топкой местности в словарях были выявлены следующие лексемы:

ылай 'топь' [11], 'трясина, топь' [12, с. 1038], 'топкое место со стоячей водой; трясина, топь, болото' [12, с. 52];

ылбаң сас 'трясина' [11], 'топкое болото' [12, с. 1038];

ылбаң чир 'топкое место, трясина, болото' [12, с. 1038];

ылайлыг чир 'имеющая болото земля' (букв.) [13, с. 706].

Как очевидно из последних двух лексем, именно прилагательные *ылбаң* топкий, вязкий [12, с. 1038], 'имеющий болото' [13, с. 706, 707], *ылайлыг* 'имеющий болото' [13, с. 706] в сочетании с *чир* 'земля' дают значение 'болото' [20, 22].

Водный ландшафт могут представлять такие водные объекты, как ручьи, что в хакасском языке представлено следующими леммами:

чул 'ручей, ручеек', чулат ручеек' (26) [12, с. 1003]; чул, чулат 'ручей, ручеек' [13, с. 673]; чул 'ручей', чулат ручеек' [10], чул 'ручей' [11].

Также существуют лексемы с общим корнем *арга*, которые могут обозначать как естественный водный объект *аргачах* 'ручей, ручеек' [12, с. 75], [9], так и артефакт, созданный человеком *арга* 'канал, канава' [12, с. 101], *аргачах* 'канавка, небольшая протока' (27)-(29) [12, с. 75; 10; 22].

(27) *агын* **чулаттар**
агын **чулат** -тар
текучий **ручеек** -PL
flow **stream**-PL
'текучие **ручейки**' [10; 12, с. 1003].

(28) *огородха* **аргачах** *чоллирга*
огород -га **аргачах** *чоллирга*
огород-DAT **канавка** направлять воду
в нужном направлении
garden-DAT **cannelure** *гун*
'подводить к огороду **канавку**' [12, с. 75].

(29) *пызолар* **аргачах** *кизире* *оттапчалар*
пызо -лар **аргачах** *кизире* *оттапча-лар*
теленка -PL **канавка** через *пастись*-PL
calves -PL **cannelure** over *maw*-PL
'телята пасутся за канавкой' [12, с. 75].

К водным объектам можно отнести и лужи, так как иногда они долгое время существуют и являются частью водного ландшафта, их можно рассматривать как временные микроводоемы: *салбых (-гы)* 'лужа, лужица' [12, с. 37; 33].

В рамках данного исследования рассматриваются водоемы, созданные человеком, как маленькие: *арга* 'канал, канава', *аргачах* 'канавка, небольшая протока' (см. выше), так и большие. К таким довольно крупным водным объектам принадлежат *туз/тулгор* 'плотина; пруд' [22].

В «Хакасском словаре онлайн» [9] и в «Хакасско-русском словаре» [12, с. 669] при толковании *туз* значения 'запруда' и 'плотина' не разделяются, а в «Толковом словаре хакасского языка» в качестве первого значения указывается 'плотина', а в качестве второго – 'запруда, пруд' [13, с. 291–292].

Во всех словарях для слова *тулгор* выделяется два значения, в «Хакасском словаре онлайн» [10] и в «Хакасско-русском словаре» [12, с. 675] первое значение – это 'плотина', второе – 'пруд' (30), а в «Толковом словаре хакасского языка» наоборот (первое – пруд, второе – плотина) [13, с. 299].

Для понятия *хутух(гы)* в «Хакасском словаре онлайн» [10] и в «Толковом словаре хакасского языка» [13, с. 523] предлагается одно значение 'колодец', а в «Хакасско-русском словаре» [12, с. 870], кроме непосредственно первого значения 'колодец', предлагается и второе значение 'омут'.

(30) *тирен* **тулгор**
тирен **тулгор**
глубокий **пруд**
deep **round**
'глубокий пруд' [10].

После рассмотрения слов, относящихся к водно-ландшафтной лексике, приступим к построению лексико-семантического поля, для которого был использован структурно-семантический подход. При распределении лексики по зонам поля – ядру, околоядерной зоне, ближней и дальней периферии – учитывалось семантическое значение слова и его структурные характеристики.

Для начала необходимо выделить **ядро**, в котором будет находиться элемент с максимальной концентрацией выделяемых признаков, т. е. выражать обобщающее значение для водных объектов хакасского языка – с одной стороны и быть простыми по структуре – с другой. В хакасском языке единицей, которая выражает общее значение рассматриваемого поля, является *суз*.

Данную лексему можно определить как архисему, так как она выражает общее значение поля водно-ландшафтной лексики, а именно первое ее значение – 'вода', а уже второе – 'река', что подтверждается этнографическими исследованиями, *суз* 'вода', 'река' – один из основополагающих элементов картины мира хакасов [9, с. 87]. Таким образом, ядром водно-ландшафтной лексики в хакасском языке является лексема *суз*.

В исследуемых источниках (героические эпосы Ай-Хуучин и Алтын Арыг) именно данная выделенная в настоящей работе архисема является самой частотной: *суз* – 199 случаев употребления, в том числе в сочетании с *талай* (в значении 'великая/большая река'), *талай суз* – 10 случаев употребления.

К околоядерной зоне относятся постоянные водные объекты, представляющие из себя простые лексемы *ус/үүс* 'река', *талай* 'море; большая река', *агын* 'течение; поток; река', *көл* 'озеро', *сас* 'болото', *ылай* 'трясина, топь, болото'. Эти слова являются доминантами, специализированными для обозначения типичных водных объектов [22].

Некоторые из них обладают высокой частотностью, как например, *талай* в значении 'большая река': 45 случаев употребления. Другие в исследуемых текстах не встречаются в связи с социально-диалектными факторами (*ус/үүс* – из качинского диалекта, устаревшее). Третьи имеют низкую частотность или не встречаются, поскольку это обусловлено сюжетом эпосов: *көл* – 2 случая употребления; *чул* – 1 случай употребления; *агын* – 0; *сас* – 0; *ылай* – 0.

В зону ближней периферии входят единицы, обозначающие постоянные водные объекты, но

те, которые являются сложными или составными по структуре: *ылбаң сас* 'трясина', 'топкое болото'; *ылбаң чир* 'топкое место, трясина, болото'; *ылайлыг чир* 'имеющая болото земля'.

Дальнюю периферию составляют лексемы, которые выражают значение «временный водный объект» (в том числе созданный человеком): *чул* 'ручей, ручеек', *чулат* 'ручеек'; *салбых (-гы)* 'лужа, лужица'; *аргачах* 'ручей, ручеек', *арга* 'канал, канава', *аргачах* 'канавка, небольшая протока', *туг/тулгор* 'плотина; пруд', *хутух (-гы)* 'колодец; омут'.

Заключение

Теория поля – это психолингвистический подход к изучению лексических сетей и отношений между словами. В рамках этого подхода слова группируются в поля, основанные на семантических отношениях, таких как сходство или контраст. Поле, как правило, имеет определенную структуру, где выделяется ядро, околоядерная зона, ближняя и дальняя периферия. Применение теории поля к изучению водно-ландшафтной лексики позволяет выявить структуру тематической группы, относящейся к водной среде и ландшафту, и исследовать различные аспекты взаимосвязей между словами, которые входят в нее.

Описание водно-ландшафтной лексики хакасского языка ограничивается отдельными публикациями, которые затрагивают вопросы лексического состава и проблемы, связанные с религиозно-мифологическими представлениями народа.

Водно-ландшафтную лексику хакасского языка можно представить в виде хорошо структурированной системы, а именно при помощи лексико-семантического поля. Все элементы поля объединены общим значением – объекты гидро-ландшафта. Ядро поля представляет из себя архисему *суг* 'вода, река', она транслирует общее значение для всех составляющих поля и является самой частотной. Далее элементы в структуре поля распределяются в соответствии с лексическим значением и структурными характеристиками. Околоядерная зона объединяет постоянные водные объекты, которые являются простыми по структуре: *ус/үүс* 'река', *талай* 'море; большая река', *агын* 'течение; поток; река', *көл* 'озеро', *сас* 'болото', *ылай* 'трясина, топь, болото'. К ближней периферии относятся сложные или составные по структуре постоянные водные объекты: *ылбаң сас* 'трясина', 'топкое болото'; *ылбаң чир* 'топкое место, трясина, болото'; *ылайлыг чир* 'имеющая болото земля'. Дальняя периферия – это временные водные объекты, в нее также входят артефакты, созданные человеком: *чул* 'ручей, ручеек', *чулат* 'ручеек'; *салбых (-гы)* 'лужа, лужица'; *аргачах* 'ручей, ручеек', *арга* 'канал, канава', *аргачах* 'канавка, небольшая протока', *туг/тулгор* 'плотина; пруд', *хутух (-гы)* колодец; омут.

В перспективе можно, пользуясь подобной структурой поля, исследовать другие родственные и неродственные языки и проводить сопоставительные исследования.

Список источников

1. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969. С. 5–10.
2. Бондарко А. В. Семантические категории в аспекте сопоставительных исследований // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку / отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1987. С. 26–37.
3. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. 229 с.
4. Ракин А. Н. Гидроландшафтная лексика коми-пермяцкого языка // Вестник Марийского государственного университета. 2019. Т. 13, № 2. С. 251–261.
5. Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариативность/вариативность / отв. ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубник. СПб.: Наука, 2003. 398 с.
6. Минина М. Пособие по лексике немецкого языка (для старших курсов институтов и факультетов иностранных языков): учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1973. 142 с.
7. Глаголы движения в воде: лексическая типология / ред. Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина. М.: Индрик, 2007. 752 с.
8. Полякова Н. В. Концепт пространства и средства его репрезентации в селькупском и русском языках. Томск: ТГПУ, 2006. 120 с.
9. Чистобаева Н. С., Лиморенко Ю. В. Раздел 4. Типические места героического эпоса хакасов // Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов): Экспериментальное издание. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2005. С. 804–1115.
10. Хакасский словарь онлайн: Хакасско-русский словарь, Русско-хакасский словарь. URL: <http://sostik.info> (дата обращения: 04.12.2023).

11. Русско-хакасский школьный словарь. URL: <https://dict.khakbooks.ru> (дата обращения: 15.04.2024).
12. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
13. Толковый словарь хакасского языка = Хакас тілініу чарыдышылы сјстігі. Более 5000 слов. Т. 1: А – П. Абакан: Хакас. кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2020. 608 с.
14. Толковый словарь хакасского языка = Хакас тілініу чарыдышылы сјстігі. Более 7000 слов. Т. 2. С – Я. Абакан: Хакас. кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2023. 736 с.
15. Ракин А. Н. Гидроландшафтная лексика коми языка // Севернорусские говоры. Вып. 17 / отв. ред. Е. В. Пурицкая. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 107–122.
16. Lemskey V. Middle Chulym: the state of the art // *Turkic Languages* (14). Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2010. P. 113–126.
17. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края = Толы хоорайдагы чир-суҥ аттары. Абакан: Лаборатория этнографии НИС ХГУ им. Катанова, 1995. 278 с.
18. Бурнаков В. А. Вода в традиционном мировоззрении хакасов: образ и символ (конец XIX – середина XX в.) // Народы и религии Евразии. 2019. № 3(20). С. 86–100.
19. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. 3-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2003. 352 с.
20. Электронный корпус хакасского языка. <https://khakas.altaiqa.ru/corpus/> (дата обращения: 04.12.2023).
21. Чистякова Е. В. Категоризация ландшафтов и оценочный потенциал ландшафтной лексики в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов: Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2015. 24 с.
22. Ильин Д. Ю. Функционально-семантическая характеристика топонимической лексики со значением 'водное пространство' в языке региона // Вестник ВолГУ. Серия 2.2007. Вып. 6. С. 27–31.

References

1. Gulyga E. V., Shendel's E. I. *Grammatiko-leksicheskiye polya v sovremennom nemetskom yazyke* [Grammatical-lexical fields in modern German language]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1969. P. 5–10 (in Russian).
2. Bondarko A. V. Semanticheskiye kategorii v aspekte sopostavite'nykh issledovaniy [Semantic categories in the aspect of comparative studies]. In: Yartseva V. N. (ed.) *Sopostavitel'naya lingvistika i obucheniye nerodnomu yazyku* [Comparative linguistics and teaching a non-native language]. Moscow, Nauka Publ., 1987. P. 26–37 (in Russian).
3. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Lokativnost'. Bytiynost'. Possessivnost'. Obuslovlennost'* [Functional grammar theory. Locativity. Existence. Possessiveness. Conditionality]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1996. 229 p. (in Russian).
4. Rakin A. N. Gidrolandshaftnaya leksika komi-permyatskogo yazyka [Hydrolandscape vocabulary of the Komi-Permyak language]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of the Mari State University*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 251–261 (in Russian).
5. Bondarko A. V., Shubnik S. A. (eds.) *Problemy funktsional'noy grammatiki. Semanticheskaya invariativnost'/variativnost'* [Issues of functional grammar. Semantic invariance/variability]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2003. 398 p. (in Russian).
6. Minina M. *Posobiye po leksike nemetskogo yazyka (dlya starshikh kursov institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov): uchebnoye posobiye* [Manual on German language vocabulary (for senior students of institutes and faculties of foreign languages): teaching aid]. Moscow, Vysshaya shkola, 1973. 142 p. (in Russian).
7. Maysak T. A., Rakhilina E. V. (eds.) *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya* [Verbs of movement in water: lexical typology]. Moscow, Indrik Publ., 2007. 752 p. (in Russian).
8. Polyakova N. V. *Kontsept prostranstva i sredstva ego reprezentatsii v sel'kupskom i russkom yazykakh* [The concept of space and its representation in the Selkup and Russian languages]. Tomsk, TSPU Publ., 2006. 120 p. (in Russian).
9. Chistobaeva N. S., Limorenko Yu. V. Razdel 4. Tipicheskiye mesta geroicheskogo eposa khakasov [Section 4. Typical places of the heroic epic of the Khakas people]. In: Kuz'mina E. N. *Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri (altaytsev, buryat, tuvintsev, khakasov, shortsev, yakutov): Ehksperimental'noye izdaniye* [Index of typical places of the heroic epic of the peoples of Siberia (Altaians, Buryats, Tuvinians, Khakas, Shors, Yakuts): Experimental edition]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN Publ., 2005. P. 804–1115 (in Russian).
10. *Khakasskiy slovar' onlayn: Khakassko-russkiy slovar', Russko-khakasskiy slovar'* [Khakas Dictionary Online: Khakas-Russian Dictionary, Russian-Khakas Dictionary]. URL: <http://sostik.info> (in Russian) (accessed 04 December 2023).
11. *Russko-khakasskiy shkol'nyy slovar'* [Russian-Khakas school dictionary] (in Russian). URL: dict.khakbooks.ru (accessed 15 April 2024).

12. *Khakassko-russkiy slovar'* = *Khakas-orys söstik* [Khakass-Russian dictionary]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006. 1114 p. (in Russian).
13. *Tolkovyy slovar' khakasskogo yazyka* = *Khakas tiliniy charydyulyu sjstigi. Bolee 5000 slov. Tom I* [Explanatory dictionary of the Khakas language = Khakas language vocabulary. Over 5000 words. Vol. 1]. A – P. Abakan, Khakasskoe knizhnoye izdatel'stvo imeni V. M. Torosova Publ., 2020. 608 p. (in Russian).
14. *Tolkovyy slovar' khakasskogo yazyka* = *Khakas tiliniy charydyulyu sjstigi. Bolee 7000 slov. Tom II* [Explanatory dictionary of the Khakas language = Khakas language vocabulary. Over 7000 words. Vol. 2]. S – Ya. Abakan, Khakasskoye knizhnoye izdatel'stvo imeni V. M. Torosova Publ., 2023. 736 p. (in Russian).
15. Rakin A. N. *Gidrolandshaftnaya leksika komi yazyka* [Hydrolandscape vocabulary of the Komi language]. In: Puritskaya E. V. (ed.) *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects]. Vol. 17. Saint Petersburg, ILI RAN Publ., 2018. P. 107–122 (in Russian).
16. Lemskaya V. Middle Chulym: the state of the art. In: *Turkic Languages* (14). Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2010. P. 113–126.
17. *Toponimicheskiy slovar' Khakassko-Minusinskogo kraia* = *Toly khoodajazy chir-suz attary* [Toponymic dictionary of the Khakass-Minusinsk region]. Abakan, Laboratoriya etnografii NIS KHGU im. Katanova Publ., 1995. 278 p. (in Russian).
18. Burnakov V. A. *Voda v traditsionnom mirovozzrenii khakasov: obraz i simvol (konets XIX – seredina XX v.)* [Water in the traditional worldview of the Khakas: image and symbol (end of the 19th – mid-20th century)]. *Narody i religii Evrazii – Nations and Religions of Urasia*, 2019, no. 3(20), pp. 86–100 (in Russian).
19. *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedeniye. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis* [Functional Grammar Theory: Introduction. Aspectuality. Temporal Localization. Taksis]. Ed. A. V. Bondarko. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 352 p. (in Russian).
20. *Elektronnyy korpus khakasskogo yazyka* [The electronic corpus of the Khakas language] (in Russian). URL: <https://khakas.altai.ru/corpus> (accessed 04 December 2023).
21. Chistyakova E. V. *Kategorizatsiya landshaftov i otsenochnyy potentsial landshaftnoy leksiki v sovremennom angliyskom yazyke. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Landscape categorization and evaluation of landscape vocabulary potential in modern English language. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Tambov, 2015. 24 p. (in Russian).
22. Il'in D. Yu. *Funktsional'no-semanticheskaya kharakteristika toponimicheskoy leksiki so znacheniem 'vodnoye prostranstvo' v yazyke regiona* [Functional-semantic characteristics of toponymic vocabulary with the meaning 'water space' in the language of the region]. *Vestnik VolGU – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2007, no. 6, pp. 27–31 (in Russian).

Информация об авторе

Фархади Е. А., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, г. Томск, Россия, 634061).

E-mail: kate.galp@mail.ru

Information about the author

Farkhadi E. A., postgraduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: kate.galp@mail.ru

Статья поступила в редакцию 21.06.2024; принята к публикации 01.10.2024

The article was submitted 21.06.2024; accepted for publication 01.10.2024

УДК 81'33

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-46-55>

Метафоры «одиночество – смерть» и «одиночество – пустыня» и способы их передачи на русский язык в переводе романа Г. Г. Маркеса «Сто лет одиночества»

Арина Григорьевна Чукавина

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
arina.chukavina@yandex.ru*

Аннотация

Анализируются способы передачи метафор двух направлений: одиночество – смерть и одиночество – пустыня. Проведенное исследование позволило раскрыть основную часть метафорического слоя концепта «одиночество» в оригинальном романе, выявить особенности его формирования. Рассмотрение трансформаций, используемых при передаче метафорического содержания, позволило раскрыть особенности данного концепта в версии перевода. Цель статьи – изучить способы передачи выражения метафорического содержания концепта «одиночества» в русском переводе романа Г. Г. Маркеса «Сто лет одиночества», выполненного М. И. Былинкиной. Новизна определяется тем, что в заявленном аспекте текст романа не рассматривался и результаты анализа будут способствовать комплексному, полному исследованию романа, в том числе в аспекте переводоведения. Материалом анализа является оригинальный текст романа Г. Г. Маркеса на испанском языке и текст его перевода, выполненный М. И. Былинкиной. Анализируются метафоры, входящие в состав концепта «одиночества», и способы их перевода на русский язык. Используется описательный метод и метод сопоставительного анализа, метод метафорического моделирования. Была выявлена статистика использованных переводческих трансформаций: контекстуальная замена – 15, генерализация – 13, конкретизация – 5, замена частей речи – 8, замена членов предложения – 6, замена форм слова – 4, дословный перевод – 3 употребления. Переводчик чаще всего использует прием контекстуальной замены, трансформируя метафору или ее часть в лексему с иной семантикой. Прием генерализации способствует изменению периферии концепта, расширяя его значение, что приводит к смысловой размытости. Частое использование приема конкретизации (сужения смысла) приводит к выводу о том, что в переводе образ одиночества выражен в меньшей степени ввиду выбора лексем с менее негативной коннотацией и других с более узким значением. Пустыня характеризуется через пустыню разочарования и забвения, пустынные улицы, пустынные развалины, пустыню миражей, одиночества, любви, славы. Смерть – через траур, запустение, прекращение общения, невыносимость одиночества, забвение, отсутствие отклика, погружение в одиночество, брошенность, тоска, цикличность и неразрывность смерти и одиночества, бесконечный лабиринт одиночества, вдовство без смерти, проклятье, замкнутость.

Ключевые слова: концептуальная метафора, художественный концепт, концепт одиночества

Для цитирования: Чукавина А. Г. Метафоры «одиночество – смерть» и «одиночество – пустыня» и способы их передачи на русский язык в переводе романа Г. Г. Маркеса «Сто лет одиночества» // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 6 (236). С. 46–55.
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-46-55>

Metaphors “solitude is death” and “solitude is desert” and methods of their translation into Russian in the translation of the novel by G. G. Marquez “One Hundred Years of Solitude”

Arina G. Chukavina

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, arina.chukavina@yandex.ru

Abstract

The ways of conveying metaphors of two directions are analyzed: loneliness – death and loneliness – desert. The conducted research made it possible to reveal the main part of the metaphorical layer of the concept of “loneliness” in the original novel and to identify the features of its formation. Consideration of the transformations used in the transfer of metaphorical content made it possible to reveal the features of this concept in the translation version. The purpose of the article is to analyze the ways of conveying the expression of the metaphorical content of the concept of “loneliness” in the Russian translation of the novel by G. G. Marquez “One Hundred Years of Solitude”, performed by M. I. Bylinkina. The novelty is determined by the fact that in the stated aspect the text of the novel was not considered and the results of the analysis will contribute to a comprehensive, complete study of the novel, including

in the aspect of translation studies. The material for the analysis is the original text of the novel by G. G. Marquez in Spanish and the text of his translation by M. I. Bylinkina. Metaphors included in the concept of “loneliness” and methods of their translation into Russian are analyzed. The descriptive method and the method of comparative analysis, the method of metaphorical modeling are used. The statistics of the used translation transformations were revealed: contextual replacement – 15, generalization – 13, specification – 5, replacement of parts of speech – 8, replacement of sentence members – 6, replacement of word forms – 4, literal translation – 3 uses. The translator most often uses the technique of contextual substitution, transforming a metaphor or part of it into a lexeme with a different semantics. The technique of generalization contributes to changing the periphery of the concept, expanding its meaning, which leads to semantic blurriness. Frequent use of the technique of concretization (narrowing of meaning) leads to the conclusion that in translation the image of loneliness is expressed to a lesser extent, due to the choice of lexemes with a less negative connotation and others with a narrower meaning. The desert is characterized through a desert of disappointment and oblivion; deserted streets, deserted ruins, a desert of mirages, a desert of loneliness, love, glory. Death – through mourning, desolation, cessation of communication, unbearable loneliness, oblivion, lack of response, immersion in loneliness, abandonment, melancholy, cyclicity and inseparability of death and loneliness, an endless labyrinth of loneliness, widowhood without death, damnation, isolation.

Keywords: *conceptual metaphor, literary concept, concept of loneliness, metaphorical means of concept modeling, concept translation*

For citation: Chukavina A. G. Metafori “odinochestvo – smert” i “odinochestvo – pustynya” i sposoby ikh peredachi na russkiy yazyk v perevode romana G. G. Markusa “Sto let odinochestva” [Metaphors “solitude is death” and “solitude is desert” and methods of their translation into Russian in the translation of the novel by G. G. Marquez “One Hundred Years of Solitude”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 6 (236), pp. 45–54 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-46-55>

Введение

Исследуемый роман на протяжении многих лет привлекает внимание исследователей в области лингвистики, переводоведения, литературоведения. С лингвистической точки зрения роман анализируется в аспекте выражения экспрессивности и национальной специфики. В переводческом аспекте описывается проблема перевода безэквивалентной лексики [1] и сопоставительный анализ переводов романа [2].

Актуальность исследования обусловлена обращением к проблеме перевода метафор, с помощью которых автор оригинального текста создает картину одиночества. Кроме того, проблема передачи метафорической составляющей концепта при переводе до сих пор остается нерешенной. Метафорический слой все еще представляет для исследователей сравнительно новый аспект анализа в литературоведении и переводоведении.

Новизна определяется тем, что в заявленном аспекте текст романа не рассматривался и результаты анализа будут способствовать комплексному, полному исследованию романа, в том числе в аспекте переводоведения.

Цель статьи – проанализировать способы передачи выражения метафорического содержания концепта «одиночество» с испанского на русский язык.

Материал и методы

Для анализа используется текст романа на испанском языке [3] и текст его перевода, выпол-

ненный М. И. Былинкиной [4]. Анализируются метафоры, входящие в состав концепта «одиночество», и способы их перевода на русский язык. Используется описательный метод и метод сопоставительного анализа, метод метафорического моделирования.

Результаты исследования

Перевод художественного текста – один из сложнейших видов перевода, требующий передачи не только функционального содержания, но и национальной специфики того или иного языка, передачи заложенных в оригинальном тексте экспрессивных смыслов. Некоторые исследователи в области переводоведения отмечают, что художественный текст изначально создается носителем языка для носителей такого же языка и включает в себя такие национально-специфические характеристики, которые не всегда могут в абсолютной точности быть переданными на другой язык [5]. При работе с художественным произведением необходимо «передать дух переводимого произведения, чего нельзя сделать иначе, как передавши его на русский язык так, как бы написал его по-русски сам автор, если бы он был русским» [6, с. 247]. По Дж. Кэтфорду, перевод – это «замена текстового материала на одном языке эквивалентным текстовым материалом на другом языке» [7, с. 20].

Одной из важных проблем перевода является задача передачи метафорических смыслов, заложенных в оригинале. Так, Т. А. Казакова утвер-

ждает, что перевод метафор требует преобразований особого рода, помогающих сохранить или преобразовать исходную эмоционально-эстетическую информацию [8]. Кроме того, свойством метафоры является «косвенность» [9], что затрудняет процесс перевода. В процессе перевода необходимо сохранить оригинальную эмоционально-оценочную функцию метафоры и вызвать у читателя эмоциональный отклик [10].

Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждали, что метафора не ограничивается сферой языка, но формирует способ мышления и формирования действительности. Метафора рассматривается в качестве механизма, объединяющего человеческий разум и воображение, через «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [11, с. 25–27].

В анализируемом произведении выявлены две основные концептуальные (когнитивные) метафоры: **одиночество – это смерть, одиночество – это пустыня**. Концептуальная метафора является частью образного языка, куда входят сравнения, которые нельзя воспринимать буквально [12, с. 7]. Именно поэтому переводчик должен не только буквально понимать текст, но и обладать знаниями о культуре исходного языка [13].

В концептуальных метафорах «сконцентрирована мощная энергия – как эксплицитная, так и имплицитная» [14, с. 15]. Тем не менее такая метафора «стремится освободиться от образности» [15, с. 67], стать, скорее, смыслом, чем выражением.

Концепт одиночества моделируется через метафоры смерти и пустыни. В оригинальном тексте лексема «смерть» и ее производные не только в качестве метафоры встречаются 244 раза, в переводе – 141 раз. Рассмотрим тенденции сохранения и несохранения метафоры смерти в оригинале и переводе. При анализе переводческих трансформаций используем классификацию переводческих трансформаций В. Н. Комиссарова, подразделяющего все трансформации на лексические, грамматические и комплексные лексико-грамматические [16]:

1. Метафора сохраняется при переводе:

«A la muerte de Úrsula, la casa volvió a caer en un abandono...» [3, с. 276] (После **смерти** Урсулы дом вновь пришел в **запустение**...). «После **смерти** Урсулы в доме снова воцарилось **запустение**...» [4, с. 144–145]. В данном примере автор имплицитно показывает, что смерть Урсулы привела к одиночеству дома, туда больше не приходили гости, там не устраивались праздники.

«Desde la **muerte** de sus padres, **no había tenido contacto** con nadie en el pueblo, ni recibió cartas ni recados, ni se le oyó hablar de pariente alguno»

[3, с. 287] (После **смерти** родителей она **не общалась** ни с кем в деревне, не получала писем, ни сообщений, и больше никто не слышал, чтобы она говорила о каких-либо родственниках). «После **смерти** родителей Санта София де ла Пьедад ни с кем в городе **не общалась**, ни писем, ни посылок не получала, о родственниках никогда не заикалась» [4, с. 150]. Главная мысль данных примеров заключается в том, что смерть влечет за собой одиночество. Со смертью близких людей человек закрывается в себе, не выходит на связь с внешним миром, а иногда и вовсе у него больше никого не остается.

«**Había estado en la muerte**, en efecto, pero había regresado porque no pudo soportar la **soledad**» [3, с. 33] (На самом деле **он был мертв**, но вернулся, потому что **не мог вынести одиночества**). «Он действительно **побывал за порогом смерти**, но возвратился назад, ибо **не мог стерпеть одиночества**» [4, с. 23]. Данный пример показывает, что смерть и одиночество являются синонимами для автора. Одиночество представляется настолько невыносимым, что человек может вернуться к жизни, лишь бы не ощущать его. Кроме того, здесь прослеживаются мифологические мотивы: связь живого и мертвого миров, по которым может передвигаться человек. Показывается неразрывность, цикличность жизни, смерти и одиночества.

«...cuyo único sueño era **morirse de cansancio en el olvido** y la miseria de sus pescaditos de oro» [3, с. 172–173] (...единственной мечтой которого было **умереть от истощения в забвении** и страданиях своей золотой рыбки). «...мечтающий об одном: **помереть в забвении**, в работе и в нищете среди своих золотых рыбок» [4, с. 92]. Здесь автор использует слово «забвение», являющееся одним из конструкторов одиночества. Одиночество предшествует смерти, является одной из причин, вызывающих ее.

«...llamando a Prudencio Aguilar, a Melquíades, a todos los muertos, para que fueran a compartir su desazón, pero nadie acudió» [3, с. 65] (...звал Пруденсио Агиляра, Мелькиадеса, всех **умерших**, чтобы они пришли и разделили его беспокойство. Но **никто не пришел**). «...призывая Пруденсио Агиляра, Мелькиадеса, всех **усопших** помочь ему в его мучительных исканиях. Но **никто не откликнулся**» [4, с. 35]. Автор пытается донести до читателя мысль о том, что, находясь в одиночестве, герой пытался позвать тех, кого забрала смерть в одиночестве, но никто так и не пришел, и герой остался в своем одиночестве.

Таким образом, переводчик сохраняет метафорическое значение «одиночество – смерть», однако кроме дословного перевода использует

такие переводческие трансформации, как лексические трансформации (контекстуальная замена: умереть – помереть; умерших – усопших; не мог вынести одиночества – не мог стерпеть одиночества; был мертв – побывал за порогом смерти), грамматические (часть речи (глагол – существительное): умер – покойник; перестановка и замена формы слова: были одиноки в смерти – в смерти своей был одинок).

2. Метафора в переводе частично сохраняется:

«Sólo después de la **muerte** de Amaranta, cuando la familia volvió a **encerrarse** por un tiempo **en el luto...**» [3, с. 216] (Только **после смерти** Амаранты, когда семья вновь на время **заперлась в трауре...**). «Только после **смерти** Амаранты, когда семья снова на какое-то время **погрузилась в траур...**» [4, с. 114]. Г. Г. Маркес использует слово «encerrarse» («запереться»), имплицитно тот факт, что смерть приводит к вольному или невольному одиночеству человека, когда ввиду траура он закрывается в себе, не подпуская к себе никого. Переводчик использовал словообразовательную контекстуальную замену, используя слово «погрузиться». Г. Г. Маркес, используя выражение «запереться в трауре», представляет траур в качестве закрытого помещения, из которого человек не хочет выбираться, а М. И. Былинкина с помощью выражения «погрузиться», говорит о трауре как о некой жидкой среде, которая обволакивает человека со всех сторон. И в том и в другом случае траур представляется всеобъемлющим чувством одиночества, которое не отпускает человека из-за его же желания не «выбираться» из этого чувства.

Так, анализируемая концептуальная метафора в переводе была сохранена, несмотря на использование лексических трансформаций (контекстуальная замена). Смысл сохраняется, однако показывается разница в восприятии траура автором и переводчиком.

«...un amor de cansancio que nadie volvió a cuidar, como si los enamorados que en otros días descomponían las lámparas para besarse **hubieran sido abandonados al albedrío de la muerte**» [3, с. 73] (...уставшую любовь, о которой больше никто не заботился, как если бы влюбленные, которые в другие дни ломали лампы, чтобы целоваться, они были бы **брошенными по воле смерти**). «...всем надоевшей любовью, которой уже никто не интересовался, будто влюбленные, когда-то нарочно гасившие лампы, чтобы целоваться во мгле, были **отданы на откуп смерти**» [4, с. 40]. Так, в оригинальном тексте автор говорит о том, что влюбленные в конечном итоге оставались в одиночестве, когда их разделяла смерть. Переводчик же трансформирует данную

концептуальную метафору, используя образный фразеологизм «отданы на откуп смерти», что меняет исходное значение. В интерпретации переводчика усиливается деструктивная активность (на откуп), а в видении автора усиливается динамика (брошены), что приводит к разнице в экспрессивности.

3. Метафора в переводе передается другим путем:

«Después de muchos años de **muerte**, era tan intensa la añoranza de los vivos, tan apremiante la necesidad de compañía, tan aterradora la proximidad de **la otra muerte que existía dentro de la muerte**, que Prudencio Aguilar había terminado por querer al peor de sus enemigas» [3, с. 64] (После многих лет **смерти** была настолько сильной тоска по живым, настолько острой потребность в компании, настолько ужасающей **близость другой смерти, которая существовала внутри смерти**, что Пруденсио Агилар в конечном итоге полюбил худшего из своих врагов). «После долгих лет **небытия** тоска по живым стала такой жгучей, потребность в обществе людей – такой неодолимой, **близость другой смерти, существующей в этой смерти**, так пугала, что Пруденсио Агилар в конце концов полюбил своего злейшего врага» [4, с. 35].

В данном примере одной из характеристик одиночества является невозможность вынести потребность в общении с живыми людьми, где нейтрализуется, становится незначимым деление окружающих на друзей и врагов. М. И. Былинкина заменяет исходную лексему «смерть» на лексему «небытие», используя прием генерализации, тем самым меняя заложенное автором значение. Такой вид трансформации можно считать необоснованным, так как нет никаких препятствий для передачи исходного слова его прямым переводным аналогом. В связи с заменой оригинального слова происходит замена образа «одиночество – смерть» на образ «одиночество – небытие». Здесь проходит вектор метафоризации «смерть – это одиночество». Небытие говорит о состоянии полного забвения, растворения в чем-либо, состоянии неизвестности, в то время как смерть – только о прекращении жизни.

Кроме того, говоря о «смерти внутри смерти», автор пытается донести мысль о том, что одна смерть влечет за собой другую, необязательно физическую, но и эмоциональную. Когда погибает один, погибает и другой, любящий его человек, что вновь указывает на неразрывность смерти и одиночества.

«Sesintió olvidado, no con el olvido remediable del corazón, sino con otro olvido más cruel e irreparable que él conocía muy bien, porque era el

olvido de la muerte» [3, с. 40] (Он чувствовал себя **забытым**, но не с **излечимым забвением** сердца, а с другим, **забвением** более **жестоким и бесповоротным**, которое он очень хорошо знал, потому что это было **забвение смерти**). «Он почувствовал, что забыт и что было это не преходящее беспamięтство сердца, а забвение иного рода, более жестокое и необратимое, которое он уже знал, – **забывчивость смерти**» [4, с. 23]. Слово «забвение» означает полную утрату памяти о чем-либо, часто используется поэтическое мифологическое выражение «река забвения», обозначающее реку, в которой умершие принимали забвение мирского существования. Забвение – это смерть, а забывчивость (от глагола «забыть») означает неспособность хорошо запоминать что-либо. Таким образом, происходит смягчение оригинальной метафоры.

«...la encontraban sentada en la cama, hablando sola, y perdida en un laberinto de muertos» [3, с. 272] (...они нашли ее сидящей на кровати, разговаривающей **в одиночестве** и потерянной в **лабиринте мертвецов**). «Они видели, как старуха сидит на кровати и разговаривает **сама с собой, окружив себя толпой усопших**» [4, с. 143]. В оригинальном тексте скрыто указывается на то, что смерть близких людей привела героиню к такому одиночеству, которое она уже не могла выносить и пыталась прекратить это одиночество посредством разговора с уже не живущими людьми в своем воображении. Переводчик с помощью контекстуальной замены трансформирует оригинальную метафору «лабиринт мертвецов», указывающую на то, что их было так много, что было невозможно оттуда выбраться. Выражение «толпа усопших» является, во-первых, менее экспрессивным, а во-вторых, не имплицитно, что из этой толпы выбраться невозможно или очень трудно. Толпа указывает только на количество людей, а лабиринт на запутанность, невозможность выбраться. Вновь проводится параллель между живым и неживым миром, показывая их неразрывность, связанность.

4. Метафора отсутствует в оригинале:

«Cuando Fernanda se dio cuenta de que era una **viuda a quien todavía no se le había muerto el marido**, ya era demasiado tarde para que las cosas volvieran a su estado anterior» [4, с. 108] (Когда Фернанда поняла, что она **вдова, муж которой еще не умер**, было уже слишком поздно возвращать все в прежнее состояние) [3, с. 203] «Когда Фернанда поняла, что оказалась **вдовой при живом муже**, было уже поздно» [4, с. 108]. Здесь, говоря о том, что Фернанда стала вдовой при живом муже, автор пытается показать, что, несмотря на отношения и брак, она все еще была

одинок, а ее муж казался ей мертвецом. Переводчик передает данный смысл с помощью метафоры «вдова при живом муже», усиливая экспрессивность оригинального выражения и делая акцент на одиночестве и печали, вызванной этим одиночеством, несмотря на то, что физический его аспект отсутствовал.

«**No se quieren acostar con un hombre que saben que se va a morir...**» [3, с. 103] (Они **не хотят спать** с человеком, который, как они знают, **скоро умрет...**). «Никто тут **не хочет иметь дело с мужчиной, которого смерть приглядела...**» [4, с. 56]. Так, данный пример указывает на то, что, по мнению автора, человек, ожидающий смерти, навсегда останется одинок, потому что никто не захочет коммуницировать с ним. Метафора «смерть приглядела» добавляет мифологического смысла в текст, намекая на невидимую «печать смерти». Люди не хотят общаться с таким человеком, потому что боятся перенести на себя эту печать и умереть. Смерть, хоть еще и не произошедшая, вызывает одиночество и отчуждение.

«**Se encerró con tranca dentro de sí mismo, y la familia terminó por pensar en él como si hubiera muerto**» [3, с. 211] (Он **замкнулся в себе**, и семья стала думать о нем так, как будто он **умер**). «...**закрыл на засов свою душу**, и семья стала в конце концов вспоминать о нем, как о **покойнике**» [4, с. 112]. Метафора о закрытии души на засов указывает на то, как влияет одиночество на человека, на его эмоциональное состояние и отношение к внешнему миру. Сравнение «как будто умер» вновь показывает неразрывную связь смерти и одиночества, так как одинокий человек кажется мертвым для внешнего мира.

Таким образом, в большем количестве случаев переводчик полностью сохраняет метафору, в трех случаях метафора отсутствовала в оригинале, но была добавлена при переводе, в трех случаях перевод был произведен не через метафору, а через прием контекстуальной замены на менее экспрессивные лексемы. При трансформации метафоры наиболее часто встречаются приемы контекстуальной замены и грамматические трансформации (замена типа предложения и членов предложения). Остальные приемы используются единично.

Одиночество также передается через метафору пустыни. Оно представляется в образе пустынного места, по которому люди блуждают в безуспешной попытке однажды выбраться оттуда. В оригинальном тексте лексема «пустыня» и ее производные используются 11 раз, в переводе – 5 раз. Рассмотрим тенденции направления переноса «пустыня – это одиночество»:

1. Сохранение метафорического значения:

«Cansado de **predicar en el desierto**, el padre Nicanor se dispuso a emprender la construcción de un templo...» [3, с. 67–68] (Устав **проповедовать в пустыне**, отец Никанор принялся за строительство храма...). «Устав **вопить в пустыне**, padre Nicanor вознамерился построить храм...» [4, с. 37]. Изменение семантики проявляется в использовании устаревшего и библейского «вопить» вместо нейтрального «проповедовать», что не меняет исходного значения, однако добавляет экспрессии и библейского смысла.

«Las calles estaban **desiertas** bajo la lluvia tenaz y las casas cerradas, **sin vestigios de vida interior**» [3, с. 246] (Улицы **были пустынными** под непрекращающимся дождем, а дома закрылись, не оставив **никаких следов внутренней жизни**). «Улицы **были пустынные** под нудным дождем, дома заперты – **без всяких признаков жизни**» [4, с. 130]. Здесь кроме направления «пустыня – это одиночество» прослеживается направление «смерть – это одиночество», которые переплетаются между собой.

В данных примерах переводчик полностью сохраняет оригинальную концептуальную метафору, несмотря на некоторые контекстуальные замены (проповедовать – вопить) и грамматические трансформации (замена частей речи: улицы были пустынными – улицы были пустынные).

«...который по ветрености натуры оказался в **пустыне миражей**, где искал красивейшую женщину, нашел, но не смог дать ей счастья» [4, с. 174]. «...que se dejaba arrastrar por la frivolidad através de un páramo alucinado, en busca de una mujer hermosa a quien no haría feliz» [3, с. 332] (...который позволил легкомыслию увлечься по **пустоши галлюцинаций** в поисках красивой женщины, которую он не сделал бы счастливой).

Здесь переводчик использует прием модуляции, сохраняет оригинальную метафору и раскрывает читателю тот факт, что искание любви является лишь миражом пустыни одиночества. Замена лексемы «пустыня» на лексему с большей негативной коннотацией «пустошь» усиливает исходное значение безвыходности одиночества, а замена «миражей» на «галлюцинации» указывает на состояние бреда. Человек видит миражи в пустыне от недостатка воды и усталости, как бродит в одиночестве от недостатка любви. Галлюцинации появляются в критическом бредовом состоянии чаще всего психически нездоровых людей, что имплицитно то, что одиночество доводит человека до иступления, до последней надежды на обретение любви. Тем не менее смысл сохраняется – одиночество вызывает бредовое состояние, когда человек готов хва-

таться за любую возможность, чтобы не остаться одному.

«...вызвать предчувствия, которые вели его молодость по тропам опасности **к скорбной пустыне славы**» [4, с. 103]. «...provocar los presagios que guiaron su juventud por senderos de peligro hasta el desolado yermo de la gloria» [3, с. 194] (...спровоцировать знамения, которые вели его юность по опасным тропам к **одиноким пустоши славы**). Переводчик использует прием контекстуальной замены (пустошь – пустыня), вновь добавляя символ пустыни для того, чтобы показать, что человек, окруженный славой, все равно будет чувствовать себя одиноким; так, будто он находится один в пустыне. В оригинальном тексте используется лексема с более негативной коннотацией «пустошь», делая одиночество еще более безвыходным, чем оно есть. Еще одна контекстуальная замена (одиночество – скорбь) вновь проводит параллель между одиночеством и смертью. Тем не менее исходный смысл сохраняется: даже человек, окруженный людьми и славой, может чувствовать себя одиноким и навсегда остаться таким.

2. Замена метафоры в переводе другими лексическими средствами:

«La primera vez que se vieron a solas, en **los prados desiertos** detrás del taller de mecánica, él la arrastré sin misericordia a un estado animal que la dejó extenuada» [3, с. 230] (В первый раз, когда они встретились наедине, **на пустынном лугу** за механической мастерской, он без жалости утащил в состояние животного, которое измучило ее). «В первый же раз, как только они остались одни **в открытом поле за гаражами**, он безжалостно довел ее до зверского иступления, лишившего всяких сил» [4, с. 122]. Говоря о пустынном луге, автор делает акцент на том, что, находясь в одиночестве, герои чувствовали себя как в пустыне, где больше не было никого. Переводчик же заменяет оригинальное прилагательное «пустынный» на прилагательное «открытый», вновь прибегая к приему демегафоризации и контекстуальной замены. В связи с использованием данной трансформации полностью исчезает заложенный автором символ пустыни одиночества, делая текст менее метафоричным. «Открытое поле за гаражами» в отличие от «пустынного луга» – более приземленное, жесткое, натуралистическое описание.

«...que apenas se detenía en la **estación desierta**, era lo único que quedaba del tren multitudinario...» [3, с. 275] (...почти не останавливавшийся **на пустынной станции**, был единственным, что осталось от переполненного поезда...). «...не привозивший и минуты не стоявший у **пустого**

перрона, был тем, что осталось от битком набитого людьми состава» [4, с. 144]. В данном примере также исходная лексема «пустынный» с помощью приема конкретизации была заменена на прилагательное «пустой», что способствовало потере метафорического значения.

«Las incontables mujeres que conocí en el **desierto del amor...**» [3, с. 141] (Бесчисленные женщины, которых он встретил в **пустыне любви...**). «Бесчисленные женщины, которых он встречал на **просторах любви...**» [4, с. 75]. Говоря о «пустыне любви», автор имплицитно то, что все те женщины, с которыми герой пытался преодолеть свое одиночество в любви, так и не помогли ему справиться с этим одиночеством, то есть прослеживается негативная коннотация. Используя прием контекстуальной замены и генерализации, переводчик меняет исходную метафору метафорой простора любви – свободы, раздолья (позитивная коннотация).

«La segunda visión del **pueblo desierto**, alumbrado apenas por las amarillentas bombillas de las calles, no despertó en Aureliano más curiosidad que la primera vez» [3, с. 297–298] (Второе видение **пустынного города**, едва освещенного желтоватыми уличными фонарями, не разбудило у Аурелиано больше любопытства, чем первый раз). «Вид **городка с безлюдными улицами** в тусклом желтом свете электрических лампочек и теперь не вызвал у Аурелиано большего интереса, чем в первый раз» [4, с. 155]. Используя прием конкретизации и грамматической трансформации (замена членов предложения), переводчик теряет образ одинокого города, в котором не осталось ничего кроме одиночества. «Городок с безлюдными улицами» указывает на частичное одиночество, а «пустынный город» – на тотальное.

3. Метафора в оригинале отсутствует:

«...дом казался особенно большим и **пустынным**» [4, с. 34]. «... la casa pareció enorme y **vacía**» [3, с. 61] (...дом казался огромным и **пустым**). Используя прием генерализации, переводчик добавляет символику в образ пустого дома, имплицитно его одиночество. В оригинальном тексте дом просто остается пустым, без людей, а в переводе дом сравнивается с пустыней безграничного одиночества.

4. Частичное совпадение метафоры:

«Remedios, la bella, se quedó vagando por el **desierto de la soledad...**» [3, с. 190] (Ремедиос, прекрасная, осталась бродить по **пустыне одиночества...**). «Ремедиос Прекрасная осталась блуждать по **просторам одиночества...**» [4, с. 101]. М. И. Былинкина использует прием генерализации и меняет исходную лексическую единицу «пустыня» на слово «простор», тем самым

теряя заложенный автором метафорический образ. Если посмотреть на фразеологические единицы русского языка (простор души, простор полета), «простор» имеет скорее позитивную окраску. Это свободное место, которым люди наслаждаются, находясь там. «Пустыня», в свою очередь, и в испанском, и в русском языках ассоциируется с засухой, отсутствием чего-либо живого, отсутствием выхода [17–19]. Таким образом, перевод данного отрывка можно считать необоснованным и даже неверным с точки зрения культурной специфики.

«...**las calles desiertas y las casas desoladas** eran iguales a como las había imaginado...» [3, с. 292] (...**пустынные улицы и одинокие дома** были такими, какими он представлял их...). «...**безлюдные улицы и пустые дома** выглядели так, как он их себе представлял...» [4, с. 152–153]. В этом примере переводчик вновь использует прием конкретизации и демегафоризации и заменяет исходные единицы-символы «пустынный» и «одиноким» на неэмоционально окрашенные прилагательные «безлюдный» и «пустой», изменяя заложенную автором метафору пустыни одиночества [20, 21]. В результате смысл исходной метафоры преобразуется в менее категоричный. У автора одиночество является тотальным, а у переводчика становится лишь частичным.

«El capitán que dirigió la operación se asombró de encontrar **los escombros desiertos**, y un solo hombre en calzoncillos, muerto...» [3, с. 97] (Капитан, руководивший операцией, был изумлен, обнаружив **пустынные развалины** и одного мертвого мужчину в нижнем белье...). «Капитан, руководивший операцией, очень удивился, увидев **безлюдные развалины** и лишь одного мертвеца в подштанниках...» [4, с. 52]. С помощью приема конкретизации лексема «пустынный» была заменена на прилагательное с более нейтральным значением «безлюдный», за счет чего произошло сужение оригинального метафорического значения.

«...que se desgastaban en el empeño inútil de hacerlos derivar hacia el **desierto del desencanto y el olvido**» [3, с. 328] (...которые были измотаны в бесполезных усилиях заставить их плыть в **пустыню разочарования и забвения**). «...которое напрасно тратило себя в попытках подтолкнуть их к **пропасти разочарования и забвения**» [4, с. 171]. Здесь переводчик полностью замещает исходную лексему с помощью приема контекстуальной замены, что привело к тому, что одиночество воспринимается русскоговорящим читателем в качестве пропасти, безвыходного положения, в то время как в оригинальном тексте говорится о том, что одиночество – это пустыня,

где нет никого и ничего. Наблюдается горизонтальное и вертикальное измерение одиночества.

«Puso al niño en la canastilla que su madre le había preparado, le tapó la cara al cadáver con una manta, y vagó sin rumbo por **el pueblo desierto**, buscando un desfiladero de regreso al pasado» [3, с. 330] (Он положил ребенка в корзину, которую приготовила для него мать, накрыл лицо трупа одеялом и бесцельно бродил **по пустынному городу**, отыскивая ущелье назад в прошлое). «Он положил ребенка в плетеную колыбель, приготовленную матерью, прикрыл лицо покойной платком и бросился в словно **вымерший город** искать тропку, ведущую в прошлое» [4, с. 172]. Используя прием модуляции, переводчик эксплицирует исходную лексику «пустынный», делая акцент на том, что город вымер – все люди исчезли. Тем не менее пустынный город может быть одиноким, даже если там остались живые существа, если он дает людям ощущение одиночества ввиду его запуска, потери былых красок и жизни.

При переводе наиболее часто используются приемы модуляции и контекстуальной замены, что приводит к потере оригинальной метафорической символики. Тем не менее в некоторых случаях переводчик сам создает метафору пустыни одиночества в тех случаях, когда она отсутствовала в оригинале.

Заключение

Приведем статистику использованных переводческих трансформаций: контекстуальная замена – 15, генерализация – 13, конкретизация – 5, замена частей речи – 8, замена членов предложения – 6, замена форм слова – 4, дословный перевод – 3 употребления. Переводчик чаще всего использует прием контекстуальной замены, трансформируя метафору или ее часть в лексику с иной семантикой. При использовании данного приема чаще всего основной смысл метафоры остается неизменным, однако на ее периферии присутствуют отличия. Прием генерализации способствует изменению периферии концепта, расширяя его значение, что приводит к смысловой размытости. Частое использование приема конкретизации (сужения смысла) приводит к выводу о том, что в переводе образ одиночества

выражен в меньшей степени ввиду выбора лексем с менее негативной коннотацией и других, с более узким значением.

В оригинале пустыня характеризуется через проповедь в пустыне, пустынные улицы без признаков жизни, пустыню миражей, скорбную пустыню славы, пустынный луг, пустынную станцию, пустыню любви, пустынный город, пустой дом, пустыню одиночества, пустынные улицы и одинокие дома, пустынные развалины, пустыню разочарования и забвения, пустынный город.

В переводе – через вопль в пустыне, пустынные улицы без признаков жизни, пустошь галлюцинаций, одинокую пустошь славы, открытое поле, пустой перрон, простор любви, городок с безлюдными улицами, пустынный дом, простор одиночества, безлюдные улицы и пустые дома, безлюдные развалины, пропасть разочарования и забвения, вымерший город.

Смерть в оригинальном тексте характеризуется через оплакивание одиночества, запустение, отсутствие общения, нахождение в смерти и невыносимости одиночества, смерть от истощения в забвении, отсутствие отклика, запирание в одиночестве, брошенность по воле смерти, цикличность и неразрывность смерти и одиночества, забвение, лабиринт мертвецов, вдовство без смерти, неизбежность смерти, замкнутость.

В переводе – через оплакивание одиночества, запустение, отсутствие общения, нахождение за порогом смерти и нетерпении одиночества, смерть в забвении, отсутствие отклика, погружение в одиночество, отдачу на откуп смерти, цикличность и неразрывность смерти и одиночества, забывчивость, толпу усопших, вдовство без смерти, проклятие смерти, закрытие души на засов.

У Г. Г. Маркеса одиночество тотальное. Зброшенность передается через метафору пустыни, которая характеризует мир внешний и внутренний (эмоциональный, психический), природный и созданный человеком, реальный и ирреальный. В русском переводе эта символика оказывается менее выраженной за счет использования лексем, сужающих исходный смысл. Одиночество из тотального превращается в частичное, не настолько всеобъемлющее и безвыходное, а как что-то, что можно изменить, преодолеть.

Список источников

1. Топоркова Ю. А. Способы передачи безэквивалентной лексики романа Г. Г. Маркеса «Сто лет одиночества» в русском переводе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 8-1 (74). С. 151–153.
2. Дуке Э. Х. П. «Сто лет одиночества» в русских переводах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. № 27 (738). С. 32–39.
3. Márquez G. G. Cien años de soledad. Bogotá: Casa Editorial El Tiempo, 2001. 334 p.

4. Маркес Г. Г. Сто лет одиночества / пер. с исп. М. И. Былинкиной. М.: АСТ, 2015. 477 с.
5. Harmer J. *How to teach English*. London: Pearson, 2010. 290 p.
6. Белинский В. Г. Полное собр. соч. в 13 т. М.: АН СССР, 1954. Т. 1. 317 с.
7. Catford J. C. *A Linguistic Theory of Translation*. London: Longman, 1965. 103 p.
8. Казакова Т. А. Практические основы перевода. СПб.: Союз, 2010. 320 с.
9. Green G. *Pragmatics and Natural Language Understanding*. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1996. 184 p.
10. Михайлов Н. Н. Теория художественного текста: учеб. пособие. М.: Академия, 2006. 224 с.
11. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
12. Knowles M., Moon R. *Introducing Metaphor*. L.: Psychology Press, 2006. 180 p.
13. Яковенко Т. И., Шайхалиева А. М. Способы перевода метафор в зарубежной теории перевода // Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 4. С. 200–207.
14. Потанина Н. Л. Концептуальная метафора в поэзии В. Г. Руделева // Вестник ТГУ. 2012. № 10. С. 625–631.
15. Опарина Е. О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. М., 1988. С. 65–77.
16. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М.: Междунар. отношения, 1980. 168 с.
17. Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др.: в 2 т. М.: АСТ-Астрель, 2002. 784 с.
18. Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А. А. Леонтьева. М.: Изд-во Московского ун-та, 1977. 192 с.
19. Diccionario de la lengua española. URL: [http:// www.dle.rae.es](http://www.dle.rae.es) (дата обращения: 12.03.2024).
20. Moliner Ruiz, M. *Diccionario de Uso del Español*. Madrid: Gredos, 1998. 3180 p.
21. Словарь русского языка: в 4 т.: Описание ЭНИ // Фундаментальная электронная библиотека. Малый академический словарь. М.: Русский язык, 1999. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 12.03.2024).

References

1. Toporkova Yu. A. *Sposoby peredachi bezekvivalentnoy leksiki romana G. G. Markesa «Sto let odinochestva» v russkom perevode* [Ways of conveying non-equivalent vocabulary of the novel by G. G. Marquez “One Hundred Years of Solitude” in Russian translation]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*, 2017, no. 8-1 (74), pp. 151–153 (in Russian).
2. Duke E. H. P. “Sto let odinochestva” v russkikh perevodakh [“One Hundred Years of Solitude” in Russian translations]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki – Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2015, no. 27 (738), pp. 32–39 (in Russian).
3. García Márquez G. *Cien años de soledad*. Bogota: Casa Editorial El Tiempo, 2001. 334 p.
4. Markes G. G. *Sto let odinochestva* [One Hundred Years of Solitude]. Moscow, AST Publ., 2015. 477 p. (in Russian).
5. Harmer J. *How to teach English*. London, Pearson Publ., 2010. 290 p.
6. Belinskiy V. G. *Polnoye sobraniye sochineniy v 13 tomakh* [Complete collected works in 13 volumes]. Moscow, AN SSSR Publ., 1954. 317 p. (in Russian).
7. Catford J. C. *A Linguistic Theory of Translation*. London, Longman Publ., 1965. 103 p.
8. Kazakova T. A. *Prakticheskiye osnovy perevoda* [Practical basics of translation]. Saint Petersburg, Soyuz Publ., 2010. 320 p. (in Russian).
9. Green G. *Pragmatics and Natural Language Understanding*. New Jersey, Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1996. 184 p.
10. Mikhaylov N. N. *Teoriya khudozhestvennogo teksta: uchebnoye posobiye* [Theory of literary text: textbook]. Moscow, Akademiya Publ., 2006. 224 p. (in Russian).
11. Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metaphors we live by*. University of Chicago Press, 1980. 242 p. [Russ. ed.: Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafori, kotorymi my zhivem: perevod s angliyskogo*. Ed. and preface by A. N. Baranov, A. V. Morozova]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p.].
12. Knowles M., Moon R. *Introducing Metaphor*. London, Psychology Press, 2006. 180 p.
13. Yakovenko T. I., Shaykhalieva A. M. *Sposoby perevoda metafor v zarubezhnoy teorii perevoda* [Methods of translating metaphors in foreign translation theory]. *Gumanitarnye i sotsial’nye nauki – The Humanities and Social Sciences*, 2021, no. 4, pp. 200–207 (in Russian).

14. Potanina N. L. Kontseptual'naya metafora v poezii V. G. Rudeleva [Conceptual metaphor in the poetry of V. G. Rudelev]. *Vestnik TGU – Tomsk State University Journal*, 2012, no. 10. Pp. 625–631 (in Russian).
15. Oparina E. O. Kontseptual'naya metafora [Conceptual metaphor]. *Metafora v yazyke i tekste* [Metafor in language and text]. Moscow, 1988. Pp. 65–77 (in Russian).
16. Komissarov V. N. *Lingvistika perevoda* [Linguistics of translation]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1980. 168 p. (in Russian).
17. Karaulov Y. N., Cherkasova G. A., Ufimtseva N. V. *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian associative dictionary]. Moscow. AST-Astrel' Publ., 2002. 784 p. (in Russian).
18. *Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka*. Pod redaktsiyey A. A. Leont'eva [Dictionary of associative norms of the Russian language. Ed. A. A. Leontyev]. Moscow, Moscow university Publ., 1977. 192 p. (in Russian).
19. *Diccionario de la lengua española*. Real Academia Española. URL: <http://www.dle.rae.es> (accessed 12 March 2024).
20. Moliner Ruiz M. *Diccionario de Uso del Español*. Madrid, Gredos Publ., 1998. 3180 p.
21. Slovar' russkogo yazyka v 4 tomakh: Opisaniye ENI [Dictionary of the Russian language in 4 volumes: Description of ENI]. *Fundamental'naya elektronnyaya biblioteka. Malyy akademicheskiy slovar'* [Fundamental Electronic Library. Small Academic Dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1999 (in Russian). URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed 12 March 2024).

Информация об авторе

Чукавина А. Г., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).
E-mail: arina.chukavina@yandex.ru

Information about the author

Chukavina A. G., postgraduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).
E-mail: arina.chukavina@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 13.03.2024; принята к публикации 01.10.2024

The article was submitted 13.03.2024; accepted for publication 01.10.2024

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

УДК 811.161.1'42

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-56-64>

Особенности репрезентации художественной концептосферы Ф. И. Тютчева

Елена Владимировна Сергеева

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, e.vlad.sergeeva@gmail.com

Аннотация

Рассматриваются основополагающие, с точки зрения автора, понятия лингвоэстетического анализа художественного текста: экспрессема и концепт. Под экспрессемой понимается составляющая художественного текста, обеспечивающая восприятие выразительно-изобразительных качеств эстетического языкового материала. Концепт определяется как имеющий имя лингвоментальный конструкт, воплощающийся в языке в ассоциативно-семантическом поле. Художественный концепт дефинируется как феномен, принципиально не отличающийся от концепта в языковой картине мира, но репрезентирующий художественную картину мира и эксплицирующийся образными в самом широком смысле средствами. Описывается специфика представления концептосферы поэтического творчества Ф. Тютчева, которая представляет из себя четко организованную систему. Анализируются особенности представления концептов ПРИРОДА, БОГ, ЛЮБОВЬ, СЛАВЯНСТВО в поэтическом творчестве Ф. И. Тютчева, рассматриваются слова и сверхсловные номинации, общие для зоны ассоциативно-семантических полей, репрезентирующих три основополагающих для Ф. Тютчева концепта: БОГ, ПРИРОДА, ЛЮБОВЬ. Концепт ПРИРОДА квалифицируется как наиболее значимый в концептосфере поэзии Ф. И. Тютчева. Его экспликативы – это прежде всего лексические экспресsemы – слова и тропические словосочетания, а также образные синтаксические конструкции. Рассмотрение специфики экспликации концептосферы поэзии Ф. И. Тютчева позволяет прийти к выводу, что основу этой концептосферы составляет художественный концепт ПРИРОДА, ассоциативно-семантическое поле которого пересекается с полями столь же значимого, но менее показательно представленного концепта ЛЮБОВЬ и идейно-художественного концепта БОГ. Концепт ЛЮБОВЬ, несмотря на высокую значимость его содержания для поэта, часто репрезентируется экспресsemами, относящимися к полю концепта ПРИРОДА. Констатируется, что идейно-художественный концепт БОГ представлен как традиционными вербализаторами, так и экспресsemами. Идеологический концепт СЛАВЯНСТВО интересен не только тем, что репрезентирован не экспресsemами, но и тем, что его ассоциативно-семантическое поле не пересекается с полями других составляющих концептосферы. Названный концепт, не включающий в свое поле художественные вербализаторы, тем не менее является значимой составляющей концептосферы поэтического творчества Ф. Тютчева, поскольку воплощает чрезвычайно важную для мировоззрения поэта точку зрения на славянство как реально существующий политический и нравственный феномен.

Ключевые слова: экспрессема, концепт, лингвоментальный конструкт, концептосфера, ассоциативно-семантическое поле

Для цитирования: Сергеева Е. В. Особенности репрезентации художественной концептосферы Ф. И. Тютчева // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 6 (236). С. 56–64. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-56-64>

RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

Features of the artistic conceptsphere representation

Elena V. Sergeeva

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation,
e.vlad.sergeeva@gmail.com

Abstract

The fundamental, from the author's point of view, concepts of linguo-aesthetic analysis of a literary text are considered: *expresseme* and *concept*. An *expresseme* is understood as a component of a literary text that provides the perception of the expressive and figurative qualities of aesthetic linguistic material. A *concept* is defined as a named linguomental construct, embodied in the language in an associative-semantic field. An artistic concept is defined as a phenomenon that is not fundamentally different from the concept in the linguistic picture of the world, but represents the artistic picture of the world and is explicated by figurative means in the broadest sense. The specificity of the presentation of the conceptsphere of F. Tyutchev's poetic creativity, which is a clearly organized system, is described. The features of the presentation of the concepts NATURE, GOD, LOVE, SLAVRY in the poetic works of F. Tyutchev are analyzed. The focus is on words and super-word nominations, common to the zone of associative-semantic fields, representing three fundamental concepts for F. Tyutchev: GOD, NATURE, LOVE. The concept NATURE qualifies as the most significant in the conceptual sphere of F. Tyutchev's poetry. Its explicators are primarily lexical *expressemes* – words and tropical phrases, as well as small figurative syntactic constructions. It is stated that the ideological and artistic concept of GOD is represented by both traditional verbalizers and *expressemes*. The concept LOVE, despite the significance of its content for the poet and its intersection with the field of the concept NATURE, cannot be considered central in his conceptual sphere. The ideological concept SLAVYNESS, which does not include artistic verbalizers in its field, is nevertheless a significant component of the conceptual sphere of F. Tyutchev's poetic creativity, since it embodies an extremely important point of view for the poet's worldview on Slavism as a really existing political and moral phenomenon. Consideration of the specifics of the explication of the concept sphere of F. Tyutchev's poetry allows us to come to the conclusion that the basis of this conceptsphere is the artistic concept NATURE, the associative-semantic field of which intersects with the fields of the equally significant, but less demonstratively presented concept LOVE and the ideological and artistic concept GOD. The ideological concept SLAVRY is interesting not only because it is not represented by *expressemes*, but also because its associative-semantic field does not intersect with the fields of other components of the conceptsphere.

Keywords: *expresseme, concept, concept sphere, associative-semantic field*

For citation: Sergeeva E. V. Osobennosti reprezentatsii khudozhestvennoy kontseptosfery F. I. Tyutcheva [Features of the artistic conceptsphere representation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 6 (236), pp. 55–63 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-55-63>

Введение

Лингвистическая поэтика, или лингвоэстетический анализ художественного текста, вызывает интерес исследователей уже более столетия, начиная с работ Р. Якобсона [1] и В. В. Виноградова [2] и заканчивая современными исследователями [3–6] и др. Художественный текст – это обладающий характерными именно для внепрагматического текста категориями эстетический феномен [7].

Важная проблема лингвоэстетического анализа текста – недостаточная обеспеченность терминологией, поскольку актуальные в свое время термины, например термин «приращение смысла», впервые употребленный Б. А. Лариным [8],

недостаточно терминологичны для современной науки. Вероятно, в подобной ситуации может помочь использование двух достаточно строгих терминов – *экспрессема* и *концепт*.

Единицей выражения в художественном тексте может быть названа *экспрессема* (термин, введенный еще В. П. Григорьевым в [9]). Слово (или сверхсловная единица, а также единица дословная – звук, морфема) с эстетически экспрессивной семантикой, то есть *экспрессема*, может стать основой анализа художественного текста [10]. *Экспрессема* (возможный синоним «поэтема» [11]) может рассматриваться не только как образное средство, но и как средство экспликации концепта.

Концептуальные исследования как «модное» направление в лингвистике часто вызывают неприятие, поскольку, несмотря на наличие серьезных исследований в этой области [12], название статьи «Концепт Х в художественном тексте» или «Художественный концепт Y...» не всегда подразумевает собственно концептологический анализ (что можно увидеть, например, в некоторых главах [13] и [14]). Однако в настоящее время концепт стал не только одним из основных понятий в лингвоконцептологии, но и инструментом анализа текста, в том числе художественного, позволяющим адекватно представить специфику художественной картины мира автора [15–17] и др.

Необходимость обосновать терминологию, а также значимость анализа концепта для лингвоэстетического анализа текста определяют актуальность статьи. Представление системы концептов (концептосферы) в произведениях Ф. Тютчева, создающей возможность продемонстрировать важные особенности произведений поэта, не менее актуально.

Художественный концепт (ХК), как и концепт в языковой картине мира (ЯКМ), – имеющий имя лингвоментальный конструкт, вербализованное ментальное образование, воплощающийся в составляющих ассоциативно-семантического поля, включающего экспрессивные в широком смысле семантически трансформированные и образные номинанты. (О различии художественного и «нехудожественного» концепта автор статьи писала ранее [18].)

ХК весьма значим для передачи эстетических смыслов, следовательно, этот термин, наряду с экспрессемой, можно считать важнейшим инструментом их выявления в художественном тексте (ХТ). Однако в ХТ могут репрезентироваться не только художественные концепты. Не исключена возможность воплощения в этом тексте концепта нехудожественного. В подобном случае концепт остается идейным и тематическим центром текста, но перестает быть его образной основой и художественным центром. Весьма показательный пример подобного феномена находим именно в концептосфере Ф. И. Тютчева, которая в целом служит наиболее репрезентативным примером использования в поэтическом дискурсе автора различных видов концептов.

В поэтических текстах Ф. Тютчева можно выделить более чем две основных разновидности концепта. Подобная ситуация в художественной картине мира (ХКМ) поэта не уникальна: например, в ХКМ Ф. Сологуба, помимо собственно художественных концептов, выделяется художественно-философский концепт – ЗЛО. А вот пар-

ный концепт СВОБОДА – ВОЛЬНОСТЬ, вербализованный в поэзии А. С. Пушкина, нельзя квалифицировать как концепт только художественный – скорее, это лингвоментальный конструкт, содержащий, несомненно, эстетические содержательные элементы, но относящийся к концептам идейно-художественным. Идейно-художественный концепт – феномен сложный и неоднозначный, его содержание, экспрессивность и особенности функционирования (следовательно, и степень художественности) зависят от языковой и художественной картины мира автора, а также от конкретного контекста, в котором подобный концепт репрезентирован.

Представляется, что примером собственно ХК в поэзии Ф. И. Тютчева может служить концепт ПРИРОДА. Примером концепта идейно-художественного – концепт БОГ. Более того, в текстах поэта может быть выделен концепт нехудожественный, идеологический – СЛАВЯНСТВО.

Материал и методы

Концептосфера поэта, как демонстрирует рассмотренный материал, должна моделироваться не как набор или совокупность концептов, составляющих основу художественного творчества, а как система. Это касается соотношения трех концептов – ПРИРОДА, ЛЮБОВЬ и БОГ.

Не касаясь философского и литературоведческого осмысления творчества Ф. Тютчева, связанного с описанием пантеизма поэта (можно вспомнить хотя бы классическую статью Н. Я. Берковского [19]), но и не забывая про то, что запрос «природа у Тютчева» в поисковике Google дает более 1,5 миллиона результатов, среди которых, однако, можно выделить мало собственно лингвистических публикаций (например, [20]). Обратимся прежде всего к лексической репрезентации ХК ПРИРОДА. Для поэта этот концепт становится, как представляется, наиболее важным в его концептосфере.

Как уже было указано выше, понимая концепт как лингвоментальный феномен, имеющий имя и словесное воплощение, при анализе этого феномена рассмотрим лексические и сверхсловные единицы-репрезентанты.

Результаты исследования

Следует обратить внимание на то, что ХК ПРИРОДА, центральный в концептосфере Ф. И. Тютчева, в свое время был определен как экзистенциальный [21]. При этом нельзя в полной мере согласиться с автором названной статьи [21], что Ф. Тютчев хочет прежде всего представить свои взгляды на мироздание и поставить

вопросы, касающиеся человеческого существования, с помощью погружения в мир природы, а не просто показать ее красоту. Наличие большого количества вербализаторов-экспрессем демонстрирует, что концепт ПРИРОДА – художественный концепт, являющийся образным центром творчества поэта.

Экспликативы этого эстетического лингвоментального конструкта – лексические экспрессы (слова и тропеические словосочетания), а также образные синтаксические конструкции небольшого объема.

Само имя концепта ПРИРОДА частотно в текстах поэта, оно насчитывает десятки словоупотреблений: *Но твой, природа, мир о днях былых молчит; Когда пробьет последний час природы; И всю природу, как туман, Дремота жаркая объемлет; Не то, что мните вы, природа* и др.

Весьма показательно, что набор общеязыковых вербализаторов концепта чрезвычайно широк. В поэзии Ф. Тютчева концепт ПРИРОДА репрезентирован фактически всеми тематическими группами, приведенными в «Русском семантическом словаре», среди которых выделяются прежде всего:

- небесные тела и космические явления (звезда, светило, солнце, месяц, луна и др.): *Под магической луной; Иль солнце не одно для них; Месяц встал;*

- воздушное пространство (воздух, небо, небосвод и др.): *Весенний, теплый воздух пить, С неба звезды нам светили; Мотылька полет незримый / Слышен в воздухе ночном;*

- небесное свечение (луч, зарево, восход, восток, закат, заря, молния, мрак, отблеск, радуга, рассвет, свет, сияние, сумерки, сумрак, тень, тьма и др.): *И радуга концом дуги своей / В зеленые вершины уперлася; При первом утра юном свете; Вечерним заревом лучей; Тени сизые смесились; Восток белел; Сажусь задумчивый в тени древес густой; Зари последний луч еще приметно бродит;*

- участки земной поверхности (вершина, гора, скала, утес, холм и др.): *С холма на холм скользит мой взор унылый; бросив взор с утесистой вершины; горы, убегая, в светлой тянутся дали;*

- углубления (бездна, глубина, пропасть, пучина, ущелье): *Неверные преодолев пучины, Достиг пловец желанных берегов; Какое дикое ущелье;*

- ровные участки и участки, не связанные с особенностями рельефа (поле, долина, поляна, пустыня, равнина и др.): *Мои поля, и рощи, и долины; Ложится по долине тень; С поляны коршун поднялся;*

- состояние воздуха (мгла, облако, туман, туча и др.): *Окутанным осенней мглой; Светло и тихо облака плывут;*

- стихия, воздушные потоки (буря, ветер, вихрь, гроза, стихия, ураган и др.): *Следов не скроет мрачных бурь и вод; Встают гроза и вихрь и лист крутят пустынный!*

- воды, водоемы (река, воды, волны, море, пучина и др.): *Там дремлющая зыбь лазурного пруда / Светлеет; пятна Стоячих вод; Лазурь небес; и море голубое; Здесь пенится река, долины красота; А воды уж весной шумят; пустынная река.*

Среди вербализаторов концепта не частотны только единицы-названия животных и растений, среди которых выбираются обычно традиционно-поэтические (*Жарче роз благоуханье; Блистают розы и горят*), что демонстрирует отсутствие у автора стремления показать конкретную флору и фауну, при этом редкие исключения лишь подтверждают правило (*родные ели; кипарис глядел в окно; жаворонки в небе уж подняли трезвон*).

Не менее показательно также то, что, подразумевая, кроме эстетического, философское содержание ХК, поэт дает четко сформулированные определения своему пониманию природы: *Не то, что мните вы, природа: Не слепок, не бездушный лик... В ней есть душа, в ней есть свобода, В ней есть любовь, в ней есть язык...* Содержательный элемент «загадочность, непознаваемость» представлен непосредственно с помощью слова с традиционно-символическим значением: *Природа – сфинкс*. Еще одна номинация природы воспроизводит узуальное языковое определение: *природа – мать* (книгу *Матери-природы; Природа-мать ему дала / Два... крыла; Когда на пиришество / Природы Певец, любимый сын ея...*).

В текстах Ф. Тютчева для репрезентации ХК ПРИРОДА, несмотря на употребительность общеязыковых единиц, используются прежде всего экспрессы, в том числе метафора, олицетворение или метафора-олицетворение, что в полной мере соответствует утверждению Н. С. Болотно-вой о том, что в воплощении концептов и их взаимосвязи в процессе текстового развертывания важны такие авторские художественные средства, как персонификация, метафора и метонимия [22]. Вербализаторы концепта могут быть простейшими двучленными или трехчленными генитивными или глагольными метафорами (*природы храм, нивы дремлющие зреют, природа спит, природа не проснулась, глядело бледное светило, солнце смотрит на поля, синей молнии струя, солнце взглянуло, по равнине вод лазурной,*

волны лезут с воем, дыханье непогоды, дышит полдень знойный, на тусклом озера стекле, дымчатым навесом / Огромной тучи снеговой), однако специфическая черта идиостиля поэта – частотность репрезентации ХК экспрессемами-комплексами – образными конструкциями, совмещающими несколько различных или однотипных тропов: По равнине вод лазурной / Шли мы верною стезей – Огнедышащий и бурный, / Уносил нас змей морской; Ночь хмурая, как зверь стоокий, / Глядит из каждого куста; Как птичка, раннею зарей, / Мир, пробудившись, встрепетулся; Луна медлительно с полуночи восходит / На колеснице облаков; Месяц светозарный... вольет елей душистый и янтарный. Иногда подобные комплексы выходят за рамки предложения: Вечер пасмурно-багровый / Светит радужным лучом. / Сыплет искры золотые, / Сеет розы огневые, / И уносит их поток. / Над волной темно-лазурной / Вечер пламенный и бурный / Обрывает свой венок...

В некоторых случаях автору оказывается недостаточно даже многокомпонентных образных конструкций, и концепт эксплицируется целыми текстами, представляющими из себя развернутую реализованную метафору. Примерами подобных стихотворений являются «Сны», «Конь морской», «О чем ты воешь, ветер ночной».

Для вербализации ХК ПРИРОДА часто характерно не просто олицетворение, но персонификация, явная антропоморфизация природы и природных явлений: *принахмурилась земля; радужные горы / В лазурные глядятся озера; луны, очаровавшей мглу, лазурный свет блеснул; Гвоздики не даром лукаво глядят; гром, как бы резвясь и играя, грохочет; На месяц взглянь... / Он в небесах едва не изнемог; Лазурь небесная смеется, ночной омытая грозой; Солнце раз еще взглянуло / Исподлобья на поля; Но твой, природа, мир о днях былых молчит / С улыбкою двусмысленной и тайной; Альпы снежные глядят – Помертвелые их очи / Льдистым ужасом разят и многие другие примеры.*

Один из наиболее показательных примеров упомянутого феномена представлен в стихотворении «Летний вечер»: *Уж солнца раскаленный шар / С главы своей земля скатила, / И мирный вечера пожар / Волна морская поглотила... / И сладкий трепет, как струя, / По жилам пробежал природы, / Как бы горячих ног ея / Коснулись ключевые воды.*

ХК ЛЮБОВЬ составом репрезентантов тесно связан с ХК ПРИРОДА. Содержательные элементы концепта («красота», «счастье», «близость») часто вербализуются с помощью достаточно традиционных экспрессем-сравнений

(иногда – метафор), основанных на номинации природных феноменов, и прежде всего световых небесных явлений (молния, солнце, рассвет и пр.): *Твой милый образ... / Как ночью на небе звезда; Люблю глаза твои, мой друг... / Когда их приподымеешь вдруг / И, словно молнией небесной, / Окинешь бегло целый круг; И вдруг, как Солнце молодое, / Любви признание золотое / Исторглось из груди ея; С какою негою, с какой тоской влюбленной ...нема, как опаленный / Небесной молнии огнем; Златой рассвет небесных чувств твоих как небо и дыханье.*

Эксплицируя ХК ЛЮБОВЬ целым рядом номинаций природных явлений (воздух, гроза, туча, небо, свет, заря, день, запад, сиянье, зной, тень и др.), Ф. Тютчев представляет это чувство как стихию бытия: *В душном воздуха молчанье, / Как предчувствие грозы, / Жарче роз благоуханье, / Звонче голос стрекозы... / Чу! за белой, дымной тучей / Глухо прокатился гром; Небо молнией летучей / Опясалось кругом... / Жизни некий преизбыток / В знойном воздухе разлит, / Как божественный напиток / В жилах млеет и горит! Дева, дева, что волнует / Дымку персей молодых? / Что мутится, что тоскует / Влажный блеск очей твоих?... / Что, бледнея, замирает / Пламя девственных ланит? / Что так грудь твою спирает / И уста твои палит?... / Сквозь ресницы шелковые / Проступили две слезы... / Иль то капли дождевые / Зачинающей грозы?..*

Концепт ЛЮБОВЬ эксплицируется также развернутыми синтаксическими конструкциями, символически изображающими любовь как процесс жизни природы: *Таков горé – духов блаженных свет, / Лишь в небесах сияет он, небесный; Так с юных роз Авроры луч бежит / С их чистою душою ароматной. / Но так и быть! в палящий летний зной / Лестней для чувств, приманчивей для взгляда / Смотреть в тени, как в кисти винограда / Сверкает кровь сквозь зелени густой!*

Поэт, репрезентируя концепт с помощью экспрессем – развернутых конструкций, демонстрирует параллелизм в изображении душевных и природных явлений: *Сияй, сияй, прощальный свет / Любви последней, зари вечерней! / Полнеба обхватила тень, / Лишь там, на западе, бродит сиянье, – / Помедли, помедли, вечерний день, / Продлись, продлись, очарованье.*

Наконец, вербализация ХК ЛЮБОВЬ, несомненно, связана с воплощением концепта БОГ, ибо поэт действительно умеет «боготворить» и не случайно называет возлюбленную одним из имен Божества: *Ты, ты, мое земное провиденье!*

Идейно-художественный концепт БОГ в поэтических текстах Ф. Тютчева, с одной стороны, вербализуется традиционной для этого концепта лексикой (Бог, Отец, Творец, Божество, Всеблагодать, Провиденье), называющей высшее существо, мыслимое как реальный объект религиозных чувств (*Молитесь Богу; Ваш Отец смотрит на вас; Иль Творец сказался вам; Пошли, Господь, свою отраду; И чистой, как ты сам, одело / Тебя стихией Божество*), с другой – неузуальными номинациями разной степени образности: Неизвестный, Солнце, Десница, Вседвижущий перст (*Здесь лишь тени – Солнце там, – Выше звезд Его ищите*).

Для представления концепта БОГ в творчестве Ф. И. Тютчева показательны наличие экспрессы – развернутых конструкций, демонстрирующих реальное воплощение Бога в природном мире: *Небо, полное грозью, / Все в зарницах трепетало... Словно тяжкие ресницы / Подымались над землею... / И сквозь беглые зарницы / Чьи-то грозные зеницы / Загорались порою...*

Таким образом, отношения концептов, составляющих основу концептосферы Ф. Тютчева, могут быть названы как наложением, так и корреляцией [23].

Описание репрезентации ранее рассмотренного идеологического концепта СЛАВЯНСТВО [24] позволило констатировать, что его ядерные содержательные составляющие – «братство» и «единство», эксплицированные словами и словосочетаниями *братство, братья, братский, сла-*

вянская семья, любовь, славяне, единения венеч, правда божья, русский дух, единокровный, единомысленный, всеславянский, одноплеменный, славян родные поколенья, высшее сознание, обшая свобода.

Рассмотрение вербализации этого концепта позволяет также утверждать, что художественный, поэтический текст может включать концепт, который может быть охарактеризован содержательно и формально как политический, философский, религиозный и др., но не собственно художественный, поскольку он не включает в свою структуру репрезентантов с эстетическими значениями.

Однако подобный нехудожественный концепт может быть частью художественной концептосферы, воплощая идеологическую составляющую картины мира творческой языковой личности.

Заключение

Таким образом, анализ особенностей экспликации концептосферы поэзии Ф. И. Тютчева позволяет говорить о том, что основу этой концептосферы составляет ХК ПРИРОДА, ассоциативно-семантическое поле которого пересекается с полями значимого, но менее ярко представленного ХК ЛЮБОВЬ и идейно-художественного концепта БОГ. Идеологический концепт СЛАВЯНСТВО интересен не только тем, что репрезентирован не экспрессами, но и тем, что его ассоциативно-семантическое поле не пересекается с АСП других составляющих концептосферы.

Список источников

1. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика. URL: <https://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm> (дата обращения: 25.05.2024).
2. Виноградов В. В. О теории художественной речи. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Person/Vinogradov-1971.pdf> (дата обращения: 15.04.2024).
3. Ковалевская Е. Г. Слово в тексте художественного произведения. URL: <https://textus2006.narod.ru/Kovalevskaya.pdf> (дата обращения: 29.05.2024).
4. Миллер Л. В. Художественная картина мира и мир художественных текстов. СПб.: СПбГУ, 2003. 154 с.
5. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. URL: <http://lib4all.ru/base/B3571/B3571Part10-40.php#> (дата обращения: 25.04.2024).
6. Сергеева Е. В. К вопросу о проблематике стилистики художественной речи в начале XXI века // Русская речевая культура и текст: материалы VIII Междунар. науч. конф. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2014. С. 112–120.
7. Сергеева Е. В. Вопрос о специфике художественного текста в аспекте выделения текстовых категорий // Русская речевая культура и текст: материалы XI Междунар. науч. конф. / под общ. ред. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2020. С. 42–48.
8. Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Л.: Худ. лит., 1974. 284 с.
9. Григорьев В. П. Поэтика слова. М.: Наука. 1979. 343 с.
10. Сергеева Е. В. О значении термина *экспрессыма* в лингвоэстетическом анализе художественного текста // Слово. Словарь. Словесность: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2024. С. 215–221.

11. Новиков Л. А. Значение эстетического знака: Филологические науки // Научные доклады высшей школы. 1999. № 5. С. 98–104.
12. Болотнова Н. С. Лексические средства репрезентации художественных концептов в поэтическом тексте. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-sredstva-reprezentatsii-hudozhestvennykh-kontseptov-v-poeticheskom-tekste/viewer> (дата обращения: 25.04.2024).
13. Антология концептов. Волгоград: Парадигма, 2007. Т. 5. 332 с.
14. Антология художественных концептов русской литературы XX века. М.: Флинта, 2013. 356 с.
15. Бабенко Л. Г., Бабенко В. Г. Когнитивные технологии в филологии: концептуальный анализ художественного текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. Вып. 4. С. 135–140.
16. Виноградова С. А. Когнитивная лингвистика о значении и концепте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 2 (39). С. 50–55.
17. Болотнова Н. С. Художественный концепт как объект филологического исследования // Стереотипность и творчество в тексте: межвузовский сб. науч. тр. по материалам Международной научной конференции. Вып. 9. Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-т. 2005. С. 51–58.
18. Сергеева Е. В. Концепт-универсалия и художественный концепт: проблема классификации // Сибирский филол. журнал. 2006. № 1-2. С. 63–69.
19. Берковский Н. Я. Ф. И. Тютчев. URL: <https://www.ruthenia.ru/tiutcheviana/publications/berkovsk.html> (дата обращения: 25.04.2023).
20. Юрков Е. Е. Семантическая сфера «Природа» как источник метафоризации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskaya-sfera-priroda-kak-istochnik-metaforizatsii/viewer> (дата обращения: 29.03.2024).
21. Мысовских Л. О. Экзистенциальные концепты поэзии Ф. И. Тютчева в контексте взаимоотношений человека и природы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekzistentsialnye-kontsepty-poezii-f-i-tyutcheva-v-kontekste-vzaimootnosheniy-cheloveka-i-prirody/viewer> (дата обращения: 25.09.2023).
22. Болотнова Н. С. Лексические средства репрезентации художественных концептов в поэтическом тексте. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-sredstva-reprezentatsii-hudozhestvennykh-kontseptov-v-poeticheskom-tekste/viewer> (дата обращения: 25.06.2024).
23. Болотнова Н. С. Типы вербализованных в тексте художественных концептов и их взаимодействие. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipy-verbalizovannykh-v-tekste-hudozhestvennykh-kontseptov-i-ih-vzaimodeystvie> (дата обращения: 25.06.2024).
24. Сергеева Е. В. Особенности представления концепта «славянство» в поэтическом творчестве Ф. И. Тютчева // Русская речевая культура и текст: материалы XIII Междунар. науч. конф. (16–17 мая 2024 г.). Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2024. С. 118–124.

References

1. Jakobson R. *Lingvistika i poetika* [Linguistics and Poetics] (in Russian). URL: <https://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm> (accessed 25 May 2024).
2. Vinogradov V. V. *O teorii khudozhestvennoy rechi* [On the theory of artistic speech] (in Russian). URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Person/Vinogradov-1971.pdf> (accessed 15 April 2024).
3. Kovalevskaya E. G. *Slovo v tekste khudozhestvennogo proizvedeniya* [The word in the text of a work of art] (in Russian). URL: <https://textus2006.narod.ru/Kovalevskaya.pdf> (accessed 29 May 2024).
4. Miller L. V. *Khudozhestvennaya kartina mira i mir khudozhestvennykh tekstov* [The artistic picture of the world and the world of artistic texts]. Saint Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2003. 154 p. (in Russian).
5. Babenko L. G., Kazarin Yu. V. *Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta* [Linguistic analysis of artistic text] (in Russian). URL: <http://lib4all.ru/base/B3571/B3571Part10-40.php#> (accessed 25 April 2024).
6. Sergeeva E. V. K voprosu o problematike stilistiki khudozhestvennoy rechi v nachale XXI veka [On the issue of stylistics of artistic speech at the beginning of the 21st century]. *Russkaya rechevaya kul'tura i tekst: materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii – Russian speech culture and text* [Russian speech culture and text. Materials of the VIII International Scientific Conference]. Tomsk, Tomsk TsNTI Publ., 2014. Pp. 112–120 (in Russian).
7. Sergeeva E. V. Vopros o spetsifike khudozhestvennogo teksta v aspekte vydeleniya tekstovykh kategoriy [Question about the specifics of literary text in the aspect of identifying text categories]. *Russkaya rechevaya kul'tura i tekst: materialy XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii – Russian speech culture and text* [Russian speech culture and text. Materials of the XI International Scientific Conference]. Tomsk, Tomsk TsNTI Publ., 2015. Pp. 112–120 (in Russian).

- narodnoy nauchnoy konferentsii*. Pod obshchey redaktsiyei N. S. Bolotnovoy [Russian speech culture and text. Materials of the XI International Scientific Conference. Under the general editorship of N. S. Bolotnova]. Tomsk, Tomsk TsNTI Publ., 2020. P. 42–48 (in Russian).
8. Larin B. A. *Estetika slova i yazyk pisatelya* [Aesthetics of the word and the language of the writer]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1974. 284 p. (in Russian).
 9. Grigor'ev V. P. *Poetika slova* [Poetics of the word]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 343 p. (in Russian).
 10. Sergeeva E. V. O znachenii termina *ekspressema* v lingvoesteticheskom analize khudozhestvennogo teksta [On the interpretation of the term *ekspressema* in the linguo-aesthetic analysis of an artistic text]. *Slovo. Slovar'. Slovesnost': sbornik nauchnykh statey* [Word. Dictionary. Literature. Collection of scientific articles]. Saint Petersburg, RGPU named after A. I. Herzen Publ., 2024. P. 215–221 (in Russian).
 11. Novikov L. A. Znachenie esteticheskogo znaka: Filologicheskiye nauki [The meaning of an aesthetic sign, Philological Sciences]. *Nauchnye doklady vysshey shkoly*, 1999, no. 5, pp. 98–104 (in Russian).
 12. Bolotnova N. S. *Leksicheskiye sredstva reprezentatsii khudozhestvennykh kontseptov v poeticheskom tekste* [Lexical means of representing artistic concepts in poetic text] (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskiye-sredstva-representatsii-hudozhestvennykh-kontseptov-v-poeticheskom-tekste/viewer> (accessed 25 April 2024).
 13. *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts]. Volume 5. Volgograd, Paradigma Publ., 2007. 332 p. (in Russian).
 14. *Antologiya khudozhestvennykh kontseptov russkoy literatury XX veka* [Anthology of artistic concepts of Russian literature of the 20th century]. Moscow, Flinta Publ., 2013. 356 p. (in Russian).
 15. Babenko L. G., Babenko V. G. Kognitivnye tekhnologii v filologii: kontseptual'nyy analiz khudozhestvennogo teksta [Cognitive technologies in philology: conceptual analysis of literary text]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of cognitive linguistics*, 2019, no. 4, pp. 135–140 (in Russian).
 16. Vinogradova S. A. Kognitivnaya lingvistika o znachenii i kontsepte [Cognitive linguistics about meaning and concept]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Questions of cognitive linguistics*, 2014, no. 2(39), pp. 50–55 (in Russian).
 17. Bolotnova N. S. Khudozhestvennyy kontsept kak ob'ekt filologicheskogo issledovaniya [Artistic concept as an object of philological research]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Vypusk 9* [Stereotyping and creativity in the text: Interuniversity collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific Conference. Issue 9]. Perm, Perm State National Research University Publ., 2005. Pp. 51–58 (in Russian).
 18. Sergeeva E. V. Kontsept-universal'niya i khudozhestvennyy kontsept: problema klassifikatsii [Concept-universality and artistic concept: the problem of classification]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Philological Journal*, 2006, no. 1-2, pp. 63–69 (in Russian).
 19. Berkovskiy N. Ya. *F. I. Tyutchev* (in Russian). URL: <https://www.ruthenia.ru/tiutcheviana/publications/berkovsk.html> (accessed 25 April 2023).
 20. Yurkov E. E. *Semanticheskaya sfera "Priroda" kak istochnik metaforizatsii* [Semantic sphere of nature as a source of metaphorization] (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskaya-sfera-priroda-kak-istochnik-metaforizatsii/viewer> (accessed 29 March 2024).
 21. Mysovskikh L. O. *Ekzistentsial'nye koncepty poezii F. I. Tyutcheva v kontekste vzaimootnosheniy cheloveka i prirody* [Existential concepts of poetry by F. I. Tyutchev in the context of the relationship between man and nature] (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekzistentsialnye-kontsepty-poezii-f-i-tyutcheva-v-kontekste-vzaimootnosheniy-cheloveka-i-prirody/viewer> (accessed 25 September 2023).
 22. Bolotnova N. S. *Leksicheskiye sredstva reprezentatsii khudozhestvennykh kontseptov v poeticheskom tekste* [Lexical means of representing artistic concepts in poetic text] (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskiye-sredstva-representatsii-hudozhestvennykh-kontseptov-v-poeticheskom-tekste/viewer> (accessed 25 June 2024).
 23. Bolotnova N. S. *Tipy verbalizovannykh v tekste khudozhestvennykh kontseptov i ikh vzaimodeystviye* [Types of artistic concepts verbalized in the text and their interaction] (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipy-verbalizovannykh-v-tekste-hudozhestvennykh-kontseptov-i-ih-vzaimodeystvie> (accessed 25 June 2024).
 24. Sergeeva E. V. Osobennosti predstavleniya kontsepta "slavyanstvo" v poeticheskom tvorchestve F. I. Tyutcheva [Features of the presentation of the concept "Slavism" in the poetic works of F. I. Tyutcheva]. *Russian speech culture and text. Proceedings of the XIII International Scientific Conference (May 16–17, 2024)* [Russian speech culture and text: Proceedings of the XIII International Scientific Conference (May 16–17, 2024)]. Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Publ., 2024. Pp. 118–124 (in Russian).

Информация об авторе

Сергеева Е. В., доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (ул. Набережная реки Мойки, 48, Санкт-Петербург, Россия, 191086).
E-mail: e.vlad.sergeeva@gmail.com

Information about the author

Sergeeva E. V., Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Russian Language Department, Herzen State Pedagogical University of Russia, (ul. Naberezhnaya reki Moyki, 48, Saint Petersburg, Russian Federation, 191086).
E-mail: e.vlad.sergeeva@gmail.com

Статья поступила в редакцию 08.07.2024; принята к публикации 01.10.2024

The article was submitted 08.07.2024; accepted for publication 01.10.2024

УДК 811.161.1'36+81+008

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-66-74>

Репрезентация концепта ДОМ (по материалам литературы для детей)

Ольга Александровна Ружа

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, off_17@mail.ru

Аннотация

Изучение детской картины мира является одним из актуальных направлений когнитологии. Мировидение ребенка во многом опирается на взрослую модель, но также имеет свою специфику. Анализ детской картины мира может основываться на изучении языка ребенка, реконструкции базовых концептов, репрезентированных в текстах художественной литературы, но чаще всего изучается концепт ДЕТСТВО. Особый интерес в данном случае вызывают книги, написанные для детей. В детской литературе закладывается основа мировосприятия ребенка, формируются ценности, в том числе связанные с домом. Писатели транслируют свое видение детского мира, но, реконструируя его, делают акценты на свои ценностные ориентиры. Для ребенка важным пространством, физическим и духовным, является дом. В детской картине мира наиболее яркое представление получают концепты «дом-жилье» и «дом-семья». С этой точки зрения дом рассматривается как аксиологическая категория. Структура анализируемого концепта в детском мировидении упрощается. Концепт «дом-жилище» в ней неотделим от наполнения: материальных вещей, духовных ценностей, в том числе и семьи. Анализируя функцию жилища, можно говорить об общих константах мировидения взрослого и ребенка: очаге, запахах, звуках и пр. Слой концепта «дом-семья» реализуется в книгах для детей через роли членов семьи. Сопоставление литературы для дошкольников и младших школьников с литературой для подростков позволяет выявить отличия в восприятии дома разными детьми: для младших мир дома более яркий, он неотделим от мамы и других близких; для подростка дом теряет свою привлекательность и уютность, а ценность дома-семьи познается через утраты и конфликты. Кроме того, в литературе дом часто представлен как живое существо, только во взрослом и подростковом вариантах «живость» дома связана с его духовным наполнением, а в картине мира дошкольника и младшего школьника дом представлен как одушевленное существо.

Ключевые слова: картина мира, языковая картина мира, детская картина мира, концепт ДОМ, ценности, возраст

Для цитирования: Ружа О. А. Репрезентация концепта ДОМ (по материалам литературы для детей) // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 6 (236). С. 65–74. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-65-74>

Representation of the HOME concept (based on literature for children)

Olga A. Ruzha

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation, off_17@mail.ru

Abstract

The study of children's picture of the world is a current trend in cognitive science. A child's picture of the world is largely based on the adult model, but it also has its own specificity. The analysis of the child's picture of the world can be based on 1) the study of the child's language, 2) the reconstruction of basic concepts that are represented in fictional texts, most often the concept of CHILDHOOD is studied. Books written for children are of particular interest in this case. Children's literature lays the foundation for a child's view of the world. Writers convey their vision of the child's world, but emphasize their value orientations. In children's picture of the world, HOME-dwelling and HOME-family are the most vividly represented concepts. The house is considered an axiological category, inseparable from material and spiritual values. The concept of HOME is simplified in children's picture of the world. The HOME-dwelling in it is inseparable from the filling: material things, spiritual values. The layer of the concept HOME-family is realized in books for children through the roles of family members: for the younger ones the world of home is not separated from mum and other relatives; for teenagers the value of HOME-family is learnt through losses and conflicts. In literature, the house is often portrayed as a living entity. However, its liveliness is typically associated with its spiritual content for adults and teenagers, while younger children tend to view the house as an animate being.

Keywords: picture of the world, linguistic picture of the world, children's picture of the world, concept of HOME, values, age

For citation: Ruzha O. A. Reprezentatsiya kontseptsiiy DOM (po materialam literatury dlya detey) [Representation of the HOME concept (based on literature for children)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 6 (236), pp. 65–74 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-65-74>

Введение

В когнитивном направлении лингвистики наметился сдвиг с так называемой взрослой картины мира как объекта исследования на детскую. Языковая картина мира (ЯКМ) строится на протяжении всей человеческой жизни и находится в состоянии постоянной эволюции, поэтому логично полагать, что детская картина мира – это один из ее этапов. По мнению Е. С. Кубряковой, осмысление и оценка окружающего мира ребенком происходят с помощью языка. Этот процесс осуществляется параллельно его когнитивному развитию [1]. В языковом сознании взрослого человека отражен наивный вариант картины мира, по аналогии с этим, по мнению С. Н. Цейтлин, в детском языковом сознании отражается картина мира, которую можно было бы считать «наивнейшей» [2, 3].

Вопросам изучения ЯКМ ребенка посвящены труды С. Н. Цейтлин, В. В. Абраменковой, М. Я. Добря, М. Л. Кусовой, Е. Ю. Никитиной, В. В. Сальниковой, Е. В. Тарасенко, Н. Л. Тухарели и др., однако этот феномен требует дальнейшего осмысления. Отметим, что для обозначения данного варианта ЯКМ лингвисты используют различные термины: «детская языковая картина мира», «детское мировосприятие», «детское мировидение» и др.

На наш взгляд, в современной когнитивной лингвистике, описывающей детское мировидение, существует три направления исследований. В рамках первого в психологии и лингвистике изучается непосредственно ЯКМ ребенка, находящая свое выражение в детской речи (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Е. С. Кубрякова, М. Я. Блох, С. Н. Цейтлин, Н. Л. Тухарели и др.). Под детской языковой картиной мира понимается «особый способ концептуализации действительности, специфическое отображение физических и психических реалий в языке детей. В содержательных единицах языка детей и их речевых реализациях представлен особый уровень видения и осмысления мира, особая “точка зрения” на мир» [4, с. 6; 5].

Другие два направления связаны с текстовой реализацией картины мира. Например, в работах В. В. Сальниковой, Б. В. Кондакова и Д. В. Попковой и др. в качестве материала выбраны рус-

ские повести о детстве [6–10]. Ставя перед собой задачу изучить картину мира ребенка, воплощенную в художественном тексте, а также его языковую личность, исследователь на самом деле реконструирует фрагмент художественной картины мира, связанный с представлениями и воспоминаниями о детстве: «Под „миром детства“ в данном случае мы подразумеваем созданную писателем художественную реальность, увиденную с точки зрения (позиции) ребенка» [6, с. 138].

Сегодня оказываются актуальными когнитивные исследования, основанные на материале детской литературы. «Дети – носители, создатели и хранители своей собственной субкультуры. Субкультура детства определяется прежде всего наличием своей картины мира, т. е. совокупностью знаний и представлений, находящихся свое языковое выражение, в частности, в произведениях детской литературы» [11, с. 12]. Детская литература как материал для исследования часто недооценивается учеными, тем не менее на ее основе можно проследить процесс формирования мировосприятия ребенка [9, 12–15]. «Детская литература служит важнейшим средством формирования, сохранения и трансляции КМ, отражая динамизм, интенсивность и многообразие отношений ребенка с окружающим миром...» [12, с. 174–175].

Мы считаем, что детская картина мира в большей степени формируется под влиянием взрослой; родители, учителя, авторы книг и т. д. навязывают ребенку систему ценностей, ориентиры, под их воздействием закладывается основа детского мировосприятия: **Важные вещи – это дом и друзья, мама и папа, звуки скрипки и горы, река и море, которое поднимается, – вот это важно. А деньги совсем неважны!** (М. Парр. Тоня Глимердал). «В произведении искусства создается особая “аксиологическая реальность” – идеальный образ ценностной картины мира, который либо соответствует общепринятой системе ценностей (и тогда читатель „узнает“ привычные ценностные системы героев-персонажей), либо, наоборот, противопоставляется ей (и тогда читатель воспринимает созданный внутренний мир произведения в качестве антитезы действительности и в этом контексте рассматривает ценностные системы героев)» [7, с. 140].

Изучая текстовую языковую личность ребенка [15], его картину мира, необходимо понимать, что в литературе для детей часто транслируется не детская языковая картина мира, а представление о ней писателя, причем это видение нередко выдается за детское. Степень достоверности отображаемой детской ЯКМ может отличаться от книги к книге. Некоторые авторы не очень заботятся о точности воспроизведения детского мышления. Выводы об этом можно сделать, например, наблюдая за лексическим уровнем текста: *Дом на окраине селяне стороной обходили* (А. Асмолов. Низкий поклон); *Как отыскать острог среди сотен улиц и домов?* (А. Асмолов. Огонек и Вережка). Слова типа *селяне*, *острог* – это маркеры взрослого языка и мировидения. Возможно, что в данном случае пишущий не стремится к достоверному воссозданию копии детского сознания.

Материал и методы

В рамках настоящего исследования ставится задача рассмотреть один из фрагментов ЯКМ героев детской литературы, в котором находит свое отражение представление о доме. В существующих исследованиях на материале произведений о детстве были проанализированы фрагменты языковой картины мира ребенка, связанные с его окружающим миром: водой, животными, лесом, счастьем, играми и пр., также в них нашли отражение взаимоотношения детей с матерью [8], но дом как важное для ребенка пространство, физическое и духовное, остался неопианным. Таким образом, выбор концепта ДОМ как элемента детского мировосприятия является актуальным и востребованным в современной когнитивистике.

В качестве материала для работы использованы произведения литературы для детей дошкольного, младшего и среднего школьного возраста, а также материалы детского и основного подкорпусов Национального корпуса русского языка (выборка составила порядка 2000 контекстов).

Результаты исследования

В ЯКМ русского социума концепт ДОМ занимает одно из центральных мест. Он представляет собой сложное образование, складывающееся на протяжении веков. ДОМ – это модель мира и человека в мире. Он играет огромную роль в жизни людей, влияет на их формирование и развитие, отражает уклад жизни, традиции и обычаи той или иной нации. Исходя из того, что реконструируемый в детской литературе мир является проекцией взрослого видения, можно предположить, что взрослая и репрезентируемая в детской

литературе картины мира будут иметь больше сходства, чем различий. Ранее нами был исследован концепт ДОМ в русской языковой картине мира [16]. С содержательной и структурной точек зрения изученный концепт может быть описан как многослойное образование, включающее в свою структуру представление человека о здании, строении, дом-жилье, дом-семью, дом – живое (или одушевленное) существо [16–19].

Рассмотрим далее, какие фрагменты восприятия дома взрослыми находят реализацию в книгах для детей и выдаются за экспликацию детской картины мира.

1. Дом-пространство

В ЯКМ ребенка слово *дом* изначально заменяет все синонимы: *здание, строение, жилище, квартира* и т. д. – как самое простое, понятное и близкое. Таким образом, наиболее абстрактное значение лексемы *дом* ‘здание, строение’ в детском мировосприятии реализуется аналогично взрослому: *Потом обернулся, чтобы рассмотреть получше дом, из которого он вышел. Дом был высокий, этажей в двадцать. Но окон в нем было мало* (К. Булычёв. Сто лет тому вперед); *Тем временем дом номер четыре действительно собрались сносить. И не думать об этом уже было нельзя* (А. Кравченко. Сказки старого дома). Таких словоупотреблений в детской КМ немного. Исследователи отмечают главенство аксиологической составляющей в мировидении ребенка, а дом-строение не является для него ценностью.

Кроме того, для детей дом – эталон большого размера. Сравнения с домом в детских книгах встречаются часто, для ребенка он очень большой, и это доступный образец: *Нет, вот он белет в углу гавани. И тут Христо заметил в темноте – на минуту совсем ясно – огромные, как облака, паруса и высокий, как дом, корпус. Корабль медленно входил в порт* (Б. Житков. Элчан-Кайя); *Звали ее Федула! Была она большая-пребольшая, как дом! Цвета синего и на лягушку с лапами похожа. А на голове у нее шляпа лиловая в желтый горошек* (Т. Рик. Ежиная абракадабра).

2. Дом-жилье

Дом-жилье – это основное значение, которое реализуется в произведениях детской литературы. О необходимости иметь дом ребенку сообщается уже в первых книжках, которые ему читают родители. В таких контекстах не просто сообщается, что дом – это место для жизни человека, но и актуализируется основная функция жилища – защитная: *У каждого живого существа на нашей планете есть свой дом: нора, дупло, берлога, пещера, гнездо... Всего и не перечислишь. А как же человек? Видимо, когда-то*

люди придумали **защищать огонь** от ветра ветками и камнями. Так появилась первая стена. Но огонь нужно было **оберегать** не только от ветра, а еще и от дождя – так возникла крыша. Потом придумали **двери**. И уже в последнюю очередь в человеческом жилище появилось **окно** – чтобы **смотреть** из своего **уютного и безопасного** дома на мир (О. Колпакова. Дома мира).

У ребенка постепенно формируется представление о том, как должен выглядеть дом, из чего он должен состоять, какие функции выполняет каждый из структурных элементов. Использование слов *оберегать, защищать, безопасный, надежный, безопасность, защита* и др. в текстах актуализирует основную функцию дома. В детской литературе формируется особое отношение к дому: его нужно стеречь, беречь, не всегда объясняется зачем, но стерегут все – от чужих (здесь также можно отметить, что подобное деление на свое и чужое характерно и для взрослой картины мира). Также дом нужно *строить*, и этим часто заняты герои – животные и люди, так формируется представление о доме как ценности в жизни человека, о необходимости его создания и сохранения. Например, герой повести Д. Сабитовой «Где нет зимы» Павел стремится вернуться в свой старый дом, но понимает, что до совершеннолетия ему этого не позволят, а за это время его дом может разрушиться: *Пять лет еще, Гуль, ты не понимаешь! За пять лет может случиться что угодно. И ведь впереди зима. Если зимой дом не топить, ему плохо будет, он у нас и так старый уже. Или его поджечь могут. Или бомжи поселятся. Дом-то без хозяев* (Д. Сабитова. Где нет зимы). Так транслируется очередная взрослая идея взаимосвязи дома и человека, невозможности полноценного существования дома без хозяина.

«Одна из важнейших особенностей детского сознания, воспроизводимая художественной литературой, – его конкретность, склонность к передаче подробностей и деталей, при помощи которых и передается детская оценка мира» [7, с. 142]. Дом в ЯКМ, репрезентированный в книгах для детей, имеет определенные устойчивые признаки, которые повторяются из текста в текст. Среди экспликаторов дома в качестве основных выделяются в первую очередь те, что лежат на поверхности: предметы мебели и обихода, звуки, запахи и пр.: *Залез – и сидишь, как в домике. Очень уютно. И запах у самшита особенный: горький, густой. Запах твоего личного дома, где живешь только ты, и больше никто. Потому что, если еще кто-то залезет, то это будет уже не дом, а штаб или танк, или дзот* (М. По-

торак. Цапля чахла); *В нашем доме скрипят половицы, особенно в коридоре и бабушкиной комнате, и все время что-то шуршит: то ли это мыши шныряют, то ли старое дерево вздыхает, то ли Аристарх Модестович свои тайственные дела делает...* (Д. Сабитова. Где нет зимы). При помощи тех или иных атрибутов дом осмысливается с позиции свое/чужое пространство.

Особой ценностью в доме-пространстве, как и во взрослой картине мира, является печка – у детей таким образом формируется представление об очаге как главном символе дома, синонимии понятий «дом» и «очаг»: *Обычно вся семья собирается здесь (на кухне – прим. О.Р.), чтобы поесть или попить чаю, а заодно пообщаться и поделиться последними новостями. Точно так же поступали и наши предки, собираясь в главном месте дома – у очага* (Е. Максимова. Глина. Путешествие в домашних тапочках). В финале повести Д. Сабитовой «Где нет зимы», когда Павел возвращается домой и застаёт всех домочадцев в бабушкиной комнате, через ощущение физического и духовного тепла показывается, что мечта героя о возвращении в свой дом воплотилась, и он даже обрел новую семью: *Хорошо, что я пошел напрямик домой. Дома тепло.*

Как и во взрослой ЯКМ, в детской есть противопоставление дом – не дом (не соответствует заданным хозяином параметрам). Набор признаков дома и не дома может варьироваться, но наличие печки (тепло) в нем обязательно. Другим важным для ребенка критерием того, что дом является настоящим, может оказаться еда. В пирамиде потребностей А. Маслоу еда занимает место в основании. Это базовая ценность, без которой невозможно физическое существование человека [20]. В картине мира взрослого нередко на фоне духовных ценностей еда представляется чем-то второстепенным и низменным, но в ЯКМ ребенка еда – значимый элемент, который часто локально привязан именно к дому: *Дом! А в каждом доме есть что-то съедобное!!!* (Е. Ракитина. Серёжик); *Мне-то хорошо. У меня дупло теплое. И запасов на зиму полно. А тебе – трудно будет. Ни согреться, ни поесть* (Е. Каретникова. Зимняя сказка).

Помимо физиологических потребностей у ребенка, как и у взрослого, есть потребности духовные, которые в большей мере являются частью домашнего пространства: *Жил-был в лесу Ёжик-иголка. Был у него дом с печкой, лампочка в доме из гриба-лисички и полная кладовая припасов. Но все Ёжику чего-то хотелось... – Непокойно мне, – говорил он Васильку* (С. Козлов. Правда, мы будем всегда?). В этой сказке

ежик мечтает о скрипочке, хотя в его доме, казалось бы, есть все: тепло, свет, еда. Многообразие интересов и ценностей человека находит отражение и в экспликации концепта ДОМ. И если признаки материального наполнения дома в разных картинах мира схожи, то духовные по большей части будут отличаться. В подростковой литературе неуютный дом появляется чаще, возможно, это связано с возрастными особенностями, например: *И тут заходит в библиотеку Тирсов и говорит, что как раз сейчас переселяется с семьей в новый дом в Профессорской слободе. Дом, говорит, хороший, а жена молодая, Людочка Сергеевна, жалуется, что уютта нет. Мол, и занавески повесила в розовых цветочках, и кушетку в гостиной поставила, а все не то. Я, говорит профессор Тирсов, в уюте не очень понимаю, мне лишь бы тепло, да светло, да ужинать вовремя* (Д. Сабитова. Где нет зимы). В данном случае представлено сразу две точки зрения на дом, причем обе даны с позиции взрослого, а не ребенка. Первая – профессора Тирсова – совпадает с видением из книг для младших школьников, в ней дом связан с наличием базовых ценностей (тепло, еда и пр.). Вторая – Людочки – молодой жены Тирсова (эта позиция представлена опосредованно, через речь профессора и эксплицирована модальной частицей *мол*), выходит за пределы некоторых усредненных представлений об уюте, когда кроме самого дома и важных атрибутов (занавески, мебель и пр.) необходимо что-то еще, но в данном случае читатель не получает четкого ответа, что именно.

Говоря о доме, естественно предполагать, что в ЯКМ ребенка семья, родители будут рассматриваться неотделимо от жилища. Метонимическое значение лексемы *дом* ‘семья, жилище’ в детских книгах почти не встречается: *Нам весь дом еду носит: и баба Валя, и Максим с Егоркой, когда в школу идут, и тетенька в красивой шубе* (О. Фадеева. Котофеи и новогоднее чудо). Тем не менее образ дома непосредственно связан с семьей и ее членами, среди которых первое место, естественно, занимает мама.

О неотделимости дома от семьи часто свидетельствуют разного рода параллелизмы, включающие лексемы *дом* и *семья*: *Повел ребят в деревню, чтобы они вспомнили свой дом, свою семью* (А. Рыбаков. Кортик); *Три года жил Ваня, как бродячая собака, без дома, без семьи* (В. Катаев. Сын полка); или актуализация их связи, отношения включения одного в другое: *Но разве в этом счастье? Дом там, где семья. А всем вместе, кажется, быть не суждено* (З. Воскресенская. Сердце матери); *Это значит часов до одина-*

дцати, и никакой личной жизни, и не будет времени что-то купить для дома и семьи, приготовить, накрыть на стол (И. Сахновский. Девочки с ушками). По данным детского подкорпуса Национального корпуса русского языка, такие конструкции становятся менее частотными в детской литературе последних десятилетий.

Тем не менее идея связанности дома и семьи реализуется через образы матери, отца или других родственников: *У всех в нашем первом «Б» имелись папы и мамы, бабушек тоже хватало, у некоторых – даже по две, но прабабушка была только у меня* (А. Зайцев. Братья); *Дома меня ждал приятный сюрприз – мама и папа были не на работе* (А. Жвалевский, Е. Пастернак. Время всегда хорошее). Актуальная в настоящее время идея большой семьи, составления генеалогического дерева, поиска своих корней находит отражение и в книгах для детей. Большая семья и старшее поколение в них представляются как особые ценности: *И еще когда Николай Николаевич был маленьким мальчиком, то всегда думал, что у них в доме живут не только «живые люди», не только бабушка, дедушка, папа, мама, братья и сестры, приезжающие и уезжающие бесчисленные дяди и тети, а еще и те, которые были на картинах, развешанных по стенам во всех пяти комнатах* (В. Железников. Чучело). Постоянство связи членов семьи с домом в произведениях для детей, написанных в разное время, говорит о стабильности ценностной картины мира в отношении восприятия дома и семьи и их взаимодействия.

В подростковом возрасте смещается акцент с родителей на друзей, на внешнее социальное окружение. Но это не доказывает того, что родители становятся менее важными в жизни ребенка. Книги для детей от 12 лет часто касаются темы взаимоотношения родителей и подростков, показывая конфликты, потери и прочее через ощущение уюта/неуютности дома: *Надо попасть в тюрьму, потом в армию... Берут в армию-то после тюрьмы? Не лохануться бы... Надо попасть куда-то, где нет бабушки и ее крашенных старух... И раньше жить было трудно: в школе – ЕГЭ, а дома мама с другом Дмитрием Андреевичем и бабушка с другом Борисом Генриховичем...* (К. Драгунская. Хокку); *Дом, пока нас не было, как-то отсырел, в нем стало пахнуть мышами и пустотой* (Д. Сабитова. Где нет зимы). Так читатели понимают, что главное в доме – люди, семья, отношения. Герой К. Драгунской после смерти матери не хочет возвращаться в дом к бабушке, которая воняла духами. Неполноценность дома показывается через неполноту семьи: *дома мама с другом и бабушка с другом (при-*

мерно то же самое встречаем в романе Е. и П. Каретниковых «Город семи ветров»: *Бабушка с Лысом Петровичем мирно сидели у телевизора...*). Употребление слова *друг* в значении 'любимый человек, возлюбленный' [21] вместо терминов родства, а также называние героев, замещающих папу и дедушку, по имени-отчеству сигнализирует об отчужденности в отношениях членов семьи.

Проблема отсутствия дома в детской литературе не замалчивается. Уже в книгах для дошкольников и младших школьников появляются рассуждения на эту тему, и в них утверждается необходимость иметь дом, жилье всем живым существам: *...Понимаешь, Настя... Кошки ведь потому и называются домашними животными, что живут рядом с человеком, в его доме. Поэтому даже бездомные кошки все равно стараются найти себе местечко рядом с жилищем человека: на чердаке или в подвале* (Е. Каретникова. Зимняя сказка).

Если в книгах для дошкольного и младшего школьного возраста дом – практически идеальное, с точки зрения героя, пространство (Е. Ракитина «Серёжик», А. Кравченко «Сказки старого дома» и др.), то в литературе для подростков идиллические представления исчезают (Я. Летт «Контакт», Т. Богатырева «День матери», Э. Смелик «Нарисуй ее тень» и др.). Большое количество книг для разных возрастов детей рассказывает о неполных семьях, детях из детских домов, о людях, у которых нет крова над головой (И. Зартайская «Океаны между нами», Д. Сабитова «Цирк в шкапулке», Т. Михеева «Легкие горы», М. Петросян «Дом, в котором...» и др.). Такие книги условно можно разделить на две категории: в одних (Д. Сабитова «Три твоих имени», Е. Мурашова «Обратно он не придет» и пр.) бездомность и/или сиротство трактуется как проблема, несправедливость, беда, и бездомного в них нужно приютить, найти ему дом, родителей и т. д.: *Грустила она от того, что не было у нее ни мамы, ни папы и жила она в детском доме. Конечно, у них были добрые и заботливые няни. Но няня – не мама. А Алисе очень-очень хотелось иметь собственную маму <...> Алиса не могла поверить своему счастью: любимая няня Аля хочет стать ее мамой! <...>*

– Ну, все понятно и без слов! – улыбнулась Нина Васильевна. – Алиса, будешь встречать Новый год уже дома! (О. Камышева. Принцесса в горошек). В этой простой и очень теплой книге нет трагизма. Девочка живет в детском доме, но у них добрые и заботливые няни. Алиса просто грустит, и ее мечта о доме и семье изображена как желание, возможно, автор выбирает такую

проекцию в силу возраста своей героини. Тем не менее последующая метаморфоза, в результате которой сбывается мечта, предсказуема и единственно возможна в таких сказочных новогодних (рождественских) историях: утверждение *няня – не мама* в реальности сбывается с точностью до наоборот, когда очень любимая няня становится мамой героини.

В других книгах (Е. Мурашова «Дом за радугой», «Обратно он не придет», С. Голицын «Городок сорванцов» и пр.) бездомность героем изначально романтизируется, что можно объяснить новыми ценностями подросткового возраста – желанием освободиться от родительской опеки, интересами вне стен дома, – поэтому в таких книгах на первый взгляд отсутствие дома не является проблемой для героев: *Думала, конечно, о Ваське и о Жеке, как они там живут. Странно это. С одной стороны, конечно, здорово – сам себе хозяин, делай что хочешь. Хочешь – гуляешь, хочешь – спать ложишься. Я и сама иногда мечтала – вот уйду из дому, буду жить одна, никто ко мне приставать не будет. Представляла себе, как все это будет, даже сухари одно время копила. Но с другой стороны... что-то в этом не так* (Е. Мурашова. Обратно он не придет). Однако так или иначе герой, а вслед за ним и читатель осмысливает, в чем заключается ценность дома и семьи. Не случайно в приведенном текстовом фрагменте героиня, рассуждая, смотрит на проблему побега из дома двояко, видя не только привлекательные стороны жизни без родителей, но и проблемы, которые могут возникнуть вне дома, причем до встречи с бездомными мальчиками побег из дома представлялся романтической мечтой.

3. Дом – живое существо

В поэтической картине мира, например картине мира М. Цветаевой, дом может оживать [16]. В детской литературе дом также может быть живым. Наделение неживых предметов свойствами живых существ характерно для детского мышления, поэтому в книгах для детей помладше, сказочных, дом оживает по-настоящему: говорит, передвигается (например, в сказке М. Шкуриной «Сказка про дом, который любил чистоту и уют»). В подростковой литературе появляется идея духа дома, дома-живого существа: *Но все же дом продолжал жить своей жизнью, пока однажды разом не отворились все его двери и несколько мужчин молча, медленно и неловко вынесли из него на руках гроб с телом сухонькой старушки и отнесли на местное кладбище. После этого соседи заколотили двери и окна бессольцевского дома, забили отдушины, чтобы зимой дом не отсырел, прибили крестом*

две доски на калитку **и ушли**. Впервые **дом оглох и ослеп** (В. Железников. Чучело); *На нейтральной территории между двумя мирами – зубцов и пустырей – стоит Дом. Его называют Серым. Он стар и по возрасту ближе к пустырям – захоронениям его ровесников. Он одинок – другие дома сторонятся его – и не похож на зубец, потому что не тянется вверх* (М. Петросян. Дом, в котором...). И в повести В. Железникова, и в романе М. Петросян, и в других похожих произведениях дом наделен способностью чувствовать. В первом примере дом глохнет и слепнет после того, как из него уходят люди. По сути, он лишается запахов и шорохов, наполнения, о котором речь шла выше, но в данной ситуации это представлено как свойство живого существа. С возвращением людей *дом зажил своей постоянной жизнью*. В романе М. Петросян, где дом – один из главных героев, он представлен способным иметь чувства и эмоции, влиять на своих жильцов.

Заключение

Детская картина мира во многом строится на основе взрослой, поэтому слои концепта ДОМ в них будут практически совпадать. Тем не менее многое из взрослой картины мира получает в детской переоценку. Можно говорить, что произведения детской литературы вносят немалый вклад в формирование мировидения своего читателя. В ЯКМ ребенка дом представлен как пространство, но этот слой оказывается не очень наполненным и востребованным. Чаще всего *дом* – это безоценочная номинация любого строения. Основная функция дома – жилье – представлена достаточно ярко и в литературе для детей. С этой точки зрения дом рассматривается как ценность в жизни человека, которую можно создавать самим, беречь, уважать. В жизни взрослого и ребенка дом наполнен множеством атрибутов. В целом также можно говорить об общих элементах: очаге, запахах, звуках и пр. Но

в детской ЯКМ данные атрибуты дома часто более окрашены, более яркие. Тепло и уют в доме – константы, которые связывают книги для детей разных периодов, например, похожее наполнение дома у В. Железникова и Н. Абгарян, печка объединяет истории С. Козлова и Д. Сабитовой и т. д.

Слой концепта *дом-семья* реализуется в книгах для детей чаще всего имплицитно, через роли членов семьи. Здесь можно увидеть более существенные отличия в ЯКМ маленьких детей и подростков: для первых понятие дома неотделимо от родителей, бабушек и т. д., вторыми же ценность дома-семьи часто познается через конфликты и утраты, тем не менее нельзя говорить об обезценивании дома и семьи в подростковой ЯКМ. Рассмотрение воплощения концепта ДОМ в детской картине мира в той же логике и последовательности, что и во взрослой, не совсем возможно в связи с большей простотой мировосприятия ребенка, меньшим его опытом, поэтому количество слоев в детской ЯКМ сокращается. Дом-жилище в ней неотделим от наполнения, под которым можно рассматривать как материальные вещи, так и духовные, в том числе и членов семьи.

Последний слой, выделенный нами, дом – живое существо, представлен в обоих вариантах картины мира, только во взрослом и подростковом вариантах «живость» дома связана с его духовным наполнением, а в ЯКМ дошкольника и младшего школьника дом может быть представлен как одушевленное существо.

Детский писатель в своем творчестве часто не реконструирует мировидение ребенка, а реализует свои представления о том, как должна выглядеть детская ЯКМ. Таким образом, в сознании юного читателя через книгу поэтапно формируется восприятие дома как культурологической ценности глобального масштаба и как глубоко интимной ценности, в которой человек испытывает потребность.

Список источников

1. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
2. Цейтлин С. Н. Лингвистика детской речи. Некоторые размышления. Часть 1. URL: <https://subscribe.ru/archive/linguistics.fortuna7/thread/314942> (дата обращения: 10.12.2023).
3. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. 240 с.
4. Тухарели Н. Л. Детская языковая картина мира как предмет лингвистического изучения // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 17. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 5–10. URL: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_17.pdf (дата обращения: 10.12.2023).
5. Никитина Е. Ю., Тарасенко Е. В. Вопрос о детской языковой картине мира // Вестник ЮУрГТТУ. 2009. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vopros-o-detskoj-yazykovoy-kartine-mira> (дата обращения: 19.04.2023).

6. Кондаков Б. В., Попкова Т. Д. Художественный мир литературы и феномен детского мирознания. Статья первая // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 4 (16). С. 130–143.
7. Кондаков Б. В., Попкова Т. Д. Художественный мир литературы и феномен детского мирознания. Статья вторая // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 2(22). С. 139–148.
8. Сальникова В. В. Лексический компонент языковой картины мира ребенка: динамический аспект (на материале русских автобиографических повестей о детстве): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2015. 42 с.
9. Бурмистрова С. В. Усадебный хронотоп в детской литературе XX – начала XXI века // Сибирский филол. журнал. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/usadebnyy-hronotop-v-detskoy-literature-xx-nachala-xxi-veka> (дата обращения: 01.04.2024).
10. Чибисов И. Е. Картина мира в детской литературе: критерии редакторской оценки: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 18 с.
11. Кубрякова Е. С. Данные о детской речи с общелингвистической точки зрения // Детская речь как предмет лингвистического изучения. Л., 1988. С. 11–18.
12. Маркова Я. П. Особенности детской литературы как воплощение детской языковой картины мира // Мировое культурно-языковое и политическое пространство: взгляд через столетия. М., 2013. С. 173–178.
13. Карпухина В. Н. Дискурс детской художественной литературы в процессах институализации общества // Сибирский филол. журнал. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-detskoy-hudozhestvennoy-literatury-v-protsessah-institualizatsii-obschestva> (дата обращения: 02.03.2024).
14. Карпухина В. Н. Хронотопическая организация текстов новейшей детской литературы // Сибирский филол. журнал. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hronotopicheskaya-organizatsiya-tekstov-noveyshey-detskoy-literatury> (дата обращения: 02.03.2024).
15. Грунина Е. О. Языковая личность ребенка в русской современной художественной литературе (на материале романов Н. Абгарян): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 25 с.
16. Фещенко О. А. Концепт ДОМ в художественной картине мира М. И. Цветаевой (на материале прозаических текстов): автореф. дис. ...канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 230 с.
17. Фещенко О. А. Специфика индивидуального мировосприятия, отраженная в художественном тексте (на материале творчества М. И. Цветаевой) // Русская речевая культура и текст: материалы VI Междунар. науч. конф. (25–27 марта 2010 г.) / под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск, 2010. С. 256–261.
18. Ружа О. А. Есть ли дом у бездомного? (представление о бездомном в русской языковой картине мира) // Вестник НГПУ. 2014. № 3 (19). С. 75–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/est-li-dom-u-bezdomnogo-predstavlenie-o-bezdomnom-v-russkoy-yazykovoy-kartine-mira> (дата обращения: 09.02.2024).
19. Жулькова К. А. Образ дома в русской литературе первой половины XX в. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение: Реферативный журнал. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-doma-v-russkoy-literature-pervoy-pолоviny-hh-v> (дата обращения: 04.09.2023).
20. Маслоу А. Мотивация и личность: пер. с англ. СПб.: Питер, 2019. 400 с.
21. Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1985–1988. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 12.03.2024).

References

1. Kubryakova E. S. *Yazyk i znaniye: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 560 p. (in Russian).
2. Tseytlin S. N. *Lingvistika detskoy rechi. Nekotorye razmyshleniya. Chast' I* [The linguistics of children's speech. Some reflections. Part I] (in Russian). URL: <https://subscribe.ru/archive/linguistics.fortuna7/thread/314942> (accessed 10 December 2023).
3. Tseytlin S. N. *Yazyk i rebenok: Lingvistika detskoy rechi* [Language and the child: The Linguistics of children's speech]. Moscow, Gumanitarnyy izdatel'skiy tsentr VLADOS Publ., 2000. 240 p. (in Russian).
4. Tukhareli N. L. *Detskaya yazykovaya kartina mira kak predmet lingvisticheskogo izucheniya* [Children's linguistic picture of the world as a subject of linguistic study]. *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya*. Vypusk 17 [Language, Consciousness, Communication. Issue 17]. Moscow, MAKS Press Publ., 2001. P. 5–10 (in Russian). URL: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_17.pdf (accessed 10 December 2023).

5. Nikitina E. Yu., Tarasenko E. V. Vopros o detskoй yazykovoy kartine mira [The problem of children's linguistic "world picture"]. *Vestnik JuUrGGPU – Herald SurSHPU*, 2009, no. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vopros-o-detskoй-yazykovoy-kartine-mira> (accessed 19 April 2023).
6. Kondakov B. V., Popkova T. D. Khudozhestvennyy mir literatury i fenomen detskogo mirosoznaniya. Stat'ya pervaya [Artistic world of literature and the phenomenon of children's perception of the world]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2011, no. 4(16), pp. 130–143 (in Russian).
7. Kondakov B. V., Popkova T. D. Khudozhestvennyy mir literatury i fenomen detskogo mirosoznaniya. Stat'ya вторая [The artistic world of literature and the phenomenon of children's perception of the world. Article second]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2013, no. 2(22), pp. 139–148 (in Russian).
8. Sal'nikova V. V. *Leksicheskiy komponent yazykovoy kartiny mira rebenka: dinamicheskiy aspekt (na materiale russkikh avtobiograficheskikh povestey o detstve)*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [The lexical component of the child's linguistic worldview: a dynamic aspect (based on the material of Russian autobiographical stories about childhood). Abstract of thesis doct. philol. sci.]. Ufa, 2015. 42 p. (in Russian).
9. Burmistrova S. V. Usadebnyy khronotop v detskoй literature XX – nachala XXI veka [Manor chronotop in children's literature of XX – beginning of XXI century]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2017, no. 1 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/usadebnyy-hronotop-v-detskoй-literature-xx-nachala-xxi-veka> (accessed 01 April 2024).
10. Chibisov I. E. *Kartina mira v detskoй literature: kriterii redaktorskoй otsenki*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [The picture of the world in children's literature: criteria for editorial evaluation. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow, 2001. 18 p. (in Russian).
11. Kubryakova E. S. Dannye o detskoй rechi s obshchelingvisticheskoy tochki zreniya [Data on children's speech from a general linguistic point of view]. *Detskaya rech' kak predmet lingvisticheskogo izucheniya* [Children's speech as a subject of linguistic study]. Leningrad, 1988. P. 11–18 (in Russian).
12. Markova Ya. P. Osobennosti detskoй literatury kak voploshcheniye detskoй yazykovoy kartiny mira [Features of children's literature as the embodiment of children's linguistic worldview]. *Mirovoye kul'turno-yazykovoye i politicheskoye prostranstvo: vzglyad cherez stoletiya* [World cultural, linguistic and political space: a look through the centuries]. Moscow, 2013. P. 173–178 (in Russian).
13. Karpukhina V. N. Diskurs detskoй khudozhestvennoy literatury v protsessakh institucionalizatsii obshchestva [Children's literature discourse in society institutionalization]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2015, no. 2 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-detskoй-khudozhestvennoy-literatury-v-protssakh-institutsializatsii-obshchestva> (accessed 02 March 2024).
14. Karpukhina V. N. Khronotopicheskaya organizatsiya tekstov noveyshey detskoй literatury [Chronotopical structure of the texts contemporary children's literature]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2016, no. 1 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hronotopicheskaya-organizatsiya-tekstov-noveyshey-detskoй-literatury> (accessed 02 March 2024).
15. Grunina E. O. *Yazykovaya lichnost' rebenka v russkoй sovremennoy khudozhestvennoy literature (na materiale romanov N. Abgaryan)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [The linguistic personality of a child in Russian modern fiction (based on the material of N. Abgaryan's novels). Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow, 2022. 25 p. (in Russian).
16. Feshchenko O. A. *Kontsept DOM v khudozhestvennoy kartine mira M. I. Tsvetaevoy (na materiale prozaicheskikh tekstov)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [The concept of a HOUSE in the artistic picture of the world by M. I. Tsvetaeva (based on the material of prose texts). Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Novosibirsk, 2005. 230 p. (in Russian).
17. Feshchenko O. A. *Spetsifika individual'nogo mirovospriyatiya, otrazhennaya v khudozhestvennom tekste (na materiale tvorchestva M. I. Tsvetaevoy)* [The specifics of the individual worldview reflected in the artistic text (based on the material of M. I. Tsvetaeva's work)]. In: Bolotnova N. S. (ed.) *Russkaya rechevaya kul'tura i tekst: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (25–27 marta 2010 g.)* [Russian speech culture and text: Proceedings of the VI International Scientific Conference (March 25–27, 2010)]. Tomsk, 2010. Pp. 256–261 (in Russian).
18. Ruzha O. A. Est' li dom u bezdomnogo? (predstavleniye o bezdomnom v russkoй yazykovoy kartine mira) [Is there a house at a homeless? (The notion of a homeless in the Russian language picture of the world)]. *Vestnik NGPU – Bulletin of Naberezhnye Chelny State Pedagogical University*, 2014, no. 3 (19), pp. 75–82 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/est-li-dom-u-bezdomnogo-predstavlenie-o-bezdomnom-v-russkoй-yazykovoy-kartine-mira> (accessed 09 February 2024).
19. Zhul'kova K. A. Obraz doma v russkoй literature pervoy poloviny XX veka [The image of the house in Russian literature of the first half of the twentieth century]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7: Literatura*

turovedeniye: Referativnyy zhurnal, 2019, no. 1 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-doma-v-russkoy-literature-pervoy-pолоviny-hh-v> (accessed 04 September 2023).

20. Maslou A. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality]. Translation from English. Saint Petersburg, Piter Publ., 2019. 400 p. (in Russian).
21. Evgen'eva A. P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 tomakh* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1985–1988 (in Russian). URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed 12 March 2024).

Информация об авторе

Ружа О. А., кандидат филологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет» (ул. Виллюйская, 28, корп. 3, Новосибирск, Россия, 630126).
E-mail: off_17@mail.ru

Information about the author

Ruzha O. A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Modern Russian Language and Methods of its Teaching, Novosibirsk State Pedagogical University (ul. Vilyuskaya, 28, building 3, Novosibirsk, Russian Federation, 630126).
E-mail: off_17@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.04.2024; принята к публикации 01.10.2024

The article was submitted 09.04.2024; accepted for publication 01.10.2024

УДК 811.161.1'28

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-75-82>

Концепты ЧЕСТЬ и ЗАКОН в названиях незаконнорожденного ребенка и его матери (на материале архангельских говоров)

Анна Борисовна Коконова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
annakokonova@gmail.com

Аннотация

Исследуется языковое воплощение важных для народной культуры концептов ЧЕСТЬ и ЗАКОН в наименованиях незаконнорожденного ребенка и родившей его женщины. В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова концепт «честь» определяется как «хорошая, незапятнанная репутация, доброе, честное имя. Целомудрие, непорочность, девственность (о женщинах)». Женщину, сохранившую девственность до брака, называют *честной*, не сохранившую – *нечестной*, *бесчестной*. Ситуация рождения детей вне брака описывается такой конструкцией, как *родить бесчестно*. Лексема *закон* толкуется как «правило общественного поведения, являющееся общепринятым, обязательным, непреложным; обычай». Этот закон запрещает женщине жить с мужчиной, не выходя за него замуж, а также уходить от мужа. Жить в официальном браке – это *жить по закону*, *в законном браке*. Соответственно, супруги, живущие в официальном браке, называются *законными*. Ребенок, рожденный в официальном браке, родился *законно*. Официальный (законный) брак и сожителство противопоставляются друг другу. Если женщина родила ребенка вне брака, она называется *беззаконницей*. Ситуация рождения детей вне брака описывается выражениями *не в закон*, *не по закону*. Такая ситуация может определяться как *беззаконие*. Рожденные вне брака дети описываются при помощи лексем *беззаконник*, *беззаконной*, *незаконной*, *незаконнорожденной*, *незаконнорожденной*. Концепт ЧЕСТЬ в основном реализуется в народных представлениях о девичьей чистоте, поведении женщины до брака. Концепт ЗАКОН для ситуации рождения детей вне брака является более значимым, так как описывает ее с точки зрения не только морального, но и юридического закона, общепринятых норм поведения в коллективе. В сфере закона оказывается и брак, и рожденные в нем дети, поэтому наименования с корнем *-закон-* распространяются и на женщину, и на ее ребенка. Оба концепта описывают поведение людей с точки зрения общественной морали.

Ключевые слова: севернорусские говоры, концепт, семантика, номинация, термины родства, народная культура

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 23-18-00027 от 15.05.2023. Архангельский областной словарь: вып. 24, 25, 26).

Для цитирования: Коконова А. Б. Концепты ЧЕСТЬ и ЗАКОН в названиях незаконнорожденного ребенка и его матери (на материале архангельских говоров) // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 6 (236). С. 75–82. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-75-82>

Concepts of HONOR and LAW in the names of an illegitimate child and his mother (based on Arkhangelsk dialects)

Anna B. Kokonova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
annakokonova@gmail.com

Abstract

The article examines the linguistic embodiment of the concepts HONOR and LAW, important for folk culture, in the names of an illegitimate child and the woman who gave birth to him. In “Big Explanatory Dictionary of the Russian Language,” ed. S. A. Kuznetsov honor is defined as “a good, unblemished reputation, a good, honest name. Chastity, chastity, virginity (about women).” A woman who preserved her virginity before marriage is called *честная* ‘honest’; a woman who did not preserve it is called *нечестная*, *бесчестная* ‘dishonest’. The situation of having children out of wedlock is described by such a construction as *родить бесчестно* ‘giving birth dishonorably’. The lexeme law is interpreted as “a rule of social behavior that is generally accepted, mandatory, immutable; custom”. This law prohibits a woman from living with a man without marrying him, and also from leaving her

husband. Living in an official marriage means *жить по закону* 'living according to the law', *в законном браке* 'in a legal marriage'. Accordingly, spouses living in an official marriage are called *законными* 'legal'. A child born in an official marriage was born *законно* 'legally'. Official (legal) marriage and cohabitation are opposed to each other. If a woman gives birth to a child out of wedlock, she is called *беззаконница* 'wicked'. The situation of having children out of wedlock is described by expressions *невзакон* 'not in accordance with the law', *не по закону* 'not according to the law'. This situation can be defined as *беззаконие* 'lawlessness'. Children born out of wedlock are described using the lexemes *беззаконник*, *беззаконной*, *незаконной*, *незаконнорожденной*, *незаконнорожденной* 'illegitimate'. The concept of HONOR is mainly realized in popular ideas about maiden purity and a woman's behavior before marriage. The concept of LAW for the situation of children born out of wedlock is more significant, because describes it from the point of view of not only moral, but also legal law, generally accepted norms of behavior in a team. Both marriage and children born in it are within the scope of the law, therefore names with the root *-закон-* 'law' apply to both the woman and her child. Both concepts describe human behavior from the point of view of public morality.

Keywords: Northern Russian dialects, concept, semantics, nomination, kinship terms, folk culture

Acknowledgments: The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 23-18-00027 dated 15.05.2023. Arkhangelsk Regional Dictionary: issues 24, 25, 26).

For citation: Kokonova A. B. Kontsepty CHEST' i ZAKON v nazvaniyakh nezakonnorozhdenno rebenka i ego materi (na materiale arkhangelskikh govorov [Concepts of HONOR and LAW in the names of an illegitimate child and his mother (based on Arkhangelsk dialects)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 6 (236), pp. 75–82 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-75-82>

Введение

«Язык является хранителем национальной культуры народа, а также средством ее выражения. Кроме того, он выполняет функцию источника информации, средства ее предъявления и дальнейшего хранения» [1, с. 55]. Язык воплощает специфическую картину мира ее носителей. Традиционная народная культура, воплощенная в диалекте, много лет привлекает внимание исследователей. Н. И. Толстой называл язык «зеркалом народной культуры, народной психологии и философии» [2, с. 5]. Взаимодействие языка и культуры находится в центре внимания таких наук, как этнолингвистика и лингвокультурология: «Лингвокультурология – это та часть этнолингвистики, которая посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии» [3, с. 217]. В задачи этих двух наук входит «реконструкция традиционной языковой картины мира» [4, с. 19]. «Взгляд на диалектное слово в качестве транслятора культурной информации, установок традиционного коллектива, его морально-нравственных постулатов» [5, с. 64] позволяет вскрывать народные представления и установки, содержащиеся в слове. Для описания таких установок исследователи часто используют термин «концепт», понимаемый как единица, являющаяся транслятором культурных смыслов, важных для данной культуры. Устойчивые концепты культуры, вслед за Ю. С. Степановым, получили название констант. Томские ученые Н. А. Агапова, Т. Б. Банкова и М. М. Угрюмова, рассуждая о культурных константах, отмечают, что «...общая крестьянская память удерживает национальный космос, закрепив в нем

законы представляемого идеального мироустройства через материально-духовные сущности, которые возможно определить как культурные константы» [5, с. 9]. Таким образом, получается, что «за национальной константой закрепляются межпоколенные коллективные представления, которые формируются одновременно с освоением мира» [5, с. 9]. Культурные константы обязательно воплощаются в языке. Детство как один из культурных концептов и связанный с этим понятием образ ребенка также репрезентируется в языке. В данной статье нас интересует языковое воплощение ситуации рождения детей вне брака. М. М. Угрюмова отмечает, что «в структуре лексического значения слов, номинирующих внебрачного ребенка, содержится комплекс сем ('незаконность', 'блуд, разврат', 'позор', 'неожиданная находка', 'чуждость'), выстраивающих представления носителей традиционной культуры о структуре семьи, правилах и законах общества, моральном облике человека» [6, с. 108]. Внутренняя форма слов, являющихся обозначениями внебрачного ребенка и его матери, показывает, каково восприятие ситуации рождения детей вне брака в народной культуре: «Выявить видение объекта глазами носителя диалекта помогает мотивированность его названий. Признаки номинации, несомненно, аккумулируют свойства объекта, важные именно с точки зрения диалекта» [7, с. 74]. Очень часто при номинации актантов ситуации рождения детей вне брака используются языковые единицы с корнями *-чест-* и *-закон-*. Поэтому цель данного исследования – выяснить, какую роль играют концепты ЧЕСТЬ и ЗАКОН в описаниях ситуа-

ции рождения внебрачного ребенка, в номинациях такого ребенка и его матери.

Материал и методы

Исследование проводится на материале архангельских говоров. Используются вышедшие тома «Архангельского областного словаря», его бумажная [8] и электронная картотеки [9], полевые записи автора. Некоторые контексты, приводимые в статье, впервые были опубликованы в диссертации автора [10]. Примеры даются в упрощенной транскрипции, принятой для «Архангельского областного словаря».

Основными методами исследования являются описательный метод, который включает в себя наблюдение, сопоставление, обобщение и интерпретацию данных; метод концептуального анализа, помогающий вскрыть глубинные слои народных представлений о мире и охарактеризовать содержание культурных констант; лингвокультурологический метод используется при рассмотрении языка в контексте народной культуры.

Результаты исследования

Ситуация родов и рождения ребенка занимает важное место в традиционной народной культуре. Роды являются переломным моментом в жизни человека. Они приводят к перемене статуса человека в обществе и поэтому неизбежно становятся предметом рефлексии как отдельного человека, так и всего коллектива.

Добрачная беременность и рождение детей вне брака относятся к периферии обрядовой народной культуры. Замужество и рождение детей, закрепленные соответствующими обрядами, расцениваются как «правильные», положительные события, а то, что обрядом не закреплено, объявляется «неправильным», отрицательным. Это отношение находит свое отражение в суждениях диалектоносителей на эту тему: *Й ёсли пүзо нагуля́т, так вы́дут за́муш, а не нагуля́т, так не вы́дут. Пока́ на пүзо не нахо́дят, за́муш не иду́т. Когда́ пүзо вы́ше но́са, тогда́ и за сто́л сяду́т. Ра́ньше грёх-то был венча́ца с пүзом, дак вот этого́ Пётю сколо́тной па́лкой называ́ли. Ны́нь фсе́ коё-ка́к – бес сва́дьбы жы́вуть. Йёсли де́вка провини́лась гдё-то, забере́менела, дак вы́дадут за криво́го-косо́го. Ра́ншэ де́вушка роди́т, щита́лось позо́рно, а щя́с-то не́т. А ребенок сколо́тыш. Принесу́т сколо́тка, но́нь не бесце́сьйо. Ра́ншэ это́ бы́ло большо́й заро́к (позор): зде́лать ро́бенка с одне́м, а жы́ть з друго́м.*

Такие лексемы, как *грех, позор, бесче́стье, заро́к, провини́ться*, фраземы с отрицательной эмоциональной окраской *пүзо вы́ше но́са, вен-*

ча́ться с пү́зом, показывают негативную оценку такого события членами языкового коллектива.

Ситуация рождения детей вне брака описывается такими глагольными конструкциями, как *роди́ть бесце́сно, роди́ть незако́нно: Фторо́го я родила́ беце́сно, без му́жа. Родила́ так уш не-зако́нно. Та́к и не выходи́ла, тепе́рь уш приняла́ старика́. Незако́но ро́дят – так сколо́тышы по-лу́чаца. А сеча́с хо́ть фсе́х сколо́тышами зови́. Мно́го нагу́ленных дете́й ста́ло.*

В наименованиях незаконнорожденного ребенка и родившей его женщины часто реализуются концепты ЧЕСТЬ и ЗАКОН, важные для народной культуры.

В «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова честь определяется как «хорошая, незапятнанная репутация, доброе, честное имя. Целомудрие, непорочность, девственность (о женщинах)» [11]. Г. И. Кабакова пишет о том, что мужская честь ассоциируется у носителей языка со «способностью сохранять и приумножать символический капитал, полученный от предков вместе с именем». В свою очередь, женская честь является репутацией, которая основана «на сексуальном поведении женщины» и «входит составной частью в понятие чести мужчины» [12, с. 22]. Получается, что легкомысленное поведение жены пятнает честь мужа как главы семьи, а легкомысленное поведение незамужней девушки затрагивает честь ее родителей. Н. А. Яковлева (Редько) отмечает: «Для народной морали в первую очередь характерно восприятие чести как внешней положительной оценки» [13, с. 202]. Поэтому ситуация потери невинности, даже при отсутствии желания девушки, описывается глаголом *избесче́стить*, причем объектами действия этого глагола становится не только молодая женщина, но в первую очередь ее родители: *Пуска́й де́вка забере́менела, избешче́стила отца́ и ма́терь. Ино́й па́рень хо́дит да избешче́стит. Избешче́стит, пото́м говоря́: не я́ с ней был, она́ з друго́м была́, фсе́йко ви́ляйеце.*

Семья, законный брак в традиционной крестьянской культуре мыслились как один из столпов мироустройства, поэтому «блудное поведение считалось опасным не только для самого человека или его семьи, но и для всего установившегося порядка вещей, поскольку нарушало связи человеческого мира с Богом» [14, с. 61].

Вступление в брак меняло социальные роли девушки, юноши и их родителей. Поэтому рождение внебрачного ребенка, не ведущее к сменам ролей, подчеркивает неопределенность статуса женщины: *Приносы́ница (родившая вне брака) –*

не дѣвка, не жѡнка. Такое же отношение проявлялось к женщине, ушедшей от законного мужа: *Кѡтя, тепѣрь ты ни дѣушка, ни жѡнка (раз ушла от мужа), што ты!* Яркое это отношение проявляется в фольклорных текстах, сопоставляющих такую женщину с ржавой канавой: *Это, дѣушки, не ѡзеро – канѡва ржавѡя. Это, дѣушки, не дѣвка – жѡнка убежала!*

Женщину, сохранившую девственность до брака, называют чѣстной, не сохранившую – нечѣстной, бесчѣстной. Н. А. Яковлева (Редько) отмечает, что «дериваты с приставкой бес- <...> характеризуют отсутствие чести как нечто позорное, неприемлемое в коллективе, порицаемое им» [15]: *Чѣсна дѣушка до свѡдьбы. Дѣвка чѣсна, не гулена, чѣсна-то дѣвка. Чеснѡ дѣвка былѡ. Чѣсноу дѣушкой выходѣ зѡмуш. Вѡмуш вышлѡ чѣсна. Девѣца хорѡша былѡ, чѣсна, дорѡдная, небѡломѣтная. У ѡх такѡй зѡкѡн, што нечѣсну-ту так не брѡть (в жены). Онѡ вышлѡ нечѣсна, дак хѣдо жыли. Нечѣсна, принѡсницѣй звѡли. Бесчѣсна, принѡсница назывѡли. Ты не смѣйся, зубосѡлочка, самѡ нечѣсна, тѣ молѡдѣньким ребѣтушкам давнѡ извѣсна.*

Нечестную девушку также называли испѡрченной, что подчеркивает важность сохранения девственности до брака в традиционном обществе: *А котѡрая не трѡнута, та дѣвка, а испѡрчена, та не дѣвка, а бѡба.*

Сохранение девичьей чести было основной задачей незамужней девушки. Чѣстность нужно было храни́ть, чтобы не потеря́ть ее: *Рѡньшѣ каг до замѡужѡя ѣтако сотворѣть – ѣто позѡр, срѡм, рѡньшѣ чѣснось-то хранили до товѡ времени. Меня испѡрухаѣ, чѣснось-то потеряѡ.*

В свадебном обряде фиксируются элементы, призванные обозначить чѣстность или нечѣстность невесты. Не случайно посещение родителей невесты на следующий день после свадьбы носит название чѣсть: *Когдѡ на чѣсь-то приѣжжѡйут, тѣшшѡ рубѡху жѣнихѣ блинѣт: напекѣд блинѡф, на тарѣѣку намѡжѣт, на однѡй тарѣѣке подѡйѡд блинѣ, на другѡй – рубѡшку.* Во время этого посещения жених может показать, сохранила ли невеста чѣсть до брака: *Нѡдо, штоб жѣнихѣ выкусил кусѡг блинѡ, а ѣесли выкусит из блинѡ дырку-то, знѡчит, невестѡ нечѣсна былѡ.*

Важным было и сохранение верности супругу во время брака, что закреплено в конструкции жить по-чѣстному: *Я по тоѡй дорѡге (об образе жизни) – мѣ по-чѣстному жыли (о верности мужу).*

Наречие по-чѣстному также характеризует и добрачные отношения мужчины и женщины: *Фсѣ по-чѣстному. Мы в лесѣ жыли, штобы было какѡ (между парнями и девушками)!*

Ситуация рождения детей вне брака описывается такой конструкцией, как *родѣть бесчѣстно: Фторѡго я родилѡ бесчѣсно, без мужѡ или существительным бесчѣстье: Рѡньшѣ бесчѣстьѣе, кѡли дѣвка ф положѣньѣе. Принесѣут скѡлѡтка, нѡнь не бесчѣсьѡ.*

Таким образом, «честь рассматривается в качестве внешнего регулятора социального поведения» [16, с. 187]. Нечестность девушки будет осуждаться всеми членами общества, ее позор распространится как на ее родителей, так и на будущего ребенка.

Лексема *зѡкѡн* толкуется как правило общественного поведения, являющееся общепринятым, обязательным, непреложным; обычай [11]. В. В. Волков отмечает, что «закон юридический, исходящий от земной власти, если следовать Словарю В. И. Даля, лексикографически наиболее точно отражающему реальности русского менталитета, – лишь частный, весьма ограниченный случай более общих законов» [17, с. 173]. Под «более общими законами» имеется в виду закон божий и традиции человеческого коллектива. Ю. С. Степанов определяет закон как некую границу, которую не следует переступать: «„Закон“ мыслится прежде всего именно как „предел“, за которым лежит какая-то иная сфера жизни или духа; „закон“, следовательно, – не высшая „категория“, которой подчинено все лежащее в данной сфере, а лишь некая граница внутри сферы более широкой. Взгляд с „той стороны“ этого предела, стремление „взглянуть и оттуда“, неподчинение пределу <...> – вот, пожалуй, основная черта этого русского культурного концепта» [18, с. 572].

В «Архангельском областном словаре» закон описывается как «обязательное непреложное установление, принятое издавна; традиция» [19, с. 151]. Этот закон запрещает женщине жить с мужчиной, не выходя за него замуж, а также уходить от мужа: *Тѡлько не пойдѣ (замуж)! Зѡкѡн такѡй был. Ёейѡ высватѡть высватѡли, но онѡ дѡма жылѡ по зѡкѡнам до свѡдьбы. Нѣ было тогѡ зѡкона, штобы уходѣть, фсѣ равнѡ жыли. Жывѣ, хотѣ убѣйѡт, дак фсѣ равнѡ жывѣ, хотѣ нарушѣт, дак фсѣ равнѡ жывѣ (с мужем).*

Принѡть зѡкѡн – значит выйти замуж в соответствии с обычаями, установлениями: *Раз зѡкѡн такѡй принялѡ ф цѣрки, овѣньчѡлася – так нѡдо жыть. Жить в официальном браке – это жить по зѡкѡну, в зѡконнѡм брѡке: По зѡкѡну жыли мѣ – не тѡ што найдѣны онѣ (дети) у меня. В граждѡнском брѡке жывѣт, дак разошлѣсь, и брѡк долѡй! Тѣ в зѡконнѡм брѡке-то жывѣш?*

Соответственно, супруги, живущие в официальном браке, называются *зѡконнѣymi*: *С сожѣ-*

тельницэй жывёт, з законной не ста́л жы́ть, приду́риват. А Ко́ля што́? Зако́нна, запи́санось. У Мару́си то́жэ нет зако́нного мужы́ка, друго́й взя́т. Пе́рва-то жэ́на зако́нна у Ю́ры фсе́ма пу́тями до́мой рва́лась. У и́их та́ка приро́да – сыновы́й уи в а́рмию уишо́, а о́н з зако́нной жоно́й не жывё́, а фсе́ с присы́тяжны́ми.

Официальный (законный) брак и сожителство противопоставляются друг другу: Зако́нным бра́ком вы́шла или незако́нным? Ой, незако́нным бра́ком вы́шла при́ехала. Зако́нным – э́то зна́чит регистра́цыя, а незако́нный бра́к не регистро́ван.

Ребенок, рожденный в официальном браке, родился зако́нно: У меня́ фсе́ зако́нно, то́лько не привело́сь (жить с мужем) и может называ́ться зако́нным: Робе́нок нагу́ленный, а то́го с него́ роди́ла, зако́ный. Зако́нных тебе́ хва́тит (детей).

Если женщина родила ребенка вне брака, она называется беззако́нницей: Беззако́нница – без му́жа роди́ла, беззако́нника нагу́ляла.

Ситуация рождения детей вне брака описывается выражениями не в зако́н, не по зако́ну: Не в зако́н принесла́ (родила) де́вушку. Сколо́тками называ́ли, што, мо́л, сколо́чен, не по зако́ну.

Такая ситуация может в целом определяться как беззако́ние, что выражает и негативное отношение к половым связям до брака, и юридическую неоформленность таких отношений, которые являются грехом и ведут к еще большему греху: Вот сэ́ксы-ти де́лают, дете́й нарожа́ют, наброса́ют ф ко́наву в убо́рны ли где́ – и о́пять творя́т. Э́то ве́дь беззако́ние!

Т. А. Листова пишет о том, что «рождение детей без церковного благословения, происходившего во время венчания, придавал им до некоторой степени оттенок сакральной нечистоты» [20]. Поэтому в народной культуре такой ребенок считался «существом маргинальным в силу своего происхождения» [21, с. 414]. Рожденные вне брака дети описываются при помощи лексем беззако́нник, беззако́нной, незако́нной, незаконноро́жденной, незаконноро́жбой.

Слово незако́нной может использоваться в функции определения, указывая на основной признак рожденного вне брака ребенка: Вы́бле́док – ра́ньшэ ска́жут незако́нново ребё́нка, му́жа у не́й не́т. Ча́стивоёны у на́з бы́ли, роди́ла дву́х незако́ных сынове́й.

Закрепляясь, этот признак субстантивируется: Незако́нной роди́ўся, да́к вы́блidy гово́рят, о́й ты, гря́т, беззако́нник, вы́бледок. Сколо́тной, сколотя́га, незако́нной зва́ли. Ак у меня́ мужы́ка-то не ста́ло, ушо́ў да́к, бо́льшэ не роди́ла, незако́нново-то не на́до. Де́вка из-за нево́ утопи́лась: гу́ляли, и бе́ремена бы́ла, а позо́рно бы́ло роди́ть

та́к, незако́нного не роди́ла. Да, норма́льна, она́ дву́х принесла́, пра́вда незако́нные, взаму́ш не выхо́дила. Не та́к роди́лся, Во́фка-то, незако́нной. Зауго́лок – за уго́лом зде́лан, незако́нный да́к.

То же самое можно сказать о лексеме беззако́нной, использующейся в качестве атрибута (Беззако́нно-то де́тище!) и субстантивированного прилагательного: Ой, она́ ве́дь беззако́нново роди́ла. Она́ не от нево́, беззако́нново принесла́.

Лексема беззако́нник часто используется для характеристики рожденных вне брака детей, отрицательная эмоциональная оценка, содержащаяся во внутренней форме этого слова, направлена на женщин, ведущих себя не правилам общества. Эта отрицательная оценка подкрепляется синонимами (зауго́льник, зауго́лята, безоти́цовщина, нагу́лыш, вы́блядок): Беззако́нники, зауго́льники, безоти́цовщина. Э́то без оц́я, нагу́лышы-то, вот руга́лись беззако́нники. Беззако́нны́г да́к потскре́быш! Да нагу́лиж да! Две́ до́чери – зауго́лята, беззако́нники да́к, оц́ья-то не́ было. Што́, беззако́ннико́ф-то по́лну и́збу ната́скаю? Ой, беззако́нника роди́ла! Рожу́ дву́х беззако́ннико́ф, вы́блятко́ф.

Употребляя лексему, диалектоносители осознают внутреннюю форму слова, поясняют ее: Беззако́нники бы́ва́ют, без зако́на. Роди́ла незако́нново – беззако́нник называ́ли. Не взаму́ш выхо́дила, роди́ла, вот и беззако́нник. Как гри́ца, беззако́ннико́ф по́лно – от то́го, да од друго́го да.

Негативная оценка ведет к употреблению слова как бранного: Гли́-ко, беззако́нник вон иде́т. Ой, ты беззако́нник, ты!

В некоторых контекстах можно увидеть и сочувствие по отношению к женщинам, родившим вне брака: И ра́ньшэ фсе́ беззако́ннико́ф рожа́ли. Вон беззако́нника роди́ла. Ма́ть-то бы́ла, храни́ го́споди, тре́х беззако́ннико́ф принесла́. Мно́го беззако́ннико́ф накопи́лось.

Образованное от словосочетания роди́ться незако́нно причастие незаконноро́жденной (и его фонетический вариант незаконноро́жбой) также используется в роли определения: У не́йтó жена гу́льна де́вушка оста́лась, ну сколо́тна, незаконноро́жденная. А вот у нее то́жэ ребенок незаконноро́жденный бы́л, да́к она́ его́ са́ма не при́няла́ (мужа). Зауго́лок – незаконноро́жденное дитя́, от незако́ново оц́я́. Парасы́тки – де́ти, сколо́тки, ка́г зауго́лки, та́койе руга́чка, незаконноро́жденный ребенок. На По́госьте́ Кла́ва Горе́фских, у ей то́жэ ро́бе́нок незаконноро́жбой.

Затем причастие фиксируется в качестве субстантивата: Мно́го бы́ло ба́б без мужы́ко́ф. Незаконноро́жденной се́час (называют), а то́гда вы́блядок, вы́блятками зва́ли. Незаконно-

*ро́жденный звáли сколо́тыш. А по-ра́зному неза-
конноро́жденных – и зау́го́лком мо́жно, и
вы́блятком, и сколо́тышем то́жэ. Или ска́жут:
э́тот йейо́ зау́го́льник. Ра́с незако́нноро́ждёный
дак.*

Номинации рожденного вне брака ребенка, образованные от корня **-закон-**, актуализируют в своей внутренней форме отрицание того, что ребенок родился в одобряемой обществом ситуации, отсюда приставки **не-** и **без-** с семантикой отсутствия признака.

Заключение

Как видно из приведенных примеров, концепт ЧЕСТЬ в основном реализуется в народных представлениях о девичьей чистоте, поведении женщины до брака. Концепт ЗАКОН для ситуации рождения детей вне брака является более

значимым, так как описывает ее с точки зрения не только морального, но и юридического закона, общепринятых норм поведения в коллективе. В сфере закона оказывается и брак, и рожденные в нем дети, поэтому наименования с корнем **-закон-** распространяются и на женщину, и на ее ребенка. Оба концепта описывают поведение людей с точки зрения общественной морали. Разница заключается в том, что ЧЕСТЬ касается не только женщины, но и ее родителей или мужа, ЗАКОН же отражается на женщине и ее ребенке. Это связано с семантикой слова *честь* в древнерусском языке, где рассматриваемая лексема имела значение «часть, принадлежащая члену рода» [16, с. 186]. Оба концепта значимы для традиционной народной культуры и находят свое отражение в номинациях, связанных с ситуацией рождения детей вне брака.

Список источников

1. Крюкова Л. С. Русский язык как средство выражения русской культуры // Язык и культура. № 41-42. 2020. С. 55–60.
2. Толстой Н. И. Язык и культура: некоторые проблемы этнолингвистики // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. М.: Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова, 1991. Ч. 1. С. 5–22.
3. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 284 с.
4. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 599 с.
5. Агапова Н. А., Банкова Т. Б., Угрюмова М. М. Реализация культурных констант в диалектном языке: теоретические основы // Константы русской народной культуры: языковые воплощения / под ред. Т. Б. Банковой. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2017. 199 с.
6. Угрюмова М. М. Детство как константа культуры // Константы русской народной культуры: языковые воплощения / под ред. Т. Б. Банковой. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2017. 199 с.
7. Нефедова Е. А. «Архангельский областной словарь» как источник этнолингвистической информации // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2018. № 6. С. 66–76.
8. Картотека «Архангельского областного словаря». Москва, МГУ, филологический факультет, кабинет диалектологии.
9. Электронная картотека «Архангельского областного словаря». Москва, МГУ, филологический факультет, кабинет диалектологии.
10. Коконова А. Б. РОЖДЕНИЕ и СМЕРТЬ в пространстве диалекта: автореф. дис. ... канд. филол. наук, М., 2011. 315 с.
11. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=честь&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=честь&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 03.04.2024).
12. Кабакова Г. И. Концепт чести в ритуале гостеприимства // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология / под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2012. С. 22.
13. Яковлева (Редько) Н. А. Общерусские слова «честь» и «позор» в говорах архангельского региона // Гуманитарные науки. 2021, апрель. № 4-2, С. 201–204.
14. Баранов Д. А. Блудный грех // Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство-СПБ, 2005. С. 58–61.
15. Редько (Яковлева) Н. А. ЧЕСТЬ в говорах архангельского региона: семантика и сочетаемость: материалы Междунар. молодеж. научн. форума «ЛОМОНОСОВ-2015» / отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов. М., 2015. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/section_28_6880.htm (дата обращения 03.04.2024).
16. Кунавин Б. В., Тедеева И. К. Концепты «честь» и «совесть» в русской языковой картине мира // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 3. С. 183–189.
17. Волков В. В. Лексема *закон* и концепт «закон» в русской языковой картине мира // Язык и ментальность. С. 173–177.
18. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 990с.

19. Архангельский областной словарь. Вып. 17. Закабалить – залякаться / под ред. Е. А. Нефедовой. М.: Изд-во Московского ун-та, 2016. 400 с.
20. Листова Т. А. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей // Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX века / под ред. И. В. Власова. М.: Наука, 2001. URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/nor/thr/uss/index.htm> (дата обращения 03.04.2024).
21. Кабакова Г. И. Ребенок внебрачный // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 414–415.

References

1. Kryukova L. S. Russkiy yazyk kak sredstvo vyrazheniya russkoy kul'tury [Russian language as a means of expressing Russian culture]. *Yazyk i kul'tura – Language and culture*, 2020, no. 41–42, pp. 55–60 (in Russian).
2. Tolstoy N. I. Yazyk i kul'tura: nekotorye problemy etnolingvistiki [Language and culture: some problems of ethnolinguistics]. *Russkiy yazyk i sovremennost'. Problemy i perspektivy razvitiya rusistiki. Chast' 1* [Russian language and modernity. Problems and prospects for the development of Russian studies. Part 1]. Moscow, Institute of Russian language named after V. V. Vinogradov Publ., 1991. Pp. 5–22 (in Russian).
3. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya: Semanticheskiye, pragmaticheskiye i lingvokul'turologicheskiye aspekty* [Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow, Shkola “Yazyki russkoy kul'tury” Publ., 1996. 284 p. (in Russian).
4. Berezovich E. L. *Yazyk i traditsionnaya kul'tura. Etnolingvisticheskiye issledovaniya* [Language and traditional culture. Ethnolinguistic studies]. Moscow, Indrik Publ., 2007. 599 p. (in Russian).
5. Agapova N. A., Bankova T. B., Ugryumova M. M. Realizatsiya kul'turnykh konstant v dialektnom yazyke: teoreticheskiye osnovy [Realization of cultural constants in a dialect language: theoretical foundations]. In: Bankova T. B. (ed.) *Konstanty russkoy narodnoy kul'tury: yazykovyye voploshcheniya* [Constants of Russian folk culture: linguistic embodiments]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2017. 199 p. (in Russian).
6. Ugryumova M. M. Detstvo kak konstanta kul'tury [Childhood as a constant of culture]. In: Bankova T. B. (ed.) *Konstanty russkoy narodnoy kul'tury: yazykovyye voploshcheniya* [Constants of Russian folk culture: linguistic embodiments]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2017. 199 p. (in Russian).
7. Nefedova Ye. A. “Arkhangelskiy oblastnoy slovar” kak istochnik etnolingvisticheskoy informatsii [“Arkhangelsk Regional Dictionary” as a source of ethnolinguistic information]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya – Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology*, 2018, no. 6, pp. 66–76 (in Russian).
8. Kartoteka “Arkhangelskogo oblastnogo slovary” [Card file of the “Arkhangelsk Regional Dictionary”]. Moscow, Moscow State University, Faculty of Philology, Dialectology Department Publ. (in Russian).
9. Elektronnaya kartoteka “Arkhangelskogo oblastnogo slovary” [Electronic card index of the “Arkhangelsk Regional Dictionary”]. Moscow, Moscow State University, Faculty of Philology, Dialectology Department Publ. (in Russian).
10. Kokonova A. B. *ROZHDENIYE i SMERT' v prostranstve dialekta. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [BIRTH and DEATH in the dialect space. Abstract of thesis cand. philol. sci.]*. Moscow, 2011. 315 p. (in Russian).
11. Kuznetsov S. A. (ed.) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of Russian language]. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=honor&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=honor&mode=slovari&dicts[]=42) (accessed 04 March 2024).
12. Kabakova G. I. Kontsept chesti v rituale gostepriimstva [The concept of honor in the ritual of hospitality]. *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya. Pod redaktsiyey Ye. L. Berezovich* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology. Ed. E. L. Berezovich]. Yekaterinburg, Ural University Publ., 2012. P. 22 (in Russian).
13. Yakovleva (Red'ko) N. A. Obshcherusskiye slova “chest” i “pozor” v govorakh arkhangelskogo regiona [All-Russian words “honor” and “shame” in the dialects of the Arkhangelsk region]. *Gumanitarnyye nauki – Humanities*, 2021, no. 4–2 April, pp. 201–204 (in Russian).
14. Baranov D. A. Bludnyy grekh [Prodigal sin]. *Muzhiki i baby. Muzhskoye i zhenskoye v russkoy traditsionnoy kul'ture. Illyustrirovannaya entsiklopediya* [Men and women. Masculine and feminine in Russian traditional culture. Illustrated encyclopedia]. Saint Petersburg, Iskustvo-SPB Publ., 2005. P. 58–61 (in Russian).
15. Red'ko (Yakovleva) N. A. *CHEST' v govorakh arkhangelskogo regiona: semantika i sochetayemost': materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma “LOMONOSOV-2015”* [HONOR in the dialects of the Arkhangelsk region: semantics and compatibility. Materials of the International Youth Scientific Forum “LOMONOSOV-2015”].

- Ed. I. A. Aleshkovsky, A. V. Andriyanov, E. A. Antipov. Moscow, 2015 (in Russian). URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/section_28_6880.htm (accessed 06 June 2024)
16. Kunavin B. V., Tedeyeva I. K. Kontsepty “chest” i “sovest” v russkoy yazykovoy kartine mira [The concepts of “honor” and “conscience” in the Russian linguistic picture of the world]. *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik – Humanitarian Scientific Bulletin*, 2021, no. 3, pp. 183–189 (in Russian).
17. Volkov V. V. Leksema *zakon* i kontsept “zakon” v russkoy yazykovoy kartine mira [The lexeme LAW and the concept “law” in the Russian linguistic picture of the world]. *Yazyk i mental'nost'* [Language and mentality]. P. 173–177 (in Russian).
18. Stepanov Y. S. *Konstanty: slovar' russkoy kul'tury* [Constants: a dictionary of Russian culture]. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ., 2001. 990 p. (in Russian).
19. Nefedova E. A. (ed.) *Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'*. Vypusk 17. *Zakabalit' – zalyachkat'sya* [Arkhangelsk regional dictionary. Vol. 17.]. Moscow, Moscow University Publ., 2016. 400 p. (in Russian).
20. Listova T. A. Obryady i obychai, svyazannyye s rozhdeniyem i vospitaniyem detey [Rituals and customs associated with the birth and upbringing of children]. In: Vlasov I. V. (ed.) *Russkiy Sever. Etnicheskaya istoriya i narodnaya kul'tura XII–XX veka* [Russian North. Ethnic history and folk culture of the XII–XX centuries.]. Moscow, Nauka Publ., 2001 (in Russian). URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/nor/thr/uss/index.htm> (accessed 04 March 2024).
21. Kabakova G. I. Rebenok vnebrachnyy [Illegitimate child]. In: Tolstoy N. I. (ed.) *Slavyanskiye drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'* Tom 4 [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary. Volume 4.]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 2009. P. 414–415 (in Russian).

Информация об авторе

Коконова А.Б., кандидат филологических наук, старший преподаватель, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (ул. Воробьевы Горы, 1, Москва, Россия, 119991).
E-mail: annakokonova@gmail.com

Information about the author

Kokonova A.B., Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, Lomonosov Moscow State University (ul. Vorobyovy Gory, 1, Moscow, Russian Federation, 119991).
E-mail: annakokonova@gmail.com

Статья поступила в редакцию 04.04.2024; принята к публикации 01.10.2024

The article was submitted 04.04.2024; accepted for publication 01.10.2024

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 8:81-22

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-83-92>

Лексико-семантические особенности многокомпонентных терминов физики (на материале англоязычных научных публикаций, посвященных вопросам темной материи)

Елена Олеговна Захарова¹, Шреям Астхана²

¹ *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, zakharova@tspu.edu.ru*

² *Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск,
Россия, asthanashreyam@gmail.com*

Аннотация

В современных исследованиях задается новая парадигма лингвистического описания терминов как единиц специальной номинации. Акцент ставится на изучении динамических процессов, охватывающих терминосистемы разных предметных областей, выявлении качественных изменений в способах представления специального знания. Предпринята попытка выявить некоторые специфические черты терминологической лексики физики в рамках активно разрабатываемого направления физических исследований, связанных с проблемой темной материи. Относительная новизна данной сферы, междисциплинарный и активно развивающийся характер приводят к усложнению ее понятийной структуры, порождают определенные изменения в формальной и семантической репрезентации специальных понятий. В центре внимания данного исследования аналитические единицы специальной номинации – многокомпонентные термины, обладающие специфической комбинаторикой и семантики отдельных компонентов. Цель статьи заключается в описании лексико-семантических особенностей данной разновидности терминов, обусловленных лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Сбор лексического материала для анализа осуществлялся не на материале словарей, как это происходит традиционно, а на материале англоязычных публикаций из высокорейтинговых научных журналов за 2014–2024 гг. Эмпирический материал для анализа отбирался произвольно, с учетом особенностей представления терминологических сочетаний тематической сферы «темная материя» в научном тексте (варьирование форм), специфики составляющих их компонентов. Выборка многокомпонентных терминов составила 223 единицы. Использовался метод лингвистического описания, представленный приемами наблюдения и обобщения, систематизации, количественного подсчета, компонентного и семантического анализа. Проведенный анализ позволил выявить некоторые особенности многокомпонентных терминов тематической сферы «темная материя»: вариативность форм репрезентации одних и тех же понятий в контексте одной статьи и в публикациях других авторов; гибридизация формы выражения понятий (сочетание словесных форм с аббревиатурами и специальными символами); усложнение семантической емкости терминологических сочетаний за счет эпонимных и метафорических компонентов; подверженность таким семантическим процессам, как синонимия и антонимия. Практическая и теоретическая значимость проведенного исследования видится в возможности применения полученных результатов для разработки теории межкультурной научной коммуникации, определения закономерностей для составления специализированных словарей и глоссариев узкоспециализированных физических терминов, для разработки и преподавания курсов языка для специальных целей, курсов специального перевода.

Ключевые слова: *английский язык, физика, научная коммуникация, многокомпонентные термины, темная материя, терминосистема, вариативность, семантические явления*

Для цитирования: Захарова Е. О., Астхана Ш. Лексико-семантические особенности многокомпонентных терминов физики (на материале англоязычных научных публикаций, посвященных вопросам темной материи) // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 6 (236). С. 83–92. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-83-92>

GERMANIC LANGUAGES

Lexical and semantic features of multicomponent terms in physics (on the basis of English-language scientific publications devoted to dark matter)

Elena O. Zakharova¹, Shreyam Asthana²

¹ Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, zakharova@tspu.edu.ru

² National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, asthanashreyam@gmail.com

Abstract

Modern research sets a new paradigm for the linguistic description of terms as units of special nomination. The emphasis is on the study of dynamic processes covering terminological systems of different subject areas, identifying qualitative changes in the ways of representing domain-specific knowledge. The current paper seeks to identify some specific features of the terminological lexicon of Physics within the framework of an actively developing area of physical research related to the problem of dark matter. The relative novelty of this area, its interdisciplinary and rapidly developing nature result in the complication of its conceptual structure, give rise to certain changes in the formal and semantic representation of special concepts. The focus of this study is on the analytical units of special nomination – multicomponent terms notable for specific combinatorics and semantics of individual components. The study is aimed to identify the lexical and semantic features of this type of terms, determined by linguistic and extralinguistic factors. The collection of lexical material for analysis was carried out not on the basis of dictionaries, as is traditionally the case, but on the basis of English-language publications devoted to dark matter search from high-ranking scientific journals for 2014 to 2024 years. While randomly selecting the items for analysis the following features of the terminological combinations were taken into account: the ways of their representation in scientific texts (variability of form), the semantic specifics of their individual components. The sample of terms comprises 223 units. The research is based on the method of linguistic description, represented by such techniques as observation and generalization, systematization, quantitative counting, component and semantic analysis. On the basis of the data provided by the study it appeared possible to identify some features of multicomponent terms of the “dark matter” thematic sphere: variability of form of the same concepts represented within the context of one article and in other publications; hybridization of form (combination of verbal components with abbreviations and special symbols); complication of the semantic capacity of terminological combinations due to eponymous and metaphorical components; susceptibility to such semantic processes as synonymy and antonymy. The practical and theoretical significance of the study may consist in the possibility of using the results obtained to develop the theory of cross-cultural scientific communication, to determine patterns for compiling specialized dictionaries and glossaries of physical terms, to design and deliver courses in language for specific purposes, and courses in specialized translation.

Keywords: the English language, Physics, scientific communication, multicomponent terms, dark matter, terminological system, variability, semantic phenomena

For citation: Zakharova E. O., Asthana Sh. Leksiko-semanticheskiye osobennosti mnogokomponentnykh terminov fiziki (na materiale angloyazychnykh nauchnykh publikatsiy, posvyashchennykh voprosam temnoy materii) [Lexical and semantic features of multicomponent terms in physics (on the basis of English-language scientific publications devoted to dark matter)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 6 (236), pp. 83–92 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-83-92>

Введение

Терминологическая лексика составляет ядро языка научной коммуникации, обеспечивает передачу специального знания как в научном сообществе, так и за его пределами. В ситуации стремительного развития современной науки и технологий лингвисты констатируют повышение значимости терминологической лексики, ее преобладание над словами общелитературного языка [1, 2]. Отмечается своего рода «терминологический взрыв»: перестройка и усложнение терминологического аппарата многих научных дисциплин, возникновение новых отраслей знания и целых терминологических систем [2, с. 7]. Это обуславливает повышенный интерес исследователей к разработке вопросов терминов в современном контексте, необходимость уточнения их признаков, описания динамики и направлений развития отраслевых терминологий.

Принято считать, что терминология физики является одной из наиболее устойчивых и упорядоченных систем. Однако обращаясь к анализу

современной терминологической ситуации в физике, исследователи констатируют неоднородность физической терминологии, наличие в ее составе терминов смежных наук, активное пополнение классического терминологического аппарата новыми единицами [3–5]. В рамках физики сегодня разрабатываются новые узкоспециализированные направления, выдвигаются гипотезы, требующие теоретического обоснования и практического подтверждения; многие исследования носят междисциплинарный характер. Представляется, что «инвентаризировать терминологическую лексику такой широкой предметной области, как физика, довольно сложно» [3]. По этой причине лингвисты обращаются к анализу физической терминологии в рамках отдельных предметных областей, например: физика фотонных кристаллов [3], физика плазмы [5], физика элементарных частиц [6], физика низкоразмерных систем [7].

Одной из важнейших задач современной физики является задача подтверждения гипотезы о темной материи. Объяснение природы темной материи необходимо для детализации представлений ученых о том, как устроена Вселенная. Разработка вопросов, касающихся поиска гипотетической материи, составляет особую сферу исследований в теоретической физике, требующую интеграции данных других областей физики – физики элементарных частиц, астрофизики, а также таких наук, как астрономия и космология. Наличие специальной теории и системы понятий, ее обслуживающей, считается необходимым условием для конструирования терминосистемы [8, с. 3–54]. Исходя из этого, можно, на наш взгляд, говорить о выделении в научном дискурсивном пространстве физики особой, динамично развивающейся терминосистемы, представляющей собой совокупность тематически объединенных терминов, связанных с концепцией темной материи.

Анализ теоретических источников показывает, что данный пласт терминологической лексики отдельно не подвергался лингвистическому описанию. Ранее была предпринята попытка описать формально-структурный аспект данной разновидности терминов [9]. В настоящей статье основной акцент ставится на изучении ее лексико-семантического аспекта. Объектом исследования выступают многокомпонентные термины (МКТ), включающие от двух и более компонентов, как наиболее типичные формы репрезентации научного знания в молодых развивающихся терминосистемах. Предметом исследования является лексико-семантическая специфика выявленных терминологических сочетаний. Актуальность

предпринятого исследования обусловлена противоречием между традиционными взглядами на природу термина и реальной ситуацией функционирования терминологической лексики в контексте современной научной коммуникации (многокомпонентность, сложность формальной и семантической организации, вариативность, семантические явления синонимии и антонимии).

Материал и методы

Изучение терминологии в контексте англоязычных публикаций, зачастую являющихся первичной сферой фиксации научных понятий, дает доступ к наиболее релевантным данным, позволяет проследить появление и динамику употребления терминологических единиц еще до того, как они становятся достоянием международного научного сообщества. В качестве источника практического материала для анализа привлекались публикации на тему темной материи из междисциплинарных и специализированных англоязычных научных журналов за 2014–2024 гг.: *Science Bulletin*; *Science Advances*; *Physical Review D*; *Reports on Progress in Physics*; *Physics Reports*; *Physics Letters B*; *Journal of Physics G*; *Progress in Particle and Nuclear Physics*; *Nature Physics*; *Nature Astronomy*; *Gravitation and Cosmology*; *Journal of Cosmology and Astroparticle Physics*; *The Astrophysical Journal*; *Astronomy and Astrophysics* и др. Обращение к широкому перечню публикаций из разных журналов продиктовано профессиональным интересом одного из авторов к данной теме, а также стремлением охватить разнообразные случаи употребления терминов лексико-семантического поля «темная материя». Выборка примеров для анализа на данном этапе составила 223 терминологических сочетания, включающих от двух до шести цельнооформленных компонентов. Примеры терминов отбирались по принципу их тематической соотнесенности с учетом формальных и семантических особенностей, вариативности способов представления в научном тексте. В основу исследования положен метод лингвистического описания, представленный приемами наблюдения, обобщения и систематизации языковых фактов, количественного подсчета, компонентного и семантического анализа.

Результаты исследования

В ходе исследования было выявлено, что в анализируемых текстах присутствуют общенаучные термины (описание методологии научных исследований, экспериментов), общезначимые термины (общепринятые единицы измерения физических величин, названия физических законов

и т. п.), а также более узкоспециализированные, непосредственно относящиеся к проблеме темной материи. При этом отмечается переориентирование ряда терминов смежных областей для целей разработки концепции темной материи. Это происходит за счет синтаксического способа словообразования, путем добавления атрибутивных компонентов 'dark' и 'dark matter'. Например: *dark photon* (темный фотон); *dark radiation* («темное» излучение); *dark-matter halo* (гало темной материи); *dark matter particle* (частица темной материи). Распространены также терминологические цепочки, в которых словосочетание 'dark matter' выступает центральным смысловым компонентом: *light dark matter* (легкая темная материя), *decaying dark matter* (распадающаяся темная материя), *sterile neutrino* (стерильные нейтрино), *warm dark matter* (теплая темная материя, состоящая из стерильных нейтрино) и др. Такого рода словосочетания составляют семантическое ядро терминосистемы. Воспроизводимость моделей, по которым они образованы (35,8 % от общего количества МКТ выборки), может считаться проявлением системности рассматриваемых

терминов на уровне формальной организации [10, с. 950]. Так, например, в словосочетаниях *hot dark matter*, *cold dark matter*, *warm dark matter* (горячая, холодная и теплая темная материя) атрибутивный компонент служит отличительной характеристикой, противопоставляющей три условные модели темной материи в зависимости от скорости движения образующих ее частиц.

По смысловой соотнесенности рассматриваемые термины могут быть распределены по следующим основным тематическим группам, представленным в таблице.

Как видно из таблицы, наибольшее количество терминов связано с категориями моделей (видов) темной материи и частиц, которые могут ее образовывать. Важно заметить, что процесс разработки новых теорий, моделей и выдвижения новых частиц-кандидатов на роль темной материи идет непрерывно. На настоящий момент не создано теории, которая бы давала ответы на все поставленные вопросы, а следовательно, список частиц и новых моделей будет расти, что будет способствовать дальнейшему активному терминотворчеству в данной сфере.

Основные тематические группы МКТ, составляющие понятийную сферу теорий о темной материи

Тематические группы терминов	Примеры	Количество единиц в выборке
Виды/модели темной материи и темной энергии	<i>Inelastic Dark Matter/iDM</i> (неупругая темная материя); <i>Self-interacting dark matter</i> (самовзаимодействующая темная материя); <i>Primordial Black Hole Macroscopic Dark Matter</i> (макроскопическая темная материя, состоящая из первичных черных дыр); <i>Fuzzy-dark-matter Model</i> (модель «нечеткой»/«размытой» темной материи); <i>Axion Dark Energy Model</i> (аксионная модель темной энергии)	55
Частицы – кандидаты на роль темной материи	<i>weakly-interacting massive particles</i> (слабовзаимодействующие массивные частицы); <i>axion-like particles</i> (аксионо-подобные частицы); <i>sterile neutrino</i> (стерильные нейтрино); <i>asymmetrically coupled millicharged fermion</i> (асимметрично связанный миллизаряженный фермион)	65
Исследования, эксперименты	<i>Cryogenic dark matter Search</i> (криогенный поиск темной материи); <i>Indirect detection experiments for DM search</i> (эксперименты с использованием методов косвенного обнаружения темной материи); <i>axion-dark-matter experiment</i> (эксперимент по поиску аксионов)	9
Оборудование	<i>Large Hadron Collider</i> (большой адронный коллайдер); <i>Large Underground Xenon</i> (большой подземный ксеноновый детектор); <i>Wilkinson Microwave Anisotropy Probe</i> (космический аппарат WMAP, предназначенный для изучения реликтового излучения)	6
Параметры, константы, величины	<i>axion decay constant – a</i> (константа распада аксионов); <i>coupling constant – λ</i> (константа взаимодействия связи); <i>mass of black hole – $M_{\bullet}/M_{BH}$</i> (масса черной дыры)	24
Типы процессов и взаимодействия частиц	<i>dark sector decay</i> (распад частиц темного сектора); <i>sterile-neutrino oscillations</i> (осцилляции стерильных нейтрино); <i>asymmetric neutrino dark matter interaction</i> (асимметричное взаимодействие нейтрино и темной материи)	28
Статические явления	<i>primordial black hole evaporation signatures</i> (сигнатуры процесса испарения первичных черных дыр); <i>dark matter fossils</i> (ископаемые следы темной материи); <i>non-baryonic dark matter halo</i> (гало небарионной темной материи)	27
Типы гипотетических порталов	<i>dark photon portal</i> (портал взаимодействия частиц Стандартной модели с темными фотонами); <i>sterile-neutrino portal</i> (портал взаимодействия частиц Стандартной модели и стерильных нейтрино)	9

Характерная особенность рассматриваемой области физических исследований также заключается в том, что объектом изучения является гипотетическая субстанция, которую невозможно непосредственно наблюдать – о ее существовании свидетельствуют лишь косвенные экспериментальные данные. Неподвластность непосредственному наблюдению выступает специфической чертой современной науки и науки будущего. Исследователи терминосистем новейших областей знания, например нанотехнологий, отмечают, что данная ситуация требует особых форм репрезентации, фиксируют примеры термонимаций, в которых «выражена тенденция стирания грани между реальным и вымышленным мирами» [11, с. 9]. В рамках теорий о темной материи проявление данной тенденции может быть проиллюстрировано следующими примерами: *cosmic web of dark matter* (космическая паутина темной материи); *quark nuggets* (кварковые «самородки», т. е. макроскопические объекты из кварковой материи); *seesaw neutrino dark matter* («механизм качелей», одна из теорий, рассматривающих нейтрино в качестве кандидатов для объяснения состава темной материи); *xenophobic dark matter* («ксенофобная» темная материя, т. е. темная материя, которая не взаимодействует с частицами из Стандартной модели). Можно видеть, что характерной чертой приведенных примеров является образность, построенная на аналогии; ресурсом ее создания выступает **метафора**, способствующая «адаптации нового научного знания к целостной системе мировидения» [12, с. 33], преодолению разрыва между видимым миром и «темным» сектором физики. Метафора как ресурс номинации и способ визуализации сложных понятий на материале нашей выборки терминов встречается в 7 % случаев.

Интерес с семантической точки зрения представляют МКТ с компонентами-эпонимами, т. е. именами ученых, которые внесли значимый вклад в разработку той или иной научной области. В таких случаях термонимация оказывается связанной с ролью носителя антропонима [13, с. 28]. В лингвистической литературе отмечается, что эпонимные термины возникают, как правило, при описании сложных, неоднозначных явлений, как способ преодоления номинативного «кризиса» [14, с. 33]; подчеркивается, что появление эпонимов – постоянный процесс [15, с. 18–19]. В анализируемых текстах, помимо распространенных общефизических эпонимных терминов, выявляются примеры с именами исследователей, открытия которых важны для объяснения физических процессов во Вселенной в рамках Стан-

дартной модели и за ее пределами для дальнейшей разработки вопросов темной материи. Например, именем британского физика Питера Хиггса названа элементарная частица, отвечающая за механизм появления масс у некоторых других элементарных частиц: *Higgs boson* (бозон Хиггса). Имя ученого также вошло в целый ряд других терминологических сочетаний, использующихся для описания явлений и процессов с участием указанной частицы: *Higgs field* (поле Хиггса); *Invisible Higgs decay* (невидимый распад бозона Хиггса); *Invisible Higgs decay model* (модель невидимого распада бозона Хиггса); *the Higgs portal to dark matter* (нормал распада бозона Хиггса на «невидимые», «необнаруживаемые» частицы, среди которых могут быть частицы темной материи); *Exotic Higgs Decays* (редкие типы распадов бозона Хиггса); *Higgs doublet* (дублет Хиггса). Другие примеры эпонимных терминов изучаемой сферы: *Hawking radiation* / *Hawking radiation from PBHs* (Primordial black holes) (излучение Хокинга / испарение первичных черных дыр); *Fermi Large Area Telescope* / *Fermi-LAT* (космический гамма-телескоп Ферми для наблюдения больших областей космоса). Встречаются термины с двумя и даже тремя эпонимными компонентами: *Kaluza–Klein particle* (частица Калуцы–Клейна); *Kaluza–Klein dark matter* (темная материя, состоящая из частиц Калуцы–Клейна); *Fermi–Bose Symmetry* (симметрия Ферми–Бозе); *Navarro–Frenk–White profile* / *NFW profile* (профиль Наварро–Френка–Уайта). Доля эпонимных терминов выборки составила около 8,5 %.

Поскольку язык науки стремится к компактности и в то же время к высокой конденсации смысла, вполне закономерно, что многие из выявленных МКТ употребляются в текстах в виде различного рода **аббревиатур** и **акронимов**: *baryonic neutralino* → *bino* (барионный нейтралино); *supersymmetric models* → *SUSY models* (суперсимметричные модели); *scalar field dark matter* → *SFDM* (модель темной материи в виде скалярного поля); *self-interacting dark matter* → *SIDM* (самовзаимодействующая темная материя). Аббревиатуры облегчают восприятие научного текста: при краткости формального выражения достигается высокая информационная насыщенность. Специфической чертой некоторых таких аббревиатур в рассматриваемой области является то, что они созвучны со словами обиходного языка. Например: *WIMP* – *Weakly Interacting Massive Particle* (слабовзаимодействующая массивная частица, ВИМП); *MACHO* – *Massive Astrophysical Compact Halo Object* (массивный астрофизический компактный объект

гало). Это своего рода языковая игра, перенесенная в сферу специальной коммуникации, нарочитое противопоставление двух гипотетических кандидатов на роль темной материи ('macho' – «мачо; мужлан»; 'wimp' – «зануда, слабак»).

Аббревиатуры часто выступают в качестве составного компонента терминологических сочетаний. Их сочетание с полнозначными лексемами позволяет создавать "гибридные" терминологические единицы [16, с. 9]. Например, *axion-like WIMP* (аксионо-подобный ВИМП); *cold dark matter models* → *CDM Models* (модели холодной темной материи); *sterile neutrino warm dark matter* → *sterile neutrino WDM* («темная» темная материя, состоящая из стерильных нейтрино).

Еще одним способом достижения компрессии за счет создания гибридных терминоминиатюр служит введение в состав МКТ специальных символов. В примерах выборки это, как правило, буквы греческого и латинского алфавита, но также могут использоваться простые изобразительные средства. Например, *a dynamical measure of black hole mass* → *a dynamical measure of $M_{\bullet}/M_{BH}$* (динамический показатель массы черной дыры); *stellar mass in dark matter halos* → *$M_{\star}$ in DM halos* (звездная масса в гало темной материи). Использование таких символов отражает тенденцию к формализации языка науки [13, с. 33].

В качестве иллюстрации буквенного обозначения отдельных понятий в рассматриваемой области можно привести следующие примеры: *the Neutrino Minimal Standard Model* → *ν MSM* или *ν MSM* (нейтринная минимальная стандартная модель) – строчная буква греческого алфавита 'v', произносимая как «ню» ('nu') замещает слово 'neutrino'; *Lambda Cold Dark Matter Model* → *Lambda-CDM* → *Λ CDM* (Модель Лямбда-CDM), где «лямбда» – космологическая постоянная, связанная с темной энергией и холодной темной материей; *Q-Ball Dark Matter* (*Q-шары темной материи*), где «Q» – физическая величина, означающая заряд.

Помимо рассмотренных выше особенностей семантической и структурной репрезентации специальных понятий можно отметить такие явления, как вариативность, синонимия и антонимия. Данные явления вопреки традиционным положениям терминоведения фиксируются исследователями на современном терминологическом материале различных научных областей [4, 7, 17–20]. Отмечается, что указанные семантические процессы являются неотъемлемой частью развивающихся терминосистем. Динамичное развитие анализируемой области также создает условия

для вариативности терминов, появления синонимов: один и тот же феномен может описываться с разных позиций, в составе МКТ может варьироваться порядок и состав компонентов, полные формы терминов могут чередоваться с краткими и неполными вариантами, словесные формы выражения понятия могут чередоваться с аббревиатурами и специальными символами. Например: *Bose Fermi supersymmetry* / *Bose–Fermi supersymmetry* → *supersymmetry* → *SUSY* (симметрия Ферми–Бозе, суперсимметрия); *Baryon density parameter* → Ω_b (параметр плотности барионов). Основная функция таких синонимов – функция замещения. В научном континууме авторы прибегают к замене громоздких форм на более компактные, сокращенные формы. Однако некоторые примеры свидетельствуют о таком явлении, как параллельная номинация одних и тех же явлений: *Kaluza–Klein Dark Matter (KKDM)* → *Extra Dimensional Dark Matter* (темная материя, состоящая из частиц Калуцы – Клейна / темная материя в теории дополнительного пространственного измерения); *primordial black hole evaporation (PBHE)* → *Hawking radiation from PBHs* (испарение первичных черных дыр / излучение Хокинга из первичных черных дыр).

Следует отметить еще одну разновидность терминологической вариативности, обусловленную чисто лингвистическими факторами: спецификой английского языка, а именно нестрогой регламентированностью употребления в нем дефиса. Чередование дефисного и бездефисного (слитного или раздельного) написания может объясняться аналитическим строем АЯ и фонетическими причинами [21, с. 190–196]. Наш материал позволил выявить примеры, где дефис используется: 1) в функции графического выделения префиксальных и суффиксальных морфем: *non-standard neutrino interaction* – *nonstandard neutrino interaction* (нестандартное взаимодействие нейтрино); *self-interacting dark matter* – *self interacting dark matter* (самовзаимодействующая темная материя); *axion-like particle* – *axion like particle* (аксионо-подобная частица); 2) в функции соединения слов в цельнооформленные атрибутивные конструкции: *dark-matter halo* – *dark matter halo* (гало темной материи); *kinetic-mixing portal* – *kinetic mixing portal* (нормальный кинетического смешивания); *fuzzy-dark-energy model* – *fuzzy dark energy model* (модель «размытой» темной энергии).

Наряду с терминами-синонимами в научных статьях, посвященных вопросам темной материи, встречаются антонимичные термины. Исследователи различают антонимию лексическую и сло-

вообразовательную [20, с. 108–109]. Обе эти разновидности могут быть проиллюстрированы следующими примерами: 1) лексическая антонимия: *light dark matter* – *heavy dark matter* (легкая vs тяжелая темная материя); *hot dark matter* – *cold dark matter* (горячая vs холодная темная материя); *dark matter particles* – *standard model particles* (частицы темной материи vs частицы Стандартной модели); 2) словообразовательная антонимия: *baryonic dark matter* – *non-baryonic dark matter* (барионная vs небарионная темная материя); *neutrino* – *antineutrino* (нейтрино vs антинейтрино); *relativistic* – *non-relativistic particles* (релятивистские vs нерелятивистские частицы). Наличие антонимичных терминов вполне закономерно, поскольку многие наблюдаемые явления и процессы характеризуются противоположностью.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Англоязычная терминология, складывающаяся в процессе разработки теорий о темной материи, имеет свою логическую организацию и характеризуется чертами незамкнутой, динамично развивающейся терминосистемы. Ее специфическими чертами являются: многокомпонентность терминологических единиц; метафоричность; неустойчивость и вариативность формы выражения понятий (полные, краткие, гибридные формы, графические варианты МКТ); наличие таких семантических процессов, как синонимия и антонимия. На специфику терминологических единиц и семантических явлений, их охватывающих, оказали влияние линг-

вистические факторы (специфика английского языка, связанная с нестрогой регламентированностью употребления в нем дефиса), а также ряд экстралингвистических факторов: многие разрабатываемые теории и модели носят гипотетический, неподтвержденный характер; употребляющиеся для их обозначения понятия, как правило, не закреплены в специализированных словарях и, следовательно, не имеют строгой формы фиксации в научном тексте, что создает условия для появления терминологических вариантов и синонимов; описываемые в теориях явления невозможно наблюдать непосредственно, что приводит к созданию средств визуализации гипотетических понятий; исследования проводятся с учетом междисциплинарного подхода, что отражается на ассимиляции специальных обозначений и символов смежных наук; новые модели и теории темной материи не только дополняют существующие модели, выстраиваются вместе с ними в единую систему знания, но также могут им противопоставляться (антонимия); вовлеченность исследователей всего мира в разработку данных вопросов является следствием закрепления в англоязычной (и далее в международной) терминологической сфере ряда национальных эпонимов.

Следует заметить, что работа проведена лишь на первом уровне. В дальнейшем можно более детально исследовать каждый из рассмотренных здесь специфических аспектов терминологии. Перспективным направлением также видится проблема перевода МКТ сферы темной материи с английского языка на русский и другие национальные языки.

Список источников

1. Авербух К. Я. Общая теория термина. М.: Изд-во МГОУ, 2006. 252 с.
2. Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. 4-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
3. Кулешова В. О. Когнитивный анализ терминосистемы как основа методологии проектирования словаря для специальных целей // Филология: научные исследования. 2021. № 7. С. 1–13. doi: 10.7256/2454-0749.2021.7.35939
4. Мулладжанова Н. С. Терминологическая экспансия английского языка в русский язык (на примере химической и физической терминологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 26 с.
5. Николаева Н. С., Фуфурина Т. А. Структурно-семантические особенности терминов физики плазмы (на материале источника ограниченного объема – англоязычная научная статья) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, вып. 3. С. 954–959. doi: 10.30853/phil20220137
6. Михайлова К. В. Особенности образования физической терминологии в английском и русском языках: на примере лексико-семантического поля «физика элементарных частиц»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 26 с.
7. Костерина Ю. Е. Лингвистические и экстралингвистические особенности англоязычной терминологии физики низкоразмерных систем: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2017. 23 с.
8. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского института истории, философии и литературы. М.: ЛИТЕРА, 1939. Т. 5: сб. ст. по языковедению. С. 3–54.

9. Астхана Ш., Захарова Е. О. Структурные особенности многокомпонентных терминов физики (на материале англоязычных научных публикаций, посвященных вопросам темной материи) // Иностранный язык и межкультурная коммуникация: материалы XVII Междунар. студ. науч.-практ. конф., Томск, 17–22 апреля 2023 г.; Томский государственный педагогический университет. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та? 2023. С. 147–153.
10. Костерина Ю. Е. Фундаментальность физического знания и ее отражение в английской естественно-научной терминологии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 2 (4). С. 949–952.
11. Алексеева Л. М., Василенко Д. В. Системность терминологии // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. № 4 (32). С. 5–13.
12. Мишанкина Н. А. Метафора в терминологических системах: функции и модели // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 4 (20). С. 32–45.
13. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Терминологическая деятельность. 2-е, изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2005. 288 с.
14. Сложеникина Ю. В., Звягинцев В. С. Термины-эпонимы: PRO ET CONTRA // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2017. № 7. С. 32–35.
15. Макаев Х. Ф., Макаева Г. З. Структурно-семантические особенности эпонимных терминов общей физики в английском и русском языках // Казанский лингвист. журнал. 2020. Т. 3, № 1. С. 17–27. doi: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.17-27
16. Кудинова Т. А. Структурно-семантические особенности многокомпонентных терминов в подязыке биотехнологий: на материале русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2006. 41 с.
17. Таранова Е. Н., Ермакова Л. Р., Бубырева Ж. А. Терминологическая синонимия и антонимия в лексике русского и немецкого языка (на примере терминов ландшафтоведения) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 14 (235). Вып. 30. С. 55–60.
18. Иванова Г. А. Терминологическая синонимия как коммуникативно-прагматический феномен // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 406–410.
19. Бузинова Л. М., Черникова Е. О. Особенности синонимии в англоязычной экологической терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 6. С. 1906–1910. doi: 10.30853/phil210298
20. Клепиковская Н. В. Семантические исследования в терминологии // Грамота. 2008. № 2 (9): в 3ч. Ч. I. С. 105–111.
21. Гималетдинова Г. К. Семантика и прагматика английского дефиса // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152, кн. 6. С. 188–198.

References

1. Averbukh K.Ya. *Obshchaya teoriya termina* [General theory of term]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2006. 252 p. (in Russian).
2. Leychik V. M. *Terminovedeniye: Predmet, metody, struktura* [Science of terminology: Subject, methods, structure]. Moscow, Librokom Publ., 2009. 256 p. (in Russian).
3. Kuleshova V. O. Kognitivnyy analiz terminosistemy kak osnova metodologii proektirovaniya slovary dlya spetsial'nykh tseley [Cognitive analysis of the terminological system as a basis for the methodology of designing a dictionary for special purposes]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya – Philology: scientific researches*, 2021, no. 7, pp. 1–13. doi: 10.7256/2454-0749.2021.7.35939 (in Russian).
4. Mullyadzhanova N. S. *Terminologicheskaya ekspansiya angliiskogo yazyka v russkiy. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Terminological expansion of the English language into the Russian language (on the material of chemical and physical terminology). Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow, 2015. 26 p. (in Russian).
5. Nikolaeva N. S., Fufurina T. A. Strukturno-semanticheskiye osobennosti terminov fiziki plazmy [Structural and semantic features of Plasma Physics Terms (based on a limited-volume source – an English-language scientific article)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*, 2022, vol. 15, no. 3, pp. 954–959. doi: <https://doi.org/10.30853/phil20220137> (in Russian).
6. Mikhailova K. V. *Osobennosti obrazovaniya fizicheskoy terminologii v angliyskom i russkom yazykakh: na primere leksiko-semanticheskogo polya “fizika elementarnykh chastits”*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Peculiarities of the terminology of Physics formation in English and Russian: on the example of the lexical-semantic field “Elementary Particle Physics”. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Kazan, 2008. 26 p. (in Russian).

7. Kosterina Yu. Ye. *Lingvisticheskiye i ekstralingvisticheskiye osobennosti angloyazychnoy terminologii fiziki nizkoramernykh sistem. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Linguistic and extralinguistic features of the English-language terminology of Low-Dimensional Systems Physics. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Ufa, 2017. 23 p. (in Russian).
8. Vinokur G. O. O nekotorykh yavleniyakh slovoobrazovaniya v russkoy technicheskoy terminologii [On some phenomena of word formation in Russian technical terminology]. *Trudy Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury* [Proceedings of the Moscow Institute of History, Philosophy and Literature]. Moscow, LITERA Publ., 1939. Volume 5. Pp. 3–54 (in Russian).
9. Asthana Sh., Zakharova E. O. Strukturnye osobennosti mnogokomponentnykh terminov fiziki [Structural features of multicomponent terms in Physics (based on English-language scientific publications devoted to dark matter issues)]. *Inostrannyi yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: materialy XVII Mazhdunarodnoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Tomsk, 17–22 aprelya 2023 g.* [Foreign language and intercultural communication: Proceedings of XVII International Students scientific and practical conference. *Tomsk, 17–22 April 2023*]. Tomsk, TSPU Publ., 2023. Pp. 147–153 (in Russian).
10. Kosterina Yu. Ye. Fundamentalnost' fizicheskogo znaniya i ee otrazheniye v angliyskoy estestvenno-nauchnoy terminologii [The fundamental nature of Physical knowledge and its reflection in English scientific terminology]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk – News of Samara Scientific Centre of the Russian Academy of Science*, 2014, vol. 16, no. 2 (4), pp. 949–952 (in Russian).
11. Alekseeva L. M., Vasilenko D. V. Sistemnost' terminologii [Systematicity of terminology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology*, 2015, no. 4 (32), pp. 5–13 (in Russian).
12. Mishankina N. A. Metafora v terminologicheskikh sistemakh: funktsii i modeli [Metaphor in terminological systems: functions and models]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2012, no. 4 (20), pp. 32–45 (in Russian).
13. Superanskaya A. V., Podolskaya N. V., Vasil'eva N. V. *Obshchaya terminologiya: Terminologicheskaya deyatel'nost'* [General terminology: Terminological Activity]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2005. 288 p. (in Russian).
14. Slozhenikina Yu. V., Zvyagintsev V. S. *Terminy-eponimy: PRO ET CONTRA* [Eponym terms: PRO ET CONTRA]. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 2: Informatsionnye protsessy i systemy*, 2017, no. 7, pp. 32–35 (in Russian).
15. Makayev Kh. F., Makayeva G. Z. Strukturno-semanticheskiye osobennosti eponimnykh terminov obshchey fiziki v angliiskom i russkom yazykakh [Structural and semantic peculiarities of eponym terms of General Physics in the English and Russian languages]. *Kazanskiy lingvisticheskiy zhurnal – Kazan linguistic journal*, 2020, vol. 3, no. 1, pp. 17–27. doi: <https://doi.org/10.26907/221.2020.3.1.1658-337-27> (in Russian).
16. Kudinova T. A. *Strukturno-semanticheskiye osobennosti mnogokomponentnykh terminov v pod''yazyke biotekhnologii. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Structural and semantic features of multicomponent terms in biotechnology sulanguage: on the material of Russian and English languages. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Orel, 2006. 41 p. (in Russian).
17. Taranova E. N., Ermakova L. R., Bubyryova Zh. A. Terminologicheskaya sinonimiya i antonimiya v leksike russkogo i nemetskogo yazyka [Terminological synonymy and antonymy in the lexical system of the Russian and German languages (using landscape science terms as an example)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities series*, 2016, vol. 14 (235), no. 30, pp. 55–60 (in Russian).
18. Ivanova G. A. Terminologicheskaya sinonimiya kak kommunikativno-pragmaticheskiy fenomen [Terminological synonymy as a communicative-pragmatic phenomenon]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2015, no. 2 (2), pp. 406–410 (in Russian).
19. Buzinova L. M., Chernikova E. O. Osobennosti sinonimii v angloyazychnoy ekologicheskoy terminologii [Peculiarities of synonymy in English-language ecological terminology]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and practice*, 2021, vol. 14, no. 6, pp. 1906–1910 (in Russian).
20. Klepikovskaya N. V. Semanticheskiye issledovaniya v terminologii [Semantic research in terminology]. *Gramota*, 2008, no. 2 (9), Part I, pp. 105–111 (in Russian).
21. Gimaletdinova G. K. Semantika i pragmatika angliiskogo defisa [Semantics and pragmatics of the English hyphen]. *Proceedings of Kazan university. Humanities Series* [Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities]. 2010. Volume 152. Book. 6. Pp. 188–198 (in Russian).

Информация об авторах

Захарова Е. О., кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: zakharova@tspu.edu.ru

Астхана Ш., магистрант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050).

E-mail: asthanashreyam@gmail.com

Information about the authors

Zakharova E. O., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: zakharova@tspu.edu.ru

Asthana Sh., master's degree student, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: asthanashreyam@gmail.com

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; принята к публикации 01.10.2024

The article was submitted 01.07.2024; accepted for publication 01.10.2024

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

УДК 37.0

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-93-103>

Календарь как способ создания искусственной языковой среды в обучении иностранному языку

Оксана Викторовна Дрейфельд

Кемеровский государственный медицинский университет, Кемерово, Россия, filoxenia@mail.ru

Аннотация

Впервые в лингводидактике комплексно осмысливается методика использования календаря как жанра печатной продукции с целью создания искусственной языковой среды при обучении иностранному языку. Практическая значимость состоит в описании способов внедрения разных типов календаря в учебную коммуникацию на занятиях по изучению иностранного языка. Создание искусственной языковой среды – это необходимое условие для компенсации нехватки коммуникации на изучаемом иностранном языке в отсутствие естественной языковой среды. В дополнение к уже открытым методикой преподавания иностранных языков способам и приемам организации искусственной языковой среды предлагаем использовать жанр календаря. Практика современной отечественной дидактики показывает активное использование интерактивных календарей в преподавании русского языка как иностранного, однако методика их использования ранее комплексно не осмыслилась. Обзор накопленного опыта и анализ показали высокую активность жанра календаря как средства организации искусственной языковой среды. Проведен эксперимент по внедрению медицинского интерактивного календаря в обучение русскому языку как иностранному студентов медицинского университета (уровень общеязыкового владения A2). Результаты эксперимента дают основание утверждать, что тематический календарь как средство обучения помогает реализовать множество задач: внедрить элементы предметного обучения, актуализировать «пассивную» лексику и ввести ее в речь студентов; как бумажная, так и интерактивная версии календаря обладают высоким потенциалом в организации искусственной языковой среды: обучающиеся контактируют с календарем на ежедневной основе, обращаясь к актуальной информации о сегодняшнем дне недели/месяца/года; использование календаря на занятиях по иностранному языку также способствует развитию навыка кросс-культурной коммуникации, снабжая обучающихся поводами для установления контакта в форме поздравления с тем или иным праздником преподавателей и иноязычных друзей. Данные эксперимента по внедрению работы с календарем в образовательный процесс медицинского университета могут быть экстраполированы на изучение любых иностранных языков.

Ключевые слова: искусственная языковая среда, календарь как жанр, РКИ для медиков, медицинский русский язык, интегрированное предметно-языковое обучение (CLIL), поздравление (жанр)

Для цитирования: Дрейфельд О. В. Календарь как способ создания искусственной языковой среды в обучении иностранному языку // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 6 (236). С. 93–103. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-93-103>

METHODOLOGICAL ASPECTS OF MODERN PHILOLOGY

Calendar as a way to create an artificial language environment in teaching a foreign language

Oksana V. Dreyfeld

Kemerovo State Medical University, Kemerovo, Russian Federation, filoxenia@mail.ru

Abstract

The article, for the first time in linguodidactics, comprehends the methodology of using the calendar as a genre of printed materials with the aim of creating an artificial language environment when teaching a foreign language. The practical significance of the article lies in the description of ways to introduce different types of calendars into educational communication in foreign language class. The creation of an artificial language environment in classes on Russian as a foreign language is a necessary condition for compensating for the lack of communication in the foreign language being studied in the absence of a natural language environment. In addition to the methods and techniques for organizing an artificial language environment already discovered by methods of teaching foreign languages, we propose to use the calendar genre. The practice of modern domestic didactics shows the active use of interactive calendars in teaching Russian as a foreign language, but the methodology for its use has not previously been comprehended. A review of accumulated experience and analysis showed the high activity of the calendar genre as a means of organizing an artificial language environment. We conducted an experiment on introducing a medical interactive calendar into teaching Russian as a foreign language to medical university students (general language proficiency level A2). The results of the experiment give grounds to assert that the thematic calendar as a teaching tool helps to implement many tasks: introduce elements of subject teaching in classes in Russian as a foreign language (general profile), update “passive” vocabulary and bring it into students’ speech; both paper and interactive versions of the calendar have high potential in organizing an artificial language environment: students contact the calendar on a daily basis, accessing up-to-date information about the current day of the week/month/year; the use of a calendar in classes on Russian as a foreign language also contributes to the development of cross-cultural communication skills, providing students with reasons to establish contact in the form of congratulations on a particular holiday to teachers and foreign-speaking friends.

Keywords: artificial language environment, calendar, RFL for doctors, medical Russian, content and language integrated learning (CLIL), congratulation (genre)

For citation: Dreyfeld O. V. Kalendar’ kak sposob sozdaniya iskusstvennoy yazykovoy sredy v obuchenii inostrannomu yazyku [Calendar as a way to create an artificial language environment in teaching a foreign language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 6 (236), pp. 93–103 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-93-103>

Введение

Основное общение иностранных студентов (нефилологического профиля) на русском языке на ранних этапах изучения русского языка как иностранного реализуется в бытовой сфере ежедневной коммуникации и в учебных ситуациях, в которые вовлечены в основном преподаватели-лингвисты и тьюторы/волонтеры. Налицо ситуация, когда освоение русского языка происходит в искусственной языковой среде, ориентированной на модели коммуникации в большей степени, чем на практическую коммуникацию [1].

Чтобы приблизить условия коммуникации в искусственной языковой среде к профессиональному коммуникативному пространству, методикой РКИ выработаны отдельные приемы и подходы. Они направлены на создание совокупности

условий, в которых будет происходить формирование требуемых профессиональных коммуникативных компетенций, активизироваться предметная деятельность инофонов [2–4]. Эта совокупность условий должна включать в себя пространственные, предметные компоненты, аудиоматериалы, видеоматериалы и модели ситуаций реальной жизни, отвечающие профессиональным потребностям инофонов [5]. Основным видом деятельности при этом остается программируемая коммуникация, дополняемая спонтанной коммуникацией в бытовых ситуациях в естественной языковой среде.

Это обуславливает актуальную задачу поиска новых лингводидактических форм, средств, приемов, позволяющих создавать искусственную языковую среду с целью формирования комму-

никативной компетенции иностранных студентов, изучающих русский язык как иностранный и русский как язык специальности.

В данной статье будут изучены лингводидактические возможности разных типов календарей и специально рассмотрен тематический календарь как средство формирования искусственной языковой среды, создающий условия для ежедневного общения на профессиональные темы и представленный в двух форматах: 1) как разновидность печатной продукции, размещенной в учебном пространстве; 2) как медиаресурс, размещенный в сети «Интернет».

Задачи исследования состоят в следующем: 1) описать особенности календаря как жанра учебной коммуникации; 2) обосновать возможность привлечения тематического календаря как средства формирования искусственной языковой среды в изучении иностранных языков; 3) провести апробацию интерактивного медицинского календаря как средства обучения и средства формирования искусственной языковой среды в процессе профессионально ориентированного обучения иностранных студентов университета русскому языку как иностранному и русскому как языку профессионального общения. В качестве опытной группы исследования выступают студенты, владеющие русским языком как иностранным на уровне А2 и обучающиеся по специальности «Лечебное дело». Теоретическая значимость исследования состоит в осмыслении методики использования календаря как жанра печатной продукции с целью создания искусственной языковой среды при обучении иностранному языку. Практическая значимость исследования состоит в описании способов внедрения разных типов календаря в учебную коммуникацию на занятиях по изучению иностранного языка.

Теоретические основы исследования

Языковое окружение, или языковая среда, – важный фактор формирования коммуникативной компетенции, ведь она обеспечивает погружение в иностранный язык и формирует основные коммуникативные вызовы. Формирование искусственной языковой среды – тема, являющаяся одной из насущных для лингводидактики, поскольку формирование искусственного окружения создает возможность контакта с языком в отсутствие реальной коммуникации [6–9]. В современной лингводидактике эта тема привлекает внимание в аспекте изучения ресурсов, позволяющих искусственно создавать коммуникативную среду для формирования коммуникативной компетенции на иностранном языке [10]. Вопросам

формирования искусственной языковой среды в изучении русского языка как иностранного посвящены работы современных исследователей Н. А. Друцко, А. В. Богачёвой [11, 12] и др. Наше рабочее определение этого понятия следующее: искусственная языковая среда – это иноязычная среда, искусственно организованная в целях обучения иностранному языку, осуществления коммуникации на нем посредством формирования контакта обучающегося с источниками информации, коммуникативными ситуациями на иностранном языке и речевыми моделями. Искусственная языковая среда присутствует как в учебной, так и во внеучебной деятельности в качестве информационного и развлекательного ресурса и источника коммуникативных моделей, способа постоянного развития и поддержки разных видов речевой и когнитивной активности, таких как слушание, понимание, формирование своего мнения и умения его выражать, а также в качестве основы для поддержания мотивации к изучению иностранного языка.

Один из важнейших признаков искусственной языковой среды – это контакт обучающегося с окружением только на изучаемом языке. Для этого обеспечивается поддержка в виде письменных текстов, размещенных в окружающем пространстве, аудио- и видеоматериалов на изучаемом иностранном языке, медиаресурсов, с которыми обучающийся контактирует вне учебной ситуации (например, язык интерфейса мобильных и стационарных устройств, стартовая страница браузера и др.). То есть искусственная языковая среда формируется в современной лингводидактике как через наполнение реального учебного пространства материалами на изучаемом иностранном языке, так и через контакт обучающихся с медиаресурсами (в учебной аудитории и вне ее). Учебные ресурсы, предназначенные или отобранные для создания искусственной языковой среды, должны носить аутентичный характер.

Учебные медиаресурсы также могут участвовать в создании искусственной языковой среды. По определению П. В. Сысоева и М. Н. Евстигнеева, учебные интернет-ресурсы в изучении иностранного языка – это текстовые, аудио- и визуальные материалы по различной тематике, направленные на формирование иноязычной коммуникативной компетенции и развитие коммуникативно-когнитивных умений обучающихся осуществлять поиск, отбор, классификацию, анализ и обобщение информации [13].

Для создания искусственной языковой среды в профессионально ориентированном обучении в

вузе необходимо сформировать, во-первых, интерес студентов к использованию аутентичных медиаресурсов – обучающих, информационных и развлекательных (к изучению онлайн-курсов профессиональной направленности на русском языке, чтению новостей, просмотру кинофильмов и видеоресурсов, прослушиванию подкастов и музыки, посещению интерактивных музеев с аудиогидом и многому другому). Во-вторых, необходимо создавать и развивать ресурсы профессиональной направленности, которые будут формировать искусственную языковую среду русского языка как иностранного определенного профиля.

На наш взгляд, существующие на настоящий момент учебные ресурсы медико-биологической направленности явно недостаточны, так как не обеспечивают наполнение всех вышеперечисленных форматов для формирования искусственной языковой среды материалами собственно медицинской направленности. Если ограничить поиск ресурсов жанром календаря, результаты окажутся весьма скудными, притом, что сам жанр календаря весьма ценен для целей формирования искусственной языковой среды как в изучении русского как иностранного общего профиля, так и в изучении РКИ профессиональной направленности.

Из известных ресурсов, которые относятся к жанру «тематического календаря», профильными для студентов-медиков являются видеоблоги (информационные медиаресурсы медицинской тематики), такие как «Медицинский календарь» Евгения Кесарева (рис. 1.) [14], непрофильными календарями являются видеоблог «Русский календарь» Станислава Чернышова [15] (рис. 2) (учебный медиаресурс общекультурной тематики), «Путешествие в Россию» – интерактивный медиаресурс МГПУ (рис. 3) [16], «Русский календарь» О. Плотниковой (рис. 4) [17].

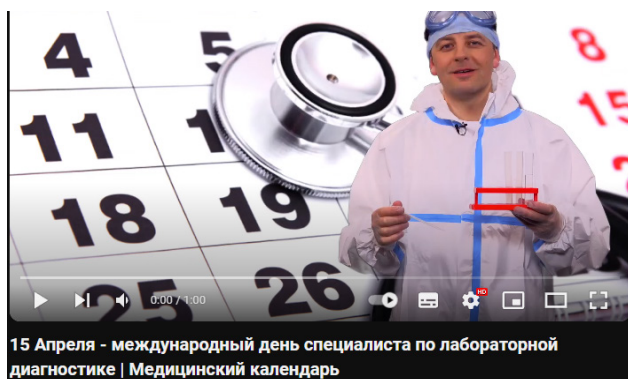

Рис. 1. Videоблог «Медицинский календарь»
Е. Кесарева

Рис. 2. Учебный медиаресурс «Русский календарь»
С. Чернышова

Рис. 3. Интерактивный медиаресурс МГПУ «Путешествие в Россию»

Рис. 4. «Русский календарь» О. Плотниковой

Материал и методы

Чтобы провести апробацию интерактивного медицинского календаря как средства обучения и формирования искусственной языковой среды в процессе профессионально ориентированного обучения иностранных студентов вуза русскому языку как иностранному, был разработан макет тематического календаря и проведена серия дискуссий на темы, предлагаемые календарем в ян-

варе (рис. 4). В качестве опытной группы исследования выступали студенты, обучающиеся по специальности «Лечебное дело» и владеющие русским языком на уровне А2. Для оценки предшествующего уровня был разработан чат-бот в мессенджере «Telegram», с помощью которого проведено диагностическое тестирование по владению студентами информацией о международных медицинских праздниках, научных открытиях в области медицины, связанных с изучаемыми дисциплинами профессионального цикла (хирургия, фармакология и др.), а также по владению коммуникативными моделями ведения дискуссии, написания поздравления и дефиниции термина (тест включал вопросы с множественным выбором и открытые вопросы). После работы с материалами тематического календаря было проведено контрольное тестирование для выявления прогресса в ведении дискуссии, написании поздравления и дефиниции терминов. Обучение производилось в январе 2023 г. на базе Кемеровского государственного медицинского университета. В тестировании принимали участие 25 иностранных обучающихся, обучение происходило в рамках дисциплины «РКИ. Продвинутый курс», материалы для изучения предложены на русском языке. Были подобраны аутентичные материалы, организованные по структуре *subject sample*, формат которой визуально имитировал жанр тематического календаря (рис. 5). Содержание деятельности включало в себя работу с вопросами, начинавшими занятие (какое сегодня число? какая дата сегодня? кто родился сегодня? что случилось в этот день?) и инициировавшими работу с календарем. После знакомства с содержанием информации, отнесенной к соответствующей дате, студенты в парах знакомились с сервисами на русском языке, ознакомление с которыми должно было помочь ответить на проблемные вопросы, а также осваивали модели создания определенного типа высказывания. Далее студенты создавали презентацию группового материала и проводили самооценку и взаимную оценку произведенной работы. Вопросами, которые пред-

лагались для профессионально ориентированной рефлексии и служили для создания творческих домашних работ (эссе), были: почему важен этот день, к которому отнесен этот праздник? в каком событии этой недели ты хотел бы поучаствовать? есть ли здесь праздники, которые важны лично для тебя и почему? как ты думаешь, какой день в будущем может стать твоим профессиональным или личным праздником? (рис. 6) и др.

Рис. 5. Обложка медицинского календаря

Рис. 6. Хрономимия медицинского календаря

Результаты исследования Календарь как жанр печатной продукции и жанр учебной коммуникации

Календарь – это письменный речевой жанр, который обладает рядом характеристик. В данной работе использована модель Т. В. Шмелёвой [18] для описания календаря (таблица).

Модель речевого жанра «Календарь»

Коммуникативная цель	• Информировать • Отразить темпоральность (годовую, месячную, недельную, ежедневную) • Отразить идеологическую систему (светскую или религиозную, научную, политическую и т. д. (рис. 7, 8)) • Развлечь и погрузить в различные культурные контексты
Концепция автора	• Эксплицировать актуальную информацию о принятой в человеческой культуре хрономимии, транслировать ее на широкую аудиторию • Организовать хрономимию адресата (календарь-планер)
Концепция адресата	• Любой человек может использовать для организации событий и планирования времени • Тематический календарь предназначен для тех, кто интересуется научно-популярными знаниями в представленной области (например, медицины)

Окончание таблицы

Событийное содержание	Сама концепция календаря предполагает субъектное восприятие концептов «день», «месяц», «год» и др., что имеет значение самоопределения относительно фактов реальности
Фактор коммуникативного прошлого	Связан с устным жанром внешнего или внутреннего диалога, который может быть использован в сфере учебной коммуникации в качестве коммуникативной рамки учебного занятия
Фактор коммуникативного будущего	- В зависимости от жанровой разновидности календаря происходит письменное или устное планирование следующего отрезка времени, выражается согласие или несогласие со значимостью даты в культурном контексте, производится эмоциональная реакция на факты, привязанные к дате - Предполагается, что после ознакомления с датой реализуется устный или письменный жанр поздравления (с праздником)
Параметр языкового воплощения	- Широкая аудитория, не имеющая специальных знаний в области, представленной в тематическом календаре, люди, различные по возрасту, полу, социальному статусу и т. д., – это фактор, который определяет вербальные и паралингвистические средства - Дополнительный параметр: жанр может быть оформлен в виде таблицы, перекидного гипертекста, интерактивного текста с открываемыми в «окошках» скрытыми деталями – то есть представляет собой креолизованный текст (включает визуальные объекты, дополняющие вербальный текст и обеспечивающие доступность восприятия информации)
Жанровые разновидности	- По стратегии восприятия темпоральности: перекидные, отрывные, табличные - По типу идеологической системы: светские или религиозные - По прагматической цели: планеры, ивент-календари, тематические, месяцесловы

Для определения дидактических возможностей календаря как жанра в обучении иностранному языку рассмотрим потенциал разных жанровых разновидностей:

1. Ивент-календарь (рис. 7). Название представляет собой кальку с английского «event-calendare», в реальной коммуникации такой календарь предназначен для организованного ожидания важной даты, например праздника (Новый

год и др.); он позволяет тренировать умение описывать последовательность, очередность событий, а также условное наклонение, также позволяет тренировать письмо (например, письмо Деду Морозу).

2. Календарь-планер. Позволяет тренировать использование времен глагола и развитие речевого навыка рассказа о ежедневной рутинной активности, еженедельном расписании (рис. 8).

Рис. 7. Рождественский календарь

НЕДЕЛЬНЫЙ ПЛАНЕР			
Доктор Шашанк Сингх, терапевт			
ПОНЕДЕЛЬНИК	ВТОРНИК	СРЕДА	ЧЕТВЕРГ
8.00 Иванов Иван: астма		8.00 Аниша Чоудхари: КОВИД-19	
10.00 Петрова Ирина: аллергия	14.00 Свиридова Анна: герпес	10.00 Резцова Анна: диабет	14.00 Риман Ашраф: поллиноз
12.00 Борисов Фёдор Иванович: инфекция	15.00 Краснов Борис: гепатит С		16.00 Абаноб Аттеф: артрит
ПЯТНИЦА	СУББОТА	ВОСКРЕСЕНЬЕ	ЧТО СДЕЛАТЬ:
8.00 Кривцова Татьяна: пневмония	10.00-14.00 городская больница №3: консультации	выходной :-)	написать статью по гигиене
10.00 Бровкин Сергей: бронхит		1. гулять 2. отдыхать 3. приготовить вкусную еду 4. позвонить маме	

Рис. 8. Учебный календарь-планер

Рис. 9. Тематический образовательный календарь школы «Фоксфорд»

3. Тематический календарь (рис. 9): помогает организовывать дискуссии о культурных традициях, способствует кросс-культурной коммуникации и социокультурной адаптации инофонов [18] (интерактивные календари, «Новогодний календарь» [19] и «Путешествие в Россию» [16]).

Лингводидактический потенциал календарей состоит в том, что работа с ними позволяет реализовать *письмо* (для этого хорошо подходят учебные задачи по заполнению ежедневных дел в планерах: уже на начальном уровне там можно отмечать дни рождения членов семьи и друзей, писать о рутинных делах); *чтение* (тематические

календари обычно включают в себя конкретные речевые жанры — рецепты, описания открытий или событий, наблюдения за природой и др.); *слушание* (многие «календари» представляют собой видеоблог, что позволяет использовать аудирование при работе с ними, в современных бумажных календарях размещают QR-коды для расширения возможности взаимодействия с аудиотекстами) и *говорение* (здесь требуется подготовка предтекстовых, притекстовых и послетекстовых заданий языкового, условно-речевого и речевого характера; можно использовать метод проектных работ и создать проектную

творческую работу «Мой календарь желаний на каждый день каникул»: «я буду делать / я сделаю» и т. п.).

Все сказанное подтверждает значимость жанра календаря как элемента создания искусственной языковой среды в условиях ограниченного общения на иностранном, в данном случае русском языке.

Медицинский календарь как средство профессионально ориентированного обучения иностранных студентов медицинского профиля и средство создания искусственной языковой среды

В настоящем эксперименте был рассмотрен тематический календарь, основанный на презентации памятных дат медицины (праздников, дат рождения ученых-медиков, важных открытий в области медицины). Мы пришли к выводу, что результативность тематического календаря основана на естественной потребности обучающихся соотносить свое существование с культурно обусловленным определением времени. Приуроченная к дате культурно и социально значимая информация создает коммуникативный вызов (рис. 10). В онлайн-обучении и онлайн-коммуникации эффект интерактивного контакта с тематическим календарем можно реализовать посредством использования интерактивного медиаресурса.

Мы предлагаем использовать тематический медицинский календарь как жанр реальной и виртуальной интернет-коммуникации, создающий условия для ежедневного общения на профессиональные темы [20]. В эксперименте были использованы печатный образец и виртуальный

макет экспериментального календаря, который был создан средствами интернет-сервисов Google Sites, Quizlett и Canva. Экспериментальный интерактивный медицинский календарь представляет собой информационный ресурс с возможностями интерактивного взаимодействия, обеспеченными различными онлайн-сервисами. В случае печатного образца для обеспечения интерактивного взаимодействия студентов с информацией использовались QR-коды, ведущие на онлайн-сервисы.

В качестве «коммуникативного вызова» такой календарь использует профессиональную необходимость знать и отмечать значимые даты в истории медицины и международные медицинские праздники. При создании интернет-календаря мы опирались на такую разновидность, как «перекидной календарь» с недельной хрононимией, который имитируется на сайте средствами интернет-дизайна. Стратегия восприятия такого календаря обучающимися – это ежедневное обращение к сайту, чтение микротекстов (цитата, описание открытий) и обсуждение проблемных вопросов, просмотр аутентичных видео и выполнение интерактивных заданий по технологии «проблемного обучения».

Таким образом, работа с интерактивным календарем не ограничивается проговариванием даты и чтением информации, приуроченной к этой дате. В качестве дополнительного коммуникативного вызова мы предлагаем размещать в календаре цитату из личных высказываний ученого или врача, который причастен к дате, и организовывать дискуссии о стилистических и содержательных аспектах высказываний (рис. 10).

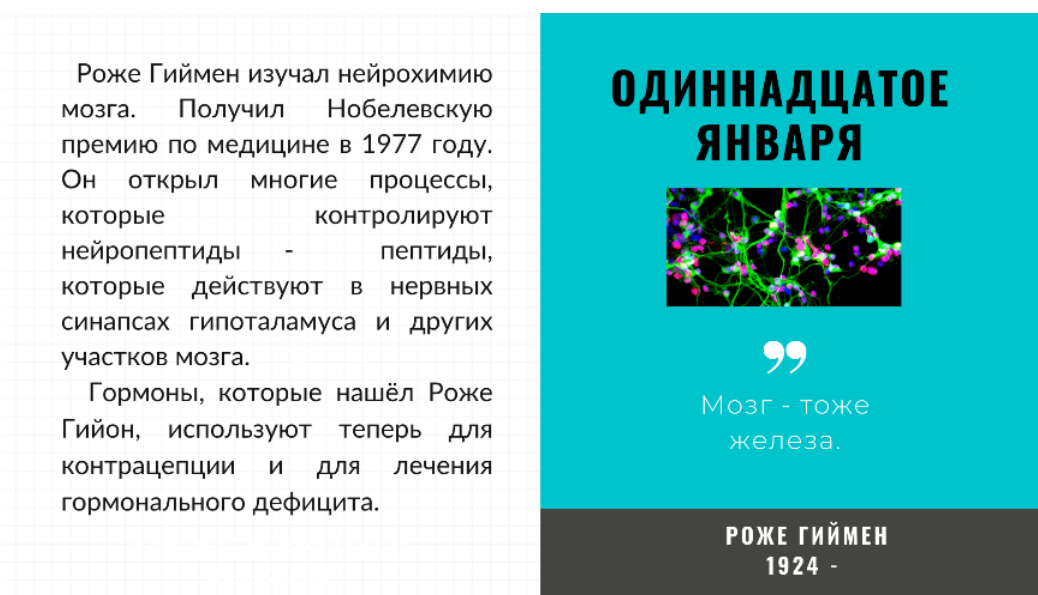

Рис. 10. Страница из «Медицинского календаря» О. Дрейфельд

В частности, высказываниями за январь, с помощью которых была организована дискуссия, были: «Медицина – это наука, которая требует искусства» (В. П. Образцов); «Шрифт Брайля дает знания, а знания – это сила» (Л. Брайль); «Мозг – тоже железа» (Р. Гиймен); «Не бойтесь тяжелой работы: ничто настоящее не дается легко» (Г. Элион) и др.

Вопросы, которые помогут начать профессионально ориентированную рефлексию или стать материалом для эссе, это: почему важен этот день, к которому отнесен этот праздник? в каком событии этой недели ты хотел бы поучаствовать? есть ли здесь праздники, которые важны лично для тебя и почему? как ты думаешь, какой день в будущем может стать твоим профессиональным или личным праздником? и многие другие [5].

Заключение

Итак, предлагаемый жанр календаря с аутентичными текстами – учебный материал, безусловно, способствующий созданию искусственной языковой среды и предоставляющий возможность обучения за пределами класса или учебной аудитории.

В то же время календарь как жанр формирует возможность контакта инофонов с естественной языковой средой: он заключает в себе коммуникативный импульс, ведущий к самостоятельной коммуникации обучающегося за пределами учебной ситуации, ведь с праздником можно поздравить, например, преподавателей соответствующей дисциплины. Дополнительно это помогает трансформировать привычные устоявшиеся роли педагогов и обучающихся, что способствует развитию мультимодальных коммуникативных навыков.

Еще один очевидный плюс использования данного жанра состоит в формировании запроса на поиск новой информации и обеспечении воз-

можности проектной деятельности: в тематическом календаре освещены не все даты каждого месяца, что дает возможность вести самостоятельный поиск и создавать контент для неотмеченных в готовом календаре дат. Это поддерживает познавательный интерес обучающихся, создает возможность для активизации самостоятельной деятельности на иностранном языке, привлекает студентов к заполнению лакун в искусственной языковой среде.

Тематический календарь также позволяет контактировать с терминологическим аппаратом профессионального подязыка и «оживлять» теоретические знания (в медицинском календаре это происходит за счет присутствия на страницах календаря информации о методах лечения или видах операций, носящих имя ученого, который ввел их в обиход). То есть способствует обучению на практике.

Безусловно, тематический календарь рассмотренного в эксперименте формата способствует развитию навыка кросс-культурной коммуникации, поскольку медицинские достижения и открытия, представленные в нем, носят интернациональный характер, а представленные в календаре праздники имеют характер международных праздников и были установлены ВОЗ (День патологоанатома, День профилактики гриппа и др.). Этот параметр, на наш взгляд, реализует и такой важный аспект обучения, как возможность учебного материала адаптироваться к конкретным потребностям обучения каждого студента.

Также тематический календарь помогает развивать коммуникативные умения не только в узкопрофессиональной сфере, где способствует обучению на практике и повышает мотивацию в освоении как профессии, так и иностранного языка, но и в неформальной коммуникации будущего специалиста с широким кругозором и базой знаний.

Список источников

1. Кузнецова Е. А. Создание «искусственной языковой среды» в рамках профессионально ориентированного обучения иностранному языку // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Вып. 78. С. 170–173.
2. Миронова И. Н. Основные принципы и причины внедрения предметно-языкового интегрированного обучения // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2020. № 4. С. 19–27. doi: 10.17805/trudy.2020.4.3
3. Иовлева В. И. Модульно-компетентностная технология обучения иностранному языку в техническом вузе // Вопросы методики преподавания в вузе. 2016. № 5 (19-1). С. 96–105.
4. Танцура Т. А. Профессионально ориентированное иноязычное обучение: проблемы и пути решения // Казанский педагогический журнал, 2021. № 2. С. 128–133. doi: 10e.51379/KPJ.2021.146.3.017
5. Дрейфельд О. В. Интерактивный медицинский календарь как жанр интернет-коммуникации: русский язык как иностранный // Виртуальная коммуникация. 2023. № 1. С. 32–36. doi:10.21603/2782-4799-2023-2-1-32-36
6. Кожевникова Е. В., Демина О. В. Иностранный опыт создания языковой среды как средство улучшения языковых навыков студентов (вторая половина XX века) // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 3 (39). doi: 10.18454/RULB.2023.39.21

7. Skiada M. The implementation of authentic language input in second language (L2) teaching: Pedagogical arguments // *Training, Language and Culture*. 2021. Vol. 5, № 1. P. 86–96.
8. Бурина Е. В. Концепция искусственной языковой среды обучения второму иностранному языку (на примере французского языка) // *Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания*. 2015. № 3. С. 59–65.
9. Сотова И. А. Жанрово-ориентированный подход, жанровая грамотность и жанровая компетентность как категории лингводидактики // *Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания*. 2015. № 4. С. 427–446.
10. Поздеева Е. В., Стринюк С. А. Создание англоязычной среды при обучении английскому языку: проблемы и пути их решения. URL: <https://publications.hse.ru/chapters/115234429> (дата обращения: 7.02.2024).
11. Богачёва А. В. Методы создания искусственной языковой среды на занятиях РКИ // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2021. Т. 10, № 2 (35). С. 34–37. doi: 10.26140/bgj3-2021-1002-0006.
12. Друцко Н. А. К вопросу формирования языковой среды в условиях нелингвистического вуза // *Евразийский гуманитарный журнал*. 2021. № 4. С. 96–105.
13. Сысоев П. В., Евстигнеев М. Н. Использование новых учебных интернет-технологий в обучении иностранному языку (на материале культуроведения США) // *Вестник Тамбовского университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2008. № 2 (58). С. 363–371.
14. Кесарев Е. Медицинский календарь. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NvcAyCNruhs> (дата обращения: 7.02.2024).
15. Чернышов С. Русский календарь со Станиславом Чернышовым. URL: https://youtu.be/2ve5xSYPo_Q (дата обращения: 7.02.2024).
16. Интерактивный календарь «Путешествие в Россию». URL: <https://sites.google.com/mpgu.edu/calendar/главная-страница?authuser=0> (дата обращения: 7.02.2023).
17. Плотнокова О. В. Русский календарь. 2022. URL: <https://t.me/rkitoday> (дата обращения: 7.02.2024).
18. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // *Жанры речи*. Саратов, 1997.
19. Рязова О. Ю., Булах Е. Потенциал виртуальных экскурсий в обучении студентов на занятиях по РКИ // *Педагогика искусства*. 2021. № 3. С. 79–88. doi: 10.34897/IACS.2021/64.35.010
20. Новогодний календарь. 2023. URL: <https://www.culture.ru/s/advent-calendar/> (дата обращения: 7.02.2024).

References

1. Kuznetsova E. A. Sozdaniye “iskusstvennoy yazykovoy sredy” v ramkakh professional’no oriyentirovannogo obucheniya inostrannomu yazyku [Forming “artificial environment” in the frame of professionally-oriented teaching foreign languages]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Vestnik Amur state University. Series: Humanitarian Sciences*, 2017, no. 78, pp. 170–173 (in Russian).
2. Mironova I. N. Osnovnye printsipy i prichiny vnedreniya predmetno-yazykovogo integrirovannogo obucheniya [Basic principles and reasons for the content and language integrated learning implementation]. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta – Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*, 2020, vol. 4, pp. 19–27 (in Russian). doi: 10.17805/trudy.2020.4.3
3. Iovleva V. I. Modul’no-kompetentnostnaya tekhnologiya obucheniya inostrannomu yazyku v tekhnicheskome vuze [Module competence technology of learning a foreign language at technical university]. *Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze – Teaching Methodology in Higher Education*, 2016, no. 5 (19-1), pp. 96–105 (in Russian).
4. Tantsura T. Professional’no oriyentirovannoye inoyazychnoye obucheniye: problemy i puti resheniya [Professionally-oriented foreign language training: problems and solutions]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal – Kazan Pedagogical Journal*, 2021, no. 2, pp. 128–133. doi: 10.51379/KPJ.2021.146.3.017 (in Russian).
5. Dreyfeld O. V. Interaktivnyy meditsinskiy kalendar’ kak zhanr internet-kommunikatsii: russkiy yazyk kak inostrannyi [Interactive Medical Calendar as a Genre of Internet Communication: Russian as a Foreign Language]. *Virtual’naya kommunikatsiya – Virtual Communication and Social Networks*, 2023, no. 1, pp. 32–36. doi: 10.21603/2782-4799-2023-2-1-32-36 (in Russian).
6. Kozhevnikova Y. V., Demina O. V. Inostrannyi opyt sozdaniya yazykovoy sredy kak sredstvo uluchsheniya yazykovykh navykov studentov (vtoraya polovina XX veka) [Foreign experience of creating artificial language environment in the classroom as a way to improve students language skills (the late XX century)]. *Russian Linguistic Bulletin*, 2023, no. 3 (39). doi: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.39.21>

7. Skiada M. The implementation of authentic language input in second language (L2) teaching: Pedagogical arguments. *Training, Language and Culture*, 2021, vol. 5 (1), pp. 86–96.
8. Burina E. V. Kontseptsiya iskusstvennoy yazykovoy sredy obucheniya vtoromu inostrannomu yazyku (na primere frantsuzskogo yazyka) [Concept of imitation language environment in second language teaching (based on the French language)]. *Vestnik RUDN. Seriya: Russkiy i inostranny yazyki i metodika ikh prepodavaniya – RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 2015, no. 3, pp. 59–65 (in Russian).
9. Sotova I. A. Zhanrovo-orientirovanny podkhod, zhanrovaya gramotnost' i zhanrovaya kompetentnost' kak kategorii lingvistiki [Genre-oriented approach, genre awareness and genre competence as categories of linguistic didactics]. *Vestnik RUDN. Seriya: Russkiy i inostranny yazyki i metodika ikh prepodavaniya – RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 2015, vol. 4, pp. 427–446. doi: 10.22363/2313-2264-2017-15-4-427-446 (in Russian).
10. Pozdeeva E. V., Strinuk S. A. Sozdaniye angloyazychnoy sredy pri obuchenii angliyskomu yazyku: problema i puty ikh resheniya. [Creating an English-speaking environment in teaching English: problems and ways to solution] (in Russian). URL: <https://publications.hse.ru/chapters/115234429> (accessed 7 February).
11. Bogacheva A. V. Metody sozdaniya iskusstvennoy yazykovoy sredy na zanatiyah RKI [Methods for creating artificial language environment in the classes of Russian as a foreign language]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal – Baltic Humanitarian Journal*, 2021, vol. 10 (2), pp. 34–37. doi: 10.26140/bg23-2021-1002-0006 (in Russian).
12. Drutsko N. A. K voprosu formirovaniya yazykovoy sredy v usloviyakh neyazykovogo vuza [To the question of formation of language environment at the non-linguistic University]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal – Eurasian Humanitarian Journal*, 2021, vol. 4, pp. 96–105 (in Russian).
13. Sysoyev P. V., Ievstigneyev M. N. Ispolzovaniye novykh uchebnykh internet-tekhnologiy v obuchenii inostrannomu yazyku (na materiale kulturovedeniya SSHA) [Using of new learning internet-technologies in foreign language studying (on the basis of cultural studies in USA)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki – Vestnik of Tambov University. Series 2: Humanitarian sciences*, 2008, no. 2(58), pp. 363–371 (in Russian).
14. Kesarev E. *Meditsinskiy kalendar'* [Medical Calendar] (in Russian). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NvcAyCNruhs> (accessed 7 February 2024).
15. Chernyshov S. *Russkiy kalendar' so Stanislavom Chernyshovym* [Russian Calendar with Stanislav Chernyshov]. https://youtu.be/2ve5xSYPo_Q (in Russian).
16. *Interaktivnyy kalendar' "Puteshestviye v Rossiyu"* [Interactive Calendar "Adventure to Russia"] (in Russian). URL: <https://sites.google.com/mpgu.edu/calendar/главная-страница?authuser=0> (accessed 7 February 2023).
17. Plotnikova O. V. *Russkiy kalendar' 2022* [Russian calendar 2022] (in Russian). URL: <https://t.me/rkitoday>
18. Shmel'ova T. V. Model' rechevogo zhanra [The Speech Genre Model]. In: *Zhanry rechi* [Genres of Speech]. Saratov, 1997 (in Russian).
19. Ryazova O., Bulakh E. Potentsial virtual'nykh ekskursiy v obuchenii studentov na zanyatiyakh po RKI [Potential of virtual excursions in teaching in students in the classroom on RFL]. *Pedagogika iskusstva*, 2021, no. 3, pp. 79–88 (in Russian). doi: 10.34897/IACS.2021/64.35.010
20. *Novogodniy kalendar' 2023* [New Year Calendar 2023] (in Russian). URL: <https://www.culture.ru/s/advent-calendar/>

Информация об авторе

Дрейфельд О. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Кемеровский государственный медицинский университет (ул. Ворошилова, 22а, Кемерово, Россия, 650003).
E-mail: filoxenia@mail.ru

Information about the author

Dreyfeld O. V., Candidate of Philological Sciences, Associated Professor, Kemerovo State Medical University (ul. Voroshilova, 22a, Kemerovo, Russian Federation, 650003).
E-mail: filoxenia@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.02.2024; принята к публикации 01.10.2024

The article was submitted 13.02.2024; accepted for publication 01.10.2024

Подготовка ментальных действий иностранных аспирантов в курсе языка специальности

Ольга Константиновна Грекова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, olggre@list.ru

Аннотация

Иностранные аспиранты, поступив на филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, начинают совершенствоваться не только в общелитературном русском языке, но и в языке специальности «Филология. Лингвистика. Литературоведение». Поскольку у большинства из них имеется значительный опыт владения общелитературным языком, то на первый план в последние годы стало выходить обучение профессионально ориентированное. Оно включает не только актуализацию или расширение предметного знания, но и подготовку конкретных ментальных действий аспиранта как исследователя, необходимых для конкретной научной деятельности. В курсе языка специальности задействована новая классификация простого предложения, отсутствовавшая до сих пор в учебниках и учебных пособиях по русскому языку как иностранному (РКИ). Она опирается на тип суждения, т. е. имеет логическую основу. Таким образом выявляется семь смыслов, релевантных для научного стиля речи и выражаемых только средствами простого предложения. При этом каждый из смыслов связан с определенным этапом исследования. Рассматриваются такие компоненты исследовательской деятельности, как: утверждение существования объекта в некоторой области; номинация объекта; выявление его признаков и вычленение дифференциального признака; квалификация объекта; определение его внутренней структуры; классификация найденных объектов; выстраивание на том или ином основании иерархии найденных объектов. Анализируются языковые средства (как лексические, так и синтаксические), необходимые при их описании. В результате исследования выявлено 10 основных ментальных действий, необходимых иностранному аспиранту в ходе работы над диссертацией, и предложена типология конкретных учебных заданий для выработки умения их совершать. Также представлен список логико-семантических критериев, релевантных для выбора глагола – предиката структур простого предложения. Теоретическая значимость исследования заключается во введении в научный обиход новой классификации русского простого предложения и установлении ее корреляции с ментальными действиями ученого. Поэтому адресатом является широкий круг исследователей русского языка. Практическая значимость состоит в возможности использовать ее материалы в практическом курсе РКИ в аспекте языка специальности не только для филологического кластера.

Ключевые слова: *тип суждения, исследовательская деятельность иностранного аспиранта, ментальные действия*

Для цитирования: Грекова О. К. Подготовка ментальных действий иностранных аспирантов в курсе языка специальности // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 6 (236). С. 103–110. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-104-111>

Foreign postgraduates' mental actions' training in Russian for special purposes course

Olga K. Grekova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, olggre@list.ru

Abstract

Foreign postgraduates, having entered the Lomonosov MSU philological faculty, encounter not only the General Literary Russian but also Russian for Special Purposes “Philology. Linguistics. Literature Studies”. As far as most of them have had vast experience in using the General Literary Russian, Russian for Special Purposes has been put into the limelight. And this course includes not only broadening the Subject Knowledge but also training the concrete mental actions, necessary for the postgraduates being the researchers. Above mentioned Special Course involves new Simple Sentence classification, lacking so far in Russian for Foreigners (RFF) textbooks and manuals. This classification, based on the statement type, has thus got the logical foundation. This way 7 senses relevant for the scientific speech style and being expressed exclusively via Simple Sentence Structures, have been revealed. And each of them corresponds to the concrete scientific work stage. The article deals with such elements of the scientific research as: a) confirmation of the object existence insome sphere; b) object nomination; c) revealing the object features and defining the differential feature; d) object qualification; e) object internal structure defining; f) classification of the objects, being found; g) constructing the objects' hierarchy. Language means (lexical and Syntax), necessary for their

description, are being analyzed. Investigation results. 10 main mental actions, necessary for the foreign postgraduate during his working out the thesis are brought to light, and the training tasks' typology for accomplishing these actions is attached to them. The list of logical-semantic criteria actual for choosing the Simple Sentence Verbal Predicate is also presented. Theoretical Significance. New classification of the Russian Simple Sentence on the logical base is presented and its correlation with the Mental Actions is stated. That's why this article addressee is wide: different types of Russian Language investigators. Practical Significance. Article gives the opportunity for using its materials in the practical RFF Course for Special Purposes not only for the Philological Cluster.

Keywords: *Statement type, foreign postgraduate's investigation activity, Mental Actions*

For citation: Grekova O. K. Podgotovka mental'nykh deystviy inostrannykh aspirantov v kurse yazyka spetsial'nosti [Foreign postgraduates' mental actions' training in russian for special purposes course]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 6 (236), pp. 104–111 (In Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-104-111>

Введение

В наши дни разработка программ различных курсов иностранного языка для специальных целей стала одним из приоритетных направлений работы преподавателей и исследователей языков в разных странах. Задачи профессионально ориентированного обучения РКИ, актуализации предметной компетенции в обучении русскому языку как средству профессионального общения, формирования профессионально ориентированной коммуникативной компетенции неоднократно рассматривались Л. П. Клобуковой [1], Л. А. Нестерской [2], Е. Ю. Николенко [3], О. Б. Ермаковой [4], Л. Н. Нореико [5], Н. Д. Майоровым [6], Т. М. Балыхиной [7], С. А. Юрмановой [8], О. К. Грековой [9, 10] и другими. Важность этого аспекта обучения как основы формирования профессиональной языковой личности в целом подчеркивалась не раз, например в [2].

Материал и методы

Материалом работы является комплекс смыслов, актуальных для описания сферы исследования и соотносимых с типами суждения.

Методом работы служит когнитивно-деятельностный анализ процедуры исследования объекта иностранными аспирантами.

Цель состоит в разработке способов подготовки иностранных аспирантов к ментальным действиям профессиональной сферы.

Результаты исследования

I. Логическая основа классификации простого предложения

В «Книге о грамматике» [11] и учебном пособии для иностранных магистрантов «Синтаксис современного русского языка. Комментарий и упражнения» [12] представлены следующие смысловые отношения, выражаемые средствами как простого, так и сложного предложения: определительные, изъяснительные, временные, причинные и следственные, условные, целевые, уступительные, сопоставительные, отношения

дополнения, соединительные, разделительные, градационные, пояснительные.

В большинстве учебных пособий РКИ разных университетов РФ представлены трансформации простого полипропозитивного предложения в сложное (и наоборот), как например:

– обозначение условия: *При наличии предлога глагол «принадлежать» выражает идею классификации – Если глагол «принадлежать» употреблен с предлогом, то он выражает идею классификации;*

– обозначение уступки: *Несмотря на короткую жизнь, Лермонтов внес большой вклад в историю русской поэзии – Несмотря на то, что жизнь Лермонтова была коротка, он внес большой вклад в историю русской поэзии.*

При этом анализ текстовых функций грамматических категорий проводится так, как описано И. М. Кобозевой [13].

Однако преподавателями кафедры РКИ филологического факультета МГУ было замечено, что данная классификация покрывает не все смысловые зоны сферы языка специальности филологов. Так возникла идея взять за основу классификации критерий, заимствованный из области логики тип суждения – так или иначе отраженный в трудах российских ученых А. А. Потебни, Ф. И. Буслаева, А. А. Шахматова, В. В. Виноградова и др.

На основе выделенных Н. Д. Арутюновой в [14, 15] четырех видов простых суждений были разработаны логико-семантические корреляции суждений:

- 1) экзистенциальные – обозначение наличия предмета/явления/процесса в некоторой области;
- 2) номинации – обозначение номинации;
- 3) атрибутивные – обозначение отличительного признака предмета и его квалификации;
- 4) релятивные – обозначение паритивности и иерархии.

Полученные таким образом семь смысловых полей были представлены в [16]. Более детальное описание хода рассуждения было представлено в [17].

II. Операциональная деятельность исследователя

Выделенные Н. Д. Арутюновой логические отношения и типы суждений в совокупности отображают этапы деятельности исследователя, какой бы областью знаний он ни занимался. Взаимодействие смыслов представляет собой сложную картину и зависит от условий их реализации [18]. Эту универсальную последовательность можно проследить от момента возникновения идеи через рассуждение, понимание, предвидение, анализ к открытию и формулировке найденного.

Операциональная деятельность исследователя была структурирована следующим образом: 1) поиск и открытие нового объекта, утверждение его существования (значение наличия объекта в некоторой области); 2) приписывание новому объекту имени (значение номинации); 3) поиск дифференциального признака нового объекта (значение отличительного признака объекта); 4) квалификация нового объекта в целом, вписывание его в ряд более или менее подобных (значение квалификации); 5) определение состава, внутренней структуры нового объекта (значение партитивности); 6) классификация найденных объектов (значение классификации); 7) выстраивание иерархии найденных объектов на том или ином основании (значение иерархии) [17].

III. Подготовка ментальных действий иностранных аспирантов

Поступающие в МГУ им. М. В. Ломоносова иностранные аспиранты чаще приезжают в РФ, обладая основательной речевой компетенцией общелитературного языка, но в ряде стран (например, КНР, Республика Корея, Италия, Турция) в университетских программах обучения РКИ отсутствует такой аспект, как язык специальности. Поэтому предъявленные выше смысловые поля им предстоит осваивать, и расширение когнитивной базы связано с выработкой привычки к определенным ментальным действиям.

Ниже представлен анализ ресурсов учебного пособия «Коммуникативный синтаксис» [16], а именно вводимых понятий, видов ментальных действий и типологии заданий.

Глава 1. Отношения номинации

Понятие *термин* обычно знакомо иностранным аспирантам, однако нередко понимается ими чрезмерно широко. Поэтому уточняются границы понятия и вводятся две интенции говорящего – определение термина и введение термина и, соответственно, два вектора рассуждения. В ходе учебных занятий также эксплицируется правило порядка слов в предложениях этого типа и алгоритм построения определения термина.

на. Предупреждаются возможные ошибки построения.

1.1. Определение термина

Задание: Найдите термин в следующих предложениях...

Задание: К данным предложениям задайте вопрос «*Что такое...?*»

1.2. Введение термина

Задание: Найдите термин в следующих предложениях...

Задание: К данным предложениям задайте вопрос: «*Как называется ...?*»

Примечание 1. Экспликация правил порядка слов при этих двух установках:

- при определении термин открывает предложение;
- при введении термина он занимает конечную позицию.

Примечание 2. Дается инструкция по построению определения термина. В определении термина через широкое и узкое понятия (род и вид) сначала указывается широкое понятие (род), к которому относится предмет, а затем – признаки, отличающие предмет от других предметов этого рода. Например: определяя понятие *филология*, мы сначала вводим широкое понятие (род), к которому оно принадлежит – «наука», а затем называем его отличие от других наук – «изучающая язык, литературу, историю культуры», т. е. сужаем намеченные границы.

При формулировке определения необходимо придерживаться следующих правил:

- определение должно быть соразмерным (ни чрезмерно широким, ни чрезмерно узким);
- оно не должно образовывать круга;
- оно не должно быть отрицательным (*чем Р не является).

Спорные вопросы функционирования филологических терминов (в том числе является ли термин словом) обсуждаются также на материале учебного пособия О. К. Грековой, Е. А. Кузьминовой [19], где, в частности, представлена проблематика, предложенная В. В. Белым [20].

Глава 2. Обозначение наличия предмета или явления, процесса в некоторой области

2.1. В ходе учебных занятий практикуется поиск обозначения предмета и области его существования.

Задание: Найдите обозначение предмета и области его существования (*В изучении синтаксиса простого предложения до сих пор есть/имеются/существуют лакуны*).

2.2. В учебном курсе проводится различение областей существования предмета: а) область существования – реальный мир, и эта область часто не называется, определяется по умолча-

нию; б) область существования – конкретная область; в) объект находится в чем-либо распоряжении.

Задание: Прочитайте предложения и определите, в каких случаях можно употребить глагол *существовать*, а в каких – нельзя:

1. В системе китайского языка есть 4 тона (+).
2. У большинства этих слов есть латинский корень (–).
3. В слове *шесть* есть мягкий знак (–).
4. В главном здании МГУ есть культурный центр (–).

2.3. Различение типов предмета/объекта

В ходе занятий вводится понятие *предмет* в широком смысле, а также проводится детализация понятия. Предметом может быть:

- а) процесс, явление;
- б) объект, обнаруженный в результате наблюдений над некоторой областью.

Задание: Прочитайте предложения, выделите конструкции, используемые для выражения наличия явлений и процессов в некоторой области, а также объектов, обнаруженных в результате наблюдения:

1. В речи молодежи наблюдается быстрое обновление лексического состава (П).
2. На конце русского слова имеет место ослабление артикуляции согласных (Я).
3. Фонема [ж] встречается в немногих словах (О).

Глава 3. Обозначение отличительного признака предмета

В ходе учебных занятий аспиранты учатся находить признаки предмета области «Филология» и выделять отличительный признак. То есть проводится сопоставление понятий *признак предмета* и *отличительный признак*. Следующим шагом является выработка умения различать типы отличительных признаков предмета.

3.1. Типологизация отличительных признаков, различение признаков:

- а) внутреннее качество и свойство;
- б) наличие явления или процесса;
- в) действие или изменение состояния.

Задание: Прочитайте текст и укажите, в каких предложениях предмет характеризуется по внутренним качествам и свойствам, а в каких – по наличию какого-либо явления или процесса.

Задание: Прочитайте текст, найдите название предмета и его отличительный признак. Скажите, в каких предложениях отличительным признаком предмета является: 1) его внутреннее качество, свойство; 2) наличие явления; 3) действие или изменение состояния.

Примечание. Правила трансформации. Если признаком предмета является некое действие или

изменение состояния, то при трансформации глагол заменяется существительным, а наречие – прилагательным.

*Набор этих «модных слов» постоянно **изменяется** – Набору этих «модных слов» свойственно постоянное **изменение**.*

*Подобная лексика теперь **широко** употребляется в языке художественной литературы для стилизации – Подобной лексике сейчас свойственно **широкое** употребление в языке художественной литературы для стилизации.*

Глава 4. Обозначение квалификации

4.1. Квалификация через более широкое понятие

Примечание. Вводятся понятия *узкое* и *широкое*: «в узком смысле» – это значит «фокусируясь на каком-то конкретном аспекте или значении», а «в широком смысле» – это значит «распространяясь на все значения и характеристики».

Задание: Найдите узкое понятие и широкое:

1. Основой анализа является тип обозначения количественности.
2. По мнению фонетистов, интонация ИК-2а представляет собой эмоциональный вариант интонации ИК-2.

4.2. Квалификация через функцию

Задание: Назовите квалифицируемый предмет и его функцию.

1. Дискурсивное слово **в принципе** служит средством обобщения.
2. Словесное ударение служит для образования слов и форм слов.

4.3. Квалификация субъективная и объективная

Субъективная квалификация передается конструкцией что¹, считается чем⁵ (В некоторых синтаксических теориях словосочетание *считается* основной синтаксической единицей). Объективная квалификация, близкая к терминологической, передается конструкциями (далее индексом обозначена форма падежа) *что⁴ определяют как что⁴, что¹ определяется как что¹, что⁴ рассматривают как что⁴, что¹ рассматривается как что¹* (Слово определяют/рассматривают как основную синтаксическую единицу. Слово рассматривается/определяется как основная синтаксическая единица).

Глава 5. Обозначение партитивности

В рамках темы представлены два противоположных вектора рассуждения.

5.1. Предмет и его составляющие:

- а) предмет может быть охарактеризован через точный и полный перечень всех частей, входящих в состав целого, используются конструкции *что¹ состоит из чего², что¹ складывается из чего², что¹ охватывает что⁴* (Каждая морфема

состоит из фонем. Значения многих слов складываются из большого числа семантических признаков. В этом языке система гласных охватывает шесть звуков);

б) охарактеризовать предмет по неполному перечню частей можно с помощью конструкции *что¹ включает (в свой состав) что⁴* (*Сборник включает интересные иллюстрации. Но не *Сборник состоит из интересных иллюстраций*);

в) если целое не является четкой структурой (**Понятие системности охватывает звуковую, смысловую стороны языка, морфемы и слова, сочетания слов и предложения**) или в состав целого включаются дополнительные элементы (**Понятие фонетического дублета охватывает также и устаревшие формы: шкаф – шкан**), используется конструкция *что¹ охватывает что⁴*;

г) если целое не является стабильным и часть его может быть удалена, то используется конструкция *что¹ включает в себя что⁴* (*Фразеологизм может включать или не включать глагол. Но не *... может состоять из глагола*);

д) если целое или часть характеризуется точными цифрами, используется конструкция *что¹ насчитывает сколько чего²* (*Последний выпуск сборника насчитывает более трехсот страниц*).

5.2. Составляющие и предмет

При полном перечислении составляющих целого употребляются синонимичные конструкции *что¹ составляет что⁴, что¹ образует что⁴, что¹ входит в состав чего²* (*Существительные гора, холм, пригорок и под. составляют/образуют одну лексико-семантическую группу. Существительные гора, холм, пригорок и под. входят в состав одной лексико-семантической группы*).

При неполном перечне составляющих употребляют только конструкцию *что¹ входит во что⁴/ в состав чего²* (*Глагол сообщать входит в группу глаголов передачи информации*).

Глава 6. Обозначение классификации

Учащимся предъявляется модель процедуры классификации

Классифицируемое множество	Основание классификации (классификационный признак)	Название действия	Классы, выделенные в результате классификации
----------------------------	---	-------------------	---

Задание: Прочитайте предложения, подчеркните классификационный признак одной чертой, а классифицируемое множество двумя чертами.

Задание: Познакомьтесь с таблицей и скажите, при каких названиях действия нельзя указать

классы, выделенные в результате классификации (ответ: классифицировать, группировать).

Примечание 1. Выбор названия действия связан с количеством выделенных классов:

Глагол *выделять* допускает существование и обсуждение одного класса или нескольких классов (*Он первым выделил так называемую категорию состояния. В этой ветви индоевропейских языков выделяют три языковые группы*), а глаголы *различать, разграничивать* связаны с наличием нескольких классов (*Различают качественные и качественно-количественные аспектуальные значения*).

Примечание 2. Выбор глагола для введения основания классификации зависит от количества классификационных признаков.

Для обозначения классификации без указания на выделенные классы, построенной на основе одного классификационного признака, используются глаголы-предикаты *основываться, базироваться* (*Классификация словарей основывается/базируется на принципе подачи словарной информации*).

Для обозначения классификации без указания на выделенные классы, построенной на основе нескольких признаков, чаще употребляется глагол-предикат *опираться* (*Классификация глаголов передачи информации опирается на признаки канала передачи информации и сферы употребления*).

Глава 7. Обозначение иерархии

Вводятся понятия *иерархия, ступень, степень, уровень*.

Задание: Прочитайте текст и составьте схему иерархических отношений в языке.

Заключение

Обращение к логике, то есть к законам мышления, правилам рассуждения, неизбежно при обучении языку иностранных аспирантов. Это такая категория учащихся, которые должны по окончании обучения стать не только равноправными участниками профессиональной коммуникации на иностранном языке, но и мыслителями-исследователями.

Использование классификации простых предложений русского языка на логической основе, не принятой доныне в сфере РКИ, погружение в новые смысловые зоны профессиональной деятельности диктуют необходимость новых для инофонов умений распознавания непривычных для них объектов и их свойств, членения предмета исследования, пользования новыми логическими инструментами анализа. Иностранные аспиранты в ходе работы с проанализированным выше учебным материалом осваивают новые ос-

нования выбора глаголов-предикатов, названий действий и состояний в рамках темы.

В ходе учебных занятий по пособиям, изданным в МГУ им. М. В. Ломоносова, практикуются следующие ментальные действия:

- 1) операции с терминами;
- 2) определение и введение термина;
- 3) представление области существования предмета (реальный мир, конкретная область, объект в чем-либо распоряжении);
- 4) типологизация описываемых предметов;
- 5) дифференциация общих признаков предмета и его отличительного признака;
- 6) типологизация отличительных признаков предмета (внутреннее качество, свойство, явление, процесс, действие, изменение состояния);
- 7) оперирование понятиями *узкое* и *широкое*;
- 8) разносторонняя квалификация предмета (через более широкое понятие, через функцию (субъективная и объективная));
- 9) мена векторов рассуждения (при обозначении номинации и партитивности);
- 10) применение модели процедуры классификации с учетом обязательных и необязательных позиций и лакун.

Отрабатываются также непривычные для иностранных аспирантов основания выбора глагола-предиката научной речи, такие как:

- а) характеристика целого по полному/неполному перечню составляющих;
- б) структурированность/неструктурированность целого;
- в) стабильность/нестабильность состава целого;
- г) характеристика целого точными/неточными цифрами;
- д) количество классификационных признаков (один/много) при выборе названия состояния при обозначении классификации;
- е) качественно различные/однородные единицы при обозначении иерархии.

Формы мышления, привычка рационального рассуждения – весьма тонкие материи. Но перечисленные выше ментальные действия, а также когнитивные, логико-семантические ориентиры курса языка специальности «Филология», введенные в обиход аспирантов-инофонов, являются инструментарием, необходимым для успешной профессиональной коммуникации и деятельности иностранных аспирантов.

Список источников

1. Клобукова Л. П., Нестерская Л. А., Норейко Л. Н. Концепция формирования профессиональной языковой личности и ее реализация в практике преподавания русского языка иностранным учащимся экономического профиля обучения // Болгарская русистика. 2017. № 1. С. 73–86.
2. Нестерская Л. А., Николенко Е. Ю. Основы научной коммуникации как аспект обучения профессиональной научной речи иностранных магистрантов-филологов // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2020. № 2. С. 20–24.
3. Николенко Е. Ю., Нестерская Л. А. Научный дискурс как основа формирования профессиональной языковой личности магистранта-филолога // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2017. № 22-3. С. 191–200.
4. Клобукова Л. П., Ермакова О. Б., Чернышенко Е. А. Профессионально ориентированное обучение РКИ в свете актуальных тенденций в современном языковом образовании // Журнал педагогических исследований. 2023. Т. 8, № 4. С. 45–55.
5. Клобукова Л. П., Нестерская Л. А., Норейко Л. Н. Проблема актуализации предметной компетенции иностранных учащихся-экономистов в процессе их обучения русскому языку как средству профессионального общения // Русский язык за рубежом. 2023. № 3. С. 99–107.
6. Клобукова Л. П., Майоров Н. Д. Актуальные проблемы формирования профессионально ориентированной коммуникативной компетенции иностранных студентов-социологов вузов РФ // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 2 (99), С. 123–125.
7. Балыхина Т. М. Обучение в аспирантуре как ступень непрерывного формирования профессиональной компетенции филолога // Вестник РУДН. 2012. № 1. С. 5–10.
8. Юрманова С. А., Балыхина Т. М. Учебно-исследовательская деятельность: предпосылки появления метода // Russian Linguistic Bulletin. 2015. № 4. С. 40–41.
9. Грекова О. К. Формирование профессиональной языковой личности иностранного филолога-русиста: говорящего, пишущего, читающего, слушающего // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2017. Т. 22, № 1. С. 65–69.
10. Грекова О. К. Смыслы и отношения, выражаемые структурой только простого предложения // Русский синтаксис: от конструкций к функционированию: сб. материалов междунар. конф. 11–13 октября 2021, Дальневосточный федеральный университет. Владивосток: Изд-во Дальневост. фед. ун-та, 2021. С. 45–47.

11. Книга о грамматике. Материалы к курсу «Русский язык как иностранный» / О. А. Артёмова, А. В. Величко, О. К. Грекова и др.; под ред. А. В. Величко: в 2 т. М.: Изд-во Мос. ун-та, 2004. Т. II. 688 с.
12. Синтаксис современного русского языка: практическое пособие для иностранных учащихся филологических факультетов. Комментарии и упражнения / Л. Л. Бабалова, Л. Н. Булгакова, А. В. Величко, О. К. Грекова и др.; под ред. А. В. Величко. СПб.: Златоуст, 2015. 248 с.
13. Кобозева И. М. Сопоставительная лингвистика текста // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2022. № 6. С. 9–18.
14. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 281 с.
15. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. М.: Наука, 1988. 339 с.
16. Коммуникативный синтаксис русского языка: учебное пособие для иностранных магистрантов-лингвистов / Н. В. Баландина, О. К. Грекова, С. В. Киржанова, Л. В. Красильникова, Е. А. Кузьмина и др.; под ред. О. К. Грековой, Л. В. Красильниковой, И. В. Одинцовой. М.: МАКС Пресс, 2017. 334 с.
17. Грекова О. К. Логический ракурс синтаксиса РКИ // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 5. С. 123–131.
18. Чернейко Л. О. Асимметричный языковой знак в речи: к вопросу о взаимодействии смыслов в разных условиях их реализации // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2012. № 2. С. 7–41.
19. Грекова О. К., Кузьмина Е. А. Обсуждаем, пишем диссертацию и автореферат. М.: Флинта – Наука, 2020. 293 с.
20. Белый В. В. Структурная и семантическая характеристика терминов в современном русском языке (на материале лингвистической терминологии): дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. С. 1–15.

References

1. Klobukova L. P., Nesterskaya L. A., Noreyko L. N. Kontseptsiya formirovaniya professional'noy yazykovoy lichnosti i ee realizatsiya v praktike prepodavaniya russkogo yazyka inostrannym uchashchimsya ekonomicheskogo profilya obucheniya [The conception of forming the professional Language Personality and its realization in teaching the foreign students of the economic specialization]. *Bolgarskaya rusistika*, 2017, no. 1, pp. 73–86 (in Russian).
2. Nesterskaya L. A., Nikolenko E. Yu. Osnovy nauchnoy kommunikatsii kak aspekt obucheniya professional'noy nauchnoy rechi inostrannykh magistrantov-filologov [The basics of scientific communication as an aspect of teaching foreign MA students-philologists the professional scientific speech]. *Professorskiy zhurnal. Seriya: Russkiy yazyk i literatura*, 2020, no. 2, pp. 20–24 (in Russian).
3. Nikolenko E. Yu., Nesterskaya L. A. Nauchnyy diskurs kak osnova formirovaniya professional'noy yazykovoy lichnosti magistranta-filologa [Scientific discourse as the base for forming the professional MA student-philologist's Language Personality]. *Lingvotricheskaya paradigma: teoreticheskiye i prikladnye aspekty*, 2017, no. 22-3, pp. 191–200 (in Russian).
4. Klobukova L. P., Ermakova O. B., Chernyshenko E. A. Professional'no orientirovannoye obucheniye RKI v svete aktual'nykh tendentsiy v sovremennoy yazykovom obrazovanii [Professionally aimed RFF teaching in the limelight of actual tendencies in modern education]. *Zhurnal pedagogicheskikh issledovaniy*, 2023, vol. 8, no. 4, pp. 45–55 (in Russian).
5. Klobukova L. P., Nesterskaya L. A., Noreyko L. N. Problema aktualizatsii predmetnoy kompetentsii inostrannykh uchashchikhsya-ekonomistov v protsesse ikh obucheniya russkomu yazyku kak sredstvu professional'nogo obshcheniya [The problem of actualization the foreign students-economists' Subject Competence in teaching Russian as the means of Professional Communication]. *Russkiy yazyk za rubezhom*, 2023, no. 3, pp. 9–107 (in Russian).
6. Klobukova L. P., Majorov N. D. Aktual'nye problemy formirovaniya professional'no orientirovannoy kommunikativnoy kompetentsii inostrannykh studentov-sociologov vuzov RF [Actual problems of forming the RF foreign students-sociologists' professional Communication Competence]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – World of science, culture, education*, 2023, no. 2, pp. 123–125 (in Russian).
7. Balykhina T. M. Obucheniye v aspiranture kak stupen' nepreryvnogo formirovaniya professional'noy kompetentsii filologa [Postgraduate education as a stage of continuous formation of the philologist's professional Competence]. *Vestnik RUDN – RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 2012, no. 1, pp. 5–10 (in Russian).
8. Yurmanova S. A., Balykhina T. M. Uchebno-issledovatel'skaya deyatel'nost': predposylki poyavleniya metoda [Studying-investigation Activity: prerequisite for method]. *Russian Linguistic Bulletin*, 2015, no. 4, pp. 40–41.
9. Grekova O. K. Formirovaniye professional'noy yazykovoy lichnosti inostrannogo filologa-rusista: govoryashchego, pishushchego, chitayushchego, slushayushchego [Forming the philologist-rusist's professional Language Personality: speaking, writing, reading, listening].

- writing, reading, listening]. *Lingvistorichesкая paradigma: teoreticheskiye i prikladnye aspekty* [Linguarhetic Paradigm: theoretical and applied aspects]. 2017. Vol. 22, no. 1, pp. 65–69 (in Russian).
10. Grekova O. K. Smysly i otnosheniya, vyrazhaemye strukturoy tol'ko prostogo predlozheniya [Senses and relations expressed exclusively via Simple Sentence Structures]. *Russkiy sintaksis: ot konstruktivnykh k funktsionirovaniyu: sbornik materialov mezhdunarodnoy konferentsii 11–13 oktyabrya 2021, Dal'nevostochnyy federal'nyy universitet, Vladivostok* [Russian syntax: from constructions to functioning: collection of materials of the international conference October 11–13, 2021, Far Eastern Federal University]. Vladivostok, Far Eastern Federal University Publ., 2021. P. 45–47 (in Russian).
 11. Artemova O. A., Velichko A. V., Grekova O. K. et al. *Kniga o grammatike. Materialy k kursu "Russkiy yazyk kak inostrannyy"*. V 2 tomakh. T. II [Book about grammar. Materials for the course "Russian as a foreign language". in 2 volumes. Vol. II]. Ed. A. V. Velichko. Moscow, Moscow university Publ., 2004. 688 p. (in Russian).
 12. Babalova L. L., Bulgakova L. N., Velichko A. V., Grekova O. K. et al. *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka: prakticheskoye posobiye dlya inostrannykh uchashchikhsya filologicheskikh fakul'tetov. Kommentarii i uprazhneniya* [Modern Russian Syntax: practical manual for foreign students of philological faculties. Comments and exercises]. Ed. A. V. Velichko. Saint Petersburg, Zlatoust Publ., 2015. 248 p. (in Russian).
 13. Kobozeva I. M. Sopostavitel'naya lingvistika teksta [The Comparative text Linguistics]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9: Filologiya – Lomonosov Philology Journal*, 2022, no. 6, pp. 9–18 (in Russian).
 14. Arutyunova N. D. *Predlozheniye i ego smysl* [The Sentence and its sense]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 281 p. (in Russian).
 15. Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znacheniy* [The language meanings' types]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 339 p. (in Russian).
 16. Balandina N. V., Grekova O. K., Kirzhanova S. V., Krasil'nikova L. V., Kuz'minova E. A. et al. *Kommunikativnyy sintaksis russkogo yazyka: uchebnoye posobiye dlya inostrannykh magistrantov-lingvistov* [The Communicative Russian Syntax: a textbook for foreign master's students in linguistics]. Eds O. K. Grekova, L. V. Krasil'nikova, I. V. Odintsova. Moscow, MAKSS Press Publ., 2017. 334 p. (in Russian).
 17. Grekova O. K. Logicheskiy rakurs sintaksisa RKI [The logical aspect of RFF Syntax]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9: Filologiya – Lomonosov Philology Journal*, 2017, no. 5, pp. 123–131 (in Russian).
 18. Cherneyko L. O. Asimmetrichnyy yazykovoy znak v rechi: k voprosu o vzaimodeystvii smyslov v raznykh usloviyakh ikh realizatsii [The asymmetric language symbol in Speech: the senses' collaboration under different conditions]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9: Filologiya – Lomonosov Philology Journal*, 2012, no. 2, pp. 7–41 (in Russian).
 19. Grekova O. K., Kuz'minova E. A. *Obsuzhdaem, pishem dissertatsiyu i avtoreferat* [Discussing, writing the thesis and author's abstract]. Moscow, Flinta – Nauka Publ., 2020. 293 p. (in Russian).
 20. Belyy V. V. *Strukturnaya i semanticheskaya kharakteristika terminov v sovremennom russkom yazyke (na materiale lingvisticheskoy terminologii)*. Dis. kand. filol. nauk [Structural and semantic characteristics of terms in the modern Russian language (based on linguistic terminology). Dis. cand. philol. sci.]. Moscow, 1982. P. 1–15 (in Russian).

Информация об авторе

Грекова О. К., кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Ленинские горы, 1, Москва, Россия, 119991).
E-mail:olggre@list.ru

Information about the author

Grekova O. K., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University (Leninskiye Gory, 1, Moscow, Russian Federation, 119991).
E-mail:olggre@list.ru

Статья поступила в редакцию 18.06.2024; принята к публикации 01.10.2024

The article was submitted 18.06.2024; accepted for publication 01.10.2024

УДК 37.016:811.133.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-112-122>

Обучение нормативному французскому произношению как важной составляющей овладения навыками устной речи

Ираида Геннадьевна Иванова¹, Рита Александровна Егошина²

^{1,2} *Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия*

¹ <https://orcid.org/0000-0001-5247-0125>, iraida44@yandex.ru

² <https://orcid.org/0000-0001-7295-8793>, affaires@mail.ru

Аннотация

Исследуется роль произношения в обучении французскому языку. Внимание акцентируется на просодических факторах, играющих важную роль в процессе понимания высказывания. Декодирование вербального общения происходит на интеллектуальном, лингвистическом, эмоциональном и реляционном уровнях. Собеседники воспринимают не только отдельные слова, но и тональность высказывания. Интонационно передаваемая информация позволяет понять глубинный смысл высказывания и его компонентов. Цель исследования предполагает определение места фонетической составляющей в методике преподавания иностранного языка. В работе использованы следующие методы исследования: анализ педагогической, методической, лингвистической литературы и опыта работы российских и зарубежных фонетистов; метод научного описания; синтез и обобщение собственной практики преподавания французского языка в вузе. Многие современные исследователи в области методики преподавания иностранных языков являются сторонниками коммуникативного обучения, ведущего к новому восприятию роли произношения, и осознанию важности интонационных параметров речи. Эффективность обучения французскому языку повышается с использованием специальных упражнений для отработки просодических явлений, при которых фоносемантический подход апеллирует к звуковой материи и способствует формированию иноязычного произносительного навыка. Результатом является разработка упражнений на основе анализа традиционных и современных дидактических принципов. Предлагается отработка произносительных умений и навыков с целью коррекции устной речи по следующим параметрам: интонации и ритму, напряженности артикуляции, фонетическому окружению. Эффективность обучения на сегментном уровне повышается с использованием упражнений, выстраиваемых по принципу «от простого к сложному». Супraseгментный уровень, подразумевающий нормативное ударение, правильную мелодику, ритм, паузы, также играет значительную роль в усвоении артикуляционной базы изучаемого языка. Только комплексное восприятие вышеперечисленных фонетических явлений приводит к усвоению артикуляторной базы иностранного языка. Таким образом, обучающимся необходимо овладеть фонетико-фонологическими навыками, поскольку недостаточная их сформированность будет иметь негативные последствия для всего процесса изучения языка.

Ключевые слова: произношение, сегментный уровень, супraseгментный уровень, произносительные умения и навыки, обучение, дидактические принципы, французский язык

Для цитирования: Иванова И. Г., Егошина Р. А. Обучение нормативному французскому произношению как важной составляющей овладения навыками устной речи // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 6 (236). С. 112–122. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-112-122>

Teaching normative French pronunciation as an important component of mastering oral speech skills

Iraida G. Ivanova¹, Rita A. Egoshina²

^{1,2} *Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation*

¹ <https://orcid.org/0000-0001-5247-0125>, iraida44@yandex.ru

² <https://orcid.org/0000-0001-7295-8793>, affaires@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the role of pronunciation in teaching French. Attention is focused on prosodic factors that play an important role in the process of understanding a statement. Decoding of verbal communication takes place at the intellectual, linguistic, emotional and relational levels. The interlocutors perceive not only individual

words, but also the tone of the utterance. Intonationally transmitted information allows you to understand the deep meaning of the utterance and its components. The purpose of the study is to determine the place of the phonetic component in the methodology of teaching a foreign language. The following research methods are used in the work: analysis of pedagogical, methodological, linguistic literature and the work experience of Russian and foreign phonetists; the method of scientific description; synthesis and generalization of their own practice of teaching French at the university. Many modern researchers in the field of foreign language teaching methods are supporters of communicative learning, leading to a new perception of the role of pronunciation, and awareness of the importance of intonation parameters of speech. The effectiveness of teaching the French language is increased with the use of special exercises for practicing prosodic phenomena, in which the phonosemantic approach appeals to sound matter and contributes to the formation of foreign language pronunciation skills. The result is the development of exercises based on the analysis of traditional and modern didactic principles. It is proposed to practice pronunciation skills in order to correct oral speech according to the following parameters: intonation and rhythm, intensity of articulation, phonetic environment. The effectiveness of training at the segment level increases with the use of exercises based on the principle of "from simple to complex". The suprasegmental level, which implies normative stress, correct melody, rhythm, and pauses, also plays a significant role in mastering the articulation base of the language being studied. Only the complex perception of the above phonetic phenomena leads to the assimilation of the articulatory base of a foreign language. Thus, students need to master phonetic and phonological skills, since their insufficient formation will have negative consequences for the entire language learning process.

Keywords: *pronunciation, segmental level, suprasegmental level, pronunciation skills, teaching, didactic principles, French language*

For citation: Ivanova I. G., Egoshina R. A. Obucheniye normativnomu frantsuzkomu proiznosheniyu kak vazhnoy sostavlyayushchey ovladeniya navykami ustnoy rechi [Teaching normative french pronunciation as an important component of mastering oral speech skills]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 6 (236), pp. 112–122 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-112-122>

Введение

Развитие коммуникативного обучения приводит к осознанию важности роли произношения в общении. Однако существует диссонанс между предложениями методистов и намерениями преподавателей-практиков, с одной стороны, и местом, отводимым обучению произношению в традиционной дидактике, – с другой. Произношение – это инструмент общения, соответственно, хорошее произношение – важный элемент общения и коммуникативных навыков в целом. Овладение внешней (иноязычной) культурой необходимо для проникновения в область иной лингвокультуры. Этот процесс может сопровождаться нарушением языковой, в том числе и звуковой однородности, то есть выходом за рамки языка иноязычной культуры [1]. Благодаря значению высказывания осуществляется переход от субъективного восприятия значения, коннотативной сферы сообщения к денотативному значению неизвестных частей высказывания. Актуальность настоящего исследования определяется следующими факторами: недостаточной изученностью роли сегментных и супrasegmentных средств в формировании корректного произношения и модели культуры устной речи в современном французском языке; недостаточной разработанностью вопросов, связанных с ролью интонации в процессе понимания смысла высказывания и декодирования вербального общения в рамках когнитивного процесса как на

лингвистическом, так и на эмоциональном уровнях. Научная новизна исследования представлена синтезом методики преподавания французского языка, общего языкознания (фонематики и просодики), в частности, использованием фоносемантического подхода в обучении французскому произношению. Теоретическая значимость настоящей работы состоит в том, что выводы, полученные в результате исследования, являются вкладом в развитие перспективных направлений современной лингводидактики. Практическая ценность заключается в возможности применения теоретических положений и выводов в преподавании курсов по практической фонетике, фоностилистике, культуре устной речи французского языка. В процессе исследования использовались: социолого-педагогические методы (анализ программ, учебных пособий, изучение и обобщение преподавательского опыта), метод слуховых наблюдений, акустического анализа, обработки полученных данных с помощью математико-статистического метода.

Материал и методы

Методологической основой работы послужили исследования по методике преподавания иностранных языков, а также обобщение и систематизация опыта обучения французскому произношению студентов-билингвов языковых и неязыковых факультетов. На основе парадигмального анализа педагогической литературы

рассматриваются понятия фонологии, просодики и методики обучения произношению. Использовались такие методы исследования, как анализ педагогической, методической, лингвистической литературы, метод научного описания, изучение методики выработки произносительных навыков обучающихся, осмысление опыта работы российских и зарубежных фонетистов, синтез и обобщение собственной практики преподавания французского языка в вузе.

Результаты исследования

Для подготовки обучающихся к уверенному вступлению в межкультурную коммуникацию необходимо развитие их умений и навыков во всех видах речевой деятельности, в том числе и произносительных. Многие отечественные и зарубежные исследователи в области фонологии и методики преподавания иностранных языков сходятся во мнении о важности произносительного аспекта в процессе обучения. Изучая роль произношения в преподавании французского языка, А. Навафле связывает успеваемость учащихся со степенью овладения ими фонетическими навыками. Акустические и перцептивные данные эксперимента подтверждают гипотезу исследователя [2, с. 93–94]. М. В. Короткая подчеркивает важное значение произношения в процессе реализации грамматических и лексических структур в устной речи, считая орфографию серьезной причиной произносительных ошибок, связывая звуковые и орфографические модели [3]. При этом фонологические навыки улучшают орфографические способности обучающихся. И. Г. Иванова, Р. А. Егошина утверждают в своих работах, что не только информация, но и оттенки эмоций воспринимаются благодаря как лексической составляющей, так и просодическим характеристикам фразы. Восприятие конкретных эмоций находится в зависимости от акустических параметров, которые оказывают влияние на корректность их опознавания [4, с. 120–136]. Подобная точка зрения предполагает комплексное изучение синтагматических и парадигматических процессов, а также особенностей их восприятия иноязычными респондентами. Нормативный образ французского языка складывается у обучающихся при условии сформированности слухопроизносительных и ритмико-интонационных навыков. Само понятие языковой нормы на современном этапе И. И. Головчанская, С. В. Дудушкина рассматривают как три типа произносительной нормы во французском языке: объективной, предписанной и субъективной. По мнению авторов, субъективная норма, отражая те изменения, которые происходят в обществе и культуре [5].

Н. Ю. Прохорова, В. Ю. Мягкова, Е. Ю. Комарова выделяют два основных дидактических принципа обучения произношению – артикуляторный и аналитико-имитативный с целью преодоления лингвистических трудностей как фонетических, так фонологических. Разработанная исследователями технология исправления фонетических ошибок имеет стимулирующий характер и включает следующие этапы: выбор преподавателем стратегии коррекции звукопроизносительных затруднений в зависимости от новизны учебного материала; осуществление индивидуального, группового и фасилитирующего способов исправления фонетических проблем; сочетание различных приемов коррекции ошибок: прямое исправление, перифраз, пояснение, использование специальной терминологии, повторение с вербальным акцентом [6]. Сформированность фонетических навыков является условием адекватного понимания речевого сообщения и успешной коммуникации в целом, точности выражения мысли и выполнения языком любой коммуникативной функции [7, с. 865].

В рекомендациях по обучению нормативному произношению Е. И. Маркосьян обращает особое внимание на коммуникативную направленность и ситуативно-тематическую обусловленность фонетического материала, обеспечение наглядности при постановке звуков и интонационных моделей, коррекцию фонетических ошибок с опорой на образцовое произношение (речь диктора) [8]. Ф. Фреде, К. Нику вводят термин «фонетическая компетентность», означающий способность воспринимать и воспроизводить звуковые единицы языка в заданных контекстах. Являясь сторонниками коммуникативного подхода, авторы утверждают, что учащиеся должны овладеть живым языком, что требует как специального, так и систематического обучения [9].

Авторы работы по сравнительному анализу фонетических систем русского, французского и китайского языков О. К. Трубач, Д. И. Горшкова выявляют различия данных языковых систем, анализируя точки их соприкосновения на сегментном и суперсегментном уровне [10].

Б. Дюфо утверждает, что при коммуникативно ориентированном обучении осуществляется переход от функционального к реляционному языку, когда выполняется экспрессивная, коммуникативная и символическая функции и проявляется значение смысла сообщения. Интонация играет важную роль в этом подходе к языку, поскольку она придает языку жизнь и резонанс, выражая эмоциональное содержание сообщения, его субъективную окраску и коннотации [11].

Зарубежные фонетисты А. Камбер, К. Скупен-Декенс при коррекции произношения французского языка как иностранного предлагают сочетать теоретический и практический курс фонетики с систематическим обучением произношению в мультимедийной лаборатории. С этой целью ими разработана система обучения, основанная на определении типовых профилей в соответствии с родным языком обучающегося. Цель данной системы – дать обучающемуся возможность работать в управляемой автономии для более эффективных результатов [12]. Данное мнение поддерживают С. Детей, Л. Фонтан, Т. Пеллегрини, рассматривающие взаимосвязи между машинной обработкой произношения и обучением иностранным языкам, предлагая обзор методов и практик, которые в настоящее время применяются в двух основных областях – дидактика иностранных языков и синтезирование речи. Авторами представлен обзор современных подходов и методов в области машинного обучения произношению от диагностической до корректирующей обратной связи с применением учебных программ L2 [13]. Существуют также другие факторы когнитивной сферы, которые влияют на деятельность обучающегося: понимание логики и закономерностей языка наряду с когнитивными особенностями учеников. В будущем возможно когнитивно-эффективное образование на основе технологии искусственного интеллекта параллельно с другими современными техническими средствами [14].

А. Боррель, Ж. Сальсиньяк выдвигают на первый план важность обучения просодическим моделям в изучении/преподавании иностранного языка. Ритм облегчает синтагматическое деление фразы, поскольку паузы необходимы на границах синтаксических групп. Умение интерпретировать мелодическое движение важно для понимания смысла высказывания, особенно когда интонация выполняет модальную функцию. Именно интонация позволяет понять высказывание, модальность которого выражена не синтаксически, а просодически. При этом обучающийся полагается на интонационную информацию [15].

Коммуникативное обучение иностранным языкам, ориентированное на группу обучающихся, ведет к новому восприятию роли произношения, в частности, к осознанию важности интонационных параметров. Тем не менее дидактика отводит произношению в реальности незначительное место. Истоки недооценки произношения в процессе обучения связаны с традицией преподавания языков, при которой важнейшее место отводится лексике и грамматике. При этом первенство часто отводится письменной форме

речи, хотя в последние десятилетия уделяется значительное внимание развитию устных, аудио- и аудиовизуальных методов в рамках прагматической направленности обучения иностранному языку. Причиной этой ситуации является как историческая эволюция преподавания языков, начиная с классических языков – латыни и греческого, так и тот факт, что обучение языкам в основном проходит с помощью учебника, который остается основным дидактическим средством словесных обменов. Устная деятельность часто зависит от письменного источника: введение незнакомой лексики, ответы на вопросы по содержанию текста, лексико-грамматические упражнения, позволяющие овладеть определенными навыками. Центральное место, отводимое учебнику, распространяется и на домашнюю работу. Важность письменной формы проявляется также в системе оценивания, которую легче применить к письменной форме речи. Итак, преобладание письменной речи отражается в сложности восприятия и воспроизведения устной речи участниками коммуникации, не говоря уже об испытываемых ими трудностях в продуцировании речи. Даже при применении коммуникативного подхода произношению уделяется недостаточно внимания. Несмотря на то, что преподаватель исправляет произносительные ошибки обучающихся, эта корректировка не ведет к заметным улучшениям их произношения.

В современной дидактике наблюдается некоторое смещение приоритетов в связи с развитием коммуникативного подхода к обучению с учетом важности произношения. Мозаика упражнений, представленных в учебниках, как, например, в пособии Е. Б. Александровской, Н. В. Лосевой, Л. Л. Читаховой «Lefrancais. ruA1» [16], направлена в первую очередь на выработку навыков чтения с точки зрения его правил и графического изображения звуков; просодическим явлениям французского языка отводится незначительное место. В учебнике представлена система звуков французского языка по принципу «от простого к сложному», то есть от наименее трудных для русскоговорящих в порядке возрастания трудностей. Работа над сегментным составом языка ведется от звука к букве, рассматриваются различные варианты передачи звука на письме, а также правила чтения, которые отрабатываются в отдельных словах и фразах. Отдельные комментарии посвящаются явлениям речевого потока: ритмическая группа, сцепление, связывание. В общих чертах авторы пособия комментируют наиболее распространенные интонационные модели. Вся информация сопровождается набором

фонетических упражнений по имитации произношения диктора.

Хотя в целом данный учебно-методический комплекс имеет ярко выраженную коммуникативную направленность, обеспечивая активное овладение языковым материалом и приобретение коммуникативных компетенций, соответствующих уровню А1. Часто в рамках занятия предлагается упражнение, посвященное одному фонетическому явлению – ритму французского языка с дальнейшим переходом к следующему блоку и к другой теме. Предполагается, что этого достаточно для выработки произносительных навыков, хотя в реальности произношение не интегрировано во весь процесс обучения и выступает как изолированное упражнение, соответствующее дидактическим критериям, предъявляемым к учебникам.

В курсе французского языка как второго иностранного не предусмотрен отдельный аспект «Практическая фонетика». При общем объеме 72 часа во втором семестре, когда вводится второй язык, наибольшее внимание уделяется фонетической стороне речи. Именно на первом курсе закладываются основы овладения артикуляционной базой французского языка как фонемами, так и интонациями. Французские звуки и просодика сложны для усвоения русскоязычными обучающимися в силу значительных отличий от явлений родного языка. По мнению носителей языка, неправильное произношение на сегментном и супraseгментном уровне ведет к сильнейшему акценту и фонологическим ошибкам. На более продвинутом этапе обучения (II–IV курсы), уровни владения языком А2–В2, в учебном плане выделяются несколько языковых аспектов: «Практический курс второго иностранного (французского)», «Устный перевод второго иностранного языка (французского)», «Письменный перевод второго иностранного языка (французского)», «Язык профессионального общения». Следует отметить, что к четвертому семестру у обучающихся должны быть сформированы произносительные навыки, так как изучение последующих языковых аспектов не предусматривает работы над фонетической стороной речи. Однако согласно рабочей программе по «Практическому курсу второго иностранного языка (французского)» значительный объем часов (110 ч) отводится на самостоятельную работу, в рамках которой обучающиеся совершенствуют в том числе французское произношение.

Знание иностранного языка предполагает овладение его артикуляционной базой, то есть способность изменять свои самопроизвольные, спонтанные артикуляторные движения, вырабо-

тать новые артикуляторные ассоциации, слышать ритм, отличный от ритма родного языка, и воспроизводить его на практике, не моделируя ритм по образцу родного языка [17].

Обучающиеся, как правило, легче усваивают артикуляторные характеристики звуков. Студенты получают базовые знания о просодических характеристиках (ритме и мелодии) целевого языка, способах их передачи, однако просодические явления ассимилируются сложнее. Под влиянием структурной фонологии внимание преподавателей направлено в основном на восприятие и воспроизведение звуков иностранного языка, однако ритм составляет устную основу языка, и именно в соответствии с этим ритмом произносятся звуки. Три компонента произношения – звуки, мелодия и ритм – должны быть представлены комплексно, так как между ними существует взаимное проникновение. Некоторые ошибки в сегментарной плоскости (звуки) могут быть исправлены с обращением к ритму или мелодии иностранного языка. Ритм составляет просодическую основу языка, на которую складываются мелодия и звуки. Таким образом, овладение просодической системой зависит от овладения ритмическими характеристиками этого языка. Они представляют собой звуковую инфраструктуру языка, которая отражает отношения между говорящими. Именно как субъекты коммуниканты выражают свои желания, потребности, впечатления, ощущения, чувства, мысли и интересы. При этом интонация приобретает первостепенное значение в передаче сообщения, поскольку она звуковым образом передает субъективный характер коммуникации. Общение не носит формального характера и не сводится к обмену нейтральными репликами, лишенными эмоций по дидактическим соображениям, как это можно наблюдать в учебных диалогах. Чем больше язык выполняет свою выразительную, коммуникативную и символическую функцию, тем больше повышается значение высказывания. Интонация играет в этом подходе к языку важную роль, поскольку она придает языку реальный живой характер. Она выражает эмоциональное содержание послания, его субъективную окраску, его коннотации.

Правильное использование интонации расширяет возможности самовыражения участников беседы, поскольку они могут более точно и с большим количеством нюансов передать собственные мысли и чувства. Это может даже позволить восполнить некоторые лексико-грамматические пробелы. При этом интонация выполняет дополнительную функцию по отношению к «тексту» высказывания, то есть она может

его нюансировать или преобразовывать содержание. Работа над интонацией стимулирует память и облегчает процесс запоминания. Когда языковое содержание не передается нейтральным образом как, например, в текстах учебников, а оживляется интонационно, то говорящие лучше интегрируются в процесс коммуникации. Упражнения по произношению способствуют развитию слуховой памяти, которая является неотъемлемым компонентом изучения иностранного языка. Полезно обращение к стихам, которые концентрированно содержат ритмические и мелодические характеристики целевого языка. Работа со стихами также способствует сохранению составляющих их языковых элементов из-за их ритма, рифмы и их краткой манеры изложения мысли. Упражнения по произношению могут облегчить изучение грамматики и морфологии по причине их тесной связи акустических и морфосинтаксических структур [18, с. 60–66]. Мелодические кривые также позволяют структурировать разницу между темой и ремой и, следовательно, лучше понять структуру предложения. Нормативное произношение создает впечатление хорошего владения иностранным языком, оно может компенсировать или даже завуалировать другие ошибки. При корректном произношении имидж говорящего воспринимается носителем языка как положительный и вызывает у него симпатию. При этом нормативное французское произношение имеет ряд специфических особенностей, которые затрудняют его освоение русскоговорящими студентами ввиду нехарактерных для их родного языка оппозиций фонем, а также некоторых фонетических явлений речевого потока: *lepataquès, lecuir, levelours, lepsilose* [19]. В научной статье [20, с. 25–27] объясняются лингвистические причины некоторых типичных черт акцента на супraseгментном уровне на основе объективных данных, полученных с помощью экспериментальных фонетических методов изучения речи марийско-русских билингвов, усваивающих французский язык.

Эффективность обучения французскому языку повышается с использованием специальных упражнений для отработки просодических явлений, при которых фоносемантический подход апеллирует к звуковой материи и способствует формированию иноязычного произносительного навыка.

Коррекция по интонации и ритму

С фонетической точки зрения просодические элементы – это общая форма, в которую вписываются фонемы и просодические единицы. Анализируя дидактическую ценность интонации, следует отметить, что просодика включает в себя

идентифицирующие факторы, эмоциональные и в то же время логические, то есть именно просодические средства позволяют эмоциям объединяться с семантической структурой высказывания. Поэтому преподаватель обязан исправлять интонационные ошибки, так же как грамматические и лексические. Г. И. Бубнова в работе [21] предлагает наглядные схемы различий на супraseгментном уровне в русском и французском языках и рекомендации практикующим преподавателям-фонетистам по отработке моделей слога в сопоставляемых языках (модель пика, модель-плато).

Связь между просодическими факторами и аффективными аспектами ситуации общения достаточно тесна. Гнев, например, меняет высоту основного тона, ускоряет темп, в то время как усталость, скука и уныние относительно замедляют скорость артикуляции. Кроме того, звуки могут менять свои характеристики в зависимости от их места в мелодической кривой [22, с. 55–66]. Например, гласная, находящаяся в конце восходящей или в начале нисходящей интонации, воспринимается как более четкая и напряженная:

Vous aimez le café? [vuzeme ləkafɛ]

Bois-tu du lait ? [bwaty dy le]

Nous venons de déménager? [nu vənɔ̃ dødemenaze]

С другой стороны, гласная в конце нисходящей или восходящей интонации воспринимается как менее напряженная и продвинутая назад:

Comme il est beau! [kɔ̃milebo]

Quelle belle journée ! [kɛlbɛljurnɛ]

On pense à toi ! [ɔ̃pāsata]

Коррекция ошибок, основанная на интонации и ритме, значительно облегчает восприятие звуковой структуры французского языка. При этом обучающиеся легче воспроизводят как фонемы, так и ритм и мелодику иностранного языка, отличную от соответствующих явлений родного языка. Языковая функция и акустическая реализация основного ударения сильно различаются в русском и французском языках. В обоих языках выделение слова в речи достигается либо просодическим, либо синтаксическим способом, либо их комбинацией. Во французском языке некоторые слова в предложении способны терять свою индивидуальную акцентуацию в пользу смысловой группы. В некоторых случаях постановка ударения в сопоставляемых языках имеет общие черты. Например:

Jedois "rentrerchezmoiavantlui.

[ʒədwa "rɑ̃tre ʃɛmwɑvɑ̃ lɥi]

Я должен "вернуться домой до его прихода.

Je doisrentrer "chez moiavantlui.

[ʒədwarɑ̃tre"ʃɛmwɑvɑ̃lɥi]

Я должен вернуться ''домой до его прихода.

Je dois rentrer chez moi ''avant lui.

[ʒədwarɑ̃treʃemwa ''avɑ̃ lɥi]

Я должен вернуться домой ''до его прихода.

В русском языке слова сохраняют собственное ударение в предложении, при котором возможно просодическое выделение любого члена предложения, например: ''Я должен вернуться домой ''до его прихода. Я ''должен вернуться домой ''до его прихода.

Можем выделить с помощью ударения любое слово в высказывании в зависимости от значения и роли данного слова в звуковом континууме. Поэтому важно, чтобы ученики воспроизводили интонационную и ритмическую схему французской звуковой модели. Преподаватель может прибегнуть к нескольким приемам для воспроизведения студентами мелодии и ритма французской фразы: исполнять мелодию без фонем, сопровождая отбиванием ритма. После правильного повторения данной интонационной структуры, эффективна тренировка воспроизведения идентичных структур с сохранением мелодической линии и ритма. Одним из методов коррекции устной речи является использование упражнений по построению ступеней, характерных для просодической системы французского языка:

Je vois. [ʒəvwɑ]

Je vois l'avion. [ʒəvwalavjɔ̃]

Je vois l'avion sur l'hôtel de ville. [ʒəvwalavjɔ̃ syrloteldəvil]

Je vois l'avion sur l'hôtel de ville vers cinq heures. [ʒəvwalavjɔ̃ syrloteldəvil vɛrsɛ̃kœ:r]

Жестовое изображение и драматизация могут способствовать имитации французского ударения: с психолого-педагогической точки зрения эти методы высокомотивирующие, структурирующие слух.

Коррекция по напряженности артикуляции

Напряжение играет регулируемую роль в реализации фонем. Ключевой вопрос заключается в том, какие механизмы или факторы напряженности необходимо учитывать при обучении французскому произношению:

– Эффект напряженности гласных сильно зависит от интонации и ритма: гласные звучат более или менее напряженно в зависимости от того, находятся ли они в верхней части мелодической кривой. Напряженность гласного в ударном слоге выше, чем в безударном. Закрытые гласные более напряженные, чем открытые; огубленные более четкие, чем неогубленные.

– Согласные звуки также различаются по степени напряженности: глухие согласные более напряженные, чем звонкие, но наиболее сильными являются глухие смычные.

Коррекция напряженности произнесения достигается за счет фонетической зарядки для укрепления лицевых мышц.

Коррекция по фонетическому окружению

Этот тип коррекции базируется на знании дифференциальных черт фонем, с этой целью следует повысить осведомленность учащихся о соответствующих различиях в родном и изучаемом языках при одновременном уточнении произношения. Если учащийся неправильно произносит звук, его можно поставить рядом с другими звуковыми единицами, чтобы исправить его качество. Например, чтобы выделить начало гласных, можем поставить перед ними согласные: thé [te] – quai [ke] – fée [fe]. Если необходимо подчеркнуть закрытый характер гласного, то рекомендуется поставить перед ним фрикативные согласные: voeuf [voef], coffre [kœfr], jour [ʒu:r]. Кроме того, русскоязычные студенты часто произносят дрожащий переднеязычный звук «р», используемый в родном языке. Для постановки французского увулярного «г» следует прибегнуть к серии упражнений по его произнесению в разных положениях, от самых простых до самых сложных:

[r] en position finale absolue après une voyelle médiane: or [ɔr];

[r] en position intervocalique: orage [ɔra:ʒ];

[r] en position préconsonantique: partant [partɑ̃];

[r] en position postconsonantique: prend [prɑ̃];

[r] en position initiale d'énoncé: rappelle-toi [rapeltoi].

В результате этих упражнений, предложенных и многократно повторяемых индивидуально, можно прийти к правильному произношению увулярного [r], реализация которого остается действительно трудным для студентов.

Заключение

Таким образом, произношение является базой для общения, предпосылкой к успешному акту межкультурной коммуникации. Его следует ценить наравне с другими компонентами языка, такими как вокабуляр, грамматика, чтение и письмо. У русскоязычных учащихся могут возникнуть проблемы с изучением устных структур французского языка, ритмом французской речи в связи с неточным восприятием ритмической группы и ударения. Кроме того, они испытывают трудности при восприятии тембровых различий. Обучающиеся сталкиваются с проблемами при произнесении носовых гласных, отсутствующих в фонологической системе их родного языка. Практический аспект чаще всего сводится к внесению исправлений, ограниченных сегментным уровнем, с использованием артикуляторного метода. Большое

значение имеет супraseгментный уровень, подразумевающий нормативное ударение, правильную мелодику, ритм, паузы. Только комплексное усвоение вышеперечисленных фонетических явлений приводит к усвоению артикуляторной базы иностранного языка. Из всего вышесказанного можно заключить, что обучающимся крайне необходимо обладать фонетико-фонологическими навыками, поскольку недостаточная их сформированность будет иметь негативные последствия для всего процесса изучения языка. Фактически разви-

тие таких навыков имеет решающее значение для успешного совершенствования других компетенций, включая аудирование, говорение, чтение и письмо. Авторами предложены несколько типов упражнений для совершенствования произносительных навыков обучающихся в рамках самостоятельной работы по «Практическому курсу второго иностранного языка (французского)», базирующихся на сознательном подходе к усвоению материала, сочетая знание теории с владением практическими навыками и умениями.

Список источников

1. Белоглазова Е. В. Перевод транскультурного текста: двойной перевод культуры // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2023. Т. 22, № 3. С. 86–96.
2. Nawafleh Ah. Le rôle de la phonétique dans l'enseignement/apprentissage du français langue étrangère, étude acoustico-perceptive // Jordan Journal of Modern Languages and Literature. 2016. Vol. 9, № 1. P. 73–94.
3. Короткая М. В. К вопросу об обучении произношению // Евразийский научный журнал. 2021. № 11. URL: <https://journalpro.ru/articles/k-voprosu-ob-obuchenii-proiznosheniyu> (дата обращения: 16.12.2023).
4. Иванова И. Г., Егошина Р. А. Восприятие французских фраз с оттенком удивления и сожаления русскими респондентами // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2023. № 4 (121). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-frantsuzskih-fraz-s-ottenkom-udivleniya-i-sozhaleniya-russkimi-respondentami> (дата обращения: 19.03.2024).
5. Головчанская И. И., Дудушкина С. В. «Звуковой неообраз» французского языка как основа совершенствования слухо-произносительных навыков при обучении аудированию (педагогическое образование) // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31413> (дата обращения: 16.12.2023).
6. Прохорова Н. Ю., Мягкова В. Ю., Комарова Е. Ю. Технология исправления фонетических ошибок у обучающихся среднего школьного возраста на уроках английского языка // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-ispravleniya-foneticheskikh-oshibok-u-obuchayuschis-srednego-shkolnogo-vozrasta-na-urokah-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 03.04.2024).
7. Саклакова А. Ю., Иванова Е. А. Роль фонетического навыка в формировании коммуникативной компетенции // Лингвистика, переводоведение и методика обучения иностранным языкам: актуальные проблемы и перспективы: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Орел, 2020. С. 863–870.
8. Маркосян Е. И. Социальная роль правильного произношения // Электронная библиотека БГУ: Актуальные вопросы филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков: сб. науч. тр. 2013. Вып. 1. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/57425/> (дата обращения: 16.12.2023).
9. Fredet F., Nikou Ch. Phonétique, littérature et enseignement du FLE: théories et recherches // Cognition, représentation, language. URL: <https://doi.org/10.4000/corela.9987> (дата обращения: 25.02.2024).
10. Трубоч О. К., Горшкова Д. И., Скляр Л. Н. Сравнительный анализ фонетических систем русского, французского и китайского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14, № 1. С. 171–188. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-171-188>
11. Dufeu B. L'importance de la prononciation dans l'apprentissage d'une langue étrangère // Franc-parler.org: un site de l'Organisation internationale de la Francophonie. 2011.
12. Kamber A., Skupien-Dekens C. La correction phonétique en français langue étrangère: enseignement et évaluation en laboratoire multimédia // Phonétique, phonologie et enseignement des langues de spécialité. P. 88–102. doi: 10.4000/apliut.744. URL: <http://journals.openedition.org/cahiersapliut/744> (дата обращения: 20.01.2024).
13. Detey S., Fontan L., Pellegrini Th. Traitement de la prononciation en langue étrangère: approches didactiques, méthodes automatiques et enjeux pour l'apprentissage // Traitement Automatique des Langues. 2016. Vol. 57, № 3. P. 15–39. URL: http://www.atala.org/sites/default/files/article-tap-didactique_21092017.pdf (дата обращения: 01.04.2023).
14. Елшанский С. П. Школа будущего: может ли искусственный интеллект обеспечить когнитивную эффективность обучения? // Вестник Томского государственного университета (TSPU Bulletin). 2021. № 462. doi: 10.17223/15617793/462/23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shkola-buduschego-mozhet-li-iskusstvennyy-intellekt-obespechit-kognitivnyuyu-effektivnost-obucheniya> (дата обращения: 30.03.2024).

15. Borrell A., Salsignac J. Chapitre 4. Importance de la prosodie en didactique des langues (application au FLE) // Apprentissage d'une langue étrangère/seconde. 2002. Vol. 2. P. 163–182. doi: 10.3917/dbu.renar.2002.01.0163. URL: <https://www.cairn.info/apprentissage-d-une-langue-etrangere-seconde-2--9782804134921-page-163.htm> (дата обращения: 16.12.2023).
16. Александровская Е. Б., Лосева Н. В., Читахова Л. Л. Учебник французского языка. 2-е изд., испр. М.: Изд-во «Нестор Академик», 2009. 296 с.
17. Wachs S. Tendances actuelles en enseignement de la prononciation du français, langue étrangère (FLE) // Revista de Linguas ModeRnas. 2011. № 14. P. 183–196.
18. Sigirci I. Méthodes pour la correction des productions orales chez des apprenantsturcs // Synergies Turquie. 2018. № 11. P. 53–66.
19. Когалова Е. А. Базовые принципы практической фонетики французского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 9 (864). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bazovyeprintsipy-prakticheskoy-fonetiki-frantsuzskogo-yazyka> (дата обращения: 10.01.2024).
20. Иванова И. Г., Егошина Р. А. Просодические характеристики эмоционально окрашенных фраз в типологически неродственных языках: на материале марийского и французского языков // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 1. С. 16–28. doi: 10.15507/2076-2577.013.2021.01.16-28.
21. Бубнова Г. И. Артикуляционная база русского и французского языков: динамический аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 9 (825). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/artikulyatsionnaya-baza-russkogo-i-frantsuzskogo-yazykov-dinamicheskii-aspekt> (дата обращения: 19.03.2024).
22. Иванова И. Г., Хабибуллина Ф. Я., Егошина Р. А. Сравнительно-сопоставительный анализ фонетических систем разноструктурных языков. Йошкар-Ола, 2021. 176 с.

References

1. Beloglazova E. V. Perevod transkul'turnogo teksta: dvoynoy perevod kul'tury [Translation of transcultural text: double translation of culture]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznaniye – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2023, vol. 22, no. 3, pp. 86–96 (in Russian). doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.8>
2. Nawafleh Ah. Le rôle de la phonétique dans l'enseignement/apprentissage du français langue étrangère, étude acoustico-perceptive. *Jordan Journal of Modern Languages and Literature*, 2016, vol. 9, no. 1, pp. 73–94.
3. Korotkaya M. V. K voprosu ob obuchenii proiznosheniyu [On the issue of teaching pronunciation]. *Evrasiyskiy nauchnyy zhurnal*, 2021, no. 11 (in Russian). URL: <https://journalpro.ru/articles/k-voprosu-ob-obuchenii-proiznosheniyu> (accessed 16 December 2023).
4. Ivanova I. G., Egoshina R. A. Vospriyatiye frantsuzskikh fraz s ottenkom udivleniya i sozhaleeniya russkimi respondentami [Perception of French phrases with a tinge of surprise and regret by Russian respondents]. *Vestnik CHGPU im. I. Ya. Yakovleva – I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin. Pedagogics*. 2023, no. 4 (121) (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-frantsuzskikh-fraz-s-ottenkom-udivleniya-i-sozhaleeniya-russkimi-respondentami> (accessed 19 March 2024).
5. Golovchanskaya I. I., Dudushkina S. V. “Zvukovoy neoobraz” frantsuzskogo yazyka kak osnova sovershenstvovaniya slukho-proiznositel'nykh navykov pri obuchenii audirovaniyu (pedagogicheskoe obrazovanie) [“Sound neo-image” of the French language as the basis for improving auditory and pronunciation skills when teaching listening (teacher education)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*, 2021, no. 6 (in Russian). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31413> (access 16 December 2023).
6. Prokhorova N. Yu., Myagkova V. Yu., Komarova E. Yu. Tekhnologiya ispravleniya foneticheskikh oshibok u obuchayushchihsya srednego shkol'nogo vozrasta na urokakh angliyskogo yazyka [Technology for correcting phonetic errors among middle school students in English lessons]. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki – Pedagogy. Theory and Practice*, 2020, no. 6 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-ispravleniya-foneticheskikh-oshibok-u-obuchayushchihsya-srednego-shkolnogo-vozrasta-na-urokah-angliyskogo-yazyka> (accessed 03 April 2024).
7. Saklakova A. Yu., Ivanova E. A. Rol' foneticheskogo navyka v formirovani komunkativnoy kompetentsii [The role of phonetic skill in the formation of communicative competence]. *Lingvistika, perevodovedeniye i metodika obucheniya inostrannym yazykam: aktual'nye problemy i perspektivy: materialy II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Linguistics, Translation Studies and Methods of Teaching Foreign Languages: Current Issues and

- Prospects: Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation]. Orel, 2020. P. 863–870 (in Russian).
8. Markos'yan E. I. Sotsial'naya rol' pravil'nogo proiznosheniya [The social role of correct pronunciation]. *Elektronnaya biblioteka BGU: Aktual'nye voprosy filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov: sbornik nauchnykh trudov* [Electronic library of BSU: Current issues of philology, pedagogy and methods of teaching foreign languages: collection of scientific papers]. 2013. Issue 1 (in Russian). URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/57425/> (accessed 16 December 2023).
9. Fredet F., Nikou Ch. Phonétique, littérature et enseignement du FLE: théories et recherches. *Cognition, représentation, language*. URL: <https://doi.org/10.4000/corela.9987> (accessed 25 February 2024).
10. Trubach O. K., Gorshkova D. I., Sklyar L. N. Sravnitel'nyy analiz foneticheskikh sistem russkogo, frantsuzskogo i kitayskogo yazykov [Comparative analysis of phonetic systems of Russian, French and Chinese languages]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2023, vol. 14, no. 1, pp. 171–188 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-171-188> (accessed 20 January 2024).
11. Dufeu B. L'importance de la prononciation dans l'apprentissage d'une langue étrangère. *Franc-parler.org: un site de l'Organisation internationale de la Francophonie*, 2011 (accessed 26 March 2024).
12. Kamber A., Skupien-Dekens C. La correction phonétique en français langue étrangère: enseignement et évaluation en laboratoire multimédia. *Phonétique, phonologie et enseignement des langues de spécialité*. P. 88–102. URL: <http://journals.openedition.org/cahiersapliut/744>; DOI: <https://doi.org/10.4000/apliut.744> (accessed 20 January 2024).
13. Detey S., Fontan L., Pellegrini Th. Traitement de la prononciation en langue étrangère: approches didactiques, méthodes automatiques et enjeux pour l'apprentissage. *Traitement Automatique des Langues*, 2016, no. 57 (3), pp. 15–39. URL: http://www.atala.org/sites/default/files/article-tap-didactique_21092017.pdf (accessed 01 April 2023).
14. Elshansky S. P. Shkola budushchego: mozhet li iskusstvennyy intellekt obespechit' kognitivnyuyu effektivnost' obucheniya? [School of the future: can artificial intelligence provide cognitive effectiveness of learning?]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2021, no. 462 (in Russian). doi: 10.17223/15617793/462/23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shkola-budushchego-mozhet-li-iskusstvennyy-intellekt-obespechit-kognitivnyuyu-effektivnost-obucheniya> (accessed 30 March 2024).
15. Borrell A., Salsignac J. Chapitre 4. Importance de la prosodie en didactique des langues (application au FLE). *Apprentissage d'une langue étrangère/seconde*, 2002, vol. 2, pp. 163–182. doi: 10.3917/dbu.renar.2002.01.0163. URL: <https://www.cairn.info/apprentissage-d-une-langue-etrangere-seconde-2--9782804134921-page-163.htm> (accessed 16 December 2023).
16. Aleksandrovskaia E. B., Loseva N. V., Chitakhova L. L. *Uchebnik frantsuzskogo yazyka* [French textbook]. Moscow, OOO Nestor Akademik Publ., 2009. 296 p. (in Russian).
17. Wachs S. Tendances actuelles en enseignement de la prononciation du français, langue étrangère (FLE). *Revista de Lenguas ModeRnas*, 2011, no. 14, pp. 183–196.
18. Sigrici I. Méthodes pour la correction des productions orales chez des apprenantsturcs. *Synergies Turquie*, 2018, no. 11, pp. 53–66.
19. Kogalova E. A. Bazovye printsipy prakticheskoy fonetiki frantsuzskogo yazyka [Basic principles of practical phonetics of the French language]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2022, no. 9 (864) (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bazovye-printsipy-prakticheskoy-fonetiki-frantsuzskogo-yazyka> (accessed 10 January 2024).
20. Ivanova I. G., Egoshina R. A. Prosodicheskiye kharakteristiki emotsional'no okrashennykh fraz v tipologicheski nerodstvennykh yazykakh: na materiale mariyskogo i frantsuzskogo yazykov [Prosodic characteristics of emotionally charged phrases in typologically unrelated languages: based on the material of the Mari and French languages]. *Finno-ugorskiy mir – Finno-Ugric World*, 2021, vol. 13, no. 1, pp. 16–28 (in Russian). doi: 10.15507/2076-2577.013.2021.01.16-28
21. Bubnova G. I. Artikulyatsionnaya baza russkogo i frantsuzskogo yazykov: dinamicheskii aspekt [Articulatory base of Russian and French languages: dynamic aspect]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2019, no. 9 (825) (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/artikulyatsionnaya-baza-russkogo-i-frantsuzskogo-yazykov-dinamicheskii-aspekt> (accessed 19 March 2024).
22. Ivanova I. G., Khabibullina F. Ya., Egoshina R. A. *Sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz foneticheskikh sistem raznostrukturnykh yazykov* [Comparative and comparative analysis of phonetic systems of languages of different structures]. Joshkar-Ola, 2021. 176 p. (in Russian).

Информация об авторах

Иванова И. Г., кандидат филологических наук, доцент, Марийский государственный университет (пл. Ленина, 1, Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Россия, 424000).

<https://orcid.org/0000-0001-5247-0125>

E-mail: iraida44@yandex.ru

Егошина Р. А., старший преподаватель, Марийский государственный университет (пл. Ленина, 1, Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Россия, 424000).

<https://orcid.org/0000-0001-7295-8793>

E-mail: affaires@mail.ru

Information about the authors

Ivanova I. G., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Mari State University (pl. Lenina, 1, Yoshkar-Ola, Republic of Mari El, Russian Federation, 424000).

<https://orcid.org/0000-0001-5247-0125>

E-mail: iraida44@yandex.ru.

Egoshina R. A., Senior Lecturer, Mari State University (pl. Lenina, Yoshkar-Ola, Republic of Mari El, Russian Federation, 424000).

<https://orcid.org/0000-0001-7295-8793>

E-mail: affaires@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 11.04.2024; принята к публикации 01.10.2024

The article was submitted 11.04.2024; accepted for publication 01.10.2024

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА

УДК 3.09-821.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-123-132>

Повесть Н. В. Гоголя «Шинель» в рецептивном сознании эпохи рубежа XX–XXI веков. Статья 2

Вера Юрьевна Баль

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
balverbal@gmail.com*

Аннотация

Исследовательский интерес к проблеме литературных связей и взаимодействий является одним из актуальных в современном литературоведении. Особое значение эта проблема получает при определении роли и места наследия русских классиков в творчестве современных писателей. На фоне неутраченного «вечного» интереса современных авторов к каноническому составу русской литературы можно выделить фигуры отдельных классиков, которые являются наиболее рецепируемыми. Одним из таких писателей является Н. В. Гоголь, обращение к художественной традиции которого в потсклассическую эпоху имеет не стихийный и капельный характер, а регулярный, наблюдаемый во всех периодах развития русской словесной культуры XX–XXI вв. Каждая из литературных эпох избирательно подходит к выбору гоголевских произведений как объекту рецепции. Эти обстоятельства определяют необходимость введения в научное поле произведений современных авторов, которые позволяют выявить ориентиры литературного периода рубежа XX–XXI вв. в отношении гоголевской традиции. Цель исследования – проанализировать принципы функционирования сюжетных элементов повести Н. В. Гоголя «Шинель» в произведениях писателей рубежа XX–XXI вв. В качестве материала привлечены произведения современных авторов: рассказы Е. Чижовой «Нюточкин дом» (2008) и Е. Долгопят «Потерпевший» (2015), пьеса М. Богаева «Башмачкин» (2003). Точкой схождения между выбранными произведениями различной эстетической и жанровой принадлежности является их диалогическое переосмысление сюжетных элементов художественной системы повести, опирающихся на христианскую традицию. В рассказе Е. Чижовой «Нюточкин дом» повесть «Шинель» понимается как метафора петербургского текста. Сюжет главной героини в его смысловой двухслойности, социально-исторической и библейско-мифологической предстает как вечный петербургский сюжет, являющийся частью общей мифологической семиосферы петербургского текста. В пьесе О. Богаева рецепция фантастического финала повести «Шинель», переписываемая с использованием элементов поэтики театра абсурда, сосредоточена на проблеме нравственного выбора героя, который берет на себя роль инициатора Страшного суда. В рассказе Е. Долгопят рецептирование сюжетных эпизодов повести «встреча со значительным лицом» и «карательный фантастический финал» актуализирует и трансформирует понимание темы социального мира и социального индивида, не соответствующих этическому идеалу.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, «Шинель», Е. Чижова, «Нюточкин дом», Е. Долгопят, «Потерпевший», О. Богаев, «Башмачкин»

Для цитирования: Баль В. Ю. Повесть Н. В. Гоголя «Шинель» в рецептивном сознании эпохи рубежа XX–XXI веков. Статья 2 // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 6 (236). С. 123–132. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-123-132>

RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

N. Gogol's story "The Overcoat" in the receptive consciousness of the turn of the XX–XXI centuries. Article 2

Vera Yu. Bal

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, balverbal@gmail.com

Abstract

The role and place of Gogol's heritage in the literary process at the turn of the 20th–21st centuries are one of the pressing issues in modern Gogol studies. The works of modern authors are introduced into the scientific field, which make it possible to identify the mechanisms of dialogue, appropriation and development of the Gogol tradition. And this determines the research interest in this issue. The purpose of the study is to identify and consider the semantics and function of the image of a little man, genetically dating back to the image of Gogol's Bashmachkin, and the accompanying plot elements in the works of writers at the turn of the 20th–21st centuries. The novelty of the research is ensured, firstly, by the analysis of artistic material that has not previously been introduced into scientific circulation, and secondly, the semantics and function of the "overcoat text" in the artistic structure of specific works of the literary era of the 20th–21st centuries are revealed. The works of modern authors were used as material: the stories by E. Chizhova "Nyutochkin's House" (2008) and E. Dolgopiat "The Victim" (2015), M. Bogayev's play "Bashmachkin" (2003). The selected works belong to different aesthetic and genre forms and the point of convergence between them is their dialogical reinterpretation of the narrative elements of the story's artistic system based on mystical and religious traditions. The works actualize interest in Gogol's narrative principles of the novel, built on the harmonious "translation" of the ethical (the value system of religious-teacher culture) into the aesthetic. In E. Chizhova's story "Nyutochkin's House" the novella "The overcoat" is understood as a metaphor for the St. Petersburg text. The plot of the protagonist in its semantic two-layeredness, socio-historical and biblical-mythological, appears as an eternal St. Petersburg plot, which is a part of the general mythological semiosphere of the St. Petersburg text. In O. Bogayev's play, the reception of the fantastic finale of the novel "The overcoat" is rewritten using elements of the poetics of the theater of the absurd and it is focused on the problem of the moral choice of the hero, who assumes the role of the initiator of the Last Judgment. In the story by E. Dolgopiat, the reception of the plot episodes of the story "meeting with a significant person" and "punitive fantastic ending" actualizes and transforms the understanding of the theme of the social world and the social individual, which do not correspond to the ethical ideal.

Keywords: N. V. Gogol, "Overcoat", E. Chizhova, "Nyutochkin House", E. Dolgopiat, "Victim", O. Bogaev, "Bashmachkin"

For citation: Bal V. Yu. Povest' N. V. Gogolya "Shinel'" v retseptivnom soznanii epokhi rubezha XX–XXI vekov. Stat'ya 2 [N. Gogol's story "The Overcoat" in the receptive consciousness of the turn of the XX–XXI centuries. Article 2]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 6 (236), pp. 123–132 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-123-132>

Введение

Одной из отличительных особенностей литературной ситуации рубежа XX–XXI вв. является активный диалог с классикой – каноническим составом русской литературы XIX в. На этом фоне в исследовательском поле активизируется научная проблема литературных связей и взаимодействий, решение которой связано с выявлением и анализом видов, способов и функций рецепции современными авторами художественной традиции писателей, имеющих большой эволюционный потенциал в силу статуса «канонизированного гребня» [1, с. 101]. Не будет преувеличением сказать, что одним из активно реципируемых классиков является Н. В. Гоголь. Этот факт определяется не сле-

пым поклонением и подражанием авторитету писателя, а емкостью и применимостью его «художественных форм» [2, с. 270–282] как в старых, так и новых функциях для идейно-эстетических решений современных писателей.

В современном гоголеведении интенсивно формируется исследовательское поле, посвященное анализу «гоголианы» рубежа XX–XXI вв. В первой части предлагаемого исследования, в статье «Повесть Н. В. Гоголя «Шинель» в рецептивном сознании эпохи рубежа XX–XXI веков. Статья 1» [3], была представлена систематизация исследовательских направлений в этом поле. Обзор наглядно продемонстрировал, что нет комплексного рассмотрения принципов рецептирова-

ния писателями рубежа XX–XXI вв. повести «Шинель».

Основная цель исследования – проанализировать принципы функционирования сюжетных элементов повести Н. В. Гоголя «Шинель» в произведениях писателей рубежа XX–XXI вв.

Новизна исследования заключается, во-первых, в анализе художественного материала, который ранее не был введен в научный оборот, во-вторых, в реконструкции видов, способов и функции рецепции в историко-литературном контексте XX–XXI вв. сюжетных элементов гоголевской повести, опирающихся на христианскую традицию.

Материал методы

Достоверность результатов обеспечивается привлечением репрезентативного художественного материала, соответствующего требованиям методологического конструкта «исторического литературного ряда» (А. Н. Веселовский). «Собираемые» в один ряд произведения современных авторов – это материал для реконструкции коллективной, ограниченной своей историчностью рецепции гоголевской повести «Шинель». В статье проанализирована следующая группа произведений: рассказы Е. Чиждовой «Нюточкин дом» (2008) [4, с. 14–39] и Е. Долгопят «Потерпевший» (2015) [5, с. 3–37], пьеса О. Богаева «Башмачкин» (2003) [6]. Принцип уподобления, лежащий в основе методологического конструкта «исторический литературный ряд», связан с сюжетными элементами гоголевской повести, опирающимися на христианскую традицию. Расподобление, второй обязательный принцип, ориентировано на выявление уникального на фоне общего, в нашем случае – гоголевского. Уникальное обусловлено интертекстуальными особенностями, которые свойственны постклассической эпохе, преломившимися в идиолекте каждого отдельного автора. Принадлежность произведений рассматриваемых авторов к разным эстетическим направлениям (реализм (Е. Чиждова), «фантастический» реализм (Е. Долгопят), уральская школа «новой драмы» (О. Богаев)¹) и жанровым tradi-

циям (рассказы (Е. Долгопят, Е. Чиждова), драма (О. Богаев)) позволяет проследить общие и различные принципы восприятия литературного наследия классика, обусловленные особенностями диалогизирующего контекста.

В основу проводимого исследования положен рецептивный подход, базирующийся на теоретико-методологических положениях, связанных с проблемами диалога и понимания (феноменология индивидуального читательского акта – Р. Ингарден, В. Изер; герменевтика коллективного читательского акта, исторически предопределенного, – Х. Г. Гадамер, Х. Р. Яусс; диалогичность сознания «субъекта познания», определяющая отношение к Другому как обладающему онтологической ценностью, – М. М. Бахтин). Вторым источником теоретико-методологических принципов является структурно-семиотический подход. Его ключевые идеи определяют понимание межтекстовых связей как исторически данного субъектно-объектного отношения, которые не только передают, хранят, но и генерируют новую информацию, реализуя функции «креативной памяти» [7, с. 155–163] текста.

Результаты исследования

Традиция изучения творчества Гоголя в свете идей христианской системы ценностей, сформированная в начале XX в. в работах А. Вольнского, В. Зеньковского, К. Мочульского, Дм. Чижевского и др., получила новое развитие в гоголеведении рубежа XX–XXI вв. Религиозно-мифологический аспект творчества Н. В. Гоголя является одним из разработанных вопросов в современном гоголеведении.

Интенсификация исследований в этом направлении в последние три десятилетия обусловлена в отечественной гуманитарной науке комплексом теоретико-методологических идей религиозного литературоведения. В работах современных гоголеведов (Е. И. Анненкова, Ю. Я. Барабаш, М. Я. Вайскопф, В. А. Воропаев, И. А. Есаулов, В. Ш. Кривонос, Е. А. Смирнова, С. А. Гончаров) весь корпус произведений писателя рассматривается в контексте христианской культуры, а не только произведений, относящихся к периоду религиозных исканий. Исследователями прослежено не только идейное влияние религиозно-учительской культуры, но и ее риторической практики на творчество Гоголя. Гоголеведами проведены многочисленные сопоставления произведений Гоголя с евангельскими притчами, древнерусскими дидактическими жанрами, религиозно-мифологическими сюжетами и мотивами (Е. И. Анненкова, М. Я. Вайскопф, В. Ш. Кривонос, С. А. Гончаров, С. Г. Бочаров, В. М. Маркович, О. Г. Дилакторская).

¹ Традиционно понятие «уральская школа „новой драмы“» понимается двояко. С одной стороны, буквально как первый и единственный выпуск курса молодых драматургов Н. Коляды в 1994 г. Олег Богаев, пьеса которого рассматривается в статье, является выпускником первого набора. С другой стороны, как сложившаяся эстетическая традиция, объединяющая всех учеников Н. Коляды. Молодые драматурги, не теряя своей индивидуальности, имеют общий тип творческого мышления. Заявив о себе на рубеже XX–XXI вв., представители уральской школы «новой драмы» отразили кризисное понимание современной социальной реальности, пронизанное ощущением безысходности и безнадёжности. Ведущий герой «новой драмы» – это маленький человек, находящийся в абсурдно-бесчеловечных социальных обстоятельствах.

Религиозно-мифологический подтекст сюжетно-мотивного комплекса повести «Шинель» имеет программный характер в творчестве Гоголя, так как отражает сдвиг в принципах его художественной антропологии в период создания петербургских повестей. Сдвиг, направленный на осмысление метафизического существования человека, которое мыслится с опорой на идею внутреннего человека, его связи с идеей божественного миропорядка. Этот аспект нашел выражение в исследовательском понимании элементов сюжета повести «Шинель» через призму библейско-мифологического ассоциативного фона: ситуация приобретения шинели интерпретируется как сюжет искушения и испытания [8–10] и грехопадения [11, с. 121–151], смерть героя трактуется как возмездие за измену своему «месту» и «отступничество» [12], карательные действия героя в финале толкуются как возможность загробного Страшного суда над миром «мнимых значений» [11, с. 121–151].

Интерес Елены Чижовой к гоголевской повести «Шинель» не прямой, а опосредованный. Современный автор сфокусирован в своем творчестве на теме маленького человека как системном элементе петербургского текста, созданного коллективными усилиями писателей XIX в. – Пушкиным, Гоголем, Достоевским и др. Романы Чижовой, продолжающие развитие петербургского текста на материале отечественной истории XX в., сосредоточены на проблеме противостояния маленького человека бездушному и всеильному советскому государству.

Рассказ Е. Чижовой «Нюточкин дом» содержит двухадресную аллюзию на произведения Гоголя и Достоевского, сфокусированные на теме маленького человека «петербургского типа» [13, с. 641]. Именно «встреча» двух авторов в периметре петербургского текста важна для Е. Чижовой¹. Сказовая форма повествования в рассказе имеет смысловую двусоставность. С одной стороны, принцип рассказывания – это адресная «цитатная» аллюзия на гоголевскую повесть. С другой стороны, на фоне узнавания текста первоисточника происходит расподобление: гоголевская история «вечного титулярного советника» приобретает статус вечной истории маленького человека в Петербурге.

Чижова точно воспроизводит фабулу гоголевской повести в исторических реалиях постперестроечной России, в которой сталкивается мир «бюджетников» и «выбившихся в люди»

[4, с. 15]. Парафраз шинели – комната в коммунальной квартире, которую мечтает купить и отремонтировать героиня. Степан Петрович, чиновник, курирующий жилищные вопросы, и успешный предприниматель, к которому героиня обращается за помощью, – значительное лицо. Призрак героини в финале рассказа напоминает о совершенной социальной несправедливости. Но помимо повтора типичных коллизий в новых социальных обстоятельствах, демонстрирующих человеческое равнодушие и высокомерие, порожаемое ложными ценностями социально-экономической иерархии, логика повествователя соотносит события и с метафизическим измерением. Квартирная коллизия мыслится как искушение, которое не прошла героиня, изменив заветам отца. Финал вызывает ассоциации со Страшным судом. Повествовательная интонация в финале лишена торжественности морализатора, она ориентирована на ироничное переосмысление проступающего ассоциативного фона. Истоки иронии не в признании относительности и невостребованности христианской системы ценностей, а в онтологических свойствах пространства Петербурга. Пространство исключает возможность личного спасения человека, который выходит за границы аскетического существования. Человек, придерживающийся монашеско-аскетического идеала, в Петербурге обречен не только на искушение, которое он не выдерживает, но и на смерть как единственную форму искупления.

Маленький человек, восходящий к образу Башмачкина, который живет тихой и незаметной жизнью и пытается укрыться от угроз внешнего мира, – один из главных героев многочисленных рассказов Е. Долгопят. Гоголевский художественный принцип обнаружения внутреннего во внешнем, невидимого в видимом, духовного в вещественном Долгопят эстетически в своих рассказах воплощает художественными принципами фантастического реализма. В прозе Долгопят за детальным воспроизведением обыденности проступают черты фантастической реальности, когда стирается грань между гипотетическим и доказанным, реальным и нереальным.

Рассказ «Потерпевший» Е. Долгопят впервые был опубликован в журнале «Новый мир» в 2015 г., а затем в 2017 г. вошел в состав сборника «Родина». Рассказ содержит адресную цитатную аллюзию на отдельные структурные элементы гоголевской повести. Первый элемент – романтический подтекст образа маленького человека. Второй – шинель как реалия вещного мира, обладающая сюжетно-мотивологическим потенциалом. Третий – сюжетные эпизоды «встреча

¹ Анализ функционирования аллюзий на прозу Достоевского здесь не представлен, так как это предмет отдельного исследования.

со значительным лицом» и «карательный фантастический финал». Эта избирательность формирует тематический каркас, который становится основой диалога Долгопят с гоголевской повестью.

Романтический подтекст в образе Башмачкина у Гоголя был связан со стремлением, как отметил М. Вайскопф, обнаружить высокие романтические устремления у героя, погруженного в будничную жизнь [10, с. 408–412]. Этот гоголевский взгляд на человека был обусловлен пограничным статусом петербургских повестей, которые отразили переход от эстетики романтизма к эстетике реализма. Долгопят наследует от Гоголя интерес к внутренней жизни человека, масштабам его духовной состоятельности, несмотря на его образ жизни и социальный статус.

Главный герой изначально представлен как имеющий контакт с иной реальностью. В рассказываемой повествователем истории рождения ретушера подчеркивается его особая земная судьба – быть посланцем небес, несущим в мир добро. Цвет глаз («светло-голубые» [5, с. 4]) и форма («птичьи» [5, с. 4]) подчеркивают положительный мистический ореол вокруг него. Это предназначение усиливается мотивами света и тьмы. Образу ретушера сопутствуют как солнечный свет, так и искусственный, связанный с его работой. За границами личного пространства ретушера доминирует ночь и темнота: слова «ночь» и ее производные упоминаются семь раз, «темнота» и ее производные – семь раз, «черный» и его производные – 27 раз (для сравнения «белый» и его производные – восемь раз).

Герой, работая ретушером, проявляет качества своей чистой души, подобной душе ребенка. Пристальное внимание ретушера, усиленное образом натруженных глаз, к лицам людей на фоне мрачной эпохи 1950-х гг., особенно к их глазам, подобно мистическому акту. Ретушер стремится выйти за границы эмпирического в сферу метафизического, которое пространственно связано с душой каждого человека. Заглядывание ретушера в глаза ретушируемых – это постижение возможности восхождения их душ к божественному идеалу, связанному с идеями доброты и милосердия. Работа ретушера получает этическое измерение, так как выражает его нравственную неуспокоенность о недостаточности тепла и доброты в душе каждого человека. Объективный взгляд повествователя на одну из посетительниц фотоателье («непривлекательная», «усталая», у нее «плотно сжатые губы, темно-серые глаза под низким нахмуренным лбом») не совпадает с тем, какой она становится под пером ретушера: «пришла в фотоателье июльским светлым вече-

ром тысяча девятьсот тридцать пятого года <...> женщина была перед ним, как будто на сцене, ярко освещена <...> она мало походила на свой живой прообраз <...> оживил губы мягким розовым цветом (уместнее было бы говорить не о цвете, а о свете) <...> глаза заблестели на освещенном фоне и как будто ожили» [5, с. 8].

Образный ряд в рассказе, связанный с предметами гардероба, продолжает традицию гоголевской повести. Трагичность существования героя в мире, в котором он постоянно лишается защиты, передается мотивами ветшания (изношена шинель, «фронтальная подруга», которая «хранила и берегла» [5, с. 11] и спасла от пули, застрявшей в верхней пуговице) и воровства (украдены пальто отца, материнская пуховая шаль, новое пальто).

Начало рассказа – приход героя в отделение милиции с жалобой на ночное ограбление – фиксирует критическую точку неблагополучия в мире. Семантика названия рассказа «Потерпевший», восходящая к лексикону официальных юридических документов, сфокусирована на проблеме отношений официальных инстанций и человека, обращающегося к ним за помощью. Название рассказа в свернутом виде содержит коллизию встречи маленького человека со «значительным лицом». Эта гоголевская коллизия получает развитие в других исторических рамках: заявление потерпевшего датировано 1 марта 1955 г., а папка следователя, в которую помещается дело потерпевшего, имеет условное название «грабежи за зиму 1954/1955 года» [5, с. 17]. В этой частоте преступлений угадывается отголосок последствий амнистии заключенных в 1953 г., которая обострила ситуацию незащитности человека перед социальным злом. И социальный сбой, выступающий завязкой повествования, и взаимоотношения потерпевшего и следователя, определяющие развитие сюжета, рассматриваются за пределами эмпирической реальности – в метафизической сфере. Этот принцип миропонимания Долгопят отражается в насыщенном образно-символическом ряде повествования.

Социальный сбой мыслится Е. Долгопят как нарушение равновесия между добром и злом, противостояние между которыми заложено в самой онтологии мира. При таком понимании причин происходящего герой выступает не только в роли жертвы, но и бдительного стража. Своей жалобой он не только буквально кричит о недопустимости дальнейшего нарушения баланса, но и вступает в поединок со злом. Мотив границы в различных образных вариациях (лед, река) усиливает тему потусторонней реальности: «Потер-

певший наклонился близко к бумажному листу, долго в него вглядывался и, наконец, осторожно касаясь пером бумаги (будто ступая ногой на лед, прочен ли, не ухнешь ли сразу вместе с этим льдом в речную темную воду), начал писать <...> Он поднял невидящие глаза и тут же вновь опустил. Писал он осторожно, строка за строкой, ровным почерком» [5, с. 5]. Е. Долгопят трансформирует коллизию письма, сопутствующую образу гоголевского Башмачкина. Переписывание Башмачкина было построено на переходе канцелярского письма в метафизическое, связанное со сферой гармонии и идеала: «Там, в этом переписывание, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир» [14, с. 235]. У Долгопят письмо построено на переходе исповедального в канцелярское. Метафизическое письмо Башмачкина – это форма эскапизма от неидеальной и враждебной реальности. Исповедальное письмо героя Долгопят раскрывает столкновение с враждебными силами мира, от которых нет возможности спасения.

Следователь – это трансформированная версия гоголевского значительного лица. Динамика встреч следователя и потерпевшего показывает переход социального мира от равнодушия к враждебности по отношению к человеку (первая встреча: отложил карандаш, докурив папиросу, растер поясицу; вторая встреча: переломил надвое карандаш, швырнул на пол обломки и произнес энергичное матерное ругательство; третья встреча: досказать ему следователь не дал, рывкнул [5, с. 15–28]. Смерть ретушера определяет изменение в образе следователя: должностное равнодушие замещается человеческим чувством вины. Чувство вины становится отправной точкой для духовного изменения следователя, ставя его перед выбором: принять на себя ответственность за зло в мире или отказаться от этого бремени.

Пространственная организация последующих встреч-видений следователя с потерпевшим связана с образом границы («увидел на тропе за калиткой нелепую фигуру», «за калиткой стоял потерпевший и смотрел» «увидел робко переступающего порог потерпевшего», «у подъезда дожидался его потерпевший», «нисколько не удивился, увидав на пороге потерпевшего» [5, с. 15]). Это качество пространства отвечает психоэмоциональному состоянию следователя, который находится в ситуации этического самоопределения. Взаимодействие героя с замкнутым пространством дома старушки, заглядывание в его окно становится метафорой погружения героя в бездну своей души: «За неосвещенным окном он разглядел бледное пятно лица. Оно стоя-

ло за стеклом, как светящаяся рыба в аквариуме; приблизилось к стеклянной границе между двумя мирами и застыло, не в силах оторвать круглых плоских глаз. Он постучал в раму, и старушка исчезла. Он стоял долго, но так и не дождался ее появления. Постучал в дверь, но никто с той стороны не подошел» [5, с. 32]. Антитеза смерти (старушка) и воскрешения («светящаяся рыба» – символ действия Святого духа, действие божественной благодати, воспламеняющей сердца «погруженные в море греха» [15, с. 131]) максимально полно отражает пик напряжения в ситуации нравственного выбора следователя. Следователь берет на себя ответственность не как должностное лицо, а как человек, в тех масштабах, что и ретушер, остро чувствовавший неблагополучие мира: «Что простое дело – самое сложное. Простое дело разрешить нельзя. Вот как ваше. Нельзя придумать, как отыскать ваше пальто. То есть придумать можно, но исполнить нельзя. Нету возможностей. Людей, времени. Это целая армия нужна. И целая вечность» [5, с. 35].

Финал рассказа построен на грубом стилистическом разрыве между ирреальным (мистическим) и реальным мирами. В реальности социальная справедливость восстановлена случайным и бесчеловечным образом: «главаря следователь застрелил при попытке к бегству, как зверя» [5, с. 35]. Но это событие не имеет ценности для иного измерения жизни – следователь не смог отдать пальто потерпевшему, их встречи прекратились. Завершение встреч равносильно мнимому нравственному успокоению у следователя, которое возникает из неверного, но удобного понимания произошедшего события как акта возмездия. Эта иллюзия становится причиной отказа следователя нести бремя нравственной ответственности за хаос миропорядка. Герой ограничивается жестокими социальными механизмами для мнимой гармонизации мира.

Таким образом, в рассказе Е. Долгопят реципирование сюжетных эпизодов повести «встреча со значительным лицом» и «карательный фантастический финал» актуализирует и трансформирует понимание темы социального мира и социального индивида, не соответствующих этическому идеалу.

Пьеса Олега Богаева «Башмачкин» впервые опубликована в драматургическом сборнике уральских авторов «Нулевой километр» в 2004 г. Богаев, как и другие авторы уральской драматургической школы, в своем творчестве проявил интерес к традиции русской классики XIX в. Внимание прежде всего было сосредоточено на корпусе произведений, которые связаны темой маленького человека, изображающих его одно-

временно в социальном и экзистенциальном аспектах [16, с. 5].

Пьеса содержит адресную цитатную аллюзию на повесть «Шинель». Способ межтекстовой связи определен, во-первых, жанровыми условиями «переписывания» произведения классика. О. Богаев во многом продолжает традицию уральской драматургической школы, которой свойственна прозаизация драматургического текста [17, с. 5], определяющая тяготение к созданию «бумажных» пьес, предназначенных больше для чтения, чем для постановки. Второе условие связано с тем, что в рецептивном контексте О. Богаева можно проблематизировать вопрос о характере опосредованной историко-литературной преемственности между поэтикой гоголевского абсурда и поэтикой театра абсурда, оформившейся в западноевропейской драматургии и театре в начале 1950-х гг. В пьесе Богаева можно наблюдать очевидное схождение воззрений Гоголя-абсурдиста¹ и европейского театра абсурда, которые оказались созвучны идейно-эстетическим исканиям уральской школы «новой драмы» 1990-х. Основой схождения является не историко-литературная преемственность, а типологическая близость в постановке вопроса об абсурдности бытия и человеческого существования [21].

Абсурд в творчестве Гоголя периода «Ревизора», «Петербургских повестей» и «Мертвых душ» стал выражением недопустимого отклонения мира от божественного замысла. В этом принципиальное отличие Гоголя от традиции европейского театра абсурда. Для театра абсурда 1950-х гг., опирающегося на идеи философии экзистенциализма, представление об абсурдности

бытия и человеческого существования – это исходная точка этического, гносеологического, онтологического и эстетического самоопределения. Абсурд в экзистенциальном мироощущении – это не отклонение от нормы, а норма мироздания. В силу этого обстоятельства все уровни поэтики европейской драмы абсурда были сосредоточены на изображении тщетности человеческих усилий постигнуть законы мира, в котором нет причинно-следственных связей, смыслового и ценностного центра [21, с. 7].

Эти две позиции понимания абсурда в пьесе заявлены как взаимососуществующие и находящиеся в неразрешимом противоречии. О. Богаев для изображения абсурдной реальности берет моделирующий потенциал фантастического финала повести «Шинель», в котором карательная коллизия связана с мстительными действиями Башмачкина, взявшего на себя роль судьи.

Гротескное изображение реальности в пьесе заостряет внимание на господстве в ней жестокости и агрессии по отношению к беззащитному человеку. Открывающая драматургическое действие сцена ночного ограбления Башмачкина, пронизанная прямым физическим насилием над слабым, отражает кризисное состояние реальности, в которой достигнута критическая точка зла. Это же художественное задание выполняет частота называния героя полным именем, семантика которого «незловбивый» и «кроткий». Имя героя, Акакий Акакиевич, фиксируется в пьесе 22 раза – из них 14 раз в первом фрагменте, остальные упоминания рассредоточены по всему тексту.

В пьесе гротескно усилены доминирующие черты гоголевского Петербурга: царит вечная ночь (полумрак (два раза), ночь (четыре раза), темнота и ее производные (11 раз), свеча (два раза)) и зима (снег и его производные (15 раз), холод и его производные (пять раз), мороз и его производные (10 раз), ветер и его производные (шесть раз), лед и его производные (три раза)), черный (13 раз), красный (два раза). Топос Петербурга выступает символом антимира, в котором жажда возмездия маленького человека над обидчиками воплощается в гротескно-абсурдных формах. Эта карательная коллизия определяет сюжетно-фабульную основу пьесы. Гоголевская мысль об оборотничестве кроткого и смиренного маленького человека в жестокого и мстительного получает развитие в системе персонажей пьесы – Башмачкин и Шинель равнозначные действующие герои. Зона их взаимодействия – это внутренняя реальность сознания Башмачкина, пребывающего в состоянии болезненной лихорадки. В фантазмагорических видениях Башмачкина

¹ Первый, кто обратил внимание на специфику гоголевского абсурда, был Б. Эйхенбаум. Исследователь в духе идей формальной школы выделил абсурд как языковой игровой прием, используемый для создания комического эффекта [18]. А. Белый, ни разу не употребляя термин «абсурд», образно сформулировал принципы гоголевского художественного абсурда, восходящего к деавтоматизированному видению реальности [19, с. 43]. В. Набоков в своих лекциях о русской литературе обозначил абсурд как базовый принцип гоголевского мировидения и мироощущения: «Абсурд был любимой музой Гоголя, но когда я употребляю термин “абсурд”, я не имею в виду ни причудливое, ни комическое. У абсурдного столько же оттенков и степеней, сколько у трагического, – более того, у Гоголя оно граничит с трагическим. Было бы неправильно утверждать, будто Гоголь ставит своих персонажей в абсурдные положения. Вы не можете поставить человека в абсурдное положение, если весь мир, в котором он живет, абсурден» [20, с. 102–103]. М. Вайскопф, пристально и детально исследуя морфологию и генезис гоголевских сюжетов, отметил, что глубинная подоснова абсурдистских фабул гоголевских повестей и стилистической тональности их воплощения, которую пронизывает неясность, туманность и недооволащенность, отражает вскрытую Гоголем «утрату миром Логоса: мудрости красоты и истины как организующего, связующего сакрального начала» [10, с. 338].

Шинель одержима мстью. Возмездие, вершимое Шинелью, по мере своего воплощения теряет свою телеологическую основу. Обнаруживаемый порочный круг, когда ответной реакцией на немотивированную агрессию мира становится бесконтрольное проявление насилия со стороны обиженного, ставит вопрос о субъекте, который может остановить увеличение зла в мире. В пьесе этот вопрос решается в пространстве души Башмачкина. Башмачкин, в лихорадочном безумии тоскующий о Шинели, ждет возвращения своей души к прежнему состоянию кротости и смирения, которое было ему свойственно до ограбления. Контрастные пространственные характеристики героев подчеркивают взаимное стремление Шинели и Башмачкина вернуть бунтующую и карающую душу в границы этически дозволенного. Открытое пространство Шинели противопоставлено закрытому пространству Башмачкина. Способ возвращения Шинели к Башмачкину («Разбивается оконное стекло, комната наполняется холодным, промерзшим воздухом. В комнату влетает *Ш и н е л ь*» (курсив О. Богаева. – В. Б.) [6]), одновременно знак приобретения душой внешних границ, выполняющих функцию нравственных ограничений в соответствии с морально-религиозными установками и расширения внутренних, свидетельствующих о мистическом восхождении к божественному порядку. Присутствующие в образе Шинели ассоциации, связанные с мифолого-символическим ореолом Иисуса Христа¹, позволяют говорить о том, что семантика расширения связана с преодолением Башмачкиным желания мстить. Магистральным сюжетом становится сюжет спасения души маленького человека, поддавшегося разрушительному соблазну карать обидчиков. Спасения души не для земного существования, а для реальности иного порядка.

О. Богаев, проблематизируя в своей пьесе вопрос о формах и способах проявления божественного в абсурдном мире, переводит его в плоскость размышлений о способности или неспособности души воздержаться от желания вершить Страшный суд. Показателен в этом отношении финал, предлагающий альтернативу мести маленького человека своим обидчикам. Дарованное Башмачкину чудо («*Видать добрый был человек! Перед смертью Ангела видел*» [7]) важно не только в масштабах его жизни, но и в масштабе жизни свидетелей, которые ограбили его. Произошедшее чудо – проявление к ним милосердия и прощения как альтернативе наказанию.

Заключение

Таким образом, элементы художественной системы повести «Шинель», опирающиеся на христианскую традицию, по-разному моделируют произведения современных писателей. В рассказе Е. Чижовой «Нюточкин дом» (2008) и пьесе О. Богаева «Башмачкин» (2003) в центре конфликт между маленьким человеком и онтологическими законами Петербурга, обрекающими первого на сопротивление враждебным силам социального и метафизического порядка. В рассказе Е. Чижовой происходит усвоение и закрепление петербургского мифа о маленьком человеке. Богаев вскрывает оборотную сторону сюжета Страшного суда, инициатором которого является маленький человек. Перенесение карательной коллизии в плоскость фантазмагорических видений Башмачкина актуализирует проблему нравственного выбора героя, искушаемого жадой мести. В повести Е. Долгопят «Потерпевший» показан антигуманный социум, в котором человек удовлетворяется стихийными и жестокими механизмами утверждения социальной справедливости, отказываясь от способов гармонизации мира, основанных на системе вечных ценностей.

Список источников

1. Шкловский В. Б. Розанов // Гамбургский счет. М.: Советский писатель, 1991. С. 101–115.
2. Тынянов Ю. Н. О литературной эволюции // Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 270–282.
3. Баль В. Ю. Повесть Н. В. Гоголя «Шинель» в рецептивном сознании эпохи рубежа XX–XXI веков. Статья 1 // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 4 (234). С. 136–145.
4. Чижова Е. Нюточкин дом // Звезда. № 1. 2008. С. 14–39.
5. Долгопят Е. Потерпевший // Родина. М.: РИПОЛ классик, 2017. С. 3–37.

В пьесе бесконечно длящийся третий день (третий дён пурга свищет, третьего дня заявленье писал о пропаже, ее отобрали третьего дня, третий дён в бреду, тре-ть-его дня он по-шил шин-ель... [6]). К интерпретации можно привлечь коннотации числа три в христианской мифологии – воскресение Иисуса Христа через три дня. В части, пронумерованной третьей, представлены аллюзии на распятие Христа. В этой части сапожник, ставший очередным владельцем шинели, неявно связан с царством мертвых. Двусмысленно звучит его рассказ об одном заказчике, точнее – его усохших зимой конечностях и расхлябанных сапогах, которые были «новыми лет сто тому». Носить шинель сапожник собирается на Пасху, а в финале он пытается снять шинель с гвоздя, но у него не получается, так как «шинель точно приколочена к стене» [6]. Венчающий эту главу мотив огня, из которого выходит Шинель, при всей своей разрушительности также отсылает к символу крещения огнем, которое было третьим.

6. Богаев О. Башмачкин. URL: <https://bogaev.narod.ru/doc/bashmachkin.htm> (дата обращения: 14.02.2024).
7. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2004. 704 с.
8. Маркович В. М. Петербургские повести Н. В. Гоголя. Л.: Худож. лит. 1989. 205 с.
9. Дилакторская О. Г. Фантастическое в «Петербургских повестях» Н. В. Гоголя. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1986. 204 с.
10. Вайскопф М. Я. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2002. 686 с.
11. Бочаров С. Г. Холод, стыд и свобода. История литературы sub specie (с точки зрения) Священной истории // Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 121–152.
12. Гончаров С. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1997. 340 с.
13. Янушкевич А. С. История русской литературы первой трети XIX века: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2015. 752 с.
14. Гоголь Н. В. Шинель // Собр. соч.: в 8 т. М., 1984. Т. 3. 429 с.
15. Шейнина Е. Я. Энциклопедия символов. М.: АСТ, 2003. 591 с.
16. Шлейникова Е. Е. Драматургия О. А. Богаева в контексте русской драмы рубежа XX–XXI веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 19 с.
17. Васильева С. С. Пьесы Олега Богаева и проблемы современного драматургического языка // Вестник ВолГУ. Серия 8. Вып. 12. 2013. С. 63–73.
18. Эйхенбаум Б. Как сделана Шинель Гоголя // О прозе: сб. ст. Л.: Худож. лит., 1969. С. 306–326.
19. Белый А. Мастерство Гоголя. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1934. 324 с.
20. Набоков В. Шинель // Лекции по русской литературе. СПб.: Азбука-классика, 2010. С. 101–113.
21. Зырянова О. Н. Поэтика абсурда в русской драме второй половины XX – начала XXI вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2010. 22 с.

References

1. Shklovskiy V. B. Rozanov. In: *Gamburgskiy schet* [Hamburg account]. Moscow, 1991. Pp. 101–115 (in Russian).
2. Tynyanov Yu. N. O literaturnoy evolyutsii [On literary evolution]. In: *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Movie]. Moscow, 1977. Pp. 270–282 (in Russian).
3. Bal V. Yu. N. Povest' N. V. Gogolya "Shinel'" v retseptivnom soznanii epokhi rubezha XX–XXI vekov. Stat'ya 1 [Gogol's story "The Overcoat" in the receptive consciousness of the turn of the XX–XXI centuries. Article 1]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 4 (234), pp. 136–145 (in Russian).
4. Chizhova E. Nyutochkin dom [Nyutochkin's house]. *Zvezda*, 2008, no. 1, pp. 14–39 (in Russian).
5. Dolgopyat E. Poterpevshiy [Victim]. *Rodina* [Motherland]. Moscow, 2017. Pp. 3–37 (in Russian).
6. Bogaev O. *Bashmachkin* (in Russian). URL: <https://bogaev.narod.ru/doc/bashmachkin.htm> (accessed 16 March 2024).
7. Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg, 2004. 704 p. (in Russian).
8. Markovich V. M. *Peterburgskie povesti N. V. Gogolya* [Petersburg stories by N. V. Gogol]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989. 205 p. (in Russian).
9. Dilaktorskaya O. G. *Fantasticheskoye v "Peterburgskikh povestiyakh" N. V. Gogolya* [Fantastic in "Petersburg Tales" N. V. Gogol]. Vladivostok, 1986. 204 p. (in Russian).
10. Vayskopf M. Ya. *Syuzhet Gogolya: Morfologiya. Ideologiya. Kontekst* [Gogol's plot: Morphology. Ideology. Context]. Moscow, 2002. 686 p. (in Russian).
11. Bocharov S. G. Kholod, styd i svoboda. Istoriya literatury sub specie (s tochki zreniya) Svyashchennoy istorii [Cold, shame and freedom. History of literature sub specie (from the point of view) of Sacred history]. *Syuzhety russkoy literatury* [Plots of Russian literature]. Moscow, 1999. Pp. 121–152 (in Russian).
12. Goncharov S. *Tvorchestvo Gogolya v religiozno-misticheskom kontekste* [Gogol's creativity in a religious and mystical context]. Saint Petersburg, Herzen University Publ., 1997. 340 p. (in Russian).
13. Yanushkevich A. S. *Istoriya russkoy literatury pervoy trety XIX veka* [History of Russian literature of the first third of the 19th century]. Uchebnoye posobiye. Moscow, 2015. 752 p. (in Russian).
14. Gogol N. V. *Shinel'* [The Overcoat]. In: Gogol N. V. *Sobraniye sochineniy: v 8 tomakh* [Works: in 8 volumes]. Volume 3. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 429 p. (in Russian).

15. Sheynina E. Ya. *Entsiklopediya simvolov* [Encyclopedia of symbols]. Moscow, 2003. 591 p. (in Russian).
16. Shleynikova E. E. Dramaturgiya O. A. Bogaeva v kontekste russkoy dramy rubezha XX–XXI vekov. *Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Dramaturgy O. A. Bogaev in the context of Russian drama at the turn of the XX–XXI centuries. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Saint Petersburg, 2008. 19 p. (in Russian).
17. Vasilyeva S. S. P'esy Olega Bogaeva i problemy sovremennogo dramaturgicheskogo yazyka [Plays by Oleg Bogaev and problems of modern dramatic language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Literaturovedeniye. Zhurnalistika – Science Journal of VolSU. Literary Criticism. Journalism*, 2013, vol. 12, pp. 63–73.
18. Ejnenbaum B. Kak sdelana Shinel' Gogolya [How Gogol's Overcoat was Made]. In: O proze: sbornik statey [About prose. Digest of articles]. Leningrad, 1969. Pp. 306–326 (in Russian).
19. Belyy A. *Masterstvo Gogolya* [Gogol's mastery]. Leningrad, Moscow, 1934. 324 p. (in Russian).
20. Nabokov V. Shinel' [Overcoat]. In: Nabokov V. *Leksii po russkoy literature* [Lectures on Russian literature]. Saint Peterburg, Azbuka-klassika Publ., 2010. Pp. 101–113 (in Russian).
21. Zyryanova O. N. *Poetika absurda v russkoy drame vtoroy poloviny XX – nachala XXI vv. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Poetics of the absurd in Russian drama of the second half of the 20th – beginning of the 21st centuries. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Krasnoyarsk, 2010. 22 p. (in Russian).

Информация об авторе

Баль В. Ю., кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

E-mail: balverbal@gmail.com

Information about the author

Bal V. Yu., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: balverbal@gmail.com

Статья поступила в редакцию 26.03.2024; принята к публикации 01.10.2024

The article was submitted 26.03.2024; accepted for publication 01.10.2024

УДК 821.161.1; 82-312.7

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-133-142>

(Нео)мифологизация образа дома-гостиницы в романе Лены Элтанг «Каменные клены»

Елена Александровна Полева

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, polewaea@rambler.ru

Аннотация

Представлены результаты исследования семантики центрального в романе Лены Элтанг «Каменные клены» пространственного образа дома-гостиницы и проявления поэтики неомодернизма в способах мифологизации образа дома. Дом-гостиница «Каменные клены» – не только пространство сюжетного действия, но «персонаж» дневников/книги центральной героини, образ-миф в ее сознании. «Клены» соединяют семантику жизни и смерти не как в идиллии (естественная смена поколений), а в соответствии с архаическими представлениями о смерти как этапе жизненного цикла. Эта мифологическая семантика проявляется через разные семиотические коды – вегетативный (Саша выращивает лекарственные растения) и творческий (захоронение в земле и откапывание дневника-травника уподобляется смерти и воскресению зерна, рождению). Кроме этого, образ «Каменных кленов» поддерживает комплекс аллюзий на волшебную сказку, соотносится с заколдованным царством, местом проверки способностей потенциального жениха вызволить невесту из беды, воскресить из сна-смерти. Наконец, важна история появления этого жилища у семьи Сонли. Дом куплен на деньги, завещанные матери Саши тайным бескорыстным влюбленным и полученные уже после его смерти. Но он превращен в гостиницу, соединил функции родовой усадьбы и постоялого двора. Посредством образа дома-гостиницы Элтанг выстраивает персональный миф о мире и человеке в нем. В этом мифе акцентирована «абсолютность», идеальность Дома, но он – случайный дар и временное земное пристанище человека. Дом не дает гарантии устойчивости существования. Но именно осознание себя «постояльцем» (Луэллин), «трактирщицей» (Саша) способствует появлению и реализации творческой интенции, направленной на противостояние распаду материи, разрушению связей. Мифологизм в романе совмещен с психологизмом, архаическая семантика в поэтике пространства романа соединена с авторским мифом о «доме-гостинице».

Ключевые слова: Л. Элтанг, поэтика пространства, дом, гостиница, литература русского зарубежья, неомифологизм, модернизм, неомодернизм

Для цитирования: Полева Е. А. (Нео)мифологизация образа дома-гостиницы в романе Лены Элтанг «Каменные клены» // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 6 (236). С. 133–142. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-133-142>

(Neo)mythologization of the image of the house-hotel in Lena Eltang's novel "Stone Maples"

Elena A. Poleva

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, polewaea@rambler.ru

Abstract

The article contains the results of the study of the semantics of the central spatial image of the house-hotel in Lena Eltang's novel "Stone Maples" and the manifestation of the poetics of neomodernism in the methods of mythologization of the image of the house. The house-hotel "Stone Maples" is not only the space of the plot action, but also a "character" of the diaries/book of the central heroine, an image-myth in her consciousness. "Maples" are the place of death of Sasha's parents, they connect the semantics of life and death not as in an idyll (natural change of generations), but in accordance with archaic ideas about death as a stage of the life cycle. This mythological semantics is manifested through different semiotic codes – vegetative and creative: burial in the ground and digging up of the herbal diary is likened to the death and resurrection of grain, birth. In addition, the image of the "Stone Maples" supports a complex of allusions to a fairy tale, is associated with an enchanted kingdom, a place to test the abilities of a potential groom to rescue a bride from trouble, to resurrect her from sleep-death. Finally, the story of the appearance of this home in the Sonli family is important. The house was bought with money bequeathed to Sasha's mother by a secret selfless lover and received after his death, but it was turned into a hotel, combining the functions of a family estate and an inn. Through the image of a house-hotel, Eltang builds a personal myth about the world and man in it. This myth emphasizes the "absoluteness", the ideality of the House, but it is an accidental gift and a temporary earthly refuge for man. The house does not guarantee the stability of existence. But it is the awareness of oneself as a "guest", "innkeeper" that contributes to the emergence and implementation of a creative intention aimed at counter-

ing the disintegration of matter, the destruction of connections. Mythologism in the novel is combined with psychologism, archaic semantics in the poetics of the novel's space is connected with the author's myth about the 'house-hotel'.

Keywords: *L. Eltang, poetics of space, house, hotel, literature of Russian diaspora, neo-mythologism, modernism, neo-modernism*

For citation: Poleva E. A. (Neo)mifologizatsiya obraza doma-gostinitsy v romane Leny Eltang "Kamennye kleny" [(Neo)mythologization of the image of the house-hotel in Lena Eltang's novel "Stone Maples"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 6 (236), pp. 133–142 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-133-142>

Введение

Лена Элтанг родилась в Ленинграде в 1964 г., эмигрировала из России в 1980-е гг., с 1991 г. живет в Вильнюсе. Публикуется с 2003 г., автор сборников стихов, малой прозы, романов «Побег куманики» (2006, 2-я ред. 2009, 3-я ред. 2023), «Каменные клены» (2008), «Другие барабаны» (2011, вторая редакция – «Царь велел тебя повесить», 2018), «Картахена» (2015), «Радин» (2022). Ее творчество привлекло внимание критиков и ученых [1–5], однако многие аспекты проблематики и поэтики прозы писательницы только намечены.

Г. Ермошина точно подметила важность пространственных образов в прозе Элтанг, они в повествовательной ткани создают контур, модель «отношения человека с реальностью» [6]. Задача данного исследования – выявить семантику центрального в романе «Каменные клены» пространственного образа дома-гостиницы и проявления поэтики неомодернизма в способах мифологизации образа дома.

Неомодернизм мы понимаем вслед за А. А. Житневым как «родовое обозначение всего множества художественных практик второй половины XX – начала XXI веков, наследующих модернистской и авангардной парадигмам» [7, с. 16]. В неомодернизме «идея „собираания себя“ оказывается неотделима от сознательного моделирования своего образа», от мифологизации; «балансирование между условностью и реальностью, между мифом и ситуацией определило двунаправленность современного художественного поиска, связанного с ревизией модернистской поэтологии» [7, с. 102].

Как верно указала И. Н. Зайнуллина, внимание к мифу свойственно «писателям различных эстетических направлений» [8, с. 5]. При этом «мифологизация в отечественной прозе рубежа XX–XXI вв. осуществляется двумя основными способами – инкорпорированием в ткань художественного произведения мифологических реминисценций; созданием „авторского мифа“...» [8, с. 5–6]. Т. А. Рытова и Е. А. Щипкова отметили, что если «в конце XIX – начале XX в. обращение к мифологии возникало на фоне реалисти-

ческой традиции и позитивистского мирозерцания, <...> то в конце XX в. обращение к мифологии происходит на фоне модернистской и постмодернистской традиции...» [9, с. 115]. Т. А. Рытова, Е. А. Щипкова приводят мнение Е. Абдуллаева [10], с точки зрения которого в 1990-х годах наблюдается «исчерпанность неомодернизма» [9, с. 115]. Можно согласиться с Е. Абдуллаевым: ряд русскоязычных писателей этой эстетической направленности в 1990-е гг. были ориентированы на Запад [10], предпочли эмиграцию (Элтанг в их числе). Однако, на наш взгляд, это не означает «исчерпанности».

Материал и методы

Роман Л. Элтанг «Каменные клены» исследуется с опорой на структурно-семиотический подход к анализу художественного пространства. Элементы интертекстуального анализа используются для установления соответствия картины мира персонажа мифологическим представлениям, сюжетной логики романа – фольклорным мотивам. Системный анализ отсылок к мифам народов мира, хотя их использование и является способом мифологизации повествования, выходит за рамки научного описания в данной статье.

Результаты исследования

Роман «Каменные клены» (2008), дневниково-эпистолярный по форме, включает тексты двух центральных персонажей (хозяйки дома-гостиницы «Каменные клены», расположенной на уэльском побережье, Саши Сонли, и человека, прибывшего в качестве постояльца Луэллина Элдерберри / Лу), а также письма второстепенных персонажей. Пространство в романе передано сквозь призму сознания того или иного персонажа, оно выражает образ мира в восприятии конкретного человека.

Жизнь сознания является основным предметом художественного осмысления автором. В центре внимания Л. Элтанг персонажи, характерологической чертой которых является сниженная социальная активность и даже одиночество, компенсируемое погруженностью в мир культуры в целом, античных мифов и фольклора

в частности; свой социальный и психологический опыт они соотносят с архаическими сюжетами и образами.

*Архаическая (мифологическая) семантика
образа дома в романе*

Исследователи художественного пространства (Ю. М. Лотман, М. М. Бахтин, В. Н. Топоров и др.) отмечали, что дом семантически антонимичен открытым пространствам (лесу, полю, дороге), в отличие от них и других замкнутых (общественных) локусов, он имеет значение «своего» пространства. М. М. Бахтин говорил о доме как идиллическом хронотопе, противопоставленном авантюрному пространству-времени. В идиллии «органическая прикрепленность, приращенность жизни и ее событий к месту –... к родному дому. <...> Пространственный мирок этот ограничен и довлеет себе, не связан существенно с другими местами, с остальным миром. <...> Единство места сближает и сливает колыбель и могилу (тот же уголок, та же земля), детство и старость ... Это определяемое единством места смягчение всех граней времени существенно содействует и созданию характерной для идиллии циклической ритмичности времени» [11, с. 258].

Усадьба «Каменные клены» во многом соответствует приведенному описанию, однако не в полной мере. Во-первых, Саша пребывает в постоянной тревоге, что потеряет дом из-за нищеты и наличия других наследников (мачехи и сводной сестры), во-вторых, М. М. Бахтин упоминает о связи пространства дома и с жизнью, и со смертью, но, вероятно, полагает естественную цикличность смены поколений. В романе же родовое поместье является местом трагической смерти родителей Саши далеко не в преклонном возрасте: «На маму упала гнутая железная арка с надписью ГОСТИНИЦА, когда они с отцом укрепляли ее над воротами за неделю до Рождества...» (выделено прописными буквами Элтанг. – Е. П.) [12, с. 84], а отец умер в «Кленах» после мучительной болезни, случившейся из-за автомобильной аварии. В преждевременных смертях родителей как будто проявляется злая ирония судьбы: Лиза была инициатором превращения дома в гостиницу, и арка с этим словом убивает ее; Уолдо плотничал, стремился усовершенствовать дом, но, став неподвижным инвалидом, по сути, посылно разрушает его: «...папа теперь все время колул шукаатурку, под ногтями у него была известь...» [12, с. 127]. Отец после аварии стал равнодушен ко всему, у него не было цели ни поправиться, ни стараться удержать дом. Вместо этого он погрузился в субъективную иллюзорную действительность и в каждом входящем в комнату стремился увидеть погибшую первую жену, что для Саши

стало знаком отреченности отца от социальной реальности и устремленности к своей подлинной любви, которая для Уолдо оказывается значимее, чем она, его дочь: «Лиза, это ты? – говорил он входящей в комнату Хедде, но, узнав ее, отворачивался с усталой гримасой. Сначала Сашу это радовало, но однажды она сама услышала Лиза, это ты? войдя в полутемную спальню, и увидела, как отцовский рот сложился в брезгливую складку» (курсив Элтанг, сохранена авторская орфография. – Е. П.) [12, с. 126].

Ранний уход родителей не вписывается в идиллическую концепцию дома, однако у Саши не возникает чувства неприязни к усадьбе, наоборот, героиня привязана к «Кленам» и воспринимает поместье как принадлежащее отцу и матери даже после их смерти. На это указывают постоянные эпитеты в характеристике того или иного локуса внутри усадьбы: «к маминой теплице», «из папиного сарая», «мамину альпийскую горку», «из маминой теплицы», «в папином сарае», «В маминой оранжерее» [12, с. 8, 9, 13, 16, 26, 53, 269, 316, 333].

Ряд примет позволяет предположить, что Л. Элтанг использует архаическую модель дома, которая совмещает функции жилья и для живых, и для мертвых. О. М. Фрейденберг указала, что и дом, и могила вышли из единого понимания «храма»: «‘храм’ в тотемистическом понимании есть ‘хорома’, жилище, дом и комната, но и ‘могила’ (лоно: здесь умирают и оживают)» [13, с. 96], дом – не только для живых, но и для умерших предков: «Усопшие, герои, гении, мертвецы <...> становятся в семье предками и кровными родственниками. Римская семья живет вместе с ними, с ними ест и пьет...» [13, с. 172].

Отрицая общение с призраками родителей, Саша уверена, что они рядом и сочувственно относятся к ее положению: «Так вот, про передвижения духов – я ни разу не видела своих родителей, с тех пор, как их не стало, что бы там в городе ни говорили. <...> Отец переживает за меня, я это чувствую. И мама тоже. Я знаю, что оба они где-то здесь и хотят как лучше. Им неприятно сознавать мою нищету, бестолковость и смятение. Они желали бы выдать меня замуж» [12, с. 147]. Кроме этого Саша считает, что мама читает ее дневник и что это «последний способ разговаривать с мамой, другого мне в жизни не выдумать, да и нету никакого другого» [12, с. 15].

Маму, как уже было отмечено, буквально убивает архитектурный элемент дома, превращенного в гостиницу. Отца после смерти кладут на им же сделанный садовый стол [12, с. 16]. А вместо поездки на кладбище Саша начинает

вычищать весь дом, что немало удивляет мачеху и всех остальных: «Она подвернула юбку, повязала голову белым платком, взяла щетку и принялась сосредоточенно чистить пол в кухне» [12, с. 26]. Повязывание белого платка (тогда как остальные в траурной черной одежде), отказ от проводов отца на кладбище, генеральная уборка в доме именно во время похорон не поддаются обыденному пониманию. Но мытье дома после покойника – ритуал, уходящий корнями в архаику и связанный изначально с люстрациями (очищением посредством жертвоприношения). О. М. Фрейденберг отметила, что в такие дни «весь семейно-родовой дом подвергается капитальной чистке» [13, с. 188]. Прощание с отцом в придомовом саду, а не на кладбище, действия Саши, ее ощущение присутствия родителей рядом с ней после их смерти позволяют выдвинуть гипотезу, что героине свойственно воспринимать смерть в логике мифологической картины мира, в которой уход из физического пространства существования не означает исчезновения, есть понимание «смерти как жизни» [13, с. 65]. Хотя это не снимает трагедии физического расставания с родными, переживания своего сиротства. В описании гибели матери акцентировано исчезновение любимого человека; смерть воспринята как субъект, который отнимает близких: «Мамино лицо куда-то пропало.

Вместо мамы на Сашу смотрел кто-то другой.

Это, наверное, была смерть»¹ [12, с. 85]. Такое же несовпадение облика умершего с самим собой отмечает Саша, вспоминая и кончину отца, и смерть собак.

Героине свойственно амбивалентное отношение к смерти. Для Саши телесная смерть – и отнятие самого любимого, и следствие «отсутствия любви», но вместе с тем и проявление рока, свершение того, что не зависит от воли людей, что случайно и необъяснимо бытовой, привычной логикой.

Амбивалентную семантику имеет и пространство «Каменных кленов». Это и родовое гнездо семьи Сонли, и место, которое сама Саша ассоциирует с кладбищем: «Плакучий бук, самшит, каменные плиты и дерн – поляна за теплицей становится все больше похожа на кладбище. Две могилы чернеют здесь свежей землей, одна старая и мнимая, другая – новая и настоящая» (речь о мнимой могиле сводной сестры и о могиле собак – *Е. П.*) [12, с. 9].

В образе «Кленов» смерть уравнивается витальностью. Это проявляется разнообразно, во-первых, в названии поместья соединены элементы живой («клёны») и неживой («каменные») природы, во-вторых, с пространством и образом женщин семьи Сонли связана флористическая (вегетативная) семантика (мама, а затем Саша выращивают разные травы и ведают, как использовать их для замирания жизни или ее поддержания). В-третьих, усадьба становится местом рождения текста о прошлом, выполняющего функции оживления ушедших из жизни, продолжения разговора с ними. Создание текста ассоциируется с врачеванием травами благодаря тому, что Саша называет дневник «травником» и в качестве эпиграфов к каждой записи использует «рецепты» из маминого «Травника» – книги, написанной «старым русским языком – с фитой и ижицей...» [12, с. 15]. Смерть как бы преодолевается в жизни Саши через выращивание растений в маминой теплице, использование животворной и лечебной силы трав, а также воспоминание и закрепление образов родителей в дневнике-травнике.

Вегетативная семантика дневника проявляется не только в прямом соединении функций создаваемого текста со сводом рецептов из древнерусской народной медицины, но и в уподоблении «травника» зерну, которое Саша постоянно прячет в земле (буквально хоронит) и достает для приращения новым текстом. Сам акт захоронения в архаическом сознании соединяет смерть и жизнь, которые являются разными состояниями *жизненного* цикла («похороны – это погребение человека-злака, из земли прорастающего в весенние дни» [13, с. 129])².

Саша, закапывая и доставая из земли «травник», как бы преодолевает линейность времени, воспроизводя архаическую цикличность смерти – возрождения тех, о ком она пишет. Поэтому «травник» обладает для нее уникальной ценностью, за его сохранность Саша благодарит высшие силы: «Спасибо тебе, Кибела (олицетворение матери-природы, Великая мать богов. – *Е. П.*), или кто там еще у меня в покровителях, за то, что хранящееся под могильным дерном в моем саду не досталось деревенским ворам-гробокрадам» [12, с. 15]. А когда «травник» исчез из тайника, Саша, чтобы вернуть его, отдает потенциальному вору свою девственность.

¹ Л. Элтанг использует автоцитату, то есть идентичное описание смерти матери в более позднем своем романе «Картахена» (2015), что указывает на устойчивую интерпретацию писателем смерти как того, что обезличивает человека.

² Саша проявляет понимание смерти как рождение не только посредством отсылок к мифам (например, упоминая Осириса), но и к психоаналитическим толкованиям образов-символов: «Но ведь тебе хотелось спрятать не просто так (речь о дневнике-травнике. – *Е. П.*), а по Фрейду: могила – это пребывание в теле матери...» [12, с. 321].

Как отметила О. М. Фрейденберг, «рождение, свадьба, похороны, посев, жатва» – все это единые по смысловому наполнению разные типы жертвоприношения [13, с. 124]. В этой логике смерти родителей, бессмысленное расставание Саши с девственностью («травник» взял не Брана, как оказалось), соединение в финале с Луэллином – виновником аварии, из-за которой умер отец центральной героини, – все это можно рассматривать и как варианты жертвоприношения для сохранения жизни, и как стадии инициальных испытаний для Саши и Луэллина.

В финале «Каменные клены» буквально наполняются жизнью: в поместье вернулась сводная сестра с маленькой дочерью. Саша вначале держала сестру в состоянии сна, но затем решила: «Разбудив сестру, я первым делом покажу ей калиновый куст, потом мак и фиалки¹ у северной стены, а уж потом ее могилу за альпийской горкой».

Видишь, скажу я, сколько твоей смерти у меня в саду, а ты все еще жива» (курсив мой. – Е. П.) [12, с. 382]. Проснувшаяся Эдна настроена миролюбиво, более того, она уверяет сестру, что их беды скоро закончатся. И эти слова Саша воспринимает как пророческие: «“...Не бойся, сестра, война закончится, и мы всех победим. Мне так приснилось”».

Выходит, я не напрасно продержала ее в маковой дреме: кто знает, может быть, она <...> подобно Септимию Северу, увидела во сне пророческую лошадь?» [12, с. 384].

Кроме этого, если в завязке Саша обнаруживает своих собак мертвыми и хоронит их, то ближе к развязке в усадьбе появляется новая собака, в момент принятия родов у которой приходит в «Клены» Луэллин. Возвращение Эдны с ребенком, пробуждение сестры, появление потомства, отказ Саши от немоты, соединение полюбивших друг друга людей – концентрированно оформляют семантику финала «Каменных кленов» как торжества жизни.

Но такому финалу предшествовал уход обеих сестер из дома. Эдна вне его стен родила ребенка (причем ее четырехлетнее отсутствие окружающие напрямую, а центральная героиня в своем дневнике метафорически обозначали смертью), а Саша, пройдя через «вествудский лес», потеряла девственность. Уход из дома и возвращение

в него соотносится уже не с мифологическим, а фольклорным (сказочным) сюжетом инициации.

Сказочная семантика образа «Каменных кленов»²

Семантика пространства «Кленов» поддерживает сказочные аллюзии в сюжетной линии Саши и Луэллина. Смерти стражей пространства (собак) в завязке романа, постоянные воспоминания об умерших в усадьбе родителях, образ кенотафа (ненастоящей, пустой могилы) сводной сестры, добровольная немота хозяйки, эксплицитная смысловая игра в звучании ее фамилии (Сонли – сон ли?), адресация одного из дневников («травника») умершей матери – все это оформляет единую семантику «Каменных кленов» как места смерти-сна, мнимо мертвого живого. Ближе к финалу в поместье возвращается сводная сестра, и Саша опаивает ее травами, держит в состоянии сна, что также создает образ «Кленов» как ‘сонного царства’.

«Клены» соотносятся со сказочным ‘окаменелым’ царством [15, с. 131], злые чары в котором развеять может только подлинная любовь того, кто за омертвелым увидит живое, полюбит заколдованного героя в измененном облики. Такую ассоциацию обозначает Саша, пытаясь разгадать, почему мама именно так назвала родовое имение: «...клен – это заколдованный человек, закрывающий лицо пятипалыми листьями» [12, с. 381].

Сказочный интертекст в романе несет важную смысловую нагрузку; с сюжетной схемой и функциями героев волшебной сказки соотносятся взаимоотношения между Сашей и постояльцем ее усадьбы Луэллином. В «Каменных кленах» девушка – потенциальная невеста «прикована» к одному пространству, а хронотоп пути воплощен в сюжетной линии потенциального жениха, что соответствует инвариантам ряда фольклорных сказок: «заколдованная царевна», «любовь к трем апельсинам», «окаменелое царство» [15, с. 128, 130, 131].

Образ Саши соотносится с несколькими вариантами сказочных женских персонажей: полусиротой (как в «Золушке», «Морозко»), заколдованной принцессой (отсутствие речи), невестой, проверяющей подлинность чувств трех потенциальных женихов Дэффидда Монмута, Сондерса Брана, Луэллина Элдерберри (молчанием, отказом от близости, самооговором в дневнике и пр.).

Отдельно отметим, что в романе аллюзии на народные сказки тесно переплетены с литературными, созданными на фольклорной основе. Пер-

¹ Названные растения обрамляют могилу, но мнимую, объединены семантикой смерти или пограничного состояния (калина соотносится с Калиновым мостом, фиалка – с кладбищенским цветком скорби и печали в логике легенды о похищенной дочери Зевса, а мак – с состоянием временного или вечного сна), но, с другой стороны, обилие флоры означает торжество жизни.

² Более подробный анализ сказочного интертекста представлен в статье [14].

вый жених Саши Дэффидд отмечает: «Ты пишешь, что <...> предпочла бы любовь к трем апельсинам, или что-то в этом роде. Отдаешь ли ты себе отчет в том, что в глазах окружающих тебя людей ты выглядишь, скорее, как *la donna serpente*?» (курсив Элтанг. – Е. П.), [12, с. 57]. Этот интертекст поддерживает вычлененную нами семантику: обе сказочных пьесы К. Гоцци (и «Любовь к трем апельсинам», и «Женщина-змея» / «*la donna serpente*») включают мотив оборотничества невесты/жены; счастливый финал соединения возлюбленных обеспечивается мудростью героинь, заступничеством волшебных сил добра, а также наличием подлинно любящего жениха/мужа.

Бывший жених понимает, что образ Саши, сложившийся в сознании соседей, не соответствует подлинному, но он не способен ей помочь, остается лишь дистанцированным собеседником. Героиня же предпочитает проецировать свою судьбу на фольклорный [15, с. 130] и литературный сюжет «Любови к трем апельсинам» (где потенциальную невесту вызволяет тот, кто ее полюбит, и, преодолев испытания подменой возлюбленной, сняв оборотнические чары, они соединятся), что, по сути, и воплощается в ее взаимоотношениях с Луэллином. Он, прочитав дневники Саши, осознает ее беззащитность и одиночество в социальном мире, но также открывает талант писателя, вызвавший у него зависть и восхищение. Он пишет в своем дневнике о возникшей к ней привязанности, используя аналогию с образами из ирландской и индийской мифологии: «говорят, за огмой, сыном этайн, шли люди, прикованные за уши к его языку <...> я прочел сорок девять украденных страниц и теперь прикован к языку саше писательской завистью – а это крепче крюка варуны, на котором тащили умершего к истоку подземных вод» (сохранена авторская орфография, передающая своеобразие дневникового письма героя. – Е. П.) [12, с. 257].

«Каменные клены» связаны с прошлым Луэллина, от которого он настолько хотел бы отстраниться, что поменял фамилию¹ (он виновник аварии, в результате которой отец Саши Уолдо Сонли получил травмы, ускорившие его смерть): «когда я увидел табличку с именем на воротах кленов, в голове страшно помрачилось, словно

богиня ата из девятнадцатой песни Илиады прошла по моей макушке босиком» (сохранена авторская орфография. – Е. П.) [12, с. 139]. Ата – «у Гомера дочь Юпитера ... и богиня бедствий, которая, ослепляя разум и сердце человека, запутывает его в преступление и подвергает бедствиям, проистекающим от его безрассудных поступков» [16, с. 415]. Для Луэллина пространство «Каменных кленов» становится местом испытаний и психологических, и ритуально-символических.

Каждый его приход в усадьбу сопровождается трудностью преодоления границы как внешней («ворота кленов были заперты, но к этому я уже начал привыкать» [12, с. 379]), так и внутренней (немота хозяйки, преодоление чувства вины перед ней). Но Лу многократно обозначен как *избранный* герой (у него характерная черта жениха, предсказанная Саше, – слепота на один глаз, есть «волшебные помощники» из загробного мира – два отца). Его цель прихода в «Каменные клены» – разгадать тайну живущей там молчащей девушки – соотносится со сказочными мотивами отгадывания загадок, расколдовывания невесты и всего сонного царства. В логике сказочного финала прочитывается и развязка романа: Луэллин после посещения места смерти своего отца, буквального «хождения за море» возвращается в «Каменные клены» в новом статусе и в подлинном облике не инспектора, не постояльца, а влюбленного, готового разделить с Сашей ее судьбу.

Авторский неомиф: образ дома-гостиницы

Ближе к финалу романа в дневнике героиня восстанавливает историю покупки семьей этой усадьбы. Стайнбаум – тайно влюбленный в маму сосед оставил ей в наследство коробку неотправленных писем и все свои сбережения. Мама узнала о любви соседа только после его смерти; прочитав письма, она решила принять деньги, которых «хватило на первый взнос за пансион и на беличью шубку» [12, с. 335]. Попутно отметим, что новость о завещании принес поверенный Таубе (die Taube с немецкого – голубь), что подкрепляет семантику «благой вести». Получается, дом – случайный (для семьи Сонли) дар бескорыстного влюбленного.

«Каменные клены» буквально соотносятся со значением фамилии влюбленного в мать Саши: Стайнбаум от «stein Baum» – каменное дерево. Имплицитно (выбор названия усадьбы) Лиза закрепляет благодарность человеку, подарившему ей возможность иметь дом. Вместе с тем обнаруженные связи подкрепляют потенциальную семантику усадьбы (через связь с именем дарителя) как родового имения (Стайнбаум созвучно с Stammbaum – нем. родословная; родовое дерево).

¹ Семантика имени и фамилий Луэллина (Стоунбери и Элдерберри) требует отдельного развернутого комментария. Здесь только отметим, что имя сами персонажи связывают с местными легендами, а измененная фамилия переводится как «бузина» и обнаруживает ассоциации с амбивалентной семантикой образа этого растения в мифах: бузина связана и с подземным царством, со смертью, но также и с плодородием, с врачеванием [17, с. 844, 858].

Казалось бы, счастливый случай позволяет создать родовое гнездо, укорениться семье в Уэльсе. Это тем более значимо из-за того, что мама Саши Лиза – эмигрантка из России, долгое время не имевшая своего дома. Однако Лиза, вопреки желанию мужа, превращает «Клены» в гостиницу. На слова Лизы «Это должен быть наш, особенный, постоянный двор. Он должен быть *абсолютным...*» (курсив Элтанг. – Е. П.) Уолдо ответил: «Это не отель, а дом – для того, чтобы жить. Будь моя воля, я бы вообще никого сюда не пустил. <...> Я всегда хотел жить у моря <...>, но никогда не хотел быть трактирщиком в Уэльсе» [12, с. 365–366].

Странность мировосприятия Лизы имеет обыденное и иррациональное объяснение. Судя по описанию в дневнике Саши, у ее мамы было психическое расстройство, требующее медикаментозного лечения. Но Лиза имела способности врачевать травами, предсказала появление Сашиного жениха со стороны Ирландского залива; обладала над-бытовой мудростью, которая казалась маленькой дочери, как и окружающим, непонятной (соседи называли ее ведьмой). Получается, ослабление социальных связей Лизы, даже с семьей в «трудные времена» обострения болезни, компенсировались предчувствиями будущего, выходом к трансцендентному. В частности, Лиза ожидала, что в «Клены» прибудет «на пароме» тот, «кто явится с ирландской стороны и все в нашей жизни изменит» [12, с. 231]. И эти слова Саша соотносит с информацией о Луэллине, который «собирается в Ирландию – вернее, то и дело пытается туда уехать...» [12, с. 231]. Финальное возвращение Луэллина к Саше после посещения места жизни отца в Ирландии позволяет интерпретировать слова матери как пророческие.

Именно Лиза становится транслятором персонального мифа о доме-гостинице, повторяющегося у Л. Элтанг из романа в роман, что указывает на его значимость для писателя.

Решение соединить функции дома и гостиницы мотивировано не только необходимостью зарабатывать деньги для содержания усадьбы. Это, на наш взгляд, проявляет авторскую концепцию существования человека в земном бытии – концепцию постояльца. Ее воплощает мать Саши, превратив дом в постоянный двор, а затем подтверждает и отец. Он поделился с Сашей своими размышлениями: «...каждому свое зло... Мы прикованы к постоялому двору, – говорил он, кто-то прикован к галере, а кто-то – к больничной койке» [12, с. 16]. Дом-гостиница – это лучшее из перечисленных пристанищ, но приведенный отцом ряд актуализирует семантику ограни-

чения: в течение жизни человек привязан к какому-либо временному пристанищу.

Кроме этого, в образе дома важны другие признаки, повторяющиеся в романах Л. Элтанг («Другие барабаны» и его новая версия «Царь велел тебя повесить», «Картахена», отчасти «Радин»). Во-первых, дом находится на берегу водоема (моря, как здесь, или реки), воплощающего стихийность, одновременно быстротечность и вечность, вневременность. Дом в такой оппозиции морю, с одной стороны, обретает семантику чего-то неуязвимого, прочного (Клены – «каменные»), находящегося на *оберегаемом* пространстве, но с другой стороны, берег – пограничная зона, поэтому устойчивость существования из-за близости с морской стихией на нем сомнительна. Саша предполагает, «что Старый город понемногу уходит на дно залива» [12, с. 174].

Лиза, кроме того, что превращает дом в гостиницу, желает сделать так, чтобы он принял на себя свойства моря, выражал его: «...море не в названии, а в сути...» [12, с. 365]). То есть она желает привнести в обособленное, отъединенное, сугубо личное пространство свойства внешнего, большого мира.

Во-вторых, дом, как правило, достается в дар, завещан, передача/продажа его другому лицу крайне затруднительна. Он в романах Л. Элтанг «абсолютен» сам по себе (это дом-мечта, дом-идиллия), однако право владения домом нужно постоянно отстаивать, изыскивать возможности его содержания, что оказывается почти непосильным делом. В письме, составленном Сашей от имени сестры Эдны, Луэллин читает: «Половина дома заложена, а вторая вот-вот рассыплется в прах, этой гостиницей не приманишь и пожилого голодного жиголо! К тому же Джо Бергер, агент по недвижимости, сказал мне: в бумагах такая путаница с правами и закладными, что проще продать священную корову индийскому мяснику» [12, с. 248].

В отношении «Кленов» Саша соединяет позиции и матери, и отца. В представлении центральной героини «Клены», хотя и выполняют роль гостиницы, остаются родовым гнездом, которое нужно сохранить вопреки обстоятельствам. Это выражается посредством аллюзии к чеховскому «Вишневому саду». На предположение мачехи, что «Клены» разорены, и их придется продать, Саша, «вспомнив пьесу из маминой хрестоматии», мысленно произнесла: «Продать, уехать и Фирса забыть...» [12, с. 43]; позднее она также с горькой иронией отвечает бывшему жениху Дэффиду Монмуту, уверенному, что ««Клены» не выживут»: «Тогда мы их срубим и пустим на дрова ... На каменные вечные дрова» [12, с. 307].

У Саши была альтернатива – возможность уехать из «Кленов», перестать подчинять существование цели поиска денег на их содержание: ее жених, учитель античности, получил наследство, позволившее ему безбедно существовать в собственном поместье, однако Саша разорвала помолвку. В письме к Саше отвергнутый Дэффидд пишет: «Монмут-Хаус мог бы подарить тебе то, чего ты ищешь, – спокойный кабинет с видом на пустошь, заросшую утесником, тишину и время, много времени» [12, с. 304]. Получается, выросшая Саша повторяет выбор матери: она сознательно упускает возможность выйти замуж за владельца поместья, стать «хозяйкой большого дома, а не трактирщицей» [12, с. 307].

Отметим также, что Монмут – не только фамилия жениха, но и название его родового поместья, а также древнейшего города Уэльса. То есть фамилия и название, с одной стороны, несут семантику долговечности, но с другой – образованы от названия реки Муну – «быстротечная» [18]. Кроме того, «дом Монмутов расположился на обрыве...» (курсив мой. – Е. П.) [12, с. 60]. Возможно, отказ Саши связан и с пониманием, что переезд не даст гарантий спокойствия, устойчивости существования.

Бездомье сопровождает и семью Луэллина. Сам он живет на съемной квартире или в съемных комнатах, включая «Каменные клены». Его отец также, после развода с женой, жил на постоялом дворе. Луэллин пишет в дневнике: «Мне пришлось долго искать постоянный двор, где отец снимал себе жилье» [12, с. 76].

Таким образом, в центр повествования Л. Элтанг ставит персонажей, жилища которых включают семантику временного пристанища. Но угроза утраты дома способствует формированию творческой интенции: личностная активность Саши уходит в написание дневника, который перерастает в «книгу» [12, с. 151], вызывающую у Луэллина «писательскую зависть» [12, с. 257].

Заключение

Итак, «Каменные клены» – это не только пространство сюжетного действия, но и образ-миф в сознании героини, и один из «персонажей» ее дневников/книги, – место, соединяющее ее с прошлым (с ушедшими из жизни родителями) и с будущим (намеченным финальным возвращением Луэллина).

Проведенный анализ позволяет заключить, что в формировании образа «Каменных кленов» в романе Л. Элтанг значимую роль играет архаическая (фольклорно-мифологическая) семантика, предопределяющая восприятие смерти как ста-

дии в цикле жизни. Однако героине недостаточно веры в присутствие в «Каменных кленах» отца и матери после их смерти; требуются личные усилия для преодоления их исчезновения из земной жизни посредством памяти и творчества. Сделанные наблюдения позволяют интерпретировать поэтику романа Л. Элтанг как неомодернистскую, в которой неомифологизм включает обращение к архаическим сюжетам и образам, создание картины мира героя (и героем) с опорой на логику архаического мышления. В романе Л. Элтанг проявляется характерный признак модернистской литературы, отмеченный Е. М. Мелетинским: «Мифологизм становится инструментом повествовательного структурирования» [19, с. 129].

Н. Лейтес в рецензии на книгу Е. М. Мелетинского соглашается с исследователем, что в модернизме «миф абсолютизируется и вытесняет собой, отсекает историчное восприятие человека и действительности» [20], что также характеризует анализируемый роман. Пространство в романе выстраивается так, что временные характеристики его размываются: в образе «Кленов» минимизированы детали, указывающие на историческую эпоху, и, если бы не датировки дневников центральной героини, сложно было бы атрибутировать время разворачивания описанных ею событий (хотя единичные приметы начала XXI в. есть в мире за границами «Кленов» (компьютеры, сеть Интернет, например)).

Л. Элтанг, как и писатели джойсовской традиции первой половины XX в., «использует мифологические параллели, чтобы подчеркнуть повторяемость тех же неразрешимых личных и социальных коллизий» [19, с. 130]. На модернистскую природу романа указывает и то, что мифологизм совмещен в нем с психологизмом. Это позволяет автору соединить в предмете художественного осмысления индивидуальное (частная судьба и своеобразие переживаний архетипических коллизий) и надындивидуальное, символизированное в фольклоре (сказке) и древнем мифе. При этом архаическая семантика в поэтике пространства романа соединяется с авторским «мифом» о 'доме-гостинице'.

Интертекстуальная насыщенность повествования в романе выполняет функцию не демифологизации и постмодернистской игры, а (нео)модернистского структурирования информации о себе и мире, «собирая себя» (А. А. Житенев), служит основой построения персонального мифа, в котором своеобразно переплетаются архаические и индивидуальные представления о бытии и месте человека в нем.

Список источников

1. Урицкий А. Переводные картинки, или Борьба с небытием (рец. на кн.: Элтанг Л. Каменные клены: Роман. М., 2010) // Новое литературное обозрение. 2010. № 4 (104). С. 281–283.
2. Михайлова Г., Самойленко А. Художественная картина мира в романе Лены Элтанг «Каменные клены» // *Literatūra*. Вильнюс: Вильнюсский университет, 2013. № 55 (2). С. 91–105. URL: <https://www.zurnalai.vu.lt/literatura/article/view/2725/1921> (дата обращения: 3.06.2024).
3. Коврижных А. Ю. Поэтика романов Лены Элтанг // Язык. Культура. Коммуникации. 2015. № 1 (3). С. 29–33.
4. Самойленко А. Е. Элементы животного и растительного мира как ключ к пониманию герметичного текста (роман Лены Элтанг «Картахена») // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2016. № 24. С. 153–162.
5. Мозжерина М. С. Особенности нарративной организации романного творчества Лены Элтанг: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2022. 169 с.
6. Ермошина Г. Письмо самому себе: рец. на: Лена Элтанг «Другие барабаны». Знамя. 2012. № 10 URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2012/10/lena-eltang-drugie-barabany.html> (дата обращения: 3.06.2024).
7. Житенев А. А. Поэзия неомодернизма. СПб.: ИНА-ПРЕСС, 2012. 480 с.
8. Зайнуллина И. Н. Миф в русской прозе конца XX – начала XXI веков: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 22 с.
9. Рытова Т. А., Щипкова Е. А. Проблема исследования мифологизма и сюжета мифа как элемента сюжетной структуры в русской прозе конца XX – начала XXI в. // Вестник Томского государственного университета (TSPU Bulletin). Филология. 2012. № 4 (20). С. 115–128.
10. Абдуллаев Е. Экстенсивная литература 2000-х // Новый мир. 2010. № 7. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2010/7/ekstensivnaya-literatura-2000-h.html (дата обращения: 12.07. 2024).
11. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 123–293.
12. Элтанг Л. Каменные клены: роман. М.: АСТ, 2009. 414 с.
13. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1998. 800 с.
14. Полева Е. А., Величко О. П. Сказочный интертекст в романе Лены Элтанг «Каменные клены» (часть первая) // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2020. Вып. 3. С. 53–62.
15. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Баран, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков; отв. ред. К. В. Чистов. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979. 437 с.
16. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (ЭСБЕ): в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб, 1890. Т. II. URL: <https://runivers.ru/lib/book3182/> (дата обращения: 3.06.2024).
17. Мифы народов мира: энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1980; Электронное издание, 2008. 1147 с.
18. Owen H. W. The Place-Names of Wales. Wales: University of Wales Press, 2000. 63 p.
19. Мелетинский Е. М. От мифа к литературе. М.: Издат. центр Рос. гос. гуманит. ун-та, 2001. 169 с.
20. Лейтес Н. Миф и литература // Вопросы литературы. 1978. № 1. С. 272–277. URL: <https://voplit.ru/article/mif-i-literatura/> (дата обращения: 3.06.2024).

References

1. Uritskiy A. Perevodnye kartinki, ili Bor'ba s nebytiem [Transferable pictures, or the fight against non-existence] (Retsenziya na knigu: Eltang L. Kamennye kleny: Roman. M., 2010). *Novoe literaturnoye obozreniye*, 2010, no. 4 (104), pp. 281–283 (in Russian).
2. Mikhaylova G., Samoylenko A. Khudozhestvennaya kartina mira v romane Leny Eltang “Kamennye kleny” [Artistic picture of the world in Lena Eltang’s novel “Stone maples”]. *Literatūra*. Vil'nyus: Vil'nyusskiy universitet, 2013, no. 55 (2), pp. 91–105 (in Russian). URL: <https://www.zurnalai.vu.lt/literatura/article/view/2725/1921> (accessed 3 June 2024).
3. Kovrizhnykh A. Yu. Poetika romanov Leny Eltang [Poetics of Lena Eltang’s novels]. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya – Language – Culture – Communication*, 2015, no. 1(3), pp. 29–33 (in Russian).
4. Samoylenko A. E. Elementy zhivotnogo i rastitel'nogo mira kak klyuch k ponimaniyu germetichnogo teksta (roman Leny Eltang “Kartahena”) [Elements of the animal and plant world as a key to understanding the hermetic text (Lena Eltang’s novel “Cartagena”)]. *Paradigma: filosofsko-kul'turologicheskij al'manakh*, 2016, no. 24, pp. 153–162 (in Russian).

5. Mozhherina M. S. *Osobennosti narrativnoy organizatsii romannogo tvorchestva Leny Eltang*. Dis. kand. filol. nauk [Features of the narrative organization of Lena Eltang's novels. Dis. cand. philol. sci.]. Chelyabinsk, 2022. 169 p. (in Russian).
6. Ermoshina G. Pis'mo samomu sebe: retsenziya na: Lena Eltang "Drugie barabany" [Letter to myself: review of: Lena Eltang "Other drums"]. *Znamya*, 2012, no. 10 (in Russian). URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2012/10/lena-eltang-drugie-barabany.html> (accessed 3 June 2024).
7. Zhitenev A. A. *Poeziya neomodernizma* [Poetry of neomodernism]. Saint Petersburg, INA-PRESS Publ., 2012. 480 p. (in Russian).
8. Zaynullina I. N. *Mif v russkoy proze kontsa XX – nachala XXI vekov*. Dis. kand. filol. nauk [Myth in Russian prose of the late 20th – early 21st centuries. Diss. cand. philol. sci.]. Kazan, 2004. 22 p. (in Russian).
9. Rytova T. A., Shchipkova E. A. Problema issledovaniya mifologizma i syuzheta mifa kak elementa syuzhetnoy struktury v russkoy proze kontsa XX – nachala XXI v. [The Problem of Studying Mythologism and the Plot of a Myth as an Element of Plot Structure in Russian Prose of the Late 20th – Early 21st Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2012, no. 4 (20), pp. 115–128 (in Russian).
10. Abdullaev E. Ekstensivnaya literatura 2000-kh [Extensive Literature of the 2000s]. *Novyy mir*, 2010, no. 7 (in Russian). URL: https://magazines.gorky.media/novy_mi/2010/7/ekstensivnaya-literatura-2000-h.html (accessed 12 July 2024).
11. Bakhtin M. M. Formy vremeni i khronotopa v romane: ocherki po istoricheskoy poetike [Forms of time and chronotope in the novel: essays on historical poetics]. In: Bakhtin M. M. *Literaturno-kriticheskie stat'i*. [Literary critical articles]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986. P. 123–293 (in Russian).
12. Eltang L. *Kamennye kleny: roman* [Stone maples: a novel]. Moscow, AST Publ., 2009. 414 p. (in Russian).
13. Freydenberg O. M. *Mif i literatura drevnosti* [Myth and literature of antiquity]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 1998. 800 p. (in Russian).
14. Poleva E. A., Velichko O. P. Skazochnyy intertekst v romane Leny Eltang "Kamennye klyony" (chast' pervaya) [Fairy-tale intertext in Lena Eltang's novel "Stone Maples" (part one)]. *Vestnik TGPU – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2020, vol. 3, pp. 53–62 (in Russian).
15. Baran L. G., Berezovsky I. P., Kabashnikov K. P., Novikov N. V. (comp.), Chistov K. V. (rep. ed.) *Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavianskaya skazka* [Comparative index of plots. East Slavic fairy tale]. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 437 p. (in Russian).
16. *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona (ESBE)* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]: in 86 vol. (82 vol. and 4 add.). Saint Petersburg, 1890, vol. 2 (in Russian). URL: <https://runivers.ru/lib/book3182/> (accessed 3 June 2024).
17. Tokarev S. A. (ed.) *Mify narodov mira: entsiklopediya* [Myths of the peoples of the world: encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1980: Electronic edition, 2008. 1147 p. (in Russian).
18. Owen H. W. *The Place-Names of Wales*. Wales: University of Wales Press, 2000. 63 p.
19. Meletinskiy E. M. *Ot mifa k literature* [From Myth to Literature]. Moscow, Izdatel'skiy tsentr Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta Publ., 2001. 169 p. (in Russian).
20. Leytes N. Mif i literatura [Myth and Literature]. *Voprosy literatury*, 1978, no. 1, pp. 272–277 (in Russian). URL: <https://voplit.ru/article/mif-i-literatura/> (accessed 3 June 2024).

Информация об авторе

Полева Е. А., кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).
E-mail: polewaea@rambler.ru

Information about the author

Poleva E. A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: polewaea@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 20.08.2024; принята к публикации 01.10.2024

The article was submitted 20.08.2024; accepted for publication 01.10.2024

УДК 821.111.0

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-143-151>

Арлекинадный гротеск в англосаксонской прозе о пикарах

Анна Александровна Косарева

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, kosareva.anna@urfu.ru

Аннотация

Исследуется арлекинадный гротеск в произведениях, главными героинями которых являются англосаксонские пикары: Роксана из одноименного романа Даниэля Дефо («Рохана», 1724) и Оттилия из «Цветочного дома» («House of Flowers», 1950) Трумана Капоте. Актуальность исследования обусловлена возросшим в недавнее время интересом филологов к творчеству Дефо и Капоте, а также стабильным обращением зарубежных литературоведов к интерпретации художественной прозы через призму эстетики комедии дель арте. Впервые проводится сравнение двух пикар с их «прародительницей» – Коломбиной комедии дель арте, а также выявляются параллели между сюжетными коллизиями в прозе Дефо и Капоте с «дельартовскими» и арлекинадными сюжетами. Устанавливается типологическое сходство Роксаны и Оттилии с Коломбиной, а также Ройала Бонапарте и мужа Роксаны – с Арлекином. Выявляются аллюзии на мифологические и театральные сюжеты в «Роксане», позволяющие говорить об отсылках в тексте к традиции английской пантомимы, которая синтезировала мифологию и арлекинаду. Роксана подобна вечно юной и прекрасной Афродите, а ее возлюбленные – пивовар, ювелир, принц и купец – наделены чертами Диониса, Гефеста, Адониса и Гермеса соответственно. В «Цветочном доме» выявляются аллюзии на итальянскую сказку «Прунелла» и «дельартовскую» пьесу Л. Хаусмана и Х. Г. Баркера «Прунелла, или Любовь в голландском саду» (1906). В чертах Оттилии угадываются итальянская красавица Прунелла, победившая злую свекровь-ведьму, и Коломбина с ее «цветочным» именем (columbine – аквилегия, водосбор), а образ Ройала Бонапарте отсылает нас к красавцу Бэнсъябелу из «Прунеллы» и Арлекину. Страшное и фарсовое в судьбе Оттилии переплетены, что, как и в случае с Роксаной, позволяет говорить о наличии арлекинадного гротеска в произведениях Дефо и Капоте. Выделяются такие функции этого художественного приема, как разворачивание метафоры мира как театра и выстраивание диалога с литературными и театральными традициями прошлого.

Ключевые слова: арлекинадный гротеск, комедия дель арте, английская пантомима, пикара, английская литература, американская литература, Дефо, Капоте

Для цитирования: Косарева А. А. Арлекинадный гротеск в англосаксонской прозе о пикарах // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 6 (236). С. 143–151. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-143-151>

Harlequinade grotesque in Anglo-Saxon prose about the picaras

Anna A. Kosareva

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (ul. Mira 19, Ekaterinburg, Russian Federation, kosareva.anna@urfu.ru)

Abstract

The article is devoted to the study of the harlequinade grotesque in works whose main characters are Anglo-Saxon picaras – Roxana from the novel of the same name by Daniel Defoe (“Roxana”, 1724) and Truman Capote’s character Otilie from “The House of Flowers” (1950). The relevance of the study is due to the recent increased interest of literary scholars in the works of Defoe and Capote, as well as the stable appeal of foreign literary scholars to the interpretation of literary prose through the lens of the aesthetics of commedia dell’arte. For the first time, a comparison is made of the two picaras with their “progenitor” – Columbine from commedia dell’arte, and parallels are revealed between the plot collisions in the prose of Defoe and Capote with the commedia and harlequinade plots. The typological similarity of Roxana and Otilie with Columbine, as well as Royal Bonaparte and Roxanne’s husband with Harlequin is established. Allusions to mythological and theatrical plots in “Roxana” are identified, allowing us to talk about references in the text to the tradition of English pantomime, which synthesized mythology and harlequinade. Roxana is like the eternally young and beautiful Aphrodite, and her lovers – the brewer, the jeweler, the prince and the merchant – are endowed with the traits of Dionysus, Hephaestus, Adonis and Hermes, respectively. In “The House of Flowers” there are allusions to the Italian fairy tale “Prunella” and the commedia play by L. Houseman and H. G. Barker “Prunella, or Love in a Dutch Garden” (1906). In Otilie’s features one can discern

the Italian beauty Prunella, who defeated her evil witch mother-in-law, and Columbine with her “flower” name (a columbine is an aquilegia), and the image of Royal Bonaparte refers us to the handsome Bensiel from “Prunella” and Harlequin. The terrible and the farcical are intertwined in the fate of Otilie, which, as in the case of Roxanne, allows us to talk about the presence of harlequinade grotesque in the works of Defoe and Capote. The author of the article highlights such functions of this artistic technique as unfolding the metaphor of the world as theater and building a dialogue with the literary and theatrical traditions of the past.

Keywords: *harlequinade grotesque, commedia dell'arte, English pantomime, picara, English literature, American literature, Defoe, Capote*

For citation: Kosareva A. A. Arlekinadnyy grotesk v anglosaksonskoy proze o pikarakh [Harlequinade grotesque in Anglo-Saxon prose about the picaras]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 6 (236), pp. 143–151 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-143-151>

Введение

Образ Коломбины всегда представлял особый интерес для английских и американских писателей: помимо того, что в англосаксонском культурном сознании эта героиня воплощала вечную женственность, она также ассоциировалась со свободой и независимостью, которые на протяжении длительного времени оставались как для англичанок, так и для американок недостижимой мечтой. Харли Грэнвилл-Баркер (1877–1946), один из ведущих английских драматургов эдвардианской эпохи, неслучайно сравнил ее с Психеей. Коломбина, сбегавшая от преследования стариков и нежеланных поклонников, символизировала душу, стремящуюся вырваться из оков – физических, духовных и социальных: «История остается неизменной. Либо Коломбина убегает от кого-то, либо кто-то убегает вместе с ней. Это потому, что душа всегда борется за свободу» [1, с. 23].

По мере того как Коломбина становилась «старше» и развивалась в рамках английской литературы, она все более отдалялась от своей прародительницы – острой на язык, своенравной, корыстной и хитрой итальянки. Однако в XVIII и XIX вв. английская плутовка все еще была очень близка к своему итало-французскому инварианту и пленяла сердца читателей незаурядным авантюризмом. В этой статье речь пойдет о «наследницах» Коломбины, рожденных в художественном пространстве англосаксонской прозы, о пикарах (плутовках) – Роксане и Оттилии. О генетической связи комедии дель арте и плутовского романа (*picaresque novel*) писал Х. Г. Кенигсбергер: он полагал, что испанский плутовский роман представлял собой «нетеатральный аналог комедии дель арте» [2, с. 156]. Пикаро вырос из образов Арлекина, Бригеллы, Пульчинеллы и прочих ловких мошенников комедии масок и, став незаменимым проводником социальной сатиры, покорила не только испанских читателей, но и всю Европу. Точно так же получил развитие образ Коломбины: в европей-

ской прозе XVIII в. она превратилась в пикару, сохранив солидную часть своих театральных характеристик. Пикара в европейской и английской литературе, согласно исследованию Энн К. Кэлер, – это «архетипический образец автономии», женский образ, который находится в поиске собственной идентичности и обладает рядом поведенческих характеристик, уникальных в своем роде: пикара пренебрегает материнством, способна добиваться поставленных целей с помощью остроумия и сексуальности, проявляет качества истинного воина, находится в антагонистических отношениях с обществом, внутри которого выживает, много путешествует и часто получает поддержку со стороны криминального мира – воров, убийц, сводников и проституток [3, с. 2]. Для пикары характерна жадность – деньги и подарки много значат для нее [3, с. 22], она умна и обладает житейской мудростью [3, с. 9], не подстраивается под общество, а меняет его в соответствии со своими потребностями [3, с. 10].

Цель данного исследования – доказать наличие и выявить особенности арлекинадного гротеска в англосаксонской прозе о пикарах XVIII и XX вв. – романе «Роксана» Д. Дефо и рассказе Т. Капоте «Цветочный дом». Актуальность исследования обусловлена наметившимся в последнее десятилетие ростом интереса к творчеству Дефо (S. H. Gregg (2013) [4], J. Richetti (2015) [5], M. E. Novak (2015) [6], W. Minto (2019) [7], M. B. Prince (2020) [8], I. A. Bell (2021) [9], N. Seager, J. A. Downie (2024) [10]) и Капоте (H. Bloom (2014) [11], T. Fahy (2014) [12]), а также стабильным обращением зарубежных филологов к анализу художественной прозы через призму комедии масок (C. B. Balme, P. Vescovo, D. Vianello (2020) [13], J. Rudlin (2022) [14]). Новизна исследования связана с тем, что автор впервые анализирует произведения Дефо и Капоте в «дельартовском» ключе, выявляет наличие в них арлекинадного гротеска и описывает функции этого художественного приема.

Материал и методы

Теоретическую базу исследования составляют труды историков комедии дель арте – А. Fava (2004) [15], J. Rudlin (1994) [16], M. Sand (1915) [17], T. Niklaus (1956) [18], D. Radulescu (2014) [19], исследование маскарадной культуры – T. Castle (1986) [20], ярмарочной культуры – T. Frost (1874) [21], феномена пикары в европейской литературе – А. К. Kaler (1991) [3], плутовского романа – Н. G. Koenigsberger (1987) [2] и литературоведческие исследования, посвященные творчеству Дефо и Капоте – J. Crane (2007) [22], R. E. Long (2008) [23], P. New (1996) [24], M. Novak (2001) [25], R. V. Voss (2011) [26]. Ведущий метод исследования – сравнительно-исторический.

Результаты исследования

Главная героиня незаконченного романа Д. Дефо «Роксана» (1724) – куртизанка, предприимчивость которой позволяет ей прожить ту жизнь, о которой она всегда мечтала – свободную и красивую. Сменив множество любовников, каждый из которых внес лепту в рост ее материального благополучия, по уровню финансовой независимости она приближается к обеспеченным мужчинам своей эпохи. Однако именно на том этапе, когда героиня подходит к обретению покоя и гармонии, неблагоприятные обстоятельства вновь вынуждают ее поступиться соображениями нравственности. Ненавязчиво и осторожно Дефо подводит своего читателя к непозволительной для современного ему общества мысли: быть одновременно хорошей и свободной женщина XVIII в. не может быть по определению, ведь «благовоспитанность» предполагает подчинение и следование правилам, а свобода – отказ от них. Подстраховав себя и Роксану ее пылкими покаянными монологами (не самыми убедительными), Дефо позволил себе ввести в художественное пространство эпохи Просвещения Робинзона в юбке – женщину энергичную, смелую и необычайно рациональную, способную выжить за счет расчетливости и обаяния. Одним своим существованием она, с одной стороны, бросала вызов патриархальному английскому обществу, а с другой – иллюстрировала горькую истину: без помощи мужчин, без обращения к низменным их инстинктам англичанка XVIII в. не имела никаких шансов выжить.

История Роксаны вписывается в структуру традиции романа XVIII в., предполагающей обязательное наличие в произведении сюжетной линии о духовном путешествии героя. Путешествие это может представлять собой как эволюцию, так и деградацию. В случае Роксаны духовное и со-

циальное развитие вступают в противоречие: в нравственном отношении героиня становится все менее симпатичным персонажем, но деловые ее качества – хватка и предпринимательская жилка – вызывают восхищение. Характерна для романа Дефо и сказочность, пронизывающая приключения Роксаны и сообщающая всему сюжету почти мифологический характер. Вечная юность и неотразимая красота Роксаны, о которых героиня неоднократно напоминает читателю, возводят ее в ранг языческой богини, и на Афродиту она похожа значительно больше, чем на рядовую англичанку, вынужденную продавать свое тело. Плодовитость Роксаны (она производит на свет десять детей от трех разных мужчин) сродни фертильности любвеобильных античных богов, и мифологические параллели с Афродитой становятся особенно заметными при внимательном рассмотрении любовников героини. Ее первый муж – пивовар (Дионис), а второй – ювелир (Гефест); затем она влюбляется в принца (Адониса), чуть не погибает во время морской бури (очевидно, Посейдон попытался взять ее в жены) и, наконец, встречает голландского купца (Гермеса), который приходится ей по душе. Подобно Афродите, покровительнице проституток (при храме Афродиты в Коринфе были священные публичные дома), куртизанка Роксана тщеславна, гневлива и распутна.

О том, что в образе Роксаны присутствуют не только черты греческой богини любви, но и Коломбины комедии дель арте, можно судить по совпадению поведенческих характеристик героини. Итальянская Коломбина XVI в. отличалась не только внешней привлекательностью и умом, но и готовностью отдать свое тело за подарок или денежное вознаграждение [17, с. 161]. Как верно отмечает Домника Радулеску, «Коломбина сочетает в себе стратегии кокетки и куртизанки, чей смех часто переходит в ухмылку» [19, с. 98]. Неслучайно в 1739 г. в рамках Варфоломеевской ярмарки, в Лондоне, была поставлена веселая пантомима «Коломбина-куртизанка» [21, с. 133]: в английской культуре XVIII в. Коломбина часто ассоциировалась с «легким» поведением, а существительное «columbine» нередко использовалось для обозначения проститутки.

Оригинальная итальянская Коломбина отличается алчностью и нравственной нечистоплотностью – в пьесе «Арлекин-Протей» она констатирует: «Если бы Бог создал меня мужчиной, я была бы опасным мошенником» [17, с. 167]. Нравственный релятивизм чувствуется и в ее заявлении о том, что «с какой бы стороны ни пришли деньги, они всегда хорошо пахнут» [19, с. 89]. В итальянских комедийных пьесах Колом-

бина часто советует своей юной хозяйке выйти замуж по расчету – за богатого старика: терпеть его придется недолго, а финансовая выгода от такого союза очевидна [17, с. 165]. Жадность и предельная материалистичность характерны и для Роксаны: «Как и все персонажи Дефо, она не только получает огромное удовольствие от подсчета и перечисления всех своих богатств ... но и признает в них гарантию свободы» [24, с. 319]. Еще одна черта, сближающая образы Роксаны и Коломбины, – страсть к переодеваниям и маскараду. Роксана по натуре актриса, и именно ее умение перевоплощаться и исполнять самые разные роли является залогом ее успеха в отношениях с мужчинами. Маскарадность присутствует в жизни героини как на метафорическом, так и на буквальном уровнях. Самая яркая сцена романа – танец Роксаны в турецком костюме: по мнению Терри Кастл, «по иронии судьбы, героиня достигает максимальной моральной прозрачности именно во время маскарада, то есть тогда, когда она максимально загримирована» [20, с. 162]. Танцующая Роксана не может не напомнить танцовщицу-Коломбину, излюбленным занятием которой было лицедейство. В комедии дель арте диапазон амплуа, в которых она выступает, очень широк: она может изображать как мужчин (адвокатов, щеголей, врачей), так и женщин (служанок, знатных дам, юных девочек и опытных соблазнительниц) [17, с. 172].

Примечателен союз Роксаны с ее первым мужем – молодым пивоваром, который, будучи от природы человеком глупым и ленивым, доводит свою семью до нищеты. Этот юноша, жизнерадостный, азартный и безответственный, – единственный персонаж в романе, внешность которого Роксана описывает читателю: «He was a jolly, handsome Fellow, as any Woman need wish for a Companion; tall, and well made; rather a little too large, but not so as to be ungentle. He danc'd well, which, I think, was the first thing that brought us together» [27, с. 9] («Он был веселым, красивым парнем – таким, о каком мечтает любая женщина; высокий, с прекрасным телосложением; несколько крупноват, но не до такой степени, чтобы показаться неотесанным; он хорошо танцевал, и это, я думаю, было первым, что нас сблизило» (Перевод наш. – А. А.). Это необычно подробное для Роксаны описание свидетельствует о том, что пивовар – единственный партнер героини, который ее по-настоящему привлекал. Остальные персонажи сводятся для героини к функциям настолько, что их внешний вид не представляет для нее никакого интереса: мы не знаем, как выглядит ее преданная закадычная подруга Эмми и не имеем ни малейшего представления о внеш-

ности ее детей и щедрых богатых любовников. Все они лишь фигуры шахматной партии, которую героиня разыгрывает, оттачивая тактики и стратегии обогащения.

В комедии дель арте спутником и мужем Коломбины всегда становится Арлекин, патологически безответственный и легкомысленный, и динамика взаимоотношений итальянских Коломбины и Арлекина полностью дублирует взаимодействие Роксаны с ее первым мужем. Там, где Арлекин принимает импульсивные решения и импровизирует, Коломбина проявляет прагматизм и все продумывает; там, где Арлекин прожигает деньги, Коломбина откладывает и увеличивает (вспомним расточительность пивовара и инвестиционный талант Роксаны). Несмотря на измены, кутежи и непостоянство, Арлекин – единственный мужчина комедии дель арте, к которому Коломбина испытывает теплые чувства и единственный, кого она готова терпеть. Как резюмировал Джон Рудлин, она «любит Арлекино, но видит его насквозь. Испытывает потребность заботиться о нем, учить его, надеясь, что он, так же, как она, сможет выйти за рамки фиксированного типа. Поэтому она ругает его, наказывает, бросает, возвращает и, осознав, в конце концов, что он не изменится, принимает его таким, какой он есть» [16, с. 130]. Итальянский Арлекин, как и муж-пивовар Роксаны, – прекрасный танцор и весельчак небольшого ума, и к нему вполне применимо язвительное замечание героини Дефо: «I chose him for being a handsome, jolly Fellow, as I have said; for he was otherwise a weak, empty-headed, untaught Creature» [27, с. 9] («я выбрала его за то, что он был красивым, веселым парнем, как я уже сказала; в остальном он был слабым, пустоголовым, необучаемым существом») (перевод наш. – А. А.). В комедии дель арте мужчины, которыми искусно манипулирует Коломбина, – либо богатые старики, либо тщеславные франты, а это именно те типажи, которые выбирает в качестве своих «жертв» Роксана. Установка на эксплуатацию мужчины и насмешливое отношение к нему транслируют и героиня Дефо, и субретка комедии дель арте. Две коронные фразы Коломбины, которые иллюстрируют подобный потребительский подход: «мужчина – животное, которое любит, чтобы его обманывали» [19, с. 89] и «я бегу прополоскать рот, так как достаточно долго говорила о мужчинах» [19, с. 90]. Переверачивая традиционные гендерные роли (мужчина – завоеватель-эксплуататор, а женщина – жертва и объект), куртизанка-субретка производит карнавальное переверачивание существующей социальной иерархии, доказывая, что женские victimность и хрупкость – не более чем социальные

конструкты. Назвать Роксану и Коломбину феминистками не представляется возможным – все-таки их самостоятельность подпитывается финансовыми вливаниями со стороны презираемых ими мужчин – однако сам настрой этих героинь, не признающих авторитетности патриархата, позволяет говорить об их принципиально особом положении в ряду женских образов XVI–XVIII вв. Героини-плутовки, пикары, находятся в оппозиции к общественным предрассудкам и лицемерию и пусть в несколько агрессивной форме заявляют о праве женщин на свободный выбор.

Проведение параллелей между Роксаной и «дельартовской» Коломбиной представляется уместным и потому, что очень многое в романе Дефо позаимствовано из английской пантомимы, сформировавшейся в 1720–1730-х гг. на базе комедии дель арте и состоявшей из двух частей – серьезной (мифологической/сказочной) и веселой (масочной). Первая подразумевала обращение к сюжетам классической мифологии, а вторая – бесшабашную арлекинаду, наполненную музыкальными и акробатическими номерами. Величественная богиня «серьезной» части, устав от своей божественности, в сцене трансформации скидывала одеяния и маску, чтобы превратиться в Коломбину, озорную интриганку арлекинады, утверждая таким образом единство высокой трагедии и комедии, мрачного и смешного. Роксана, одновременно богоподобная (Афродита) и фарсовая (Коломбина), рыдающая в одних сценах и цинично усмехающаяся в других, – это героиня английской пантомимы, перенесенная в художественное пространство прозы. Несмотря на обилие эпизодов, исполненных драматизма, юмор и жизнелюбие героини в сочетании с ее невероятным везением превращают повествование Дефо в сказочную трагикомическую феерию. Эта сказка расцвечена яркими декорациями – Роксана с наслаждением описывает роскошные интерьеры, платья и украшения, а яркость и зрелищность всегда являлись отличительными чертами английской пантомимы. Так же, как в английской пантомиме, в романе Дефо много неожиданных сюжетных поворотов, отличающихся чудесным неправдоподобием: например, не успев оправиться от гибели любовника-ювелира, Роксана тут же оказывается в объятиях еще более обеспеченного принца, который впоследствии увозит ее в романтическую Италию. Ни предательство мужа, ни морская буря, ни нападение грабителей не способны лишить Роксану покровительства богов, что красноречиво свидетельствует о том, что, несмотря на наличие мрачных красок в романе, мы имеем дело с ис-

полненным юмора театрализованным плутовским романом.

О том, что литературный образ куртизанки, как XVIII, так и XX в., обязан своей яркостью и многогранностью именно маске Коломбины, свидетельствуют и произведения Трумана Капоте (1924–1984), ставшего классиком американской литературы при жизни. Его Оттилия – прямой «потомок» Коломбины комедии дель арте. Обращение Капоте к эстетике комедии масок представляется закономерным как в свете его профессиональных интересов (он был не только прозаиком, но и драматургом театра и кино), так и его любви к маскараду. В 1966 г. он организовал роскошный бал-маскарад для своих друзей – богатых и знаменитых представителей нью-йоркской элиты, который вошел в историю как «черно-белый». Все участники должны были явиться на бал в костюмах/платьях, выдержанных в черно-белой цветовой гамме, и надеть черную полумаску [26, с. 42]. Интерес к комедии дель арте мог вспыхнуть в сердце Капоте и во время его итальянских путешествий и жизни на вилле «Фонтана Вежья» в Таормине (Сицилия) [23, с. 52–53]: многие классики английской и европейской литературы (И. В. Гете, Д. Г. Лоуренс, Т. Манн, Г. Ибсен) обратились к традициям комедии дель арте именно после посещения ее «родины», Италии. В частности, к поклонникам итальянского искусства относился Дефо, считавший, что в плане эстетических стандартов англичане должны равняться на итальянцев [25, с. 87].

Оттилия – главная героиня рассказа Капоте «Цветочный дом» («House of Flowers», 1950). Ранее работавшая в публичном доме «Елисейские поля», она выходит замуж за Ройала, юношу, с которым знакомится на карнавале. Он приводит ее в свой дом – разноцветный, уютный и будто сотканный из множества цветов. Единственная помеха счастью влюбленных – бабушка Ройала, старуха Бонапарте, которая ставит целью известить жену внука: она пытается навести на Оттилию порчу и омрачает существование той не только омерзительными колдовскими ритуалами, но и мелкими бытовыми пакостями. Оттилия значительно умнее ведьмы и в итоге не только отражает все атаки злодейки, но и доводит ее до смертельного сердечного приступа. Казалось бы, теперь Ройал и Оттилия должны зажить безмятежно, но девушке всюду мерещится призрак усопшей злой старухи. Дабы избавить молодую жену от мучительных угрызений совести, юноша привязывает ее к дереву и лишает еды и воды на целый день. Подруги Оттилии, обнаружив девушку привязанной, освобождают ее, отвозят в город и предлагают ей сбежать от мужа. Поду-

мав, героиня отказывается. Вернувшись вместе с подругами в цветочный дом, она просит привязать ее к дереву и через некоторое время слышит шаги мужа: «Издали должно было показаться, что ее настигла какая-то жестокая, душераздирающая смерть; и, услышав, как шаги Ройала перешли на бег, она улыбнулась от счастья и подумала: то-то он перепугается» [28, с. 279].

Сюжет этого рассказа воскрешает в памяти итальянскую сказку «Прунелла» и созданную по ее мотивам одноименную пьесу Х. Г. Баркера и Л. Хаусмана «Прунелла, или Любовь в голландском саду» (1906). Итальянская сказка «Прунелла» [29] повествует о преследовании юной красавицы жестокой ведьмой. В сказке колдунья – мать красавца Бэнсьябела, который убивает старуху после того, как осознает, что в противном случае ему придется убить возлюбленную Прунеллу. Разница развязок в двух сюжетах – итальянском и созданном Капоте – сводится к уровню самостоятельности героини. Прунелле в борьбе с безжалостной свекровью требуется помощь любимого мужчины, а Оттилия без труда справляется с травлей садистки самостоятельно. Что касается аллюзий на пьесу Хаусмана и Баркера «Прунелла» [30], то они реализуются как на уровне воскрешения «дельартовской» эстетики, так и в виде завуалированных цитат. Прунелла выходит замуж за Пьеро и, столкнувшись с его безграничным эгоизмом, имитирует самоубийство, чтобы начать новую жизнь без мужа. Впоследствии они с возлюбленным воссоединяются: он становится лучше, пройдя через угрызения совести, а она взрослеет, познав одиночество. Сценой с фальшивой смертью завершается рассказ Капоте, и можно предположить, что этот эпизод – прямая отсылка к сцене, в которой Прунелла собственной «смертью» наказывает Пьеро.

Традиции комедии дель арте в «Цветочном доме» реализуются на двух уровнях – сюжетном и персонажном. Сюжет о преследовании юных влюбленных стариками – основа итальянской комедии масок и английской арлекинады. Арлекин и Коломбина влюблены друг в друга, но старость (символическое выражение зимы, стагнации), воплощенная в образах глупых, расчетливых или жестоких родителей, всеми силами пытается воспрепятствовать их совместному счастью [15, с. 62]. Эту сюжетную коллизию мы и наблюдаем в «Цветочном доме». Коломбина и Арлекин оригинальной комедии масок XVI в. – крестьяне, причем Коломбина не гнушается проституцией. Таковы и Оттилия с Ройалом: он работает в поле, а она, родом из крестьянской семьи и в прошлом жрица любви, ведет хозяйство. Неслучайна и связь образа Ройала с образом пе-

туха, которого он приносит на карнавал: в XIX в. в Англии имела успех рождественская пантомима «Кукареку, или Принц-Арлекин Петух и принцесса Золотой долины» (1865) Чарльза Миллуорда, а в XX в. французский поэт, романист, драматург и режиссер Жан Кокто (1889 – 1963) издал сборник статей об искусстве, который назвал «Арлекин и петух» (1918). Арлекин по натуре – победитель и завоеватель, отсюда обращение Капоте к образу Наполеона: фамилия Ройала – Бонапарте. Немаловажными в образе Ройала Бонапарте являются и такие детали, как: 1) его пластичность и грация, умение танцевать: в комедии дель арте и арлекинаде Арлекин – непревзойденный танцор и акробат [15, p. 95]; 2) инструмент, с которым Ройал никогда не расстаётся, – резак для тростника, который в оригинале романа назван «cane»: «...when she saw Royal ambling up the path, his cane cutter swinging at his side like a crescent moon, she forgot such thoughts and ran with a satisfied heart to meet him» [31, с. 207]. «Cane» в английском – это не только «резак», но и «палка для телесных наказаний» или «трость». Неизменным атрибутом Арлекина является его палка-колотушка «battocchio», которую он пускает в ход, если кто-то из персонажей, на его взгляд, заслуживает наказания. Ассоциативная связь между «cane» Ройала и «battocchio» Арлекина становится особенно прозрачной, когда Оттилия рассказывает мужу о том, что это она отправила на тот свет его злую бабушку, а он незамедлительно заявляет о необходимости наказания. Внешним маркером «арлекинности» Ройала является его разноцветный радостный домик, ведь костюм Арлекина состоит из множества разноцветных лоскутков. Нельзя не обратить внимания и на то, что Ройал появляется именно на карнавале (маски комедии дель арте на протяжении нескольких столетий были в Италии неизменными участниками местных карнавалов) и именно там находит свою Коломбину.

Что касается Оттилии, то помимо очевидных параллелей с образом Коломбины (как и серветта итальянской комедии масок, она крестьянка, готовая отдаться любому за подарок: «У меня есть пять шелковых платьев и зеленые атласные туфельки; у меня есть три золотых зуба, каждый по десять тысяч франков; мистер Джеймисон или еще кто-нибудь мне подарит, наверно, новый браслет» [28, с. 257]), есть и менее явные пересечения. Например, только знающий английский язык читатель поймет, почему мотив «цветочности» пронизывает весь рассказ: название цветка «columbine» («аквилегия, водосбор») совпадает с именем Коломбины (Columbine). Оттилия-Коломбина становится женой владельца «цве-

точного дома», в частности, потому, что у Коломбины цветочное имя. Еще одна характеристика, которую Оттилия разделяет с Коломбиной, – способность с блеском выходить из самых сложных ситуаций: «еще ни одному комедиографу не удалось создать женский образ, который мог бы сравняться с Коломбиной в умении обращать любые неблагоприятные обстоятельства в свою пользу» [19, с. 89]. Сила духа и находчивость, которые проявляет Оттилия в борьбе со старой ведьмой, совершенно под стать итальянской Коломбине. Так же, как и ее решение остаться с Ройалом-Арлекином, несмотря на жестокость с его стороны.

Заключение

Основа плутовского повествования – «фиктивный автобиографический дискурс, в центре которого образ героя-писателя, плута и шута в одном лице» [32, с. 69]. Для плутовского романа характерны такие черты, как «пародийное обыгрывание религиозных мотивов, хронотоп дороги» [33, с. 301], а также изображение изнанки общества. «Роксана» Дефо – истинно плутовская проза, в то время как в «Цветочном доме» Капоте, несмотря на присутствие в нем яркого образа пикары, заметны лишь отголоски «плутовской» традиции. Оттилия, пусть и близкая «плутовкам» ушедших столетий, все же ставит на первое место любовь, а не деньги – живет сердцем, а не холодным расчетом. Тем самым «плутовское» в ней размывается «романтическим», и на первый

план выходит ее жажда и способность любить, а не хитрость.

Пикары, образы которых мы рассмотрели, несмотря на свое родство с комедийным образом Коломбины, проходят через серьезные испытания. Комедийное преобладает в их видении реальности (собственно, иронический взгляд на вещи и позволяет им держаться на плаву), а трагическое доминирует в тех непростых обстоятельствах, которые вынуждают героинь вести хаотический образ жизни. Из комического и трагического, а также «дельартовской» эстетики складывается тот художественный прием, к которому обратились Дефо и Капоте, – арлекинадный гротеск. Страшное и смешное, красивое и уродливое, переплетены в судьбах героинь-пикар потому, что и Дефо, и Капоте, видят экзистенциальный опыт проживания жизни как трагикомический, легкий и невыносимый одновременно. Обращение к арлекинадному гротеску позволяет писателям актуализировать метафору мира как театра и сконструировать диалог с литературными и театральными традициями ушедших столетий, будь то комедия дель арте, английская пантомима или итальянская сказка. Роксана и Оттилия находятся в тесной связи с образом Коломбины и утверждают вневременной характер того свободолубия, который лежит в основе образа пикары. Кроме того, они иллюстрируют сложившуюся за три столетия (XVIII–XX вв.) неразрывную связь англосаксонской плутовской прозы о пикаре с арлекинадным гротеском.

Список источников

1. Barker H. G., Calthrop D. C. *The Harlequinade: An Excursion*. Boston: Little, Brown, and company, 1918. 87 p.
2. Koenigsberger H. G. *Early Modern Europe, 1500–1789*. Longman, 1987. 343 p.
3. Kaler A. K. *The Picara: From Hera to Fantasy Heroine*. Bowling Green, Ohio: Popular Press, 1991. 215 p.
4. Gregg S. H. *Defoe's Writings and Manliness: Contrary Men*. UK: Ashgate Publishing, 2013. 208 p.
5. Richetti J. *The Life of Daniel Defoe: A Critical Biography*. UK: John Wiley & Sons, 2015. 432 p.
6. Novak M. E. *Transformations, Ideology, and the Real in Defoe's Robinson Crusoe and Other Narratives: Finding "the Thing Itself"*. University of Delaware Press, 2015. 239 p.
7. Minto W. *Daniel Defoe*. UK: Good Press, 2019. 204 p.
8. Prince M. B. *The Shortest Way with Defoe: Robinson Crusoe, Deism, and the Novel*. University of Virginia Press, 2020. 350 p.
9. Bell I. A. *Defoe's Fiction*. UK: Routledge, 2021. 212 p.
10. Seager N., Downie J. A. *The Oxford Handbook of Daniel Defoe*. Oxford University Press, 2024. 720 p.
11. Bloom H. *Truman Capote*. New York: Infobase Publishing, 2014. 217 p.
12. Fahy T. *Understanding Truman Capote*. South Carolina: University of South Carolina Press, 2014. 200 p.
13. Balme C. B., Vescovo P., Vianello D. *Commedia dell'Arte in Context*. Cambridge University Press, 2020. 373 p.
14. Rudlin J. *The Metamorphoses of Commedia dell'Arte: Whatever Happened to Harlequin?* Springer Nature, 2022. 249 p.
15. Fava A. *The Comic Mask in the Commedia dell'Arte: Actor Training, Improvisation and the Poetics of Survival*. Reggio Emilia, Italy: ArscomicA, 2004. 236 p.
16. Rudlin J. *Commedia dell'Arte: An Actor's Handbook*. London and New York: Routledge, 1994. 282 p.

17. Sand M. *The History of the Harlequinade*. London, Martin Secker, 1915. 311 p.
18. Niklaus Th. *Harlequin, or The Rise and Fall of a Bergamask Rogue*. New York, George Braziller, 1956. 259 p.
19. Radulescu D. *Women's Comedic Art as Social Revolution: Five Performers and the Lessons of Their Subversive Humor*. The USA: McFarland, 2014. 267 p.
20. Castle T. *Masquerade and Civilization*. Stanford, Stanford University Press, 1986. 395 p.
21. Frost Th. *The Old Showmen, and the Old London Fairs*. London: Chatto & Windus, 1874. 388 p.
22. Crane J. Defoe's «Roxana»: The Making and Unmaking of a Heroine. *The Modern Language Review*, 2007, vol. 102, no. 1, pp. 11–25.
23. Long R.E. *Truman Capote: Enfant Terrible*. A&C Black, 2008. 130 p.
24. New P. *Why Roxana Can Never Find Herself*. *The Modern Language Review*, 1996, vol. 91, no. 2, pp. 317–29.
25. Novak M. E. *Daniel Defoe: Master of Fictions: His Life and Ideas*. Oxford University Press, 2001. 756 p.
26. Voss R.V. *Truman Capote and the Legacy of "In Cold Blood"*. University of Alabama Press, 2011. 246 p.
27. Defoe D. *Roxana, or the Fortunate Mistress: a History of the Life and Vast Variety of Fortunes of Mademoiselle de Beale afterwards Called the Countess de Wintelsheim in Germany Being the Person Known by the Name of the Lady Roxana in the Time of Charles II*. London: Dent, 1998. 334 p.
28. Капоте, Труман. Цветочный дом // Злой дух. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2005. 376 с.
29. Lang A. *Traditional Folk Tales and Fairy Stories From Around The World*. UK. 2006. 828 p.
30. Housman L., Barker H. G. *Prunella, or Love in a Dutch Garden*. Boston: Little, Brown, 1906. 89 p.
31. Capote T. *The complete stories of Truman Capote*. New York: Vintage International, 2005. 300 p.
32. Пискунова, С. И. Смех Сервантеса и риторическая культура его времени // Вестник Московского университета. 2016. № 6. С. 65–84.
33. Данилкова Ю. Ю. Роман Г. Грасса «Жестяной барабан»: проблема типологии героя // Новый филол. вестник. 2020. № 2 (53). С. 297–307.

References

1. Barker H. G., Calthrop D. C. *The Harlequinade: An Excursion*. Boston: Little, Brown, and company, 1918. 87 p.
2. Koenigsberger H. G. *Early Modern Europe, 1500–1789*. Longman, 1987. 343 p.
3. Kaler A. K. *The Picara: From Hera to Fantasy Heroine*. Bowling Green, Ohio: Popular Press, 1991. 215 p.
4. Gregg S. H. *Defoe's Writings and Manliness: Contrary Men*. UK: Ashgate Publishing, 2013. 208 p.
5. Richetti J. *The Life of Daniel Defoe: A Critical Biography*. UK: John Wiley & Sons, 2015. 432 p.
6. Novak M. E. *Transformations, Ideology, and the Real in Defoe's Robinson Crusoe and Other Narratives: Finding "the Thing Itself"*. University of Delaware Press, 2015. 239 p.
7. Minto W. *Daniel Defoe*. UK: Good Press, 2019. 204 p.
8. Prince M. B. *The Shortest Way with Defoe: Robinson Crusoe, Deism, and the Novel*. University of Virginia Press, 2020. 350 p.
9. Bell I. A. *Defoe's Fiction*. UK: Routledge, 2021. 212 p.
10. Seager N., Downie J. A. *The Oxford Handbook of Daniel Defoe*. Oxford University Press, 2024. 720 p.
11. Bloom H. *Truman Capote*. New York: Infobase Publishing, 2014. 217 p.
12. Fahy T. *Understanding Truman Capote*. South Carolina: University of South Carolina Press, 2014. 200 p.
13. Balme C. B., Vescovo P., Vianello D. *Commedia dell'Arte in Context*. Cambridge University Press, 2020. 373 p.
14. Rudlin J. *The Metamorphoses of Commedia dell'Arte: Whatever Happened to Harlequin?* Springer Nature, 2022. 249 p.
15. Fava A. *The Comic Mask in the Commedia dell'Arte: Actor Training, Improvisation and the Poetics of Survival*. Reggio Emilia, Italy: Arscomica, 2004. 236 p.
16. Rudlin J. *Commedia dell'Arte: An Actor's Handbook*. London and New York: Routledge, 1994. 282 p.
17. Sand M. *The History of the Harlequinade*. London, Martin Secker, 1915. 311 p.
18. Niklaus Th. *Harlequin, or The Rise and Fall of a Bergamask Rogue*. New York, George Braziller, 1956. 259 p.
19. Radulescu D. *Women's Comedic Art as Social Revolution: Five Performers and the Lessons of Their Subversive Humor*. The USA: McFarland, 2014. 267 p.
20. Castle T. *Masquerade and Civilization*. Stanford, Stanford University Press, 1986. 395 p.

21. Frost Th. *The Old Showmen, and the Old London Fairs*. London: Chatto & Windus, 1874. 388 p.
22. Crane J. Defoe's "Roxana": The Making and Unmaking of a Heroine. *The Modern Language Review*, 2007, vol. 102, no. 1, pp. 11–25.
23. Long R.E. *Truman Capote: Enfant Terrible*. A&C Black, 2008. 130 p.
24. New P. *Why Roxana Can Never Find Herself*. *The Modern Language Review*, 1996, vol. 91, no. 2, pp. 317–29.
25. Novak M. E. *Daniel Defoe: Master of Fictions: His Life and Ideas*. Oxford University Press, 2001. 756 p.
26. Voss R.V. *Truman Capote and the Legacy of «In Cold Blood»*. University of Alabama Press, 2011. 246 p.
27. Defoe D. *Roxana, or the Fortunate Mistress: a History of the Life and Vast Variety of Fortunes of Mademoiselle de Beale afterwards Called the Countess de Wintelsheim in Germany Being the Person Known by the Name of the Lady Roxana in the Time of Charles II*. London: Dent, 1998. 334 p.
28. Capote T. *Tsvetochnyy dom* [House of Flowers]. *Zloy dukh* [Evil spiri]. Moscow, B.S.G.-Press, 2005. 376 p. (in Russian).
29. Lang A. *Traditional Folk Tales and Fairy Stories From Around The World*. UK. 2006. 828 p.
30. Housman L., Barker H. G. *Prunella, or Love in a Dutch Garden*. Boston: Little, Brown, 1906. 89 p.
31. Capote T. *The complete stories of Truman Capote*. New York: Vintage International, 2005. 300 p.
32. Piskunova S. I. Smekh Servantesa i ritoricheskaya kul'tura yego vremeni [Cervantes' laughter and the rhetorical culture of his time]. *Vestnik Moskovskogo universiteta – Bulletin of Moscow University*, 2016, no. 6, pp. 65–84 (in Russian).
33. Danilkova Y. Y. Roman G. Grassa "Zhestyanoy baraban": problema tipologii geroya [G. Grass's novel "The Tin Drum": the problem of the hero's typology]. *Novyy filologicheskiy vestnik – New Philological Bulletin*, 2020, no. 2 (53), pp. 297–307 (in Russian).

Информация об авторе

Косарева А. А., кандидат филологических наук, докторант, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (ул. Мира, 19, Екатеринбург, Россия, 620002).

E-mail: kosareva.anna@urfu.ru

Information about the author

Kosareva A. A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Doctoral Student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (ul. Mira 19, Ekaterinburg, Russian Federation, 620002).

E-mail: kosareva.anna@urfu.ru

Статья поступила в редакцию 15.06.2024; принята к публикации 01.10.2024

The article was submitted 15.06.2024; accepted for publication 01.10.2024

УДК 82.091

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-152-162>

Сюжетообразующий мотив вины как основа кодирования «Анны Карениной» Л. Н. Толстого в романе О. Памука «Музей невинности»

**Анна Леонидовна Калашникова¹, Екатерина Евгеньевна Ларионова²,
Евгения Юрьевна Поселенова³**

^{1,2,3} *Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия*

¹ *anna.kalashnikova.42@gmail.com*

² *ekaterina.larionova02@mail.ru*

³ *e.poselenova@gmail.com*

Аннотация

Использование литературного кода является одним из ключевых приемов при создании художественной прозы. Турецкий писатель и нобелевский лауреат Орхан Памук в интервью и публичных выступлениях не раз указывал на то, что в процессе работы над своими произведениями, в том числе во время создания романа «Музей невинности», находился в творческом диалоге с наследием Л. Н. Толстого. Назвав русского классика «моделью исторического писателя», О. Памук использует в работе над романом о стамбульской жизни середины 1975-х гг. художественные приемы, присущие прозе Л. Н. Толстого. В ходе сравнительного анализа был рассмотрен характер взаимодействия творческих принципов турецкого писателя с художественной системой русского романиста и было выявлено, что эта связь носит системный характер. В качестве отправной точки кодирования выявлен мотив вины, являющийся ключевым для проблемной организации произведения Памука, равно как и романа Толстого «Анна Каренина». Особое внимание в исследовании уделено характеру реализации мотива вины в эпиграфах к романам, где уже намечается его сюжетообразующая роль. Далее выявляются несколько аспектов функционирования мотива вины в рассматриваемых произведениях: общественное осуждение, отрицание своей вины и желание переложить ее на другого, самоосуждение. Опираясь на проявленные в «каренинском» коде ценностные ориентиры, Памук создает в «Музее невинности» коллизию между собственной виной персонажей и предопределенностью их поступков. В ходе исследования становится очевидным, что историческая обусловленность судеб персонажей в романистике Толстого в прочтении Памуком трансформируется в сюжетную модель. В итоге кодирование как прием не просто программирует различные уровни художественной организации романа Памука, а определяет логику развития сюжета и предreshает его финал. Сюжетообразующий мотив вины в «Музее невинности» под влиянием используемого автором толстовского кода развивается по специфическому сценарию, выходя за пределы обусловленности культурно-исторической обстановки, в которой происходит действие романа.

Ключевые слова: *мотив, сюжет, роман, литературный код, Толстой, Памук*

Для цитирования: Калашникова А. Л., Ларионова Е. Е., Поселенова Е. Ю. Сюжетообразующий мотив вины как основа кодирования «Анны Карениной» Л. Н. Толстого в романе О. Памука «Музей невинности» // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 6 (236). С. 152–162. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-152-162>

The plot-forming motive of fault as the basis for the “Anna Karenina’s” code in O. Pamuk’s novel “Museum of Innocence”

Anna L. Kalashnikova¹, Ekaterina E. Larionova², Evgeniya Yu. Poselenova³

^{1,2,3} *Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation*

¹ *anna.kalashnikova.42@gmail.com*

² *ekaterina.larionova02@mail.ru*

³ *e.poselenova@gmail.com*

Abstract

The usage of literary code is one of the basic techniques in creating fiction. Turkish writer and Nobel laureate Orhan Pamuk in interviews and public speeches has repeatedly pointed out that in the process of working, including during the creation of the novel “Museum of Innocence”, he was in dialogue with the oeuvre of L. N. Tolstoy.

© А. Л. Калашникова, Е. Е. Ларионова, Е. Ю. Поселенова, 2024

Calling the Russian classic “a model of a historical writer”, Pamuk uses artistic techniques inherent in Tolstoy’s prose in his work on a novel about Istanbul life in the mid-1975’s. In the course of a comparative analysis, the interaction of the creative principles of the Turkish writer with the artistic system of the Russian novelist was examined and it was revealed that this connection is of a systemic nature. As the starting point of coding, the authors of the article identified the motive of guilt, which is key for the problematic organization of Pamuk’s work, as Tolstoy’s novel *Anna Karenina*. Particular attention in the research is paid to the nature of the implementation of the motive of fault in epigraphs to novels, where its plot-forming role is already planned. Next, several aspects of the functioning of the motive of fault in the works in question are revealed: public condemnation, denial of their fault and a desire to shift it to another, self-judgment. Based on the value guidelines shown in the code, Pamuk creates in the “Museum of Innocence” a conflict between the characters’ own fault and the predestination of their actions. In the course of the research, it becomes obvious that the historical conditioning of the fate of the characters in Tolstoy’s novel as understood by Pamuk is transformed into a plot model. As a result, coding as a technique does not just program various levels of the artistic organization of Pamuk’s novel, but determines the logic of the development of the plot and prejudices its ending. The plot-forming motive of guilt in the “Museum of Innocence” under the influence of the Tolstoy code used by the postmodern author develops according to a specific script, going beyond the conditioning of the cultural and historical situation in which the novel takes place.

Keywords: motive, plot, novel, literary code, Tolstoy, Pamuk

For citation: Kalashnikova A. L., Larionova E. E., Poselenova E. Yu. Syuzhetoobrazuyushchiy motiv viny kak osnova kodirovaniya “Anny Kareninoy” L. N. Tolstogo v romane O. Pamuka “Muzey nevinnosti” [The plot-forming motive of fault as the basis for the “Anna Karenina’s” code in O. Pamuk’s novel “Museum of Innocence”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 6 (236), pp. 152–162 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-152-162>

Введение

На рубеже XX–XXI вв. событием в литературном мире стала новейшая турецкая проза, представители которой получили название последнего поколения турецкой романистики. Наиболее известным автором этого поколения считается Орхан Памук. Нобелевскую премию, полученную «за то, что в поисках меланхоличной души родного города нашел новые символы для столкновения и переплетения культур», он потратил на создание в Стамбуле Музея невинности, названного в честь романа, который был опубликован в 2008 г. Турецкий романист постоянно находится в поисках новых замыслов и идей, и одна из них – создание музея Анны Карениной: «Но я вот думаю: если сделать музей Анны Карениной, поместить туда ее платья... Можно показать в этом музее русскую действительность, которая окружала Анну в 70-х годах XIX века» [1].

О. Памук неоднократно упоминал о том, что русская литература является для него творческим ориентиром. Подтверждением этому может служить многотысячная библиотека писателя, где особое место занимают произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, И. С. Тургенева и В. В. Набокова. Как утверждает Памук, «когда я счастлив и вижу красоту бытия, во мне оживает частичка Толстого» [2]. В публикации издания «Фонтанка.ру», посвященной презентации романа «Музей невинности» и лекции Памука в «Пушкинском доме»,

упоминается о том, что турецкий романист признался в любви к Толстому и Набокову, сказав, что их романы стали для него путеводной звездой, а затем писатель, находясь в музейных запасниках ИРЛИ, попросил разрешения потрогать рукописи Пушкина, Толстого, Гете. Он объяснил, что тем самым черпает вдохновение и «пополняет свою уникальную «коллекцию» рукописей гениальных писателей, к которым он прикоснулся»¹. В 2016 г. во время вручения премии «Ясная поляна», полученной из рук советника президента РФ по культуре Владимира Толстого – праправнука Л. Н. Толстого – О. Памук сказал, что «Анна Каренина» – «один из самых великих когда-либо написанных романов»². Также он рассказал, что ведет сейчас курсы по творчеству Толстого в Колумбийском университете Нью-Йорка, заключив высказывание фразой о том, что русский классик является для него «моделью исторического писателя» [3]. Основываясь на схеме построения творчества Толстым, он сам организовывал свои произведения подобным образом: остро поднимал семейный и женский вопросы, сближал образы своих персонажей с толстовскими, заимствовал многие сюжетные ходы и мотивы.

¹ В Петербурге Орхан Памук трогал рукописи Пушкина и Толстого // Фонтанка.ру: сайт. URL: <https://www.fontanka.ru/2009/08/31/058/> (дата обращения: 11.04.2023).

² Премию «Ясная поляна» получил турецкий писатель Орхан Памук // Рамблер субботний: сайт. URL: <https://weekend.rambler.ru/items/35169240-premiyu-yasnaya-polyana-poluchil-turetskiy-pisatel-orhan-pamuk/> (дата обращения: 09.05.2022).

В интервью изданию «Деловой Петербург» турецкий писатель напрямую соотносит «Музей невинности» с романом «Анна Каренина». На вопрос об отношении авторов к своим героиням О. Памук отвечает следующее: «Я, как писатель, испытываю нежность к своей героине, но вот Толстой в конце убивает Анну Каренину еще более жестоким образом, чем я свою Фюсун. Но я скажу вам: он не убивал ее! История убила ее»¹. Отметим, что Толстой также создавал свою «Анну Каренину» в литературном диалоге с Г. Флобером, роман которого «Госпожа Бовари» (1856) вызвал широкий общественный резонанс в России. Еще ранее сюжетная схема, построенная на ситуации адюльтера и самоубийства героини, легла в основу драмы А. Н. Островского «Гроза» (1859) и повести Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» (1864), а в 1870-е гг. к ней обращается Толстой, на этапе кризиса переосмысливший свое отношение к семейным ценностям [4, с. 117]. Эти размышления приобретают полемический характер по отношению к позиции, отстаиваемой В. Г. Белинским, В. П. Боткиным, П. В. Анненковыми и нашедшей отражение в творчестве А. В. Дружинина, Н. Г. Чернышевского и других писателей, придерживавшихся социально-демократических взглядов. В отношении женского вопроса, проецирующегося на проблему переосмысления семейных ценностей, позиция западников и демократов сформировалась под влиянием творчества Жорж Санд, воплотившись в одном из наиболее важных для русской действительности XIX в. культурном коде – жорж-сандизме [5]. Именно такие представления о положении женщины и становятся объектом полемики со стороны Толстого, особенно на этапе кризиса в 1970-е гг. [6–8].

Целью настоящей статьи является рассмотрение кодировки романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» в «Музее невинности» О. Памука в аспекте сюжетобразующего мотива вины, непосредственно соотносимого с женским вопросом.

Увлеченность О. Памука русской культурой и литературой подталкивает к мысли о необходимости детального изучения влияния наследия Л. Н. Толстого на поэтику произведений турецкого романиста. В тюркоязычной науке исследования поэтики произведений Памука представлены достаточно широко: стоит упомянуть работы S. Akpınar, B. Büşra [9], Ö. G. F. Demir [10], A. Aslanboğa [11], G. Aytaç [12] и др. При этом особое внимание уделяется женскому вопросу в

романах писателя (Т. Yeşilöz [13], E. Demir [14]). Англоязычный вектор изучения творчества турецкого романиста представлен работами Ch. S. N. Lestari [15], E. Hoffmann [16], R. S. Rajan [17], D. Sankar [18], C. Yalkın, L. K. Yanık [19]. Российская литературная критика (Г. Юзефович [20], Л. Биргер [21] и др.) и российское литературоведение (М. М. Репенкова [22], Е. В. Никольский [23], В. П. Макаренко [24], Е. Н. Шевченко [25], Д. В. Дворцова [26], Е. С. Чижова [27]) обращаются к рассмотрению различных аспектов творчества О. Памука. «Русский» литературный код творчества Памука исследуется в работах Е. В. Посоховой [28], Ш. А. Мазанаева, А. М. Бабаевой, Е. А. Гончаровой [29], А. В. Образцова, А. С. Сулеймановой [30]. Но несмотря на прямые отсылки О. Памука к творчеству Л. Н. Толстого, проблема интертекстуального взаимодействия романов «Музей невинности» и «Анна Каренина» до сих пор не была поставлена в литературоведении.

Материал и методы

Основными методами исследования стали культурно-исторический и сравнительно типологический, позволяющие выявить национально-специфичные особенности воплощения мотива вины в русской и турецкой литературе. Кроме того, применяется метод мотивного анализа. Рассмотрение мотива осуществляется в рамках семиотического подхода, выявляется вариативность его семантики в романах Л. Н. Толстого и О. Памука. В то же время учитываются предикативные свойства мотива, его роль в повествовательной структуре и связь с сюжетом изучаемых произведений. Материалом для изучения послужили романы «Анна Каренина» Л. Н. Толстого [31] и «Музей невинности» О. Памука [32].

Результаты исследования

Мотив вины. В произведениях Толстого, таких как «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», «Крейцерова соната», «Смерть Ивана Ильича», «Живой труп» и т. д., мотив вины приобретает особое значение. А. К. Степаненко указывала на причину драматической коллизии романов Толстого – это «виновность человека и в то же время фаталистическая обусловленность его поведения» [33, с. 11]. Герои оказываются между двумя возможностями: признанием собственной вины и в то же время осознанием неспособности поступить так, как подсказывает совесть. Однако и в том и в другом произведении вина как будто бы отрицается до начала развития сюжета: в заглавии и эпиграфах к романам Памука и Толстого.

¹ Шнуренко И. Орхан Памук: «Мы всегда думаем, что новая буржуазия – это идиоты» // Деловой Петербург: сайт. 2009. URL: https://www.dp.ru/a/2009/09/04/Orhan_Pamuk_Mi_vsegda_d (дата обращения: 10.04.2023).

Русский писатель никому не произносит обвинительный приговор, выбирая в качестве эпиграфа библейскую цитату: «Мне отмщение и Аз воздам». В переписке Толстого с А. А. Фетом есть интересный комментарий к этому: «Знаете ли, что было для меня нынешнее лето? В книге „Мир как воля и представление“ философ писал: „Никакой человек ... не уполномочен выступать в виде чисто морального судьи и воздаятеля и наказывать поступок другого болью, которую он ему причиняет. Следовательно, налагать ему за это покаяние – это было бы скорее в высшей степени заносчивая самонадеянность; отсюда библейское: „Мне отмщение, и Аз воздам“» [31]. Характеристика авторского замысла содержится также в дневнике С. А. Толстой, цитату из которого приводит П. Басинский в «Подлинной истории Анны Карениной»: «Он говорил, что задача его сделать эту женщину только жалкой и невиновой» [34, с. 115].

Роман Памука предваряет несколько эпиграфов, образующих систему. Первый из них представляет собой цитату из «записной книжки Джеляля Салика»: «Они были столь чисты, что считали бедность грехом, который им простят, стоит только заработать денег». Это высказывание поднимает темы чистоты и греховности, в то же время религиозное толкование указанных категорий вступает в противоречие с социальными стереотипами, принятыми в высшем обществе. Смысл первого эпиграфа углубляется в следующем: «Если бы некто во время сна побывал в раю и дали б ему цветок в доказательство, что воистину душа его там очутилась, что молвил бы он, пробудившись и узрев цветок в руке своей?» (Из черновиков Сэмюэла Тейлора Колриджа.) Эта мысль предстает как развернутая метафора, которая отсылает к заглавию романа и показывает, что представляет собой Музей невинности. Образ оставшегося в руке цветка символически соединяет в себе все экспонаты музея, которые, в свою очередь, являются свидетельствами того, что человек был в раю. Действительно, главный герой романа Кемаль не раз сравнивает время и пространство, связанные с его возлюбленной Фюсун, с раем, который был ими утрачен («в нашем мире иногда приоткрываются врата в рай» [32, с. 57]; «...ища далекий и призрачный рай» [32, с. 120]; «картинка утраченного рая» [32, с. 186]. Тем самым в эпиграфе концентрируется авторская идея, которая будет развернута в других элементах художественной структуры произведения: подобно Адаму и Еве (Хавве), персонажи Памука «изгоняются» из рая, утрачивая первоначальную невинность. При этом религиозная идея искупления греха (вины), близкая Толстому,

воплощается в образе музея невинности, с которым связаны мечты Кемалья о возвращении в «рай».

Средством обретения утраченного рая становится музейная коллекция, в которой отражается отношение героя к вещам любимой им женщины, подобное тому, что описывается в черновиках стамбульского писателя Ахмета Хамди Танпынара, послуживших источником последнего эпиграфа: «Я рассматривал ее вещицы на туалетном столике: украшения, баночки, безделушки. Прикасался к ним, брал, подносил к глазам. Поддержал в руке ее крохотные часики. Ее одежда, ее платья... Вещи, дополняющие каждую женщину, навевали мне чувство невероятного одиночества и боли, и мне захотелось, чтобы она оказалась рядом». Эта фраза соотносится с размышлениями героя о стремлении увековечить свои чувства к любимой женщине посредством окружающих ее вещей. В ходе сюжета Кемаль начинает собирать личные вещи Фюсун, объясняя свой поступок так: «Вещи, которых становилось все больше, постепенно оборачивались символами моей непреходящей любви. Иногда они служили не утешением, напоминаям о пережитом счастье, а отзвуками огромной бури, бушевавшей у меня в душе, и их можно было потрогать руками» [32, с. 414]. При этом коллекционирование становится для Кемалья не только утешением, но и своего рода признанием вины, переживанием чувства стыда за совершенные поступки: это одновременно «ответ, утешение и лекарство от некоей тайной боли» [32, с. 571] и то, что ощущается «непроизносимым, постыдным» [32, с. 576], поскольку становится актом саморазоблачения, обрекающего героя на общественное осуждение.

Мотив общественного осуждения. Исповедальный характер романа Памука и концепция диалектики души, воплощенная в «Анне Карениной», создают возможность двойного выражения мотива вины через внутренние переживания героев и обвинения со стороны окружающих. Непримирым обвинителем в обоих романах можно считать общество/высший свет, при этом внутреннее чувство вины присуще не каждому из персонажей. Типологически различаются герои, которые испытывают чувство вины, и те, которые не способны признать свой проступок, поскольку не считают свое поведение преступным.

Один из типов представлен в образе Стивы Облонского, комментирующего ситуацию в своей семье: «И всего ужаснее то, что всему виной я, виной я, а не виноват. В этом-то вся и драма» [31, с. 8]. Схожее неприятие осуждения себя другими можно наблюдать в поведении Кемалья, который, предав Сибель, довольно спокойно реа-

гирует на новость о ее замужестве. Но когда Заим говорит, что Кемаль обидел Сибель, это задевает героя: «То есть ты считаешь, что я виноват, так?» [32, с. 476]. Кемаль сожалеет о том, что несправедливо поступил с Сибель, но не признает своей вины, когда слышит слова осуждения.

Иной тип представляет Анна, которой запрещено появляться в светском обществе, в то время как Вронский, будучи человеком, принадлежащим свету, посещает общественные мероприятия, балы, общается с влиятельными людьми. Однако героиня, наперекор всем препятствиям, отправляется в театр, пробуждая тем самым беспокойство Вронского, ведь «пестрое стадо зрителей» [31, с. 581] могло унизить Анну и подорвать его репутацию. При появлении Карениной в зале повсюду слышались «негодования и удивления женщин, что она позволила себе показаться в свете» [31, с. 583], другие же «любовались спокойствием и красотой этой женщины и не подозревали, что она испытывала чувства человека, выставляемого у позорного столба» [31, с. 583]. Анна слышит фразу Картасовой, которая выразила не только свою позицию, но и отношение общества к Карениной: «Она сказала, что позорно сидеть рядом со мной» [31, с. 585]. Анна, в отличие от своего брата, не оправдывает себя внутренне, хотя сохраняет внешнее спокойствие. У Памука каждый акт наслаждения, каждый миг, проведенный в физической близости, делал Фюсун и Кемаль счастливыми, но в это время в их движениях «иногда проскальзывало осознание тяжести позора, ответственности, угрызения совести за утраченную невинность» [32, с. 59]. Мотив грехопадения в первую очередь касается Фюсун, что обусловлено турецким менталитетом, генетически основанном на мусульманском мировоззрении.

На страницах романа поднимается женский вопрос, который сближает образ светского общества Толстого с традиционалистами Турции времен Памука. Кемаль просит Фюсун никому не говорить, что они занимаются математикой в «Доме Милосердия», ведь все сразу подумают, что одной математикой дело не закончится и начнут разносить слухи. Фюсун в этот момент интересуется: «...в Турции парень с девушкой не могут быть долго вдвоем в одной комнате, как в Европе, чтобы не заняться любовью?» На что Кемаль отвечает: «А если между ними ничего не произойдет, они все равно начнут испытывать чувство вины, так как почувствуют, что не могут спокойно находиться в одной комнате вдвоем» [32, с. 103]. Здесь, с одной стороны, звучит жорж-сандистская мысль героини о возможности свободы в отношениях между женщиной и муж-

чиной, с другой – прослеживается озвученное героем понимание того, что общество осудит и попытается заклеить порочную девушку, будет навязывать чувство вины невиновным. Это формирует в сознании героев Памука вынужденное желание не предавать огласке свою вину, что отражает одну из ключевых мыслей произведения: турецкое общество 1970-х гг., стремящееся выглядеть и вести себя прогрессивно, оказывается не способным в полной мере искоренить патриархальные взгляды.

В начале отношений героев Толстого Вронский не понимал, как Анна «со своею сильною, честною натурой, могла переносить это положение обмана и не желать выйти из него» [31, с. 204]. Каренина в порыве метаний между осознанием потребности любить и в то же время вины за следование своей страсти не готова к тому, что общество будет обсуждать ее измену мужу. Она не понимала, «почему для других, для Бетси, например ... все это было легко, а для нее так мучительно» [31, с. 200], почему все считают ее виноватой. Таким образом, морально-этические мерки – это двойные стандарты, зависящие в том числе от нравственного развития личности. Отсутствие стыда прямо соотносится с возможностью сохранить высокое положение в обществе. Сибель, невеста Кемаль, говорит ему: «Не хочу я больше встречаться с тобой тайком, будто я твоя любовница и в чем-то виновата» [32, с. 19]. То, что они пытаются спрятаться в укромных уголках от лишних глаз, чтобы никто не узнал, что происходит между ними во внебрачных отношениях, тяготит Сибель, будто бы она совершает преступление, за которое ее могут обвинить. Ей тяжело скрываться и обманывать, как было тяжело скрывать правду Вронскому в начале отношений с Анной.

В роли обвинителей выступает не только общество, но и матери главных героев. Кознышев, разговаривая с матерью Вронского, слышит от нее приговор Анне, которая погубила ее сына: «Нет, как ни говорите, самая смерть ее – смерть гадкой женщины без религии. Прости меня Бог, но я не могу не ненавидеть память ее, глядя на гибель сына» [31, с. 822]. Мать Кемаль относится к Фюсун с неодобрением после ее участия в конкурсе красоты. Сын ничего не рассказывал ей о том, что много лет мучился от любви к своей дальней родственнице, и Веджихе, узнав об этом, восклицает: «Я никогда не прощу Несибет, что они с дочкой уже десять лет заставляют терпеть тебя эту пытку» [32, с. 512].

Отрицание своей вины. В ходе развития сюжета обоих романов героини, мучимые личной виной, начинают переносить тяжесть греха на свое-

го возлюбленного. Любовь как чувство, делающее двух людей одним целым, оборачивается здесь стремлением не снять вину с любимого, а навязать ее. Анна чувствует свою причастность к тому, что впечатления Кити от бала были испорчены, но в то же самое время она снимает с себя часть морального груза, говоря: «...я была причиной того, что бал этот был для нее мученьем, а не радостью. Но, право, право, я не виновата или виновата немножко...» [31, с. 108]. Значительно большая вина ложится в глазах Анны на Вронского: «Во всем, что было тяжелого в ее положении, она обвиняла его... В том, что она жила в Москве, а не в деревне, он же был виноват... И опять же он был виноват в том, что она навеки разлучена с сыном» [31, с. 782]. Также и муж Карениной отрицает свою причастность к падению жены, как только узнает о совершившейся измене. В голове у него формулируется тезис: «Я ошибся, связав свою жизнь с нею; но в ошибке моей нет ничего дурного, и потому я не могу быть несчастлив. Виноват не я, – сказал он себе, – но она» [31, с. 298]. В романе Памука складывается похожая ситуация. Кемаль осуждал Фюсун за то, что она вышла замуж за Феридуна, «втайне винил ее за жизнь в Чукурджуме, в этом крысином гнезде среди грязи» [32, с. 584], и теперь не мог «принимать всерьез человека, который так глупо испортил себе жизнь замужеством» [32, с. 584]. Герой начинает перекладывать вину с себя на других, возможно, пытаясь спасти себя от мук совести.

Для героев обоих романов характерно моделирование сценариев, в которых их возлюбленные испытывали бы чувство вины. Так, Анна в момент отчаяния думала о Вронском и представляла «смерть, как единственное средство восстановить в его сердце любовь к ней, наказать его ... живо представляла себе, что он будет чувствовать, когда ее уже не будет и она будет для него только одно воспоминание» [31, с. 794]. Когда Кемаль становится спонсором съемок фильма Феридуна, он понимает, что Фюсун проявляет дружеские чувства лишь из меркантильных соображений. Это осознание настолько его задевает, что он начинает мысленно представлять, «как Фюсун страдает от наказания и раскаивается» [32, с. 314].

Ближе к финалу романа у Вронского начались сложности во взаимоотношениях с Карениной, которая ревновала его. Он сожалеет о том, что «поставил себя ради нее в тяжелое положение, которое она, вместо того, чтоб облегчить, делает еще более тяжелым» [31, с. 781]. Возникает мотив жертвенности в любви, но, оказывается, эта жертва Анной не оценена, и Вронский досадует о

том, что она была напрасной. В «Музее невинности» перед своей смертью Фюсун обвиняет возлюбленного в загубленной жизни: «Из-за тебя я не смогла жить так, как хотела, Кемаль» [32, с. 551]. Он пытался уберечь ее от грязного мира «Копирки», от похабных режиссеров, которые заглядываются на молоденьких актрис, от всего, что могло ее уничтожить, но сам не понимал, что этой заботой убивает ее мечты. Герои обоих романов не принимают обвинения, и лишь после трагической гибели любимых женщин они осознают свою вину и раскаиваются.

Мотив самоосуждения. Персонажи обоих романов крайне противоречивы в осознании своей вины. Внутренние терзания подталкивают героев оправдать себя и переложить тяжесть проступка на других. Кемаль искренне «страдал от раскаяния и угрызений совести», обманывая Сибель, близкого человека, однако «не решался подойти к ней и попросить прощения, удерживаемый каким-то странным стыдом и смущением» [32, с. 237]. В приведенном эпизоде чувство стыда свидетельствует о признании вины, это вызывает эмоциональное опустошение героя, но не приводит к решительным действиям: «...я так устал от чувства вины перед ней, от ощущения обмана...» [32, с. 241]. Кемаль не может поговорить по душам с Сибель, потому что не способен преодолеть внутреннее противоречие и искренне раскаться. В романе Толстого Анна Каренина поддалась желаниям своего сердца, которое стремилось к любви, в результате чего «чувствовала себя столь преступною и виноватою, что ей оставалось только унижаться и просить прощения» [31, с. 160]. Она внутренне осознавала свое грехопадение, но не была готова к открытому покаянию, признанию своей вины перед мужем, поэтому на публике она демонстрирует бесстыдство, чем вызывает общественное осуждение. Во время ссоры Анны Карениной с мужем из уст героини звучат слова: «Раскаиваюсь я в том, что сделала? Нет, нет и нет» [31, с. 578]. Однако она, желая написать мужу о том, что уезжает и забирает с собой сына, заканчивает письмо фразой: «Говорить о своей вине и своем раскаянии я не могу, потому что...» [31, с. 310], – а затем рвет письмо.

Важен в рассмотрении мотива вины эпизод, когда Долли, однажды приехав в деревню к Анне, «была поражена тою временною красотой, которая только в минуты любви бывает на женщинах и которую она застала теперь на ее лице» [31, с. 649–650]. Сама Анна таким образом описывала свое состояние: «Стыдно признаться, но я непростительно счастлива» [31, с. 651]. Подобное отношение к преступному счастью характер-

но и для главного героя Памука. Чувство вины хоть и тяготит Кемалья, однако предвкушение счастья с Фюсун после ее расставания с Феридуном умиротворяет его мучения: «Я чувствовал себя виноватым, но предвкушал ощущение счастья. Фюсун станет моей» [32, с. 445].

Смерть героинь в обоих романах не снимает чувства вины с их возлюбленных, не примиряет этих героев с собой. Вронский перед отъездом в Сербию смотрит на рельсы, и «общая мучительная внутренняя неловкость» [31, с. 824] заставляет его вспомнить Анну «таинственную, прелестную, любящую, ищущую и дающую счастье, а не жестоко-мстительную, какою она вспоминалась ему в последнюю минуту» [31, с. 824]. Несмотря на то, что с железной дорогой теперь связаны трагические воспоминания, Вронский помнит, что когда-то на перроне произошло его сближение с Анной. Однако ему так и не удается удержать в сознании романтический образ возлюбленной, теперь «он помнил ее только торжествующую, свершившуюся угрозу никому ненужного, но неизгладимого раскаяния» [31, с. 824]. Желание вернуть ощущение счастья, которое наполняло их с Фюсун в самом начале их отношений, возникает и у героя Памука. После смерти возлюбленной Кемаль так же, как и герой Толстого, уезжает, отправляясь посетить музеи разных стран, посмотреть и оценить особенности каждого из них для того, чтобы создать свой музей, где вещи умеют утешать. Сам он считал: «Мое путешествие – навязчивая идея, вызванная тем, что я не заметил сережек Фюсун и хочу искупить свой грех» [32, с. 576]. Музей становится для героя не только источником воспоминаний о любимой, но и возможностью искупления вины.

Заключение

Мотив вины играет ключевую роль в сюжете романов Толстого и Памука, становясь источником как внутреннего, так и внешнего конфликта. Вариативность мотива вины отражает динамику трансформации душевного мира героев и их отношений с другими персонажами: мысль о собственной виновности, страх перед общественным

порицанием, отрицание вины и самоосуждение определяют движение сюжета к трагическому финалу. Детально сопоставив романы «Музей невинности» и «Анна Каренина» в аспекте проявленности в них мотива вины, можно сделать вывод о том, что Памук создавал романную действительность «Музея невинности» под влиянием творчества Толстого. Имея репутацию писателя-западника, Памук подвергает взгляды на положение женщины в обществе серьезному переосмыслению. Мотив вины в романе О. Памука раскрывается под влиянием используемого автором толстовского кода: с одной стороны, герои желают обретения «западной» свободы в любви, но в то же время осознают безнравственность своих поступков и склонны к самоосуждению. При этом реакцией на общественное порицание становится стремление переложить вину на другого, а раскаяние приходит к героям перед лицом смерти. Нравственно-философская концепция Толстого, воплощенная в «Анне Карениной», делает счастливый финал истории Анны и Вронского заведомо невозможным. В финале «Музея невинности», построенного на иной морально-этической основе, возможен альтернативный исход: преодоление внешних препятствий открывает для героев путь к счастливому браку. Однако, опираясь на толстовский код, Памук не отступил от фаталистически предопределенного завершения романа. Фюсун, на протяжении большей части сюжета демонстрировавшая взгляды близкие *femme émancipée*, в финале оказывается неспособной продолжать путь и завершает жизнь, подобно Анне Карениной или героиням Островского и Лескова. Чувства Кемалья и Фюсун, возникшие и развивавшиеся в оппозиции к латентной патриархальности современного им турецкого общества, не могут получить продолжения в ситуации соответствия законам этой ценностной парадигмы. Реконструкция литературного кода углубляет понимание проблематики, мотивной и сюжетной систем романа О. Памука «Музей невинности» и позволяет сделать вклад в изучение проблемы диалога русско-турецкой художественной словесности.

Список источников

1. Рутковская А. Аполлинария Аврутина: Я хотела переводить – и да, я перевожу книжки // Общественный контроль. URL: <https://ok-inform.ru/obshchestvo/8406-apolinariya-avrutina-ya-khotela-perevodit-i-da-ya-perevozhku-knizhki.html> (дата обращения: 10.05.2022).
2. Дымов А. Орхан Великолепный // Fond-adygi.ru Информационный портал фонда черкесской культуры «Адыги» им. Ю. Х. Калмыкова. URL: <http://fond-adygi.ru/page/orhan-velikolepnyj> (дата обращения: 09.05.2022).
3. Басинский П. В. Манифест для баловня судьбы // Российская газета. Вып. 40 (7206). 2017. URL: <https://rg.ru/2017/02/25/orhan-pamuk-tolstoj-iavliaetsia-dlia-meniamodeliu-istoricheskogo-pisatelja.html> (дата обращения: 09.05.2022).

4. Калашикова А. Л., Поселенова Е. Ю. Наследие кузбасских коммунаров в контексте современного исследования творчества Л. Н. Толстого // Сибирский филол. журнал. 2020. № 1. С. 114–121. doi: 10.17223/18137083/70/8
5. Кафанова О. Б. Жорж Санд и русская литература XIX века: (мифы и реальность): 1830–1860 гг. Томск: ТГПУ, 1998. 410 с.
6. Билинкис Я. С. «Анна Каренина» Л. Н. Толстого и русская литература 1870-х годов. Лекция. Л., 1970. 71 с.
7. Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л.: Худож. лит., 1974. 358 с.
8. Шенюл А. О. Мотив домостроительства в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» в контексте проблемы «Россия и Европа» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. С. 105–113.
9. Akpınar S., Büşra B. Orhan Pamukromanlarında «öteki» // Avrasya Uluslararası Araştırmalar Dergisi. 2017. № 5 (11). P. 330–344.
10. Demir Ö. G. F. Orhan Pamuk'un Masumiyet Müzesi romanında baba-oğul ilişkisi // Çukurova Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2009. № 18 (2). P. 145–155.
11. Aslanboğa A. Masumiyet Müzesi Romanı'nda Modernizm-Gelenek algısı // Electronic Turkish Studies. 2011. № 6 (3). P. 1645–1652.
12. Aytaç G. Çağdaş Türk Romanları Üzerine İncelemeler. Ankara: Gündoğan yayınları, 1999. 384 s.
13. Yeşilöz T. Orhan Pamuk'un Masumiyet Müzesi ve Erkek Hegemonyasının Görünümleri // Karamanoğlu Mehmetbey Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi. 2021. № 4 (2). P. 306–315. doi: 10.47948/efad.997079
14. Demir E. Toplumsal Cinsiyet Bağlamında Kadının Siyasetteki Rolü ve Önemi // Abay Kunanbayev Anısına Türkiye Ve Türk Dünyası Araştırmaları-III içinde. Gaziantep, İKSAD Publishing House, 2020. P. 833–863.
15. Lestari Ch. S. N., Wardhono A. Cohesive devices appearing on Kemal's utterances in Orhan Pamuk's novel The Museum of Innocence // Journal of Applied Studies in Language. 2022. Vol. 6, № 1. P. 90–99. doi:10.31940/jasl.v6i1.390
16. Hoffmann E. «Innocent objects»: Fetishism and melancholia in Orhan Pamuk's The Museum of Innocence // Konturen. 2015. № 8. P. 155–176. doi:10.5399/uo/konturen.8.0.3715
17. Rajan R. S. Ticket to a Museum: Reading Orhan Pamuk in Our Times // Novel: A Forum on Fiction. 2022. Vol. 55, № 3. P. 518–546. doi: 10.1215/00295132-10007565
18. Sankar D. Of trauma and happiness: Orhan Pamuk's The Museum of Innocence // Psychoanalysis, Culture and Society. 2022. Vol. 27, № 1. P. 56–70. doi: 10.1057/s41282-022-00277-1
19. Yalkin C., Yanık L. K. Entrenching geopolitical imaginations: brand(ing) Turkey through Orhan Pamuk // Journal of International Relations and Development. 2020. Vol. 23, № 2. P. 339–358. doi: 10.1057/s41268-018-0153-1
20. Юзефович Г. Л. Удивительные приключения рыбы-лоцмана. М.: АСТ, 2016. 416 с.
21. Биргер Л. Орхан Памук в пяти с половиной книгах // Правила жизни. URL: <https://www.pravilamag.ru/hero/675852-orhan-pamuk-v-ryati-s-polovinoy-knigah/> (дата обращения: 21.03.2023).
22. Репенкова М. М. Концепция личности в романистике Орхана Памука // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12. (78), ч. 3. С. 50–53.
23. Никольский Е. В. Образ «лишнего человека» в контексте проблематики романа Орхана Памука «Снег» // Studia Humanitatis. 2016. № 3. URL: https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/nikolsky_12.pdf (дата обращения: 21.03.2023).
24. Макаренко В. П. Город как судьба: взгляд нобелевского лауреата Орхана Памука на родной Стамбул // Гуманитарий Юга России. 2012. № 3 С. 163–183.
25. Шевченко Е. Н. Образ Стамбула в романе Орхана Памука «Меня зовут Красный» // Филология и культура. 2016. № 2 (44). С. 312–316.
26. Дворцова Д. В. Основные проблемы самоидентификации Турецкой республики в контексте дихотомии «Восток–Запад» (на основе анализа творчества О. Памука) // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». 2016. № 42. С. 62–66.
27. Чижова Е. С. «Аллаху принадлежит и Восток, и Запад...». Орхан Памук // Вопросы литературы. 2010. № 3. С. 279–296.
28. Посохова Е. В. Идейный диалогизм и интертекстуальность в романах Орхана Памука // Мировая литература на перекрестке культур и цивилизаций. 2011. №3. С. 213–223.
29. Мазанаев Ш. А., Бабаева А. М., Гончарова Е. А. Диалог культур в сюжете романа Орхана Памука «Рыжеволосая женщина» // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 35, № 1. С. 29–35. doi: 10.21779/2542-0313-2020-35-1-29-35

30. Образцов А. В., Сулейманова А. С. В лабиринте интертекста: Орхан Памук и Лев Толстой // Alkiš Bitig. Scriptainhonorem D. M. Nasilov: сб. ст. к 80-летию Д. М. Насилова. М.: Изд-во МБА, 2015. С. 419–427.
31. Толстой Л. Н. Анна Каренина. СПб.: Азбука–Аттикус, 2022. 864 с.
32. Памук О. Музей невинности / пер. с тур. А. Аврутиной. СПб.: Азбука–Аттикус, 2021. 608 с.
33. Степаненко А. К. Сюжетно-композиционная структура романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2005. 19 с.
34. Басинский П. В. Подлинная история Анны Карениной. М.: АСТ, 2022. 384 с.

References

1. Rutkovskaya A. *Apollinariya Avrutina: Ya khotela perevodit – i da, ya perevozhku knizhki* [Apollinaria Avrutina: I wanted to translate – and yes, I translate books] (in Russian). URL: <https://ok-inform.ru/obshchestvo/8406-apollinariya-avrutina-ya-khotela-perevodit-i-da-ya-perevozhku-knizhki.html> (accessed 10 May 2022).
2. Dymov A. *Orkhan Velikolepnyy* [Orhan the Magnificent] (in Russian). URL: <http://fond-adygi.ru/page/orhan-velikolepnyj> (accessed 09 May 2022).
3. Basinskiy P. V. Manifest dlya balovnya sud'by [Manifesto for the pampering of fate]. *Rossiyskaya gazeta*, 2017, no. 40 (7206). (in Russian). URL: <https://rg.ru/2017/02/25/orhan-pamuk-tolstoj-iavliaetsia-dlia-menia-modeliu-istoricheskogo-pisatelja.html> (accessed 09 May 2022).
4. Kalashnikova A. L., Poselenova E. Yu. Naslediye kuzbasskikh kommunarov v kontekste sovremennogo issledovaniya tvorchestva L. N. Tolstogo [The heritage of the Kuzbass Communards in the context of a modern study of the work of L. N. Tolstoy]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 1, pp. 114–121. doi: 10.17223/18137083/70/8 (in Russian).
5. Kafanova O. B. *Zhorzh Sand i russkaya literatura XIX veka: (mify i real'nost'): 1830–1860-gg.* [George Sand and 19th-century Russian literature: (myths and reality): 1830–1860 s]. Tomsk, TSPU Publ., 1998. 410 p. (in Russian).
6. Bilinkis Ya. S. “Anna Karenina” L. N. Tolstogo i russkaya literatura 1870-kh godov. Leksiya [“Anna Karenina” by L. N. Tolstoy and Russian literature of the 1870s. Lecture]. Leningrad, 1970. 71 p. (in Russian).
7. Eykhenbaum B. M. *Lev Tolstoy. Semidesyatye gody* [Leo Tolstoy. Seventies]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, 1974. 358 p. (in Russian).
8. Shenol A. O. Motiv domostroitel'stva v romane L. N. Tolstogo “Anna Karenina” v kontekste problemy “Rossiya i Evropa” [The motive of housing construction in the novel by L. N. Tolstoy “Anna Karenina” in the context of the problem “Russia and Europe”]. *Vestnik MGOU. Seriya: Russian filology – Bulletin of Moscow state regional university. Series “Russian Philology”*, 2017, no. 1, pp. 105–113 (in Russian).
9. Akpınar S., Büşra B. Orhan Pamuk romanlarında “öteki”. *Avrasya Uluslararası Araştırmalar Dergisi*, 2017, no. 5 (11), pp. 330–344 (in Turkish).
10. Demir Ö. G. F. Orhan Pamuk'un Masumiyet Müzesi romanında baba-oğul ilişkisi. *Çukurova Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*, 2009, no. 18 (2), pp. 145–155.
11. Aslanboğa A. Masumiyet Müzesi Romanı'nda Modernizm-Gelenek algısı. *Electronic Turkish Studies*, 2011, no. 6 (3), pp. 1645–1652.
12. Aytaç G. *Çağdaş Türk Romanları Üzerine İncelemeler*. Ankara: Gündoğan yayınları, 1999. 384 pp..
13. Yeşilöz T. Orhan Pamuk'un Masumiyet Müzesi ve Erkek Hegemonyasının Görünümleri. *Karamanoğlu Mehmetbey Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi*, 2021, no. 4 (2), pp. 306–315. doi: <https://doi.org/10.47948/efad.997079>
14. Demir E. Toplumsal Cinsiyet Bağlamında Kadının Siyasetteki Rolü ve Önemi. *Abay Kunanbayev Anısına Türkiye Ve Türk Dünyası Araştırmaları-III içinde*. Gaziantep. İKSAD Publishing House, 2020. Pp. 833–863.
15. Lestari Ch. S. N., Wardhono A. Cohesive devices appearing on Kemal's utterances in Orhan Pamuk's novel The Museum of Innocence. *Journal of Applied Studies in Language*, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 90–99. doi: 10.31940/jasl.v6i1.390
16. Hoffmann E. “Innocent objects”: Fetishism and melancholia in Orhan Pamuk's The Museum of Innocence. *Konturen*, 2015, no. 8, pp. 155–176. doi: 10.5399/uo/konturen.8.0.3715
17. Rajan R. S. Ticket to a Museum: Reading Orhan Pamuk in Our Times. *Novel: A Forum on Fiction*, 2022, vol. 55, no. 3, pp. 518–546. doi: 10.1215/00295132-10007565

18. Sankar D. Of trauma and happiness: Orhan Pamuk's The Museum of Innocence. *Psychoanalysis, Culture and Society*, 2022, vol. 27, no. 1, pp. 56–70. doi: 10.1057/s41282-022-00277-1
19. Yalkin C., Yanik L. K. Entrenching geopolitical imaginations: brand(ing) Turkey through Orhan Pamuk. *Journal of International Relations and Development*, 2020, vol. 23, no. 2, pp. 339–358. doi: 10.1057/s41268-018-0153-1
20. Yuzefovich G. L. *Udivitelnyye priklyucheniya ryby-lotsmana* [The amazing adventures of a pilot fish]. Moscow, AST Publ., 2016. 416 p. (in Russian).
21. Birger L. *Orkhan Pamuk v pyati s polovinoi knigakh* [Orhan Pamuk in five and a half books] (in Russian). URL: <https://www.pravilamag.ru/hero/675852-orhan-pamuk-v-pyati-s-polovinoi-knigah/> (accessed 21 May 2022).
22. Repenkova M. M. Kontsepsiya lichnosti v romanistike Orkhana Pamuka [The concept of personality in the romance of Orhan Pamuk]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*, 2017, no. 12 (78), vol. 3, pp. 50–53 (in Russian).
23. Nikolskiy E. V. Obraz “lishnego cheloveka” v kontekste problematiki romana Orkhana Pamuka “Sneg” [The image of an “extra person” in the context of the problems of Orhan Pamuk's novel “Snow”]. *Studia Humanitatis*, 2016, no. 3 (in Russian). URL: https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/nikolsky_12.pdf (accessed 21 May 2023)
24. Makarenko V. P. Gorod kak sud'ba: vzglyad nobelevskogo laureata Orkhana Pamuka na rodnoy Stambul [City as fate: Nobel laureate Orhan Pamuk's take on his native Istanbul]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2012, no. 3, pp. 163–183 (in Russian).
25. Shevchenko E. N. Obraz Stambula v romane Orkhana Pamuka “Menya zovut Krasnyy” [The image of Istanbul in Orhan Pamuk's novel “My Name is Red”]. *Filologiya i kultura*, 2016, no. 2 (44), p. 312–316 (in Russian).
26. Dvortsova D. V. Osnovnyye problemy samoidentifikatsii Turetskoy respubliki v kontekste dikhonomii “Vostok–Zapad” (na osnove analiza tvorchestva O. Pamuka) [The main problems of self-identification of the Turkish Republic in the context of the East–West dichotomy (based on an analysis of the work of O. Pamuk)]. *Sborniki konferentsiy NITS “Sotsiosfera”*, 2016, no. 42, pp. 62–66 (in Russian).
27. Chizhova E. S. “Allahku prinadlezhit i Vostok, i Zapad...”. Orkhan Pamuk [“Allah belongs to both East and West...”. Orhan Pamuk]. *Voprosy literatury*, 2010, no. 3, pp. 279–296 (in Russian).
28. Posokhova E. V. Ideyny dialogizm i intertekstualnost' v romanakh Orkhana Pamuka [Ideological dialogism and intertextuality in Orhan Pamuk's novels]. *Mirovaya literatura na perekrestye kul'tur i tsivilizatsiy*, 2011, no. 3, pp. 213–223 (in Russian).
29. Mazanayev Sh. A., Babayeva A. M., Goncharova E. A. Dialog kul'tur v syuzhete romana Orkhana Pamuka “Ryzhevolosaya zhenshchina” [Dialogue of cultures in the plot of Orhan Pamuk's novel “The Red-Haired Woman”]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnyye nauki*. 2020, vol. 35, no. 1, pp. 29–35. doi: 10.21779/2542-0313-2020-35-1-29-35 (in Russian).
30. Obraztsov A. V., Suleymanova A. S. V labirinte interteksta: Orkhan Pamuk i Lev Tolstoy [In the intertext maze: Orhan Pamuk and Leo Tolstoy]. *Alkiš Bitig. Scripta in honorem D. M. Nasilov: sbornik statey k 80-letiyu D. M. Nasilova* [Alkiš Bitig. Scripta in honorem D. M. Nasilov: collection of articles for the 80th anniversary of D. M. Nasilov]. Moscow, Izdatel'stvo MBA Publ., 2015. Pp. 419–427 (in Russian).
31. Tolstoy L. N. *Anna Karenina* [Anna Karenina]. Saint Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2022. 864 p. (in Russian).
32. Pamuk O. *Muzey nevinosti* [Museum of Innocence]. Translation from Turkish by A. Avrutina. Saint Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 608 p. (in Russian).
33. Stepanenko A. K. *Syuzhetno-kompozitsionnaya struktura romana L. N. Tolstogo “Anna Karenina”*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Plot and compositional structure of the novel by L. N. Tolstoy “Anna Karenina”]. Makhachkala, 2005. 19 p. (in Russian).
34. Basinskiy P. V. *Podlinnaya istoriya Anny Kareninoy* [The True Story of Anna Karenina]. Moscow, AST Publ., 2022. 384 p. (in Russian).

Информация об авторах

Калашикова А. Л., доцент, Кемеровский государственный университет (пр. Красная, 6, Кемерово, Россия, 650000).
E-mail: anna.kalashnikova.42@gmail.com

Ларионова Е. Е., студент, Кемеровский государственный университет (пр. Красная, 6, Кемерово, Россия, 650000).
E-mail: ekaterina.larionova02@mail.ru

Поселенова Е. Ю., доцент, Кемеровский государственный университет (пр. Красная, 6, Кемерово, Россия, 650000).
E-mail: e.poselenova@gmail.com

Information about the authors

Kalashnikova A. L., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University (ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, Russian Federation, 650000).

E-mail: anna.kalashnikova.42@gmail.com

Larionova E. E., undergraduate student, Kemerovo State University (ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, Russian Federation, 650000).

E-mail: ekaterina.larionova02@mail.ru

Poselenova E. Yu., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University (ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, Russian Federation, 650000).

E-mail: e.poselenova@gmail.com

Статья поступила в редакцию 25.04.2024; принята к публикации 01.10.2024

The article was submitted 25.04.2024; accepted for publication 01.10.2024

ЮБИЛЕИ

УДК 82-94

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-163-167>

К юбилею профессора О. Б. Кафановой

Светлана Владимировна Бурмистрова¹, Юлия Юрьевна Афанасьева²

¹ *Московская духовная академия, Сергиев Посад, Россия,*
t-svet2007@yandex.ru

² *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия,*
vestnik@tspu.edu.ru

Аннотация

Статья посвящена профессиональной педагогической и научной деятельности доктора филологических наук, профессора Ольги Бодовны Кафановой. Представлены основные направления ее научной работы (компаративистика, русско-французские литературные связи, Жорж Санд, гендерные исследования), дан обзор ее исследований по русской и зарубежной литературе, переводоведению, обозначен ее профессиональный вклад в развитие международного сотрудничества в области науки и образования.

Ключевые слова: юбилей, доктор филологических наук, профессор О. Б. Кафанова, Жорж Санд, научная деятельность

Для цитирования: Бурмистрова С. В., Афанасьева Ю. Ю. К юбилею профессора О. Б. Кафановой // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 6 (236). С. 163–167. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-163-167>

ANNIVERSARIES

To the anniversary of Professor Olga B. Kafanova

Svetlana V. Burmistrova¹, Yuliya Yu. Afanasyeva²

¹ *Moscow Theological Academy, Sergiev Posad, Russian Federation, t-svet2007@yandex.ru*

² *Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, vestnik@tspu.edu.ru*

Abstract

The article is devoted to the professional pedagogical and scientific activity of Doctor of Philology, Professor Olga Bodovna Kafanova. The article presents the main scientific directions of her work. Among them are comparative studies, Russian-French literary connections, George Sand, gender studies. The article gives an overview of her research on Russian and foreign literature and translation studies, outlines her professional contribution to the development of international cooperation in the field of science and education.

Keywords: anniversary, Doctor of Philology, Professor Olga B. Kafanova, George Sand, scientific activity

For citation: Burmistrova S. V., Afanasyeva Yu. Yu. K yubileyu professora O. B. Kafanovoy [To the anniversary of Professor Olga B. Kafanova]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 6 (236), pp. 162–166 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-163-167>

Любая речь, в том числе юбилейная, о докторе филологических наук, профессоре Ольге Бодовне Кафановой, неизбежно выстраивается вокруг таких понятий, как «интеллигентность», «культур-

ность», «интеллектуальность», «эстетичность», «профессионализм». Именно эти качества определяют своеобразие личности Ольги Бодовны, а также ее подходы к научной деятельности.

Ольга Бодовна – «классический» филолог, потенциал которого позволяет не ограничиваться в своих исследованиях только литературоведческой или только лингвистической методологией, а успешно применять то и другое. Ее путь к литературоведению начался с лингвистики. С детства зная немецкий язык (благодаря обучению в школе № 6 г. Томска с расширенным преподаванием немецкого языка), она без труда овладела французским во время обучения на факультете иностранных языков Томского государственного педагогического института (университета в настоящее время).

Преподаватели были уверены, что одна из лучших выпускниц факультета, закончившая обучение с отличием, продолжит изучение языков в аспирантуре. Однако у нее уже в студенческие годы, когда она взяла, по триста страниц в день, читала в оригинале и русских переводах французскую художественную литературу (Корнеля и Расина, Бальзака и Стендаля, Флобера и Мопассана, Франса, Бодлера и многих других), созрело другое решение – «заниматься исследованием литературы, а не языка» [1, с. 391]. Поэтому дальнейшее обучение и собственно научная деятельность О. Б. Кафановой проходила уже на филологическом факультете Томского государственного университета, где в то время под руководством Фаины Зиновьевны Кануновой, ученицы Б. М. Эйхенбаума, началась интереснейшая работа по изучению библиотеки В. А. Жуковского. Именно здесь Ольга Бодовна получила основы серьезной литературоведческой подготовки, которая позволила ей обратиться к написанию кандидатской, а затем и докторской диссертаций. Тему кандидатского исследования – «Н. М. Карамзин-переводчик» – ей предложила Ф. З. Канунова. Она же познакомила Ольгу Бодовну с выдающимися отечественными компаративистами – М. П. Алексеевым, И. З. Серманом, Ю. Д. Левиным, В. Э. Вацуру и др. Один из них – ученик

академика М. П. Алексеева, англист, шекспировед, крупный теоретик и историк художественного перевода, почетный профессор Оксфордского университета и почетный академик Британской академии наук Юрий Давидович Левин стал ее фактическим научным руководителем. По признанию Ольги Бодовны, общение с Юрием Давидовичем было бесценным для ее научного и культурного развития [1, с. 393].

По окончании аспирантуры началась трудовая деятельность. Она вернулась в родной педагогический институт. На факультете иностранных языков (ФИЯ) читала курсы по немецкой и французской литературе на немецком и французском языках. И если для студентов ФИЯ чтение курсов по зарубежной литературе на языке изучаемой литературы – дело привычное, то для студентов факультета русского языка и литературы, где впоследствии стала работать О. Б. Кафанова, преподаватель зарубежной литературы, читающий стихи французских поэтов на языке оригинала, – настоящее сокровище. Поэтому занятия по зарубежной литературе стали для студентов-филологов одними из самых любимых и интересных. У многих из них появилось желание читать произведения зарубежных авторов на языке подлинника. Кроме того, Ольга Бодовна научила студентов получать эстетическое и интеллектуальное удовольствие от процесса изучения и чтения художественной литературы, что немаловажно для людей, чья жизнь неразрывно связана с книгой.

В середине 1990-х гг. она открыла новую для себя и очень перспективную в контексте отечественного литературоведения тему – «Жорж Санд и русская литература». В 1998 г. она выпустила монографию «Жорж Санд и русская литература XIX века (Мифы и реальность) 1830–1860 гг.» [2]. А в апреле 1999 г. в Пушкинском Доме состоялась защита ее докторской диссертации сразу по двум специальностям: 10.01.01 – русская литература и 10.01.05 – литературы народов Европы, Америки и Австралии.

В этом же направлении (русско-европейские литературные связи, поэтика женской литературы) развивалась и дальнейшая научная деятельность Ольги Бодовны, к которой были привлечены также ее дипломники и аспиранты. Почти сразу же после защиты докторской диссертации в Томском педуниверситете под руководством профессора Кафановой сложилось научное направление, посвященное изучению поэтики женской прозы XIX в. (М. С. Жуковой, А. Я. Панаевой, Е. П. Ростопчиной). Результатом работы ее аспирантов – Юлии Юрьевны Афанасьевой и Светланы Владимировны Татаркиной (Бурмист-

ровой) – стали защиты в 2006 г. кандидатских диссертаций. Вместе с Ольгой Бодовной и профессором Ниной Евгеньевной Разумовой молодые ученые приняли участие в разработке контента для открытия на филологическом факультете ТГПУ новой образовательной программы по изучению русско-европейских литературных связей.

В начале 2000-х гг. в жизни профессора Кафановой произошло еще одно знаменательное событие: она получила предложение возглавить кафедру романо-германской филологии (РГФ) Томского государственного университета. На этом новом для нее поприще в полной мере раскрылся ее талант руководителя и организатора. В период ее заведования кафедра РГФ получила новый статус в структуре филологического факультета: из «бедной падчерицы», как выразилась сама Ольга Бодовна, она сделалась не только равной с другими кафедрами, но по некоторым параметрам даже заняла лидирующую позицию.

Почти ежегодно кафедра стала проводить все-российские и международные конференции, благодаря которым у коллектива установились крепкие связи со славистами из Франции и Германии. Эти контакты открыли перед кафедрой перспективы плодотворного международного сотрудничества в сфере науки и образования. Так, в 2005 г. Ольга Бодовна была приглашенным профессором отделения славянских языков и литературы при университете Блеза Паскаля в Клермон-Ферране (Франция). В течение двух месяцев она читала курс лекций по русской литературе (вторая треть XIX в.) на французском языке и вела занятия по художественному и общественно-политическому переводу для французских студентов 1, 2 и 3-го курсов.

С 2005 г. на романо-германское отделение начали приезжать немецкие профессора для чтения лекций и проведения семинаров (Гизлинда Сейберт, Сибилла Пенкерт). В 2006 г. по инициативе Ольги Бодовны кафедра РГФ организовала первый международный немецко-русский семинар, на который приехали специалисты из Ганновера (Гизлинда Сейберт) и Мангейма (Рената Хансен-Кокуруш). В 2007 г. она вновь пригласила в Томск Ренату Хансен-Кокуруш для чтения спецкурса и участия в научном семинаре, результатом которого стал сборник материалов «Европейский интерлингвизм в зеркале литературы. Картина мира в немецкой поэзии и ее русских переводах. От романтизма к модернизму» [3]. В этом же году часть коллектива кафедры приняла участие в международном коллоквиуме в Университете Блеза Паскаля в Клермон-Ферране (Франция), организаторами которого выступили

Ольга Бодовна и ее французский коллега, профессор Сорбонны Родольф Боден.

Научной активности О. Б. Кафановой способствовали получаемые ею индивидуальные гранты РФФИ, РГНФ, ДААД. Вместе с тем она подключила к международной научной деятельности кафедру РГФ. В 2008 г. состоялся международный коллоквиум в Германии, в котором Ольга Бодовна приняла участие вместе с несколькими сотрудниками ее кафедры. В 2008 г. она выиграла грант (РГНФ-регион) на проведение Всероссийской научной конференции, в которой приняли участие представители разных кафедр и по результатам которой был выпущен сборник «Европейская литература в зеркале сибирской периодики конца XIX – начала XX в.» [4]. Полученный в 2009 г. грант РФФИ позволил также провести российско-германский научный семинар, по итогам которого был издан сборник «Русское в немецких дискурсах, немецкое в русских дискурсах» [5].

Очень быстро на кафедре РГФ появились свои аспиранты, один за другим защищавшие кандидатские диссертации. В 2004 г. защитилась Д. А. Олицкая, в 2005 г. – Д. В. Лобачева, затем последовали защиты Д. Н. Беловой, Л. П. Дмитриевой (Жулевой), В. Н. Горенинцевой и др. Интенсивная научная деятельность О. Б. Кафановой способствовала воспитанию талантливых аспирантов, участвующих в грантах, конференциях, публикациях. В Томске Ольга Бодовна успела вырастить девять кандидатов наук.

В первое десятилетие XXI в. О. Б. Кафанова получила несколько наград и почетных званий. В 2003 г. она стала членом Российского союза германистов, в 2005 – членом французского научного общества «Les amis de George Sand» и американской ассоциации George Sand's association, в 2006 г. она стала лауреатом премии губернатора Томской области, а в 2007 – награждена нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования».

В конце 2009 г. Ольга Бодовна вместе с мужем, профессором Валерием Анатольевичем Доманским, приняли решение переехать в Санкт-Петербург, где более семи лет возглавляла кафедру межкультурных коммуникаций в Государственном университете морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова.

Сегодня О. Б. Кафанова широко известна в научных кругах как один из наиболее авторитетных специалистов в области литературоведческой компаративистики и русско-французских литературных связей, автор более десяти монографий и около трех сотен научных статей на русском, французском и немецком языках. Она

продолжает вести активную научную деятельность: участвует во всероссийских и международных научных конференциях, где встречается со своими многочисленными учениками и коллегами, выступает оппонентом на защитах диссертаций, публикует статьи в ведущих российских журналах и за рубежом, издает научные коллективные и индивидуальные научные труды. Так, за последние несколько лет О. Б. Кафанова выступила автором и соавтором монографических исследований по русской и зарубежной литературе и переводоведению. В 2018 г. в соавторстве

с профессором В. А. Доманским она опубликовала работу по творчеству И. С. Тургенева [6], в 2022 г., также в соавторстве, было издано масштабное исследование «Русская классика в диалоге с современностью: модели взаимодействия» [7]; в 2020 г. вышла ее книга, посвященная переводам Н. М. Карамзина [8]. В 2024 г. в печать сдано еще одно фундаментальное исследование «Переводы Н. М. Карамзина в *Вестнике Европы* (1802–1803). Контент, философия, поэтика».

Пожелаем Ольге Бодовне долгих лет жизни и новых творческих свершений!

Список источников

1. Кафанова О. Б. Исповедальное слово: о себе и о кафедре // Русская и зарубежная словесность: рецепция, перевод, коммуникация: коллективная монография, посвященная 25-летию кафедры романо-германской филологии Томского государственного университета / под ред. Никоновой Н. Е., Серягиной Ю. С. Томск: Изд-во ТГУ, 2020. С. 387–421.
2. Кафанова О. Б. Жорж Санд и русская литература XIX века (мифы и реальность): 1830–1860 гг. Томск: Изд-во ТГПУ, 1998. 410 с.
3. Европейский интерлингвизм в зеркале литературы: картина мира в немецкоязычной поэзии и ее русских переводах: от романтизма к модернизму: материалы российско-германского семинара, 24–28 апреля 2006 г. / отв. ред. Кафанова О. Б. Томск: Изд-во ТГУ, 2006. 237 с.
4. Европейская литература в зеркале сибирской периодики конца XIX – начала XX в. / отв. ред. Кафанова О. Б. Томск: Изд-во ТГУ, 2009. 294 с.
5. Русское в немецких дискурсах, немецкое в русских дискурсах: сб. материалов российско-германского семинара 27 июня – 3 июля 2009 г. / отв. ред. Кафанова О. Б. Томск, 2009. 236 с.
6. Доманский В. А., Кафанова О. Б. Художественные миры Ивана Тургенева. М.: Флинта, 2018. 433 с.
7. Миронова Н. А., Кафанова О. Б. и др. Русская классика в диалоге с современностью. Модели взаимодействия. М.: Флинта, 2022. 494 с.
8. Кафанова О. Б. Переводы Н. М. Карамзина как культурный универсум. СПб.: Алетейя, 2020. 356 с.

References

1. Kafanova O. B. *Ispovedal'noye slovo: o sebe i o kafedre* [Confessional word: about myself and about the department]. In: Nikonova N. E. et al. (eds.) *Russkaya i zarubezhnaya slovesnost': retseptsiya, perevod, kommunikatsiya* [Russian and foreign literature: reception, translation, communication]. Tomsk, TSU Publ., 2020. Pp. 387–421 (in Russian).
2. Kafanova O. B. *Zhorzh Sand i russkaya literatura XIX veka (mify i real'nost'): 1830–1860* [George Sand and Russian Literature of the 19th Century (Myths and Reality): 1830–1860]. Tomsk, TSPU Publ., 1998. 410 p. (in Russian).
3. *Evropeyskiy interlingvalizm literatury: kartina mira v nemetskoyazychnoy poezii i eye russkikh perevodakh: ot romantizma k modernizmu: materialy rossiysko-germanskogo seminara, 24–28 aprelya 2006 g.* [European interlingualism in the mirror of literature: the picture of the world in German-language poetry and its Russian translations: from romanticism to modernism: materials of the Russian-German seminar, April 24–28, 2006]. Ed. Kafanova O. B. Tomsk, TSU Publ., 2006. 237 p. (in Russian).
4. *Evropeyskaya literatura v zerkale sibirskoy periodiki kontsa XIX – nachala XX v.* [European literature in the mirror of Siberian periodicals of the late XIX – early XX centuries]. Ed. Kafanova O. B. Tomsk, TSU Publ., 2009. 294 p. (in Russian).
5. *Russkoye v nemetskikh diskursakh, nemetskoye v russkikh diskursakh: sbornik materialov rossiysko-germanskogo seminara 27 iyuna – 3 iyulya 2009 g.* [Russian in German discourses, German in Russian discourses: collection of materials from the Russian-German seminar June 27 – July 3, 2009]. Ed. Kafanova O. B. Tomsk, 2009. 236 p. (in Russian).
6. Domansky V. A., Kafanova O. B. *Khudozhestvennyye miry Ivana Turgeneva* [The artistic worlds of Ivan Turgenev]. Moscow, Flinta Publ., 2018. 433 p. (in Russian).
7. Mironova N. A., Kafanova O. B. et al. *Russkaya klassika v dialoge s sovremennost'yu. Modeli vzaimodeystviya* [Russian classics in dialogue with modernity. Interaction models]. Moscow, Flinta Publ., 2022. 494 p. (in Russian).
8. Kafanova O. B. *Perevody N. M. Karamzina kak kul'turnyy universum* [Translations by N. M. Karamzin as a cultural universe]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2020. 356 p. (in Russian).

Информация об авторах

Бурмистрова С. В., кандидат филологических наук, доцент, Московская духовная академия (Свято-Троицкая Сергиева лавра, Сергиев Посад, Россия, 141300).

E-mail: t-svet2007@yandex.ru

Афанасьева Ю. Ю., кандидат филологических наук, директор Издательства ТГПУ, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Information about the authors

Burmistrova S. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow Theological Academy (The Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad, Russian Federation, 141300).

E-mail: t-svet2007@yandex.ru

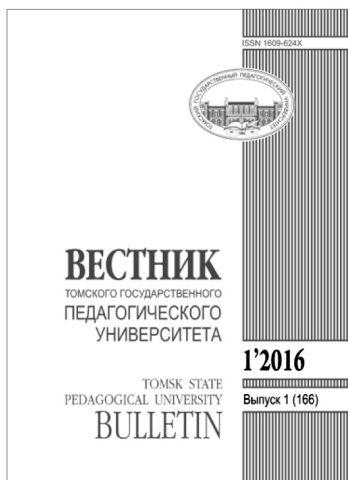
Afanasyeva Yu. Yu., Candidate of Philological Sciences, Director of the TSPU Publishing House, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Статья поступила в редакцию 18.07.2024; принята к публикации 01.10.2024

The article was submitted 18.07.2024; accepted for publication 01.10.2024

НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ, ИЗДАВАЕМЫЕ В ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

«Вестник Томского государственного педагогического университета. Tomsk State Pedagogical University Bulletin» – рецензируемый научный журнал, основан в 1997 г., выпускается 6 раз в год. Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 21.04.2021).

Кроме того, журнал входит в базы данных периодических и продолжающихся изданий ULRICHSWEB, GOOGLE SCHOLAR, WORLDCAT, EBSCO, ERIHPLUS, DOAJ, а также в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Электронная версия: <http://vestnik.tspu.edu>

E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

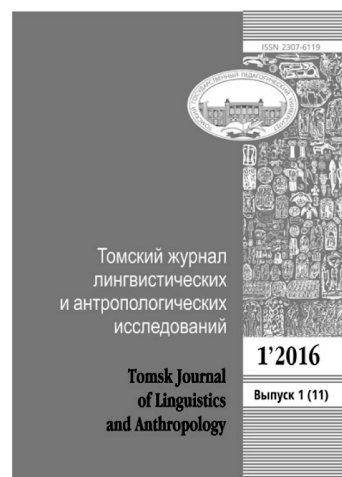
«Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology» – рецензируемый научный журнал, основан в 2013 г., выпускается 4 раза в год. Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 21.04.2021).

Издание включено в индекс научного цитирования Web of Science ESCI с 10.09.2017 г., включено в RSCI на базе Web of Science.

Также журнал состоит в базах данных периодических и продолжающихся изданий ULRICHSWEB, ERIHPLUS, EBSCO, а также в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Электронная версия: <http://ling.tspu.edu.ru>

E-mail: tjla@tspu.edu.ru

«Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review» – рецензируемый научный журнал, основан в 2013 г., выпускается 6 раз в год. Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 21.04.2021).

Кроме того, журнал входит в базу данных периодических и продолжающихся изданий ULRICHSWEB, GOOGLE SCHOLAR, WORLDCAT, EBSCO, DOAJ, а также в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Электронная версия: <http://npo.tspu.edu.ru>

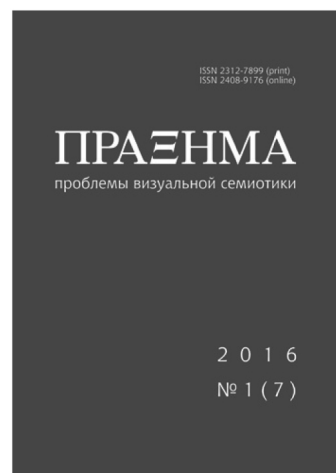
E-mail: npo@tspu.edu.ru

Научный журнал «Праксема. Проблемы визуальной семиотики» основан в 2014 г., выпускается 4 раза в год. Включен в базы данных ULRICHSWEB, SJR, а также в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

С 2018 года журнал включён в базу индексируемых периодических изданий Scopus.

Электронная версия: <http://praxema.tspu.edu.ru>

E-mail: inir@tspu.edu.ru

I SSN 1609-624X

9 771609 624003

